АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРОПЕ

СБОРНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. М. ЗЕРИНГА

ПЕРЕВОД С РУКОПИСИ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КООПЕРАТИВНАЯ МЫСЛЬ“
БЕРЛИН — 1925 г.

БС
1867
А 2

Р3 рец 9р

Право собственности, в том числе и право перевода на другие языки, во всех странах закреплено за издательством „Кооперативная Мысль“

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht
in fremde Sprachen

Copyright 1925 by Buchverlag „Kooperatiwnaja Mysl“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
4806
25

Druck: Hempel & Co., G. m. b H., Berlin SW 68, Zimmerstrasse 7/8.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

В литературе как русской, так и з.-европейской до сих пор отсутствовала книга, которая давала-бы полный обзор аграрных преобразований, осуществленных в различных государствах Европы после мировой войны. Отчасти это об'ясняется тем, что подобная работа была не по силам одному лицу.

Издательство наше, желая восполнить этот серьезный пробел, остановилось поэтому на идее сборника, составленного при участии ряда лиц, специально на месте изучавших социально-экономическую и политическую стороны аграрного переворота. Издательство с этой целью обратилось к проф. М. Зерингу, научный авторитет которого в области аграрной истории и экономики является совершенно бесспорным. Стоя во главе «Исследовательского Института по вопросам аграрной политики и колонизации», проф. Зеринг более, чем кто-либо другой, обладает теми научными и общественными связями, которые безусловно необходимы для «организации» подобного коллективного труда. Издательство могло всецело в этом отношении довериться проф. Зерингу, который любезно взял на себя, с одной стороны, задачу подыскания соответствующих компетентных сотрудников, с другой — редакцию сборника в целом. Вступительный общий очерк также принадлежит перу проф. Зеринга.

Издаваемый нами сборник, думаем мы, представляет особенный интерес для русского читателя, давая возможность, на широкой основе сравнительного изучения вопроса, правильно подойти к оценке той аграрной революции, которая совершилась в России.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

ВСТУПЛЕНИЕ 7

Аграрные отношения до войны. — Аграрный переворот.

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА.

Румыния — Д-р Баумбергер 25

1. Старая Румыния: земельная собственность и землепользование в 1916 г.; реформы до 1915 г.; аграрная реформа после мировой войны. — 2. Новая Румыния: Бессарабия; Буковина; Трансильвания. — 3. Значение аграрного переворота для народного хозяйства.

Греция — Д-р Михалис 70

1. Условия развития сельского хозяйства. Аграрные отношения в Новой Греции: а) в Пелопоннессе, Средней Греции, Эгейских островах; б) в Фессалии и на Ионических островах; в) в Македонии и Эпире. Современная аграрная и колонизационная проблема. — 2. Аграрное и колонизационное законодательство: а) период 1880—1911 г.; б) период 1911—1919 г.; в) период 1917—1920.

Югославия — Д-р Л. Фритчер 90

1. Остатки феодализма: кметчина; колонат. — 2. Распределение земельной собственности: а) в Сербии; б) в австрийских областях Словении и Далмации; в) в Боснии и Герцеговине, Македонии; г) Хорватии и Войводине. — 3. Аграрное законодательство после войны: отмена кметчины; отмена колоната; отчуждение и раздел крупных поместий; практика отчуждения и раздела. — 4. Значение аграрного переворота в Югославии.

ГОСУДАРСТВА ВОЗНИКШИЕ НА ТЕРРИТОРИИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ.

Чехословакия — Д-р В. Флэтер 131

Аграрные отношения до переворота. Аграрное законодательство после переворота 1918 г. Порядок проведения реформы 1918 г. Экономическое и социальное значение реформы.

Австрия — Д-р А. Пантц 156

Венгрия — проф. Б. Кенез 166

БАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА.

Финляндия — проф. М. Зеринг и Д-р Хаатайа . . 181

1. Аграрный строй до революции. — 2. Аграрная реформа и колонизация.

Латвия и Эстия — Д-р О. Корфес 193

1. Дореформенные аграрные отношения Курляндии, Эстляндии и Лифляндии: распределение земельной собственности; рыцарские имения; сельские рабочие и крестьянство; национальные противоречия. — 2. Аграрный переворот и аграрное законодательство: цели аграрной реформы и подготовительные мероприятия; эстонский закон; латвийский закон; вопрос о вознаграждении; отчуждение земли и подбор колонистов; проблема кредита. — 3. Проведение законов в жизнь; разверстание земель. — 4. Результаты аграрной реформы: а) размер новых хозяйств; б) обработка полей, урожай и количество скота; влияние на внешнюю торговлю; общее значение аграрной реформы.

ПОЛЬША И ЛИТВА.

Польша — Д-р Цехлин 241

1. Аграрный строй: Прусская Польша; Галиция; Конгрессувка; Восточные Окраины «Кресы». — 2. Аграрная реформа: законодательство; проведение реформы в жизнь.

Литва — Сильвио Бредрих 267

ВСТУПЛЕНИЕ.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Территория, являющаяся местом действия описанных в этом Сборнике аграрных преобразований, охватывает страны, расположенные между Ледовитым океаном на севере и Средиземным морем на юге, ограниченные на западе областями, населенными немцами и мадьярами, а на востоке — областями, занятыми Русскими и Турками. Это — длинная полоса между средней и восточной Европой, которую немецкие географы (Пенк) называют «Между-Европой» (Zwischeneuropa). Не менее 10 государств уместились с момента окончания мировой войны в этой полосе пространством в 1,9 милл. кв. километров и с числом жителей 83,35 милл. Включая «остаточные» территории Австрии и Венгрии — мы получим 22% площади и 22% населения Европы. Если-же прибавить еще Восточную Германию, то получится приблизительно 23,7% площади и 26% жителей.

Одни государства совершили настоящую аграрную революцию: ломая существовавшие до того времени правовые устои, они осуществили полное перераспределение земельной собственности. Германия и немецкая Австрия, а также Финляндия удовлетворились реформой, не задевающей основ традиционного правового и общественного порядка. К ним, после подавления восстания и отмены революционных законов, примкнула затем Венгрия. Одна из рассматриваемых здесь групп государств ориентирована «по-русски», другая — «по-европейски».

Из России пришли лозунги: «Земля тому, кто ее возделывает!» или «Земля народу!» Этими лозунгами городской пролетариат увлек за собой массы мелкого крестьянства. В Финляндии, Латвии, Эстии, Венгрии вспыхнула большевистская революция, и не было ни одной страны в восточной части средней Европы, которой не угрожал-бы взрыв такой-же революции у себя. Итак, под давлением революционного движения или для предотвращения последнего были изданы радикальные аграрные законы.

В восточной части средней Европы русское семя пало на восприимчивую почву. Я попытаюсь в дальнейшем из пестрой картины, представляемой странами аграрной революции, вылущить общие черты, вкратце охарактеризовать экономические, социальные, этнографические условия и вскрыть движущие силы аграрного переворота.

Оставляя пока в стороне Австрию, Венгрию, Финляндию и Германию — нужно сказать, что все остальные интересующие нас здесь страны, за исключением Чехословакии, чисто аграрные страны. Аграрной страной является также Польша, несмотря на ее довольно сильно развитую промышленность и густое население, не считая, конечно, позже аннектированной Верхней Силезии. Война с ее неимоверными требованиями к человеческой личности и к хозяйственным рессурсам повсюду усилила идеи демократического равенства и равноправия. В индустриальных странах это означало усиление борьбы за социалистический и коммунистический идеалы, в странах-же земледельческих — они пробудили крестьянскую мечту об уравнительном распределении земли. Раздел земли «по-едокам и рабочим рукам» — исконный принцип связанной с натуральным хозяйством великорусской земельной общины — возведен был социалистами-революционерами в политическую программу для всей России, и эта идея, несмотря на победу большевиков, совершенно оттеснила на задний план марксистские аграрные планы. Крупные имения были в короткое время разрушены, и частная собственность на землю окончательно уничтожена. Но идея частной собственности и превращение общинного землепользования в подворно-участковое уже до войны настолько пустили корни, что даже земельный кодекс 30 октября 1923 г. вынужден был признать за землепользователем право наследственного пользования. Поэтому проникновению аграрно-революционных русских идей в восточную часть средней Европы отнюдь не мешало то обстоятельство, что там повсюду земельный строй покоится на принципе частной собственности. Если это движение остановилось у границ Германии и немецкой Австрии, то, не только вследствие различия аграрной структуры, но, главным образом, по причине сильного развития промышленности в этих странах. Характерно, что в Германии демократический союз работников земли в своей борьбе против раздела крупных имений идет рука-об-руку с крупно-аграрным «Союзом реформы имений»: крупные имения питают города, они — очаги сельского рабочего движения, их нужно сохранить, чтобы впоследствии их можно было социализировать. В восточных земледельческих странах подобная точка зрения вряд-ли была-бы мыслима.

Социальный строй деревни обусловлен, с одной стороны, формой семейной и общинной жизни, с другой — соотношением господствующего класса и массы населения. С точки зрения аг-

рарного строя мы различаем два типа: германский и славянский. В германских странах, уже на заре их истории, отдельная семья являлась носительницей землевладения и сельскохозяйственного предприятия. Предоставленный ей в пределах родовой деревни или вотчинной «колониальной» деревни надел, Hufe, соразмерялся с потребностями единичной семьи. Когда владелец умирал, то хозяйство делилось между наследниками, но лишь в том случае, если каждый из них на унаследованном участке мог найти достаточное, «соответствующее положению», пропитание. Обычай раздела имущества между наследниками выработался только в бассейне среднего и верхнего течений Рейна, по Майну и Некару, в Тюрингии, со времени появления городов в XII столетии. Во всех остальных частях Германии, с незапамятных времен, существует обычай, по которому только один из наследников, а именно, старший сын вводит свою жену в дом отца. Братья и сестры, поскольку они не вступают в брак, могут оставаться в доме; когда они хотят основать собственный домашний очаг, они должны покинуть отчий дом, причем за свою долю наследства получают соответствующее возмещение. С упрочением кредитного дела в сельских местностях возник обычай «выкупа наследственных долей», в силу которого — как только родители от управления двором отстранялись — между сонаследниками производился точный рассчет, с соблюдением, однако, старого принципа: не платить больше того, «что двор может вынести». Обычай «выкупа наследственных долей» при господстве крепостного права упрочился; но он наблюдается также и там, где крестьяне никогда не лишались свободной собственности на землю, а после отмены последних остатков феодальных отношений обычай продолжал существовать в том же виде на $^4/_5$ территории Германской империи (нераздробленной). Этот обычай наследования сделал возможным сохранение зажиточного крестьянства, хозяйственная обеспеченность которого из поколения в поколение все улучшалась. Дальнейшим следствием явились: раннее разделение общественного труда, возникновение и равномерное распределение городов, как центров промышленности и торговли, наконец, ориентирование с самого начала (еще 700 лет т. н.), германского сельского хозяйства на рынок и денежный оборот.

У славянских народов, наоборот, общественная жизнь крестьянства, вплоть до наших времен, разыгрывалась в пределах родовой семьи: женатые сыновья со своим потомством остаются в доме родителей, не покидая его и по смерти этих последних. Двор со всем движимым и недвижимым имуществом считается общей собственностью большой семьи, ведущей хозяйство под управлением хозяина-большака. Когда число едоков становится через-чур большим для одного двора, то приступают к семейному

разделу. Эта система благоприятствует раннему вступлению в брак и сильному росту населения, совмещению промыслового и земледельческого труда, наконец, ориентировке всего хозяйства на удовлетворение собственных потребностей. В этом коренится причина слабого и весьма позднего развития городской жизни в России. Что родовая семья могла так долго сохраниться в России, это обусловливалось обширностью российской равнины, дававшей возможность находить легко новые места для переселения. Но по мере того, как возможность селиться на новых местах сокращалась, а старые владения, вследствие семейных разделов, уменьшались — семейная община уступала место единичной семье и мелкому крестьянскому двору. Но обычай реального дележа наследства глубоко укоренился в правосознании населения, вызывая чудовищное дробление земельной собственности. С ростом числа едоков и работников стараются расширить размеры землепользования путем купли и аренды, и отдельные хозяйства значительно в этом преуспевают. Но, в конце концов, и эти хозяйства, благодаря разделам, снова и снова распадаются. На Балканском полуострове, у южных славян, родовая семья (задруга), при господстве турецких помещиков, сохранилась особенно долго, но после освобождения крестьян и она начинает быстро разлагаться.

Германское понимание отношения собственника к своей земле и соответствующий ему обычай наследования укоренились также за пределами Скандинавии и Германии, а именно: в Финляндии, Латвии и Эстии. Здесь поэтому доминирует крупно-крестьянский двор, настолько, что в Финляндии и Латвии, до последней аграрной реформы, самостоятельное мелкое крестьянское хозяйство почти совершенно отсутствовало. Точно также в Литве и в западных частях Польши, в прежней прусской провинции Познани, не говоря уже о провинции Западной Пруссии с ее преимущественно немецким населением, — обычай нераздельного наследования получил под влиянием немецких колонистов, широкое распространение. Благодаря этому сохранилось сравнительно большое число средних хозяйств, правда, в окружении гораздо большого числа мелких хозяйств. То же самое (и по тем же причинам) относится к Чехии и Моравии. Напротив того, в Польше, Белоруссии, Украине, в Балканских странах — физиономия деревенского общества определяется преобладанием мелкого крестьянского хозяйства. Только в вкрапленных там и сям немецких колониях, в Семиградье, Банате, некоторых частях Галиции, Буковине и т. д. — наблюдается типичная картина немецкой деревни с ее богатыми дворами.

Мелкое крестьянство и обычай раздела имущества сопровождаются повсюду жадной погоней за землей, высокими ценами на землю и высокими арендными ценами. В большей части средне-

восточной Европы земельный голод вызывал одно и то же настроение в массах, то самое, которое заставило русское крестьянство обрушиться на помещичьи имения.

Почти везде в этих странах мы наблюдаем высший слой крупных помещиков, отделенный от массы сельского населения громадным расстоянием в смысле богатства и традиции господства. Этот высший слой отчасти живет рентой, уплачиваемой мелкими собственниками в денежной или натуральной форме. Кое-где он организовал крупные сельско-хозяйственные предприятия, и в этом случае обнаруживается противоположность интересов в отношении класса безземельных и неимущих сельских рабочих. В ряде областей социальные противоречия обостряются национальными, но и в пределах одних и тех же классов и групп национальная дифференциация вызывает напряженность и борьбу. Дело в том, что в этих странах территориальное расположение национальностей существенно отличается от такового-же в романских и германских странах. В «тесной» западной Европе образовались резко отграниченныя, строго замкнутыя, больше тысячи лет не изменяющиеся, языковыя и культурныя границы. Между тем средне-восточная Европа имеет расплывчатыя естественныя и национальныя границы: в течение веков происходили разнообразные национальные смешения, национальные территории не размежеваны резко, среди них рассыпаны многочисленные островки чужих национальностей. На территории этих вкрапленных друг в друга национальностей на фоне завоеваний и государственных новообразований выдвигались господствующие группы — то чужой, то своей национальности — совершалась колонизация страны.

А) Балканский полуостров. В социологическом отношении наибольшая однородность в аграрных отношениях наблюдается на территории бывшей Византийской империи, после завоевания ее турками — несмотря на национальную пестроту. Турки весьма мало заботились о национальной колонизации вновь завоеванных областей; они довольствовались захватом исторически до них сложившихся социальных командных позиций, поскольку прежние господа положения не поспешили принять магометанства, как это было в Боснии и Малой Азии. Помещики в Турецкой империи — прямые наследники Византийских крупных землевладельцев. Подобно этим последним они живут данью, взимаемой с крестьян-половников. И до мировой войны продолжал существовать колонат, восходящий, как известно к эпохе Римской империи.

В областях турецкого владычества, где помещик являлся лишь получателем ренты, система половничества привела к полнейшему застою сельскохозяйственной техники. Глубокое обнищание сельского населения было следствием как этой системы, так и

злоупотреблений турецкой администрации. Национальная эмансипация греков, сербов и болгар была невозможной без одновременного уничтожения феодальных прав и превращения колонов в собственников. Последнее совершалось всякий раз без уплаты возмещения прогоняемым турецким помещикам. В том случае, когда под давлением европейских великих держав возмещение давалось (напр. в Фессалии), и турки продавали свои имения грекам, крестьяне от этого никакого облегчения не почувствовали. Во время и после мировой войны окончательно были уничтожены остатки системы половничества, ведущей свое начало от византийско-турецкой эпохи.

Крупное сельское хозяйство приобрело серьезное значение только в двух областях Балканского полуострова: в издавна независимой Румынии и в Хорватии. В первой отечественные бояре при содействии капиталистических крупных арендаторов (греков, евреев), во второй — венгерские магнаты вели хозяйство в своих крупных поместиях, пользуясь системой отработочной аренды. И там, и здесь эта система породила худшие формы эксплуатации, напоминавшей те неустройства, которые во многих местах юга России дали толчок к аграрным волнениям.

Б) Средняя и северная Европа. В странах, расположенных между Дравой, Дунаем и транссильванскими Альпами, с одной стороны, Балтийским морем, с другой — сильное влияние на строй аграрных отношений имели в разныя эпохи немцы, поляки, русские, венгерцы. Немецкое и польское влияние шло с Запада, русское — с востока, венгерское — с юга.

В результате великого колонизационного движения немцев на восток (Drang nach Osten) возникли деревенские и городские поселения на территории, ставшей впоследствии Австрией (в 9 и 10 в.в.), затем в области, расположенной к востоку от Эльбы вплоть до восточной Пруссии и Силезии (в 12 — 14 в.в.). Аграрная структура, возникшая в результате этой колонизации характеризуется преобладанием крупно-крестьянского двора в Австрии, рыцарского имения рядом с «деревней колонистов» — в северной Германии. Исконное население быстро усваивало немецкую культуру и язык даже в таких областях, как Померания и Силезия, где немцы, призываемые туземными владетельными князьями, исполняли преимущественно хозяйственные функции, в качестве городских бюргеров и крестьян. Только на крайнем северо-востоке, в нынешней Латвии и Эстонии, возникла колония покоившаяся на гегемонии пришельцев (Herrschaftskolonie): немецкие купцы и ремесленники заняли господствующее положение во вновь основанных городах, бароны — в деревнях. После того, как в первой половине 19-го в. крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, рядом с крупными имениями оказалось туземное зажиточное довольно многочисленное крупное крестьянство. Но вся

масса сельского населения состояла из безземельных батраков, причем у нее было мало шансов, путем покупки земли, подняться на высшие ступени социальной лестницы. В данном случае — перед нами антагонизм между национально-немецким высшим слоем и безземельным иноплеменным населением. Этот высший слой никогда не делал попытки германизировать латышское или эстонское население. В согласии с прусской традицией, он заботился о насаждении народных школ, так что перед руссификацией школьного дела в царствование Александра III, в крае почти не было безграмотных. Тем не менее восприимчивость населения к шедшим из России революционным идеям была весьма велика.

Много немецких поселений возникло за пределами Германской Империи часто потому, что из Германии призывались колонисты для поднятия производительности сельского хозяйства, для занятия горным делом, для насаждения торговли и промышленности в городах. Уже в 12 и 13 стол. чешские и венгерские короли при участии колонистов основывали многочисленные города и покрыли пограничные области немецкими деревнями. Таким образом. возникла сплошная область немецких поселений и господства немецкого языка на севере Чехии, так наз. «саксов» в Седмиградье. Но и в более отдаленных областях, рассеянных между Альпами и Карпатами, немцы вплоть до 18 ст. повсюду строили города и деревни, прокладывали дороги, устраивали школы. Так, в Старой Австрии до середины 19 ст. собственно они являлись носителями австрийской государственной идеи.

Многочисленные немецкие колонисты приходили также в Польшу в период 12 — 14 в.в., потом опять в 17 и 18 ст. Число немцев в бывшем Царстве Польском составляло в 1913 г. 719.000 при общей численности населения 13 милл. душ.

Организованное государством дело колонизации немцев на востоке приостановилось уже в 14 веке. Началось великое завоевательное движение поляков и литовцев. Государство Ягеллонов простиралось от берегов Вислы и Немана вплоть до и даже дальше Днепра; оно подчинило себе Белоруссию и Украину, Волынь и Подолье, наконец, западную Пруссию и Данциг. Но, в противоположность немцам, поляки очень мало колонизировали вновь завоеванныя области — ни горожанами, ни крестьянами. Единственным соединительным звеном между Речью Посполитой и окраинами («Кресы») было дворянство (шляхта), находившее опору в католической церкви. Туземное дворянство было всецело уравнено в правах с польским, и оно вполне полонизировалось. Поэтому и теперь еще в этих областях польское крупное землевладение занимает весьма значительное место. В отличие от балтийского дворянства представители этого последнего не принесли местному населению культурных ценностей. В Польской

шляхетской республике, при неограниченном господстве помещиков, города и крестьянство пришли в полный упадок. В то время как на торговые центры Прибалтики накладывали печать богатое бюргерство, предприимчивые купцы и опытные ремесленники — в Польше их место занимали почти повсюду прозябающие в грязи и нищете еврейские торгаши и партачи-ремесленники. Польской шляхте недоставало чувства ответственности в отношении своих подданных — горожан и сельчан. В результате хозяйничанья шляхты, как известно, Речь Посполитая подпала под чужеземную власть трех соседних держав. Галиция, присоединенная в 1772 и 1795 г.г. к Австрии и пользовавшаяся автономным польским управлением, оставалась в самом жалком положении. Не было, пожалуй, страны в Европе, хуже управляемой, чем Галиция. В Царстве Польском российское правительство также мало заботилось о поднятии уровня народного образования, хозяйства и народного здравия. Но зато Российская Империя с ее безграничными рынками сбыта вызвала к жизни, в некоторых районах Польши, после уничтожения таможенной границы (1851), значительную крупную промышленность — дело иностранных, главным образом, немецких, отчасти французских предпринимателей. Некоторые крупные помещичьи имения перешли к новейшим методам хозяйствования. Русская Польша, однако, в смысле благосостояния и образования оставалась позади Прусской Польши, т. е. провинции Познани.

Российское, как и Германское владычество было благоприятно для крестьянства, потому что правительство совершенно сознательно поддерживало крестьянство против дворянства. Главный хозяйственный результат этой «крестьянской» политики выразился в сохранении и в росте числа мелких крестьянских и карликовых хозяйств, особенно в царстве Польском и Литве. Так, после восстания 1863 г. русское правительство не только освободило тамошних крестьян от каких-бы то ни было повинностей, но любой участок земли, на котором сидел крестьянин или батрак, хотя-бы он находился в пределах самого имения, передан был в собственность пользователя.

Подобно Польше, и Венгрия характеризуется гегемонией дворянства. Рядом с многочисленными крупными имениями среднее землевладение занимает в Венгрии весьма скромное место, и вся масса крестьянских дворов имеет площадь менее 5 гектаров. Из числа 1,8 милл. сельско-хозяйственных рабочих было в 1900 г. 77% безземельных. Наиболее благоприятным можно считать распределение земельной собственности в Семиградье, где венгерцы рядом с немцами поселили также медьярских колонистов, шеклеров.

Наконец, особое место занимают Чехия и Моравия. Там Габсбурги, в эпоху борьбы против реформации (17-ое сто-

летие), насильственно прогнали большую часть туземного дворянства, тяготевшего к протестантской Германии, заменив его несколькими сотнями чужеземных генералов и фаворитов двора. Так создан был антагонизм между владельцами латифундий и массой сельского населения. Однако, большая часть латифундий состоит из лесов, и высоко организованные, теперь отчуждаемые имения занимают лишь $16^{3}/_{4}\%$ пашни, 14,5% лугов и 12% садов и виноградников. Притом вся страна в культурном отношении и промышленном весьма развита. Австрийское правительство содействовало развитию чешского народа прекрасной постановкой школьного дела, начиная народной школой и кончая университетом.

Итак, перед войной, наблюдались резкие социальные антагонизмы между безземельными рабочими и малоземельными крестьянами с одной стороны и крупным землевладением — с другой. От Балтийского моря до Дуная и Транссильванских Альп мы видим сплошь глубокий культурный разрыв между массой народа и верхним слоем, принадлежащим большей частью к чужой национальности.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

1. Аграрное законодательство, как орудие национальной борьбы. Решающей и часто доминирующей причиной аграрной революции является тот факт, что на территории средне-восточной Европы вновь образовались или значительно расширились, на основе лозунга национальности, ряд государств. У западных держав, обнаруживающих сравнительно мало уважения, в пределах своего государства и в своих колониях, к чужой национальной индивидуальности, провозглашение принципа национального самоопределения вытекало не столько из чувства пиэтета перед фактом национального своеобразия, сколько из желания этим путем раздробить австро-венгерскую монархию, отколоть западные окраины от российского государства, ослабить и территориально разорвать Германскую Империю. Во вновь созданном Польском государстве наряду с 16 миллионами поляков имеется больше 6 милл. украинцев, белоруссов, литовцев, кроме того, $2\frac{1}{2}$ милл. немцев. Все прочие государственные новообразования включают также в свой состав значительные национальные меньшинства. В Чехословакии наряду с 46% чехов и 12,6% словаков живут 28% немцев, 10% мадьяр и 3,4% украинцев. Более благоприятное соотношение наблюдается в Югославии, если считать за одно с сербами (41%) хорватов (28%) и словенцев (8%); благоприятно оно и в Румынии, где не-румынское население составляет всего 28% (11% мадьяр, 5,6% немцев и 6,4% украинцев). Одним словом, вопреки прокламированному

принципу, возникли смешанные в национальном отношении государства, причем одна из национальностей заняла господствующее положение, т. е. стала нацией государственной. На этой почве особенно сильно разгорелись национальные противоречия. Установленная законом защита национальных меньшинств повсюду оказалась недостаточной. В этом отношении аграрные законы напр. либо явно, либо в практике их применения — направлены против национальных меньшинств. Радикализм этих законов сплошь и рядом об'ясняется именно этим мотивом.

В великой мировой войне борьба за могущество шла рука об руку с борьбой за материальные блага. Понятно, что вновь образованные или территориально расширенные государства, и после заключения мира, продолжают эту борьбу. С этой точки зрения, аграрные законы кажутся предназначенными, в первую голову, для того, чтобы передать в руки господствующей нации земельные владения представителей других национальностей. В интересах этой задачи, «этой сверх-экономической самодовлеющей цели», использована тяга низших классов к земельной собственности. Позиции «социальной мощи», из которых теперь выбит прежний господствующий высший слой, служат не только для того, чтобы привязать народные массы к новому государству, но одновременно и для усиления нового командующего высшего слоя. Эти цели не всегда выступают в обнаженном виде, но они вполне раскрываются при детальном рассмотрении аграрных законов, выявляясь и в круге лиц, подлежащих экспроприации, и в составе отчуждаемых владений, и в ограничении прав национальных меньшинств на земельные наделы.

В Латвии и Эстии аграрным законодательством задеты исключительно исторические рыцарские имения, находившиеся, почти на протяжении 700 лет, в немецких руках; остальные крупные имения — не-рыцарские — остаются незатронутыми. Точно также и в Чехословакии были реквизированы имения, находившиеся уже 300 лет во владении дворянских семей, притом не одни только латифундии, но и более мелкие рыцарские имения (с площадью больше 150 гект.). Еще совсем недавно председатель главного земельного Управления сделал характерное заявление, что «благодаря аграрной реформе должно быть создано новое земельное дворянство, проникнутое чешско-национальным духом». Литва экспроприировала майоратные имения, дарованные в свое время российским правительством; после насильственного вторжения польских добровольческих отрядов в Виленскую область в 1922 г., литовское правительство решило отнять у прежних владельцев все имения размером больше 150 гект. Это решение обрушилось всей своей тяжестью на тамошнее польское или полонизированное дворянство. В Польше националистическое жало аграрного законодательство направлено против рус-

ских на востоке и немцев на западе. В Югославии аграрные законы направлены против мадьярских помещиков в Хорватии и Воеводине. Национальная вражда особенно резко выразилась в том факте, что Польское правительство принудило тысячи немецких колонистов покинуть свои деревни, бывшие образцовыми поселениями; что из Литвы изгнаны были — без возмещения — давно там осевшие русские колонисты.

Во всех выше названных странах все без исключения частное лесовладение об'явлено было государственной собственностью. Эту меру вряд-ли можно обосновать социальными или экономическими соображениями. Дело идет, главным образом, о том, чтобы из рук национального меньшинства перевести леса во власть ныне господствующей национальности. В Румынии частно-владельческие леса были экспроприированы только во вновь приобретенных областях, в старо-румынских областях они были оставлены в прежних руках. Точно также во вновь приобретенных областях наименьший размер подлежащих отчуждению имений гораздо ниже, чем в районах господства румынских бояр. Таким образом, особенно пострадали русские в Бессарабии, поляки в Буковине, мадьяры и немцы в Транссильвании. При распределении отчужденной земли повсюду принимаются во внимание только лица господствующей национальности.

2. Социальное и экономическое значение аграрного законодательства. Чтобы иметь некоторый базис для сравнения, попытаемся сначала охарактеризовать положение в Германии. В 1919 г. на всю Германию распространены были принципы прусского колонизационного законодательства. Но Имперский закон о внутренней колонизации создавал более сильную правовую основу для приобретения нужной земли: во-первых, право отчуждения в тех районах, где крупное землевладение сильно представлено, во-вторых, право предпочтительной покупки в отношении всех свободно отчуждаемых имений больше 25 гект. Право отчуждения предоставлено об'единенным в принудительные союзы крупным землевладельцам. Эти «союзы по доставке земли» обязаны «заготовить» соответствующие земельные участки, — в размере до одной трети всей площади крупного землевладения своего округа. Имения приобретаются повсюду лишь в меру платежеспособного спроса со стороны предполагаемых колонистов. Закон признает все благоприобретенные права и гарантирует за их отмену соответствующее полное возмещение. Но относительно способа проведения в жизнь германское законодательство довольствуется общими директивами. Оно при этом исходит из той общей точки зрения, что различные по размерам группы хозяйств призваны наилучше выполнять различные производственныя задачи: чистое семейно-трудовое хозяйство — одни,

крупный крестьянский двор, пользующийся трудом наемных рабочих и работниц — другие, наконец, крупное помещичье имение — третьи. Все эти категории хозяйств дополняют друг друга, они должны и впредь оставаться рядом друг с другом, причем, в зависимости от данных условий производства, преобладание должно принадлежать той или другой категории. В социальном отношении абсолютно наилучшим принято считать «смешанное» распределение собственности, когда рядом с ограниченным числом руководящих крупных хозяйств имеется широкая прослойка самостоятельных крестьянских хозяйств — крупных и мелких и когда, сверх того, имеющееся в деревне количество ремесленников и рабочих не превышает существующего на их труд спроса. Проведение внутренней колонизации в жизнь предоставлено усмотрению независимых колонизационных обществ, считающихся учреждениями общеполезными. Таким образом, германскому колонизационному законодательству удалось путем расширения площади мелкого землевладения, несколько смягчить социальные противоречия, не нанося в то же время ущерба производительности сельского хозяйства: последнее обстоятельство является безусловно необходимой предпосылкой для столь густо населенной страны, как Германия.

В восточной Германии, где крупные имения занимали около 40% сельско-хозяйственной площади, многочисленные имения превращены были в крестьянские деревни, причем предпочтение отдавалось самостоятельным крестьянским семейно-трудовым дворам в 5 — 20 гект., ведущим хозяйство без работников со стороны. Такие хозяйства в этой части Германии представлены были сравнительно слабо. Из всего числа вновь основанных в Пруссии до войны 43.500 рентных и колонистских дворов больше половины (28.700) принадлежит к указанному разряду. Из общего числа возникших после войны (1919 — 1922) хозяйств 2.823, расположенных большей частью к востоку от р. Эльбы, владеют участками от 5 — до 20 гект.; 4.571 более мелких хозяйств находятся преимущественно в густо населенных западных провинциях. Сверх того, в период 1919 — 1922 г.г., 25.100 мельчайших хозяйств, благодаря добавочной прирезке земли, стали вполне самостоятельными. Во всей Германии насчитывалось в общей сложности хозяйств только что указанной категории 30.000.

В Австрии земельная политика исходила из таких-же соображений. Имея в виду преобладающее значение крестьянского хозяйства, решили ограничиться в области аграрных послевоенных мероприятий тем, что принялись за воссоздание тех альпийских крестьянских дворов, которые во множестве в свое время покупались богатыми людьми, главным образом, для целей охоты.

Совсем другие принципы легли в основание аграрной политики в восточных странах средней Европы. За исключением

Финляндии, Венгрии и Греции — в них был установлен геометрический максимум, которого ни одно владение не должно было переступить. Вся остальная земля, сверх указанной нормы, подлежала отчуждению, иногда отбиралась и вся земля целиком, как напр., земля членов бывшей династии, российских майоратов в Литве и т. д., наконец, повсюду — леса. Этот схематический образ действий вытекал из идеала égalité des fortunes, но он совершенно противоречил принципу хозяйственной целесообразности. Оптимальный размер имения зависит от множества факторов — качества почвы, климата, капитала, вложенного в постройки и мелиорации, интенсивности или экстенсивности хозяйства, путей сообщения и т. д. Поэтому, с принципиальной народно-хозяйственной точки зрения, все эти законы ошибочны. Допущенные максимальные размеры в большинстве случаев слишком малы для ведения рационального крупного хозяйства: в Латвии 50 гект., в Литве 80 гек., в Польше 180 гект., в Чехословакии 150 гект. Югославия, в зависимости от плотности населения и распределения земельной собственности, установила для различных районов от 50 до 300 гект., в Старо-Румынии установлено 100 — 250 гект., во вновь присоединенных к Румынии областях 100 гект., в Транссильвании — в горах 28 гект., в некоторых районах — даже 10 гект. Отчужденная земля сплошь разверстана между мелкими крестьянами. Наделы установлены сравнительно большие в Балтийских странах (8 — 20 гект.); напротив, в Югославии и Румынии, несмотря на господствующую экстенсивную систему хозяйства — наделы установлены небольшие: 5 — 7 — 8 гект. (в Бессарабии 10 гект.). То, чего особенно не хватало этим странам, — независимое среднее крестьянство — не было создано проведенной в них аграрной реформой. Еще в большей степени это относится к Венгрии, аграрное законодательство которой примыкает к немецкому: созданы были почти везде несамостоятельные крестьянские хозяйства, и чудовищное неравенство в распределении земельной собственности продолжает существовать. Также в Польше и Чехословакии в большинстве случаев возникло весьма мелкое землевладение, которое еле дает или вовсе не дает возможность самостоятельного хозяйственного существования,

В итоге следует сказать, что хозяйственный результат аграрных законов сводится к вытеснению крупных имений весьма мало жизнеспособными мелкими земледельческими хозяйствами. Не надо забывать, что даже там, где в крупных имениях велось экстенсивное хозяйство, как это имело место большей частью в Литве, Хорватии, Румынии, они все же были носителями технического прогресса; последнее особливо относится к Чехословакии, Лифляндии и Курляндии. Осуществление радикальных законов закрывает для интеллигенции путь к самостоятельному выявлению

своих сил на поприще сельского хозяйства. Производительныя силы страны благодаря этому значительно понизились. Особенно большой ущерб получился там, где масса сельского населения является в культурном отношении отсталой, — а это относится ко всем почти интересующим нас здесь странам, кроме Чехословакии.

Принципиально неправильным было также то, что крестьяне получили отчужденные имения за цену, гораздо ниже их действительной стоимости, без сколько-нибудь ощутительного обязательства по уплате процентов. Как справедливо отмечает Гольман*), этим нарушен был принцип рентабельности, и дан был стимул к экстенсивированию сельского хозяйства. Румынские крестьяне, которые в прежнее время вынуждены были сеять пшеницу, теперь ограничиваются кукурузой, ячменем и овсом, и то, в первую голову, для собственного потребления. Таким образом, Румыния вышла из строя, как одна из житниц Европы. В настоящее время, кажется, эту опасность довольно ясно начинают видеть в Чехословакии и Польше, почему в деле разверстания имений там действуют менее радикально, чем первоначально предполагалось. Большим тормазом в этом смысле является также отсутствие кредитов на постройку жилищ. Но тем не менее постоянная угроза отчуждения парализует дух предприимчивости и препятствует инвестированию новых капиталов. Притом, как явствует из целого ряда работ, помещенных в настоящем сборнике, нигде не удалось даже в отдаленной мере утолить земельный голод мелких крестян. Аграрный вопрос остается нерешенным, борьба за землю вряд-ли ослабела, и при дальнейшем росте населения она вспыхнет с той же силой, как и до реформы. Лишь немногие государства приняли предупредительные меры против дробления вновь созданных или расширенных крестьянских наделов.

Основная ошибка заключается в том, что, за исключением Балтийских государств, повсюду мелкое крестьянское хозяйство хотели поставить на первое место или даже сделать из него единственный тип хозяйства. Между тем, мелкое крестьянское хозяйство может развиваться успешно только в густо населенных районах со значительной индустрией или вблизи городов, где имеется обезпеченный сбыт для специальных продуктов интенсивной земледельческой культуры. Необходимо было, по меньшей мере, позаботиться об упразднении черезполосицы в тех местностях, в которых разделу подверглись обширные площади помещичьих земель. Но, насколько мне известно, только в Литве одновременно с внутренней колонизацией занялись делом соединения черезполосных участков.

*) Hollmann, Die Bodenreform in der tschechoslovakischen Republik — „Berichte über Landwirtschaft", hrsg. v. Reichsmin. f. Ernährung u. Landwirtschaft, Berlin 1922, Heft 2, S. 39.

Несомненно, вся обширная территория рассматриваемых здесь стран нуждалась в аграрной реформе. Но та нетерпеливая спешка, с которой провели ее, под давлением народной массы, под влиянием ходячих лозунгов и национальных страстей — понизила уровень сельскохозяйственной культуры.

Действительный прогресс в экономическом и социальном отношении следует отметить на Балканском полуострове, благодаря отмене устарелых, унаследованных от феодальной эпохи, форм половничества и кметчины в Югославии и Греции, а также — уничтожению системы отработочной аренды в Румынии. С другой стороны, в Чехословакии многие мелкие арендаторы превращены были в собственников, а их участки были округлены; то же самое, в большом масштабе, было сделано в стране крупного крестьянства, в Финляндии. Ныне аграрный строй средне- и восточно-европейских стран, от Ледовитого океана до Средиземного моря, от Финляндии до Греции, покоится на частной собственности самостоятельно ведущего хозяйство крестьянина. В этом отношении восточная и средняя Европа ушла вперед по сравнению с зап.-европейскими государствами, где аграрный строй покоится на арендном хозяйстве, где он, следовательно, лишь поддерживает непроизводительный, в большинстве случаев, высший слой общества. Этот капиталистический строй аграрных отношений все больше и больше распространяется также и в Соединенных Штатах.

Система самостоятельного, основанного на собственности, крестьянского хозяйства позволяет надеяться, что — при условии дальнейшей, на десятилетия рассчитанной работы по развитию путей сообщения, школьного дела, планомерной земледельческой культуры (все это собственно является предпосылкой и частью аграрной реформы) — упорный труд крестьянина приведет к хозяйственному расцвету.

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

РУМЫНИЯ

I. СТАРАЯ РУМЫНИЯ.

Румынское королевство, в результате мировой войны, значительно расширило свои пределы. Площадь страны и ее население увеличились больше чем в два раза. К прежнему румынскому государству присоединены Русская Бессарабия, Австрийская Буковина и Венгерская Трансильвания — все области, население которых в большей своей части принадлежат к румынской национальности. Во всех указанных 4-х областях нынешней Великой Румынии наблюдаются серьезные различия как географические, так и в отношении социальном и культурном.

Старая Румыния расположена у порога Востока. Отделенная хребтом высоких Карпатских гор от Средней Европы, она, правда, при помощи проложенных в горах дорог, а также — благодаря судоходству на Дунае связана с Средней Европой, но, с другой стороны, из Румынии ведут также пути к передней Азии: к Черному и Средиземному морям. Старая Румыния тремя уступами спускается с Карпатских высот: в южном направлении к берегам Дуная, а в восточном направлении — к Пруту. Горы, холмы и равнины резко разделены друг от друга.

Старая Румыния — типичная земледельческая страна. $^4/_5$ населения живут в деревне и занимаются земледелием. Промышленность — за исключением добычи нефти — находилась до мировой войны в зачаточном состоянии и, подобно торговле, находится в значительной части не в национально-румынских, а в еврейских и вообще иностранных руках. Общая численность населения определялась в 1916 г. цифрой 7.775.000 душ, причем плотность населения не очень велика: 56 жителей на один кв. километр. Железнодорожная сеть имеет сравнительно небольшое протяжение и слабую густоту, но она дополняется хорошими шоссейными дорогами и судоходством на Дунае и Пруте. Основная отрасль народного хозяйства — земледелие — ведется преимущественно экстенсивно: господствующей системой полеводства является трехполье, мелиорации весьма редки.

Приводимая ниже таблица дает картину положения сельского хозяйства в Румынии до войны *):

	в 1000 гект.	
Сельскохозяйственная площадь:	8.385	или 60,03%
	в 1000 гект.	
Пашня	6.093 (72,67%)	
Годная для обработки затопленная земля .	460 (5,49%)	
Виноградники	69 (0,82%)	
Сады и т. п.	78 (0,93%)	
Луга	491 (5,86%)	
Пастбища	1.194 (14,23%)	
Леса	2.433	или 17,44%
Воды	892	„ 6,37%
Дороги, застроен. земля, земля не с.-хоз. значения	2.259	„ 16,16%
Вся площадь страны	13.969	или 100%

Из этой таблицы явствует, что те культуры, которые требуют много труда и капитала, как-то виноградники, фруктовые сады — занимают сравнительно небольшую часть сельскохозяйственной площади. Из всей пахотной площади приблизительно 84% находится под зерновыми злаками. Кормовые и технические растения, бобовые растения, корнеплоды, овощи и картофель, сахарная свекла, масличные и волокнистые растения — занимают небольшую частицу всей пашни.

Горный климат был бы наиболее подходящим для культуры овса, но посевы этого последнего весьма не велики; за то повсюду можно видеть посевы кукурузы, хотя культура ее как раз в Румынии сопряжена с большими трудностями. Обширные пастбища и луга, покрывающие вместе с лесами большую часть горных склонов, казалось бы, должны благоприятствовать скотоводству. Но и в этом отношении наблюдается чрезвычайно экстенсивное хозяйничание капиталом и трудом. Правда, в горах скот в лучшем состоянии, чем на равнине, но о рациональном скотоводстве и здесь не может быть речи. В общем, эта отрасль сельского хозяйства во всей стране находится в жалком состоянии. Таким образом, Старая Румыния является односторонне развитой страной пахотного земледелия и преимущественно страной, производящей зерно.

*) Dr. Jonescu, Sisesti: Rumäniens bäuerliche Landwirtschaft, S. 22.

Земельная собственность и землепользование в 1916 г.

В основе этой экстенсивности воли и духа, труда и капитала лежит нездоровое распределение земельной собственности, в общих чертах характеризовавшееся в 1916 г. следующими цифрами:

Категории землевладения	Площадь в 1000 гект.	В % % ко всей площади	Число владений в 1000	В % % ко всему числу	Средний размер владения в гект.	Число владельцев в 1000	% владельцев	Средний размер землепользования семьи в гект.
До 10 гект.	3340	39,82	971	95,56	3,43	1171	96,36	2,8
Обществ. пастбища	180	2,14	—	—	—	—	—	—
От 10 до 100 гект.	860	10,27	40	3,91	21,67	40	3,30	21,45
Свыше 100 гект. . .	3545	42,28	5	0,53	658,35	4	0,34	849,97
Затопляемая земля	460	5,49	—	—	—	—	—	—
Сельско - хозяйств. площадь	8385	100,00	1016	100,00	8,25	1215	100,00	6,89

Почти половина всей сельскохозяйственной площади находится в 1916 г. в руках нескольких тысяч семейств крупных землевладельцев, в то время как миллион крестьянских семейств владеет площадью гораздо меньшего размера. Наряду с имениями до 10.000 гект. наблюдается чрезвычайно раздробленная мелко-крестьянская земельная собственность. Среднее крестьянство играет весьма небольшую роль как по размерам сельско-хозяйственной площади, так и по количеству дворов. В одной лишь Добрудже имеется сравнительно большое количество средних крестьянских хозяйств: 36,61 % всей вообще площади среднего землевладения Старой Румынии находится в Добрудже. Оно отчасти находится в руках немецких колонистов, сидящих там на земле рядом с румынскими, болгарскими, турецкими и татарскими крестьянами. Это — немецкие крестьяне, отчасти переселившиеся еще перед Крымской войной из Бессарабии в Добруджу, тогда еще бывшую турецкой провинцией.

Доля крупного землевладения окажется еще больше, если принять во внимание леса, большая часть которых принадлежит частным крупным землевладельцам. Мелко-крестьянский двор в 1916 г. в среднем владел 3,43 гект. земли. При том необходимо учесть еще 200.000 со-владельцев, так как во многих случаях на крестьянском дворе сидит «большая семья». Таким образом, среднюю площадь хозяйства приходится даже несколько считать меньше,

а именно около 2,85 гект. Эта площадь, при существующей экстенсивной системе хозяйства, недостаточна для того, чтобы доходом с нее покрыть прожиточный минимум семьи румынского крестьянина (в среднем 4,5 душ), а равно расходы по платежу налогов, по закупке кормов и прочее. Как показывает Creanga, весь сбор урожая с трех гектаров в среднем на 19% меньше необходимого продовольственного минимума: 400 килогр. кукурузы в год на душу.

Спрашивается, в какой мере распределение собственности является причиной господствующей в сельском хозяйстве старой Румынии нерациональности и экстенсивности?

Румынские помещики решительно заинтересованы в поддержании этой экстенсивности. Они ведут сами богатую жизнь в Париже, на Ривьере, в Бухаресте — и остерегаются вкладывать большие капиталы в свои имения. Климат и качество почвы обеспечивают им, даже при экстенсивной обработке, большие доходы, поскольку в их распоряжении имеется необходимое количество дешевых работников хотя-бы для поверхностной обработки земли. Все их стремление поэтому сводится к тому, чтобы путем самой безпощадной эксплоатации крестьянского труда и крестьянского инвентаря, не вкладывая по возможности собственного капитала и собственного труда — извлечь из своей земли максимальную прибыль. Для достижения указанной цели наилучшим средством является то распределение земельной собственности, которое крупные землевладельцы сумели сохранить до конца мировой войны. Это распределение земельной собственности позволяет держать всю массу сельского населения в таких жалких условиях, что она, чтобы не умереть с голоду, вынуждена отдавать свой труд и свой инвентарь за ничтожную плату крупным помещикам. Метод, которым пользуются эти последние состоит в комбинации издольной и отработочной аренды.

Вследствие исключительно земледельческого характера страны, вследствие слабой емкости румынской промышленности перед мировой войной — возможность отлива населения в промышленность исключается; точно также переселение в сельско-хозяйственные районы соседних округов — Банат и Трансильванию — до войны было настолько слабо, что оно не могло сколько-нибудь значительно восполнить крестьянское малоземелье. Таким образом, румынский крестьянин видит единственный путь улучшения своего положения — в расширении землепользования. Но в большинстве случаев у него нет денег для покупки земли, и он вынужден прибегать к аренде помещичьей земли. Размер пользования вследствие этого превышает размер собственности, и распределение землепользования в первые годы мировой войны дает совершенно другую картину, чем распределение земельной собственности, как видно из следующей таблицы:

Группы хозяйств	Площадь в 1000 гект.		% ко всей с.-хоз. площ.	Число хозяйств в 1000	% ко всему числу хозяйств	Средний размер одного хозяйства в гект.
До 10 гект.	Собств. земля + аренд. „	3339 1750				
		5089	60,69	1246	96,54	4,08
Общинные пастбища		180	2,14	—	—	—
От 10 до 100 гект.	Собств. земля — аренд. „	861 50				
		811	9,68	40	3,11	20,16
Свыше 100 гект.	Собств. земля — аренд. „	3545 1700				
		1845	22,01	4	0,35	419,05
Затопляемая земля		460	5,48	—	—	—
Вся сельскохоз. площ.		8385	100,00	1290	100,00	6,49

Почти половина площади крупного землевладения сдавалась к тому времени в аренду мелким крестьянам. Этим путем земельная аренда компенсирует до известной степени вред малоземелья. Приведенная выше таблица, при сопоставлении ее с таблицей на ст. 27 показывает, что, благодаря аренде поле деятельности мелкого крестьянства расширяется на одну пятую сельскохозяйственной площади (вместо 39%—60%) и что средний размер крестьянского хозяйства увеличивается до 4,08 гект. Так как значительное количество безземельных крестьян и мелко-крестьянских совладельцев, благодаря аренде, перешло в ряды дворохозяев, то общее число хозяйств выросло по сравнению с числом земельных владений. Группа средних хозяйств, как и группа средняго землевладения, играет ничтожную роль. Площадь крупного хозяйства, по сравнению с площадью крупного землевладения — вследствие сдачи в аренду — сократилась приблизительно на половину.

Сельскохозяйственная площадь крупного хозяйства, вследствие сдачи в аренду земли мелким крестьянам, занимает только 22%, между тем как крупное землевладение занимает 47% всей площади. Соотношение между крупным и мелким землевладением составляло в 1916 г. 1 : 1, в то время как отношение площадей крупного и мелкого хозяйства выражалось в 1 : 3.

Итак, старая Румыния в отношении распределения земельной собственности является резко выраженной страной латифундий, но с точки зрения землепользования ее нельзя было в 1916 г. счи-

тать страной преимущественно крупного хозяйства. Напротив, Старая Румыния является преимущественно крестьянской страной не только в виду процента в ней крестьянского населения, но также в виду того места, которое крестьянское землепользование занимает в сельском хозяйстве.

Но при всем том аренда земли не может обеспечить существования и недостаточно восполняет отсутствие земельной собственности у крестьян. Своеобразные арендные отношения и формы сельскохозяйственных отработков в Старой Румынии в значительной мере колеблют устойчивость даже самой мелко-крестьянской земельной собственности.

Мелкий крестьянин в большинстве случаев не в состоянии платить деньгами за арендуемую у землевладельца землю. Он уплачивает поэтому арендную плату своим личным трудом, работой своего скота и своего инвентаря. Благодаря этой системе отработочной аренды крупное хозяйство имеет в своем распоряжении нужное количество дешевых работников, а также рабочего скота и земледельческих орудий. Крупный землевладелец, пользуясь отработками за аренду, возделывает, засевает и убирает свои поля с помощью труда мелкого крестьянина. Система отработочной аренды сберегает помещику затраты на заработную плату, которую пришлось бы платить профессиональным безземельным сельскохозяйственным рабочим. В Старой Румынии совершенно отсутствует класс сельских рабочих, которые, благодаря высокой заработной плате и получаемому продовольствию, зачастую находятся в лучшем положении, чем мелкий крестьянин. Румынский мелкий крестьянин, при системе отработочной аренды, превратился в под'яремного рабочего крупного помещика. Также и совсем безземельный крестьянин вынужден, если у него есть семья, арендовать землю, так как заработка и продовольствия, получаемого в имении не хватает не только для содержания семьи, но даже — несемейного крестьянина.

Но крестьяне могут арендовать нужную землю только отчасти непосредственно у самого крупного землевладельца. Последний редко живет в своем имении, и большей частью оно не находится в его собственном управлении. Значительную часть года он не живет в деревне, и земля интересует его лишь, как источник рентного дохода. Поэтому он сдает ее в аренду крупному арендатору, который еще в большей мере, чем ведущий свое хозяйство землевладелец или его управляющий — по отношению к крестьянину занимает позицию ростовщического эксплоататора. Крупный арендатор с своей стороны возделывает самостоятельно только часть арендуемого им поместия, остальную часть он опять-таки сдает в аренду мелким крестьянам. Обычно он получает в два и три раза большую арендную плату, чем он сам вносит землевладельцу. Среди крупных арендаторов мы встречаем не только

большой процент (18%) иностранцев, в особенности греков и армян, но также сравнительно весьма крупный процент местных евреев (19%). Этим об'ясняется в значительной мере свирепствующий среди румынского крестьянства антисемитизм. Крупные арендаторы нередко об'единялись в «тресты» для того, чтобы исключить этим путем всякую конкурренцию. Эти тресты могли навязывать крестьянам самые тяжелые условия аренды и труда, так как крестьянин не имел возможности искать в другом месте лучших условий. Так напр. в 1905 г. компания братьев Фишер арендовала в Молдавии почти ¼ миллиона гект. С 1912 г. эти арендаторские «тресты» законом запрещены, но крупные арендаторы находят все же пути и способы для обхода требований закона.

Формы эксплоатации, сопровождающей отработочную аренду весьма разнообразны. Собственно отработочная аренда (т. е. сдача земли в аренду за работу крестьянина, его скота и его орудий в хозяйстве помещика) чрезвычайно невыгодна для крестьянина. По большей части арендная плата, исчисленная в затрате труда, определяется слишком высокая, а заработная плата, выраженная в единицах арендуемой площади — черезчур низка. В виду этих злоупотреблений собственно отработочная аренда была в 1907 г. запрещена законом, но тем не менее она продолжала существовать вплоть до мировой войны, а также во время самой войны. В 1907 г. запрещена была также особая форма отработочной аренды, так наз. т а р л я, т. е. уплата аренды работой по запашке, обсеменению и уборке равного арендуемому участка помещичьей земли, причем весь урожай с этого участка достается помещику, весь же урожай с арендованного участка приходится на долю крестьянина. Несмотря на то, что и этот вид аренды был запрещен, он, однако, продолжал во многих местах существовать. И в этом случае крестьянин обыкновенно является жертвой эксплоатации: предоставленный ему в аренду участок большей частью бывает меньшего, чем следовало бы, размера, между тем как площадь, которую он должен вспахать, засеять и убрать в пользу помещика, черезчур велика. Наиболее распространенный и законом дозволенный вид отработочной аренды, это — издолная: крестьянин получает землю в аренду за определенную долю урожая, собранного с арендуемой земли (половина, треть и т. д.) но кроме того несет по отношению к имению еще ряд повинностей. Эти дополнительные повинности отличают румынскую издольную аренду от таковой же в других странах, напр. Италии и Южной Франции. Добавочные повинности состоят либо в дополнительном труде в помещичьем хозяйстве, либо в денежных взносах или во взносах натурой (птица, яйца, фрукты и т. д.) либо, наконец, — в труде, деньгах и взносах натурой одновременно. Хотя взносы натурой с 1917 г. законом воспрещены, они тайно продолжают все же существовать еще и во время войны.

Для выполнения необходимых работ на своей земле, на арендованной, наконец, на помещичьей — крестьяне нуждаются в рабочем скоте, а, стало-быть и в кормах для него. Культура кормовых растений, как было выше упомянуто, весьма слабо распространена. Принадлежавшие ранее отдельным крестьянам или сельской общине пастбища уже давно заняты крестьянами, из-за недостатка пахотной земли, под пашню; попытка создать, на основании закона, новые общественные пастбища — до 1917 г. всего 179.579 гект. — также не могла в достаточной мере удовлетворить нужду крестьян в пастбищах. Поэтому не остается ничего другого, как арендовать для выпаса скота выгоны и луга у помещика, который может их лишь весьма в малой мере самостоятельно использовать для своего малочисленного молочного и мясного скота. Хотя крупное землевладение владеет не больше $^1/_{10}$ скота всей страны, в его руках находится почти вся площадь луговой земли. Эта монополия также служит источником порабощения крестьян. Помещик предоставляет крестьянину опять-таки за отработки право выпаса скота, но при условии, что он арендует также и пахотную землю.

Договоры об аренде и работе требуют, чтобы крестьянин выполнил прежде всего все работы в хозяйстве помещика. Вследствие этого он в большинстве случаев не имеет времени своевременно возделать и убрать свое собственное поле. Рабочий скот крестьянина до того слабосилен, что приходится запрягать в плуг две пары волов. Так как семья мелкого крестьянина обыкновенно владеет не более чем одной парой волов, которая, в первую голову, занята в хозяйстве помещика, то крестьянину приходится занимать рабочий скот на стороне, у крестьян же, для работы как на помещичьих, так и на своих полях. Таким образом, крестьянин закабален вдвойне: в хозяйстве помещика и в хозяйствах других крестьян — соседей. Свыше $^9/_{10}$ всего рабочего скота и наличного сельско-хозяйственного инвентаря принадлежит крестьянам, но как первого, так и второго еле хватает на удовлетворение нужд мелкого крестьянского хозяйства.

Преимущественное право крупного хозяйства на пользование рабочей силой (людей, скота и машин) мелкого хозяйства обеспечивает за помещичьей пашней не только относительно более р а ц и о н а л ь н у ю обработку, в зависимости от времени года и погоды, но также и более т щ а т е л ь н у ю обработку — благодаря тому, что помещик пользуется менее истощенной рабочей силой как крестьянина, так и его скота. В этом же направлении, в направлении повышения количественного и качественного, рабочей силы крестьянина в крупном хозяйстве — действуют условия арендного договора. Конечно, лучшая обработка почвы в помещичьем имении обусловливается отчасти и тем, что помещик, кроме орудий крестьянских, пользуется и железными плугами,

боронами, вальцами, сеялками, жатвенными машинами, паровыми плугами, локомобилями и т. д. Но количество этих новейших машинного типа орудий, по сравнению с общим количеством сельскохозяйственного инвентаря, весьма не велико.

По данным «Statistica agricola a Romaniei pe anii 1911—1915», публикуемым бывшим министром земледелия Антипа, в среднем за 1911—1915 гг. урожаи в мелком хозяйстве, по сравнению с крупным хозяйством, были меньше: для пшеницы на 13%, для ржи на 17%, для ячменя на 13,8%, для овса на 19.7%, для маиса на 17,5% и для рапса на 21,3%.

Мелкое крестьянское хозяйство, т. е. хозяйство огромного большинства населения, в общем не рентируется. Крестьянин получает в сущности только оплату своего труда, притом весьма низкую. Масса населения живет поэтому в нищете и нужде. За то крупное хозяйство рентируется великолепнейшим образом. Оно не только приносит высокий доход нескольким тысячам крупных собственников и крупных арендаторов, но является также серьезной финансовой опорой государственного бюджета, т. к. благодаря значительному хлебному экспорту, крупное хозяйство по существу есть главный носитель народного хозяйства в целом.

Итак, социальное и политическое напряжение уже давно, целые десятилетия, ищет выхода — революционным ли путем или в порядке реформы, т. е. путем разумной государственной аграрной политики.

Реформы до 1915 года.

Что развитие земельных отношений в старой Румынии получило не здоровое направление, — это даже сознавали в руководящих кругах бывших княжеств Молдавии и Валахии, когда они еще находились под турецким владычеством. Когда в 1864 году румынский господарь Молдавии и Валахии, полковник Куза путем Coûp d'état провел «освобождение крестьян», которое он считал необходимым, то из числа тогдашних 575.000 крестьянских семейств 468.000 были крепостными и только 107.000 — свободными крестьянами; эти последние владели всего 1.362.733 гект. земли, т. е. в среднем 12,73 гект. на одну крестьянскую семью. В то же время в руках румынских бояр находились 6.464.063 гект. земли.

«Освобождение крестьян», осуществленное 15-го августа 1864 г. на основании «закона о регулировании сельской земельной собственности» предоставило 516.183 крестьянским семьям те земельные наделы, на которых они сидели уже и до того в качестве крепостных крестьян — всего 1.994.587 гект. — в среднем на двор 3,87 гект. Наделы были даны отчасти из состава частного крупного землевладения, отчасти из земель государственных иму-

ществ — за соответствующий выкуп. В правление короля Карла I из Гогенцоллернского дома был издан целый ряд законов (1881, 1889, 1907 и 1912 гг.), продолжавших дело наделения крестьян землей. Таким образом, постепенно создавалось то распределение земельной собственности, какое мы видели в 1916 году.

Предоставленные крестьянам земельные наделы не были достаточны, чтобы видоизменить характер распределения земельной собственности, существовавший уже столетиями. Крепостная зависимость, ликвидированная «освобождением крестьян» в 1864 г., продолжала в действительности существовать — при помощи системы отработочной аренды. Уже в течении первых двух лет после так наз. освобождения крестьян в области арендных и трудовых отношений мелкого крестьянства развились такие порядки, которые вождь консервативной партии Петр Карп называл «простым грабежом». Законы изданные в 1866, 1872, 1882, 1893 гг., которые должны были якобы урегулировать систему арендных и трудовых договоров в благоприятном для крестьян направлении — на самом деле принесли лишь возстановление прежней крепостной зависимости. В этом виноваты были отчасти самые законы, проведенные в боярском парламенте, отчасти — подкупность чиновников, получавших взятки от помещиков и крупных арендаторов и всецело от них зависимых. Румынский либеральный государственный деятель, Димитрий Стурдза указывал, что все перечисленные выше законы преследовали собственно одну цель: дать помещику необходимую рабочую силу. «На всех четырех законах лежит печать регламентации трудового рабства» — говорил Стурдза в румынском парламенте.

Эксплоатация и порабощение крестьян привели в 1888 и 1907 гг. к кровавым крестьянским восстаниям, которые были подавлены с помощью военной силы. Волнения 1907 г. настолько потрясли устои государства, что общественное европейское мнение невольно приковано было к аграрным и социальным условиям, господствующим в Румынии. После подавления крестьянских волнений этого года произведено было обследование положения крестьян, обнаружившее совершенно невероятные условия сельскохозяйственной аренды и кабального труда.

Предпринятые теперь попытки реформы, главным образом, исходили из закона 23-го декабря 1907 г. Некоторые договорные формы, оказавшиеся особенно кабальными, так напр. отработочная аренда и ее разновидность «тарля» (ср. стр. 31) были запрещены, затем созданы были контрольные органы, устанавливающие предельные ставки арендной платы и минимальные ставки заработной платы.

Аграрная реформа 1908 г. обнимает собою также упомянутый нами выше закон против арендаторских трестов; далее — закон «о монополии продажи спиртных напитков в деревнях». Этот

закон имеет в виду ослабить зависимость крестьян от помещика и борьбу с распространенным в деревнях пьянством. В рамках реформы 1908 г. помещается также «закон об организации и управлении сельских обществ» и закон «об окружных судах». Цель этих последних — усовершенствовать сельскую администрацию и промоздкую сельскую юстицию.

Несмотря, однако, на строгие наказания, на деятельность контрольных органов, которым поручено было наблюдение за проведением новых законоположений, благие намерения законодателя осуществились лишь в малой степени. Причина — недобросовестность чиновничьего персонала. Еще и по сей день вполне прав бывший министр Раду Розетти, который в изданном им в 1908 году сочинении о румынском аграрном вопросе установил в цыфрах размер обычной взятки для различного рода чиновников, как то: суб-префектов, волостных старшин и т. п. Еще в 1914 г. мало изменилось в обычной формуле: «в деревне помещик и крупный арендатор' — единственный закон». Злоупотребления и закононарушения, которые реформа пыталась устранить, все еще наблюдаются в жизни, предписания закона либо игнорируются, либо обходятся.

Можно удивляться, как это при подобных условиях, несмотря на свою физическую, духовную, хозяйственную и социальную отсталость мелкий крестьянин нашел в себе достаточно энергии, чтобы вступить на путь хозяйственной самопомощи. Дело в том, что скоро уже после «освобождения крестьян» 1864 г. нужда в кредите была весьма острой. Крестьянин не мог воспользоваться ипотечным кредитом, т. к. до 1916 г., крестьянская собственность не могла быть закладываема, за исключением собственности прежних свободных крестьян, а также — виноградных и фруктовых садов. В виду этого крестьяне организовали кредитные товарищества райфайзеновского типа. В 1914 г. насчитывалось около 3.500 этого рода сельских банков с числом членов приблизительно 750.000 дворохозяев. Закон о кредитных товариществах и их центральном об'единении, «центральной кассе сельских банков и крестьянских кооперативных товариществ» от 28-го марта 1903 г., а также дополнения к нему (1го и 2-го дакабря 1904 г., 15-го марта и 16-го апреля 1906 г.) преследуют цель содействовать крестьянскому кооперативному движению.

Под влиянием кредитных кооперативов возникает целый ряд об'единений, имеющих целью организацию кооперативной самопомощи и в других областях. В первую голову следует назвать здесь арендные товарищества, значение которых сводится к совместной аренде земли и совместному распоряжению средствами, из коих оплачиваются арендные платежи и т. п. расходы. Арендуемая земля обрабатывается членами товарищества индивидуально и за собственный счет. Следовательно, арендные товарищества не

являются производительными ассоциациями и, стало быть, не страдают также недостатками этих последних. Организация арендных товариществ регулируется особым законом 1904 г., а также основным кооперативным законом 1903 г. Новелла 1909 г. специально посвящена арендным товариществам, причем в этой новелле предусматривается, что государственные имущества, имения «мертвой руки» и т. д., могут сдаваться в аренду только подобным арендным товариществам. К 1914 г. число их возросло приблизительно до 600, а количество членов в них — до 100.000. Площадь земли, находившейся в обработке этих товариществ, достигала пол миллиона гектаров.

Для мелко-крестьянского хозяйства в Румынии имеют не малое значение также потребительские кооперативы, которые занимаются совместной закупкой предметов потребления сельского хозяйства, разного рода материалов, орудий, семян и т. д. В 1916 г. насчитывалось таких потребительских кооперативов около 260 с приблизительным числом членов 11.500.

Благодаря кооперативному об'единению крестьян несколько смягчаются недочеты в условиях производства, труда и аренды, а также — распределения земельной собственности. Но ни кооперация, ни аренда земли, ни реформаторские попытки законодателя не были в состоянии ослабить то социальное и политическое напряжение, которое вытекало из неимоверно тяжелого положения в сфере аграрных отношений. Здесь могла помочь только радикальная реформа, которая, в первую очередь, должна была устранить корень зла, а именно нездоровое распределение земельной собственности. Но § 19 конституции об'являл права частного землевладения священными и не нарушимыми. По румынским представлениям изменение в распределении земельной собственности могло быть достигнуто только путем изменения конституции в этом пункте. В 1914 г. предполагалось через парламент провести отмену § 19, но мировая война помешала этому.

Так Румыния вступила в 1916 г. в войну с населением, которое было глубоко озлоблено в смысле экономическом, социальном и политическом и которое, подобно населению России, доступно было революционным настроениям.

Аграрная реформа после мировой войны.

Перед сражением при Марашешти король Фердинанд обещал 22-го марта 1917 г. своей «мужицкой армии», что земля, которую они снова отвоюют, будет составлять их собственность в большей мере, чем это имело место до сих пор. Обещенная королем аграрная реформа должна была сделать румынское крестьянство собственником государственных и удельных имуществ, земель «мерт-

вой руки» и, сверх того, отчужденной от крупных помещиков площади размером в 2 миллиона гект. Перенесенный в Яссы, вследствие занятия немецкими войсками Бухареста, — парламент утвердил королевское обещание и видоизменил § 19 конституции, исходя из «требований национальной необходимости», и за государством, в силу этого, было признано право принудительного отчуждения земли у частных лиц; 15-го декабря 1918 г. опубликован был декрет аграрной реформы для Старой Румынии. По этому декрету и последовавшему затем закону не подлежат принудительному отчуждению только леса, находящиеся в большой части своей в руках крупных землевладельцев: впрочем, и это изъятие не распространяется на леса, принадлежащие иностранцам и абсентистам (отсутствующим владельцам).

Согласно декрету отчуждению подлежит:

1. В полном об'еме:
   а) вся земля имений иностранцев,
   б) вся земля имений абсентистов,
   в) годная для обработки земля государственных и удельных имений, земельного банка, благотворительных учреждений, институтов и прочих юридических лиц.
2. Удобная земля частного крупного землевладения в размере, в общей сложности, до 2-х миллионов гектаров.

Удобной землей считается: земля, возделывавшаяся ранее, далее — степная земля, пастбища и другие годные для обработки площади. Виноградники, фруктовые сады, пустопорожние земли и лес не считаются удобной землей по смыслу декрета.

Отчуждение помещичьей земли производится по установленной прогрессии, а именно: от имения в 110 гект. отчуждается 1 гект., от имения в 500 гект. — 259 гект., от имения в 1000 гект. — 715,1 гект. и, наконец, от имения в 10.000 гект. — 9.500.

Собственникам нескольких имений, по желанию их, вся оставленная им земельная площадь отводится к одному месту — в одном из имений. Если, однако, крестьяне желают получить землю ближайшего к ним имения, то право собственника на получение в одном месте имения, равного по размерам всем оставляемым ему «остаткам» — отпадает. За отчужденную землю владелец получает среднюю цену, существовавшую в период от 16. 8. 1911 по 15. 8. 1916 в данной местности; возмещение за землю не должно, однако, превышать 20-ти кратной суммы арендной платы. За землю отчужденную с целью создания общественных пастбищ, максимум возмещения не должен превышать 15-ти кратной суммы арендной платы.

Проведение закона в жизнь возложено на «Центральную Кассу народных банков и крестьянских кооперативных товариществ», которая включается в состав министерства земледелия и

получает наименование: «Центральная Касса для кооперативных товариществ и наделения крестьян землей».

Самая процедура наделения производится следующим образом: Центральная Касса приобретает отчужденную площадь и передает ее образованному с этой целью кооперативному товариществу крестьян, имеющих недостаточно или вовсе не имеющих земли. Кооператив, с своей стороны, уже производит наделение отдельных крестьян. Покупную сумму кооператив уплачивает бывшему владельцу в виде 5%-ных рентных облигаций, погашаемых в 50 лет. По тяготеющим на отчужденном имении ипотечным долгам кредиторы получают соответствующую часть рентных облигаций.

Чтобы облегчить крестьянам приобретение земли, государство выплачивает отдельным крестьянам 35% стоимости отчуждения; крестьяне-же, в свою очередь, платят кооперативу при получении от него надела 20%, а остальную сумму — ежегодными взносами в течение 20 лет.

Декрет не содержит никаких указаний насчет личных качеств заявителя на надел, и выбор претендентов на землю всецело предоставляется земельным комиссиям.

В силу декрета — в период от 1918 по июль 1921 г. крестьянам была отведена земля:

1. из государственных домэнов	160.446,11	гект.
2. из удельных имений и имений корпораций	413.724,04	„
3. из имений собственников	41.001,63	„
4. из имений иностранцев	102.430,72	„
5. из помещичьих имений	1.496.538,94	„
Всего	2.214.741,44	гект.

Из числа 5.385 имений крупного землевладения отчуждено было, в силу декрета, 4.757 имений. Отчужденная земля площадью 2.214.741,44 гект. была, в начале 1919 года, сдана в аренду, специально с этой целью — учрежденным крестьянским кооперативным арендным товариществом, причем обработка земли производилась членами товариществ индивидуально. С начала 1921 года земля была передана отдельным крестьянам в собственность. Наделение коснулось 462.057 крестьян, получивших в общем около 1.937.877 гект., причем 276.842 гект. пошло на общественные пастбища.

Получить из помещичьих имений площадь в 2.000.000 гект. (исключая имения абсентистов и иностранцев), отчуждение каковой требовалось согласно декрету, — оказалось невозможным, несмотря на двукратную проверку всей операции отчуждения специальными комиссиями. Для того, чтобы раздобыть недостающую площадь в 503.461 гект., 14 июля 1921 г. издается другой, более

радикальный закон, утверждающий, во первых декрет 1918 г., во вторых, определенно закрепляющий все производившиеся, на основании декрета, отчуждения и пополнивший его новыми постановлениями.

Так, по новому закону, совершенно, видоизменяются те максимальные пределы, которыми по декрету регулировались размеры оставляемых в пользовании помещиков земельных участков. Взамен прогрессивной шкалы устанавливаются следующие 4 категории максимума оставляемой земли:

I категория:

для гористых местностей	100 гект
для равнины с густым населением и значительным малоземельем	200 „
для равнины с средней плотности населением и с средним малоземельем	300 „
для равнины с редким населением и земельным простором	500 „

Эти максимумы в 500, 300, 200 и 100 гект. действительны, однако, только для таких имений, которые могут доказать, что ими помещены большие капиталы в мелиорации, в машины, скот, постройки, различные побочные отрасли промышленности и т. д. Этим путем законодатель попытался, до известной степени, оставлять в собственном заведывании владельца образцово ведущиеся хозяйства, и, с другой стороны, противодействовать системе арендаторских трестов.

II категория:

для гористых местностей	100 гект.
для равнины с значительным малоземельем .	250 „
для равнины с среднем малоземельем	400 „
для равнины без малоземелья	500 „

Эта категория максимумов действительна для владельцев нескольких имений с общей площадью свыше 500 гект. Для имений с крупными инвестированиями максимум в этой категории, независимо от местности, составляет 500 гект.

III категория:

для гористых местностей	150 гект.
для равнины с значительным малоземельем	200 „
для равнины с средним малоземельем	250 „
для равнины без малоземелья	300 „

Эта категория действительна для сельских хозяев с высшим образованием или имеющих сыновей с высшим образованием, не подпадающих ни под I ни под II категорию.

Ко всем прочим имениям применяют гораздо более низкие максимумы оставляемых участков, а именно:

IV категория:

для горных местностей	100 гект.
для равнины с значительным малоземельем .	150 „
для равнины с средним малоземельем	200 „
для равнины без малоземелья	250 „

Наибольшая часть имений подпала как раз под IV категорию. В общем, следовательно, в будущем не должно быть имений с площадью больше 250 гект., в некоторых исключительных случаях — 500 гект. Но при этом заметно одновременно стремление, наряду с радикальным сокращением крупного землевладения, проводимым даже в тех местностях, где крестьяне никакого земельного голода не испытывают — сохранить, по возможности, крупные хозяйства. Другой вопрос, конечно, в какой мере эти немногочисленные имения с предельной площадью в 500 гект. сумеют выполнить народно-хозяйственную функцию крупного землевладения. Предпочтение, отдаваемое имениям с значительными инвестированиями, является наградой и в то же время поощрением за интенсивирование хозяйства — то же можно сказать относительно предпочтения, оказываемого хозяевам с высшим образованием.

Возмещение за отчужденную землю выплачивается по определенной шкале, в зависимости от качества почвы. Предельный размер возмещения повышен, против декрета, до 40-кратного размера арендной платы за время 1917 — 1922 г.г. Сельские коммуны, однако, уплачивают максимум 20-кратную арендную плату (общественные пастбища).

Органами, осуществляющими о т ч у ж д е н и е земель являются:

1) Земельный Комитет в Бухаресте, 2) Окружные комиссии и 3) районные комиссии.

Земельный Комитет выполняет функции совещательного органа министерства земледелия по всем делам отчуждения, раздела земли и передачи земельной собственности в другие руки. Он состоит из 18 членов и одного председателя. Кандидатов в земельный комитет предлагает министр земледелия, и они утверждаются королевским декретом; при том половина членов — юристы, другая половина — знатоки сельского хозяйства и народного хозяйства в целом. Земельный Комитет разбит на следующие отделы: а) отдел для Старой Румынии, б) отдел для Трансильвании, в) отдел для Буковины. Бессарабия занимает особое место.

Окружные комиссии состоят из 4-х членов: одного судьи, в качестве председателя, одного уполномоченного «Центральной кассы кооперативных товариществ», одного уполномоченного от крупного землевладения и одного уполномоченного от претендентов на наделение землей.

Районные комиссии также состоят из 4-х членов: местного судьи, в качестве председателя и по одному делегату от «Центральной кассы», от крупного землевладения и от претендентов на наделение землей.

Отчужденная земля вплоть до окончательного разверстания земли находится в арендном пользовании мелких крестьян. В отличие от декрета закон 1921 г. установил твердые принципы относительно тех категорий крестьян, которые подлежат наделению:

I. Крестьяне, имеющие земельную собственность меньше 5 гект. получают земельный участок такого размера, чтобы довести их посевную площадь до 5 гект.

II. Безземельные крестьяне получают участки размером в 5 гект.

III. Колонисты, поселяющиеся в редко населенных местностях получают участки размером в 7 гект. (Предпочтительным отношением к колонистам законодатель пытается противодействовать инерции крестьян и одновременно содействовать колонизации еще неиспользованных пространств, как напр., 460.000 гект. придунайских заливных низин).

IV. Опытные сельские хозяева получают участки размером от 10 до 15 гект. (всего предназначено для этой цели 30.000 гект.), для устройства образцовых и показательных хозяйств.

Претенденты на землю распределяются при наделении в следующей иерархической последовательности:

1) Мобилизованные в 1916 — 1919 г.г.
2) Мобилизованные в 1913 г. в Болгарскую войну.
3) Вдовы военных, в качестве опекунш их детей.
4) Безземельные крестьяне.
5) Крестьяне, владеющие меньше 5 гект.
6) Сироты военных.

При прочих равных условиях предпочтение тому или другому лицу отдается в следующем порядке: а) инвалидам, б) крестьянам, уже работавшим до того в имениях, в) крестьянам, владеющим сельскохозяйственным инвентарем и имеющим домашнее обзаведение, г) отцам многодетных семейств, д) более пожилым главам семейств.

Как видим, при установлении такой последовательности руководствовались больше моментами социального, нежели хозяйственного порядка.

Местная комиссия по делам наделения землей состоит из волостного старшины (бургомистра), священника, первого

учителя и избранных представителей крестьян; окружная комиссия по наделению землей состоит из окружного судьи в качестве председателя, окружного агронома в качестве представителя «Центральной Кассы», начальника округа, двух представителей крестьян и одного уполномоченного военного министерства.

Колонизация, создание новых поселков или расширение уже существующих селений является задачей «Центральной Кассы». Последняя учреждает склады строительных материалов, орудий и семян, предоставляет колонистам необходимый кредит и выполняет нужные технические работы. Через «Центральную Кассу» государство ассигнует потребные для создания новых хозяйств суммы. Колонисты обязуются половину этих расходов вернуть в течение 40 лет. Возврат, в виде срочных платежей, ничинается, однако, только по истечении первых 5 лет с момента водворения на новых местах.

Другую половину расходов несет сама «Центральная Касса» из фонда, ежегодно ей с этой целью ассигнуемого. К упомянутой выше последовательности разного рода претендентов следует еще добавить, что при водворении в той или другой местности предпочтение, прежде всего, отдается жителям данной местности, затем — жителям уезда, затем — жителям других уездов данной провинции и, наконец, — жителям других провинций.

В декрете 1918 г. отсутствовали ограничительные постановления относительно права продажи предоставленных крестьянам в надел участков. В законе 1921 г. этот пробел заполнен, и в нем мы находим указания насчет продажи, залога, раздела и т. д. До тех пор пока вся покупная стоимость надела не уплачена, он может быть продаваем только в полном об'еме; тоже самое относится и к праву дарения или обмена на другой участок. Этим хотели избежать путанницы в платежных обязательствах и в условиях задолженности.

Каждый румынский гражданин в праве покупать у крестьянина землю, но лишь при том условии, если он сам обязуется ее обрабатывать. Мелкая земельная собственность до 10 гект. может быть заложена только в кредитных учреждениях, уполномоченных на то государственной властью. Как известно, до 1916 г. ипотечный кредит был недоступен мелкому крестьянину, и для последнего возможно было, через крестьянские кредитные товарищества, получать только л и ч н ы й кредит. Новый закон, с одной стороны, облегчает крестьянину возможность кредита, с другой — дает кредитным кооперативам большую гарантию и в сильной степени противодействует ростовщичеству.

В новом законе предусматривается также порядок наследования, противодействующий, до известной степени, измельчанию крестьянских наделов. Выше уже указывалось, что неограниченная дробимость крестьянской земельной собственности, в случае

смерти владельца — есть одна из главнейших причин крестьянской нищеты. Новый закон предписывает: во первых, мелкая земельная собственность не может, при наследовании, дробиться в гористых и холмистых местностях дальше 1 гектара, а в равнинах — 2-х гектаров; во вторых, каждый земельный собственник имеет право об'явить площадь в размере 50 гект. не-дробимой в случае его смерти и, следовательно, переходящей, при наследовании, в виде цельного, замкнутого владения. Этим дается возможность сохранить производительное мелкое и среднее хозяйство.

Для обеспечения возможно более целесообразной системы хозяйства, для лучшего использования общественных пастбищ, а также для реализации сельскохозяйственных продуктов крестьянства «Центральная Касса» имеет право издавать обязательные для наделенных землею крестьян предписания. «Центральная Касса» учреждает в порядке принудительном кооперативы, задача которых состоит в приучении сельских жителей к более рациональному и интенсивному хозяйству, к правильной реализации продуктов труда, к улучшению пород скота и т. д. «Центральная Касса» определяет, в случае необходимости, и меры наказания за нарушение ее предписаний, причем нарушитель может, по приговору судьи, даже лишиться своего нового надела, который в таком случае переходит в собственность «Центральной Кассы».

Соединение к одним местам черезполосных участков должно быть предметом особого, еще до сих пор неопубликованного, закона. Право на недра отчужденных и переданных крестьянам участков принадлежит государству; в гористых и холмистых местностях, там, где участки отводились для выпаса скота, — это право принадлежит прежнему владельцу.

Таковы существенные постановления аграрного закона 14-го июля 1921 г., изданные в дополнение к декрету 16-го декабря 1918 г.

На основании нового закона, до июля 1923 г. было отчуждено из состава частного крупного землевладения 304.442,96 гект. Эта площадь была предварительно сдана в аренду специальным товариществам, члены которых обрабатывают свои наделы в порядке индивидуальном. Передача в собственность отдельных крестьян должна состояться в течение 1924 г., после тщательной проверки законных прав каждого в отдельности, в том числе и вопроса, в какой мере данный заявитель исполнил свой долг во время войны.

Если к площади, отчужденной на основании закона 1921 г., прибавить ту площадь, которая была отчуждена и уже передана в собственность крестьян в силу декрета 1918 г., то мы получим общую площадь размером 1.881.000,90 гект. Таким образом, не хватает еще 199.018,10 гект., подлежащих отчуждению от крупного землевладения. Эти приблизительно 200.000 гект. должны

были быть отчуждены еще в течение 1923 г. и вместе с остальной площадью переданы крестьянам в собственность — в течение 1924 г. Таким образом, к концу 1924 г. предположительно осуществится программа обещанного в свое время королем перераспределения земельной собственности.

Имея в виду, что за время с 1917 до конца 1923 г. крестьяне приобрели, покупкой от частных лиц, около 150.000 гект., что, кроме того, около 30.000 гект. были выделены для устройства крестьянских образцовых хозяйств в 10 — 15 гект. — мы получим следующую картину распределения земельной собственности Старой Румынии к концу 1924 г.:

Группы владений	Площад в 1000 гект.	% ко всей площади
До 10 гект.	6357	75,83
От 10 до 100 гект.	891	10,62
Свыше 100 гект.	677	8,07
Удобная затопляемая земля	460	5,48
Всего	8385	100,00

Аграрный переворот, совершившийся в Старой Румынии с 1918 г., представляет собой — если отрешиться от России — наиболее крупное перемещение земельной собственности, осуществленное в столь короткое время. Свыше $^3/_4$ сельскохозяйственной площади будет к концу 1924 г. находиться в руках мелкого крестьянства, в руках же крупного землевладения остается менее одной десятой посевной площади. 60-ти летняя борьба между румынским помещиком и крестьянином за землю окончилась в пользу крестьянина. Страна латифундий превратилась в страну мелкой крестьянской собственности, и в настоящее время распределение крупного, среднего и мелкого хозяйства совпадает в общем и целом с группировкой земельной собственности. Крестьянин сбросил оковы своей трудовой неволи. Крестьянская аренда земли и система издольщины значительно сократились. Основное зло румынского крестьянского хозяйства — малоземелье, благодаря перераспределению земельной собственности, для значительной части безземельных и малоземельных крестьян, по крайней мере, на ближайшее время весьма смягчено. В виду указанных причин, в настоящее время нельзя более говорить о той гнетущей экономической зависимости крестьянства от крупных помещиков и арендаторов, каковая имела место даже еще в момент окончания войны. Часть мелких крестьян, которые из-за недостатка земли, вынуждены были приарендовывать землю за отработки в помещичьем имении, в настоящее время либо совсем не нуждаются в дополнительной аренде, либо, если и нуждаются, то в гораздо меньшей степени. Этот момент не может не оказать благоприятного вли-

яния на само крестьянское хозяйство. Семья крестьянина имеет возможность теперь отдавать свой собственный труд и рабочую силу своего скота, в первую голову, своему собственному хозяйству. Этим дается возможность поднять несколько крестьянское хозяйство, но лишь в той мере, в какой мелкий собственник обладает достаточным количеством живого и мертвого инвентаря для своего расширенного или вновь приобретенного владения. Между тем огромному большинству вновь наделенных крестьян дает себя чрезвычайно тяжело чувствовать отсутствие в законе достаточных гарантий в смысле финансирования новых земельных наделов (для покупки скота и орудий). Поскольку в таких случаях помощь не может быть оказана кредитными кооперативами, эти хозяйства вряд-ли могут преуспевать. Далее, закон 1921 г. признает за безземельными крестьянами право на надел в размере 5 гект. Закон исходит как-будто из предположения, что 5 гект. гарантируют возможность существования крестьянской семьи. Правда, 5 гект. достаточны для пропитания семьи крестьянина, но, при экстенсивной системе хозяйства, они не в состоянии обеспечить удовлетворения всех необходимых потребностей.

Раздел больших имений, на первых порах, принес безземельным и карликовым крестьянам сокращение заработков. Правда, закон 1921 г. предусматривает возможность в том случае, когда в данной местности не хватает земли для наделения всех имеющих на нее право мало- и безземельных — возможность водворения обойденных на новом месте, где земли имеется достаточно. Но до настоящего времени очень мало сделано для осуществления этой, в социальном отношении неотложной, внутренней колонизации; может быть, 1924-ый год даст в этом отношении большие результаты.

Аграрная реформа таким образом принесла лишь отчасти условное улучшение хозяйственного и социального положения мелкого крестьянства, за то в политическом отношении крестьянский вопрос можно считать разрешенным. С тех пор как в парламенте сидят об'единенные в большой партии представители крестьянства, последнее и в политической жизни страны играет немаловажную роль.

Разделом крупного землевладения политическое и экономическое господство боярской касты и клики крупных арендаторов уничтожено; но вместе с тем, надо сказать, сельское хозяйство Старой Румынии потеряло значительную долю своей экономической мощи. В то время как аграрная проблема, благодаря частичному разрешению крестьянского вопроса, с одной стороны, несколько смягчилась, она, с другой стороны, сейчас снова обострилась. Аграрная реформа 1918 — 21 г. г. разрешила, главным образом, политический вопрос. В социальном отношении она недостаточна, а в народно-хозяйственном — даже вредна, как будет пока-

зано ниже. Но следует подчеркнуть, что аграрный переворот, — нанесший народному хозяйству, вследствие чрезмерного измельчания крупного землевладения, огромный вред — в тоже время указывает тот путь, по которому необходимо пойти, чтобы хоть несколько исправить сделанные ошибки.

Аграрная реформа, упразднившая прежнее распределение земельной собственности, вместе с тем вырвала из рук помещиков главное оружие для сохранения экстенсивной системы хозяйства; она, следовательно, смела те пропоны, которые до сих пор стояли на пути к интенсификации хозяйства, столь необходимой со всех точек зрения: социальной, политической, частно-хозяйственной и народно-хозяйственной. Но, к сожалению, приходится констатировать, что вступление на этот путь, в частности — со стороны крестьян, пока не мыслимо, ибо, прежде всего, должны быть еще созданы культурные и технические предпосылки интенсификации.

НОВАЯ РУМЫНИЯ.

Мы показали неизбежность решительной аграрной реформы в областях Старой Румынии. На территории, перешедшей к Румынии после мировой войны, в одной только Бессарабии проведение радикальной реформы в сфере распределения земельной собственности было почти неизбежно — в силу одинаковых социальных, экономических и политических оснований. В двух других вновь приобретенных провинциях — в Буковине и Трансильвании — земельный вопрос не стоял так остро. Но в эпоху, когда не только во всех участвовавших в войне государствах, но почти повсюду, во всех культурных странах земного шара, совершалось перемещение земельной собственности, естественно нельзя было избежать аграрной реформы также и в Новой Румынии. Характер реформы в Ново-румынских областях, осуществление которой впрочем еще не завершенно, находится не только под влиянием хозяйственных и, в особенности, социальных и внутренне-политических моментов, но также под влиянием национальных моментов. Поэтому аграрные преобразования здесь не редко имеют более резкое и радикальное выражение, нежели в Старой Румынии. Между прочим, этот радикализм обнаруживается в том, что во всей Ново-Румынии, в противуположность старому королевству, в сферу аграрной реформы вовлечена также частная собственность на леса.

Бессарабия.

Бессарабия, как и Старая Румыния — резко выраженная земледельческая страна. 75,7% всего населения (2.646.000 человек) занимаются земледелием. Земля в равнине очень плодородная;

это — тот же чернозем, какой мы видим в Румынской низменности и в Украине. Бессарабия напоминает Старую Румынию также и в отношении культуры, плотности населения, развития дорожной сети и экстенсивности сельского хозяйства. Вся площадь Бессарабии распределяется следующим образом:

	в 1000 гект.	%
Сельскохозяйственная площадь:	3.364	75,5
	в 1000 гект.	
Пахотная земля	2746 (81,63%)	
Пастбища	458 (13,60%)	
Луга	75 (2,24%)	
Виноградники и фруктовые сады	85 (2,53%)	
	100,00%	
Леса	249	5,7%
Водныя пространства, дороги, застроенная земля	829	18,8%
Вся площадь Бессарабии	4.442	100%

Ко времени присоединения Бессарабии в 1812 г. от Молдавии к России, распределение в ней земельной собственности было приблизительно то же, что в Молдавии и Валахии. Площадь земли, принадлежавшая свободным крестьянам, относилась к площади крупного землевладения приблизительно как 1 : 6. От 1812 до 1914 года аграрная история Бессарабии являет два лица. С одной стороны, наблюдается несомненное сходство с Старой Румынией: та же система крупных имений, размером не редко от 500 до 10.000 гект.; та же зависимость крестьян от крупных помещиков; тот же по существу «бумажный» характер освобождения крестьян, так как и в Бессарабии после 1861 г. получила огромное распространение система отработочной аренды со всеми ее наростами. С другой стороны, однако, наблюдается существенное различие со Старой Румынией. В Бессарабии гораздо значительнее представлена средняя земельная собственность — от 10 до 100 гект.: она занимает 30% сельскохозяйственной площади. Владельцами этого типа хозяйства являются отчасти, в ¼, немецкие колонисты, которые, начиная с 1812 г., переселялись сюда из Восточных провинций Пруссии, из Бадена, Вюртемберга, Баварии, Рейнского Пфальца и Эльзаса. В 1914 г. численность этих колонистов составляла около 79.000. В Аккерманском уезде немцы составляют 18% населения; там имеется сплошная полоса 67 немецких колоний с населением 58.624 немцев. Точно также сплошной полосой расселены 4.868 немцев в Бендерском уезде, 6.258 немцев в Кагульском уезде. Вся площадь немецких колоний составляет 281.600 гект. (чуть меньше одного из германских государств — Мекленбург-Штрелиц), т. е. 6% всей площади Бессарабии.

Среди сельского населения Бессарабии немецкие колонисты занимают исключительное положение — в смысле трудо-интенсивности и капитало-интенсивности своих хозяйств. В некоторых местностях они ввели многополье, вообще же придерживаются улучшенного трехполья, между тем как повсюду в Бессарабии, среди румынских, украинских, болгарских, турецких крестьян и по сей день господствует исконное трехполье. Столыпинская аграрная реформа 1906 — 1914 г.г., мало коснулась Бессарабии, так как здесь отсутствует Великорусская община.

В 1916 г. распределение сельскохозяйственной площади в Бессарабии представляло следующую картину *):

Группы владений	Площадь в 1000 гкт.	в % % ко всей площади	Число владельцев в 1000	в % % ко всему числу	Средн. размер владения или хозяйства
До 10 гект.	1012	27,90	266	78,37	3,80
От 10 до 100 гект. .	1155	31,85	72	21,05	16,13
Свыше 100 гект. . .	1461	40,25	2	0,58	732,58
Вся с.-хоз. площадь (включая с.-хоз. водныя пространства, дороги, землю под строениями и. т. д.)	3628	100,0	340	100,0	10,66

$^4/_5$ всего числа сельских хозяев владеют в 1916 г. только одной четвертью сельскохозяйственной площади, в то время как ½% всего числа землевладельцев владеет половиной всей сельскохозяйственной площади. Если принять во внимание, что среднее землевладение — $^1/_5$ всего числа землевладельцев — также имеет сравнительно большую долю ($^1/_3$), то ясно, что глубокая социальная пропасть существует не только между крупными и мелкими земельными собственниками, но также — между мелкими и средними. Так как, сверх того, значительная часть средних землевладельцев, как и крупных, принадлежит не к Румынской национальности, то естественно, что к противоречиям социального характера прибавились еще и противоречия национальные. Крупными землевладельцами являются, по большей части, русские, средними землевладельцами — русские и немцы. Из национально-политических соображений русское правительство во время мировой войны совершило чрезвычайно вредный, с точки зрения производственной, шаг, а именно у ¼ средних хозяйств и как раз у наиболее интенсивных оно отняло их владельцев. Семьи немецких колонистов были сосланы во внутренние русские губернии, а их

*) Ср. Buletinul Statistic al Romaniei, Serie IV, т. XIV, 1919, № 1 стр. 34.

земельная собственность за ничтожное «возмещение» была продана с молотка.

Чрезвычайно резкие социальные и национальные противоречия делают понятным, почему российская революция 1917 — 1918 г. не только уничтожила крупное землевладение в Бессарабии, но также довольно беспощадно обошлась и с среднем землевладением. Мелкие крестьяне насильственно захватили не только землю, принадлежавшую государству, различным корпорациям, землю частных имений; они захватили одновременно и большую часть земель средних собственников.

После того, как Бессарабия в 1918 г. присоединена была к Румынии, Румынское правительство озабочено было подавлением революционных настроений сельского населения, оно старалось не дать проникнуть российскому большевизму в Румынию. Поэтому захваты земель крупных помещиков мелкими крестьянами румынское правительство, до известной степени, легализировало. Напротив, собственность средних землевладельцев, в том числе и бывших немецких колонистов, была возвращена прежним хозяевам.

Революционное правительство автономной Бессарабии поставило условием присоединения к Румынии, что Бессарабия получает возможность самостоятельно разрешить свою аграрную проблему. Румыния согласилась на это, и принятый 27-го ноября 1919 г. провинциальным законодательным собранием аграрный закон утвержден был румынским королем 21-го декабря 1919 г. и, — в пересмотренном и дополненном виде — ратифицирован Велико-Румынским Парламентом 11-го марта 1920 г. Возникновение закона в лоне революционного парламента «Молдавской Республики» сообщило ему более радикальный характер по сравнению с аграрными законами Старой Румынии.

Бессарабский закон требует:

I. Полного отчуждения: а) всех имений российского государства, корпораций, земства, сельских обществ, церквей и монастырей; б) земель абсентистов и тех иностранцев, которые до 1-го января 1918 г. не заявят о своем желании принять румынское подданство.

II. Частичного отчуждения: а) всех частно-владельческих имений, не подпадающих под категорию I. б. — с оставлением прежнему помещику участка размером в 100 гект.; б) в случае необходимости — также земель среднего землевладения ниже 100 гект.; в) всех имений, которые в промежуток времени от 1905 по 1918 г. пять лет подряд сдавались в аренду — с оставлением владельцу участка размером в 25 гект.

Раздел отчужденной земли проводится на следующих основаниях:

1. Крестьянские семьи с площадью менее 6 или 8 гект. получают в надел участки, округляющие их владение до 6 или 8 гект.;

2. Безземельные крестьянские семьи получают участки площадью от 6 до 8 гект.;

3. Крестьянские семьи, переселяющиеся, в качестве колонистов, в редко населенную местность получают участки от 8 до 10 гект.

Колонизация осуществляется в порядке селения деревнями, а не в порядке хуторского землепользования, не подходящего для равнины и не отвечающего характеру населения.

В силу этого закона до конца 1923 г. были отчуждены и перешли в собственность Румынского государства:

I. Все леса, находившиеся, главным образом, в руках частных владельцев . . .	249.318 гект.
II. Земельная собственность Российского государства	232.123 гект.
III. Сельскохозяйственная площадь крупного землевладения	1.028.647 гект.
Всего	1.510.088 гект.

Вся площадь лесов окончательно перешла в собственность Румынского государства. Для разверстания, стало быть, осталась сельсельскохозяйственная площадь в 1.260.770 гект. Из этой площади до июля 1923 г. перешло в частную собственность крестьян 914.029 гект. Разверстание остальных 287.979 гект. было в ходу летом и осенью 1923 г. и должно было завершиться к концу этого года. Временно эта площадь обрабатывалась крестьянами на арендных основаниях. В руках государства осталось еще пока в общей сложности 58.762 гект. Из этого фонда должны быть наделены земледельческие школы, а равно другие учебные и промышленные заведения. Временно и эта земля сдается в аренду мелким крестьянам.

Итак, к 1923—24 г. распределение земельной собственности в Бессарабии представляется приблизительно в следующем виде *):

Категории владений	Площадь в 1000 гект.	% ко всей площади
До 10 гект.	2273	62,65
От 10 до 100 гект.	1355	37,35
Свыше 100 гект.	—	—
Вся с.-хоз. площадь, включая водныя пространства, дороги, землю под постройками и т. д.	3628	100,0

*) На основании сведений «Центральной Кассы» для распределения земельной собственности и Buletinul Statistic al Romaniei, 1919, № 1 стр. 34.

Сопоставление с распределением 1916 г. показывает всю глубину совершившагося переворота. Крупное землевладение, обладавшее $^2/_5$ сельскохозяйственной площади, совершенно исчезло. «Остаточные» имения, размером в 100 гект. каждое, должны быть теперь причислены к категории средних хозяйств. Средние хозяйства сейчас занимают большую площадь, а именно 37,35% вместо прежних 31,85%. Точно также значительно расширилась площадь мелкой собственности: с $^1/_4$ до $^3/_5$ всей сельскохозяйственной площади. Процент мелких собственников возрос благодаря наделению землей прежних безземельных крестьян. Кроме того, самое главное — в то время как средний размер мелко-крестьянского хозяйства составлял в 1916 г. 3,8 гект., он к концу 1923 г. почти удвоился. Даже при господствующей в массе экстенсивной системе хозяйства площадь в 7 гект. более или менее достаточна для поддержания существования крестьянской семьи, по крайней мере, для ближайшего будущего.

Но и в Бессарабии крестьянский вопрос этим нельзя считать разрешенным. Здесь также конечно его разрешение в смысле социальном и хозяйственном, имея в виду рост населения, зависит от интенсификации мелкого крестьянского хозяйства. С точки зрения политической и национальной, однако, можно констатировать существенное успокоение, так как все-же временно наступило относительное улучшение социального и экономического положения мелкого крестьянства.

Буковина.

Буковина, как и Бессарабия, в географическом отношении, является придатком Молдавии. Она очень богата лесами (страна буков). В горных местностях скотоводство, в противоположность Старо-Румынии и Бессарабии, находится в цветущем состоянии. Буковинская равнина — продолжение Бессарабской черноземной полосы. Вся Буковина занимает площадь в 1.044.289 гект., которая распределяется следующим образом*):

	в 1000 гект.	в 1000 гект..
Сельскохозяйственная площадь		557 или 53,38%
Пахотная земля	288	
Фруктовые сады	8	
Луга	132	
Пастбища	129	
Леса		451 или 43,4 %
Водн. пространства, застроенная земля, неудоб. земля, дороги, улицы и т. д.		36 или 3,41%
Вся площадь страны		1.044 или 100%

*) Buletinul Statistic al Romaniei, 1919, № 1, стр. 66.

Буковина насчитывает 800.000 д. населения, одну треть которого составляют румыны. По численности своей впереди румын находятся русины (украинцы); кроме румын и русинов провинция населена немцами, поляками и маджьярами.

Ко времени присоединения Буковины к владениям Габсбургов, в 1775 г., земельные отношения в ней ничем не отличались от таковых же в Молдавском княжестве, от которого эта провинция была отторгнута: вся почти земля принадлежала нескольким помещичьим родам, монастырям и церквам, а крестьянин был крепостным. По императорскому указу 22.4.1787 земля, обрабатываемая крестьянской семьей, должна была стать собственностью этой последней — но указ остался лишь на бумаге. Последствием революционного 1848 года явилось несколько императорских декретов, в результате которых 75% всех возделываемых земель перешло в собственность мелких и средних крестьян. Следующая таблица дает представление о группировке землевладения в Буковине в 1916 г.:

Категории землевладения	Площадь в 1000 гект.	% ко всей площади	Число владений в 1000	% к общему числу владений	Средний размер владения (гект.)
До 10 гект. . . .	275	47,49	99	96,27	2,66
10—100 „ . . .	156	27,28	4	3,50	542,01
Свыше 100 „ . . .	143	25,23	0,24	0,25	69,09
Вся сельско-хоз. площадь.	574	100,00	1,03	100,00	2,79

Как видим, средний размер мелко-крестьянского двора равняется 2,6 гект. Безземельные крестьяне, по большей части, принадлежат к румынской национальности, в то время как крупными и средними землевладельцами являются преимущественно немцы и поляки. Среднее землевладение представлено весьма сильно, гораздо сильнее чем в Старо-Румынии. Оно занимает большую площадь, чем крупное землевладение. Две трети площади среднего землевладения находятся в руках немецких колонистов, предки которых еще полтораста лет тому назад переселились сюда из Вюртемберга и Бадена. В Буковине живут 68.075 немцев, составляя 8,4% всего числа населения, причем часть живет в городах.

Отработочная аренда в Буковине неизвестна. Аренда и труд оплачивается деньгами или натурой. Крестьянин и сельскохозяйственный рабочий принадлежат к различным социальным группам.

Сейчас после крушения Австрии Румынский национальный Совет Буковины принял законопроект относительно перераспределения земельной собственности, который 6. 9. 1919 получил санкцию румынского короля, как декретный закон. Положения декрета впоследствии, в дополненном виде, вошли в утвержденный Велико-Румынским Парламентом закон 23. 7. 1921. Этот закон, в общих чертах, покоится на тех же основаниях, что и Старо-румынский земельный закон. Так, участникам войны и их потомству отдается предпочтение перед другими в отношении наделения землей, и проведение закона возложено на комиссии различных степеней.

Отчуждению в полном об'еме подлежат: а) земли австрийского государства, корпораций и т. д.; б) земли абсентистов и в) земли, сдававшиеся в аренду подряд 9 лет в промежуток времени от 1905 до 1919 г. Частичному отчуждению подлежат: а) все имения ничем особенным не выдающиеся в отношении построек, инвентаря, скотоводства или сельскохозяйственных промыслов — с оставлением в пользовании бывших владельцев «остаточного» участка в 100 гект.; б) все имения, инвестировавшие более значительный капитал в постройки, инвентарь, скот и т. д. — причем в пользовании б. владельцев таких имений оставляется от 100 до 250 гект.

Вознаграждение за отчужденную землю производится на основаниях Старо-Румынского закона (5% рентные облигации с погашением в 50 лет); австро-венгерская крона приравнивается к румынскому лею. Земельные наделы получают:

1) безземельные крестьяне — 4 гектара; 2) крестьяне, имеющие надел менее 4-х гект., получают участок, необходимый для округления своего надела до указанного размера; 3) переселенцы получают участки размером до 6 гект.

За получаемые наделы крестьяне уплачивают государству, причем с них берется только половина выкупной суммы, а вторая половина вносится государством. $^1/_5$ выкупной суммы должна быть внесена тотчас-же при получении надела.

До конца 1923 г. было отчуждено, на основании закона, в общей сложности 55.208 гект. Земля эта, на первых порах, сдается в аренду крестьянам, имеющим право на надел. Передачу в полную собственность предполагалось закончить в течение 1923 г. Далее, в течении 1924 г., предполагается произвести отчуждение, разбивку и наделение площади приблизительно в 50.000 гект., так что до конца 1924 г. от крупного землевладения будет отнято около 100.000 гект. земли.

Таким образом, если эти предположения осуществлятся, картина распределения земельной собственности в Буковине в конце 1924 года представится в следующем виде:

Группы владений	Площадь в 1000 гект.	в %/%
до 10 гект.	370	64,64
от 10 до 100 гект.	174	29,98
свыше 100 гект.	30	5,38
Вся с.-х. площадь, включая воды, дороги, застроенную землю и. т. д.	547	100,0

Сельско-хозяйственная площадь крупного землевладения, следовательно, сократится против 1916 г. почти в 5 раз. Дело в том, что к крупному землевладению могут быть причислены лишь те «остаточные» имения, в пользовании которых осталось от 100 до 250 гектаров земли.

Но половина крупных имений урезана до размера в 100 гект., так что отныне такого рода имения относятся к группе средняго землевладения. Вследствие этого площадь среднего землевладение возросла с 27% почти до 30%, а площадь мелкого землевладения составит свыше $^3/_5$ всей сельско-хозяйственной площади Буковины.

Не все безземельные крестьяне получат, однако, земельный надел, так-как для этого, а равно для округления малоземельных хозяйств — не хватает земли.

Итак, крестьянский вопрос в Буковине не будет окончательно разрешен, но все-же, благодаря более прогрессивной системе хозяйства, он ближе к своему разрешению, чем в Бессарабии и в Старо-Румынии.

Что касается крупного лесовладения, то, кроме австрийских государственных лесов, перешедших в собственность Румынии, отчуждение лесных угодий частных лиц и юридических лиц произведено было в самых незначительных размерах.

Трансильвания.

С анексией венгерской Трансильвании Румынское Королевство приобрело провинцию, которая при всем своем преимущественно земледельческом характере, отличается, в противоположность Бессарабии и Старо-Румынии, также хорошо развитой промышленностью. Но и сельское хозяйство в Трансильвании имеет другой характер, чем в обоих этих провинциях. Группировка площади по сельскохозяйственным культурам перед войной, как показывает ниже приведенная таблица, обнаруживает некоторое сходство с Буковиной, подчеркивая, в то-же время, отличие от Старо-Румынии и Бессарабии*).

*) Buletinul Statistic al Romaniei, 1919, № 1, стр. 91, 118.

	в 1000 гект.	в 1000 гект.
Сельско-хоз. площадь		6.016 или 57,07%
Пахот. земля	2.099 (48,34%)	
Фруктовые сады	142 (2,35%)	
Виноградники	38 (0,62%)	
Луга	1.322 (21,84%)	
Пастбища	1.605 (26,85%)	
Леса		4.005 или 37,90%
Дороги, застр. земля, пустующая земля и проч.		520 или 5,03%
		Всего 10.541 или 100,00%

В то время как в Старо-Румынии почти три четверти с.-хоз. площади находится под пашней и, в частности, под посевами хлеба, в Трансильвании пахотная земля занимает менее половины с.-хоз. площади, причем значительная часть ея находится под техническими культурами, кормовыми растениями и т. д. Площадь виноградников, правда, несколько меньше, чем в Старо-Румынии, за-то площадь фруктовых садов относительно в три раза больше. Но что особенно бросается в глаза, так это — огромный процент лугов и пастбищ (свыше 48% с.-хоз. площади против 20% в Старо-Румынии). В Трансильвании, следовательно, имеются предпосылки к рациональному скотоводству, и здесь, на самом деле, скотоводство находится в цветущем состоянии. По сравнению с Старо-Румынией наблюдается в Трансильвании более высокая степень интенсивности сельского хозяйства даже там, где господствует еще трехполье. Плотность населения несколько меньше, чем в Старо-Румынии, но железнодорожная и вообще дорожная сеть гораздо разветвленнее. Почва используется более рационально, чем в Старо-Румынии и Бессарабии; в последних пустующие земли занимают 16—18%, в то время как в Трансильвании всего — 4,94%, в Буковине — 3,41%.

Более высокая степень интенсивности и рациональности сельского хозяйства является, с одной стороны, результатом векового воспитания австрийской и венгерской администрации, с другой — вызвана примером давно осевших в Трансильвании маджьярских и немецких крестьян. Благодаря этому обстоятельству население, больше чем на-половину румынской национальности — стоит на более высоком культурном уровне, нежели жители Старо-Румынии и Бессарабии. Различие до того огромное, что трансильванских румын с населением Старо-Румынии об'единяет только общность языка, ничто больше.

На территории Трансильвании, занимающей площадь 10.192.700 гект., живет 5.237.645 чел. По национальности население распределяется следующим образом:

Румыны	2.974.251
Маджьяры	1.378.189
Немцы	513.794
Евреи	190.943
Прочие	170.468

В состав провинции входят: Семиградье (Siebenbürgen), бо́льшая часть Баната и часть области в бассейне рек Кёреш и Марош. Больше половины населения Семиградья (55%) принадлежит к румынской национальности, 32,5% составляют маджьяры, 8,5% — немцы; остальная часть населенья распределяется между цыганами (120.000), евреями и осколками различных других национальностей.

Небезинтересно отметить, что общее количество немцев в Семиградье, т. наз. Саксов, составляет 224.067 чел., а площадь тянущихся сплошной полосой немецких поселений равна 906.556 гект., т. е. 8,6% всей площади Семиградья — немногим меньше нынешней Тюрингенской республики.

Как сказано было выше, хозяйство румынского крестьянина в Семиградье стоит на более высоком уровне, нежели хозяйство его собрата в Старо-Румынии: он удобряет почву и обрабатывает ее усовершенствованными орудиями, притом своевременно, более умело и основательно. Но, несмотря на это, пашня здесь не дает такого урожая, какой дает старо-румынский чернозем. Если румынский крестьянин в Семиградье ушел значительно вперед по сравнению с остальными свои́ми земляками, то в еще лучшем состоянии находятся хозяйства здешних немецких, или саксонских колоний. В этом отношении огромную роль сыграл «Семиградско-саксонский земледельческий союз», членами которого состоят около $^3/_4$ всех немецких крестьян (саксов). Он содержит три земледельческих школы с опытными станциями, снабжает саксонских крестьян по сходным ценам необходимыми орудиями, машинами, семенами и т. п.

Семиградье не знало и в прошлом той системы арендаторских «трестов», от эксплуатации которых так страдало старо-румынское крестьянство. Если крестьянин арендовал землю, то непосредственно у землевладельца, причем арендную плату он вносил либо частью урожая (издольная аренда), либо деньгами.

В Банате условия существования крестьянского хозяйства те-же, что в Семиградье. Но урожайность почвы здесь выше, соперничая как в количественном, так и в качественном отношении с плодородием Старо-Румынского чернозема. Большинство населения в Банате составляют румыны, после них — первое место занимают немцы, так наз. швабы, затем идут сербы. Опираясь на свою численность, сербы, по окончании мировой войны, даже заявили свои права на Банат; и действительно, третья часть территории Баната отдана была сербам, наименьшая часть, западная, осталась за Венгрией, а наибольшя часть присоединена была к Румынии. Румынско-сербская граница прорезывает сплошную область господства немецкого языка. В румынском Банате живут 268.229 немцев, составляющих 20,46% всего населения. Большинство немецкаго населения состоит из сельских хозяев, средних землевладельцев, в руках которых находится площадь размером в 337.800 гект.

Менее благоприятны, чем в Семиградье и в Банате, почвенные и климатические условия в области Кереша и Мармароша, расположенной к северу от Баната. В виду горного и лесного характера этой области земледелие в ней развито сравнительно слабо. Обширные горные пастбища благоприятствуют скотоводству, получившему здесь широкое развитие. Большинство населения составляют маджьяры, за

которыми в порядке их численности следуют румыны, русины, евреи, немцы.

Картину распределения земельной собственности во всей Трансильвании перед войной дает следующая таблица*):

Группы владений	Площадь в 1000 гект.	В %/%	Число владений в 1000	В %/%	Средний размер владения
До 20 кадастр. иохов (11,5 гект.)	2372	36,50	768	88,46	3,09
От 20 до 200 кадастр. иох. (11,5—115,10 гек.)	2009	30,90	97	11,17	20,71
Свыше 200 кадастр. иох. (115,10 гект.). . . .	2119	32,60	3	0,37	676,96
Вся с.-хоз. площадь, включая дороги, воды, застроенную землю и т. д.	6500	100,00	868	100,00	7,48

Приведенная таблица приводит нас к заключенью, что в Трансильвании доли мелкого, средняго и крупного землевладения почти равны, т. е. что распределение в ней земельной собственности больше, чем в какой-либо другой стране, близко к идеальному соотношенью между указанными тремя группами землевладения. Крепкое среднее землевладение, из которого рекрутируется также здоровая городская (немецкая и маджьярская) буржуазия, является важным хозяйственным и социально-политическим элементом, какого в Старой Румынии почти совершенно не имеется.

То, что в Старой Румынии еще должно было быть подготовлено при помощи аграрного законодательства 1918-21 гг.,—освобождение мелких крестьян от цепей трудового рабства, создание независимого класса земледельческих рабочих, относительное интенсивирование сельского хозяйства — в Трансильвании имелось на лицо уже до мировой войны. Если земельная база мелкого

*) В этой таблице учтены также те части Баната и Мармарошской области, которые не отошли к Румынии, и потому итоговая цифра с.-хоз. площади не совсем соответствует действительности. Но картина распределения земельной собственности от этого не искажена. Группировка (до 20, 20—200, свыше 200 кадастр. иохов) соответствует принятому в венгерской статистике делению. Но в виду более высокой интенсивности хозяйства и отчасти более низкой урожайности — эта группировка естественно не покрывается вполне группировкой, принятой в Старо-Румынии (до 10, 10—100, свыше 100 гект.). Для того, чтобы получить какой-нибудь, хотя-бы только условно правильный, масштаб для сравнения, пришлось выбрать эту группировку, уже по одним техническим основаниям.

крестьянства и в Трансильвании отчасти слишком узка, то он все-же не низводится до того уровня хозяйственной и социальной нищеты, на котором находится его собрат в Старо-Румынии. От этого жалкого состояния его спасают довольно высокие заработки денежные и натуральные в крупных хозяйствах, доходы от скотоводства, наконец, возможность найти работу в промышленности Семиградья. В Трансильвании, в силу всех перечисленных условий, нет поэтому аграрного и, в частности, крестьянского вопроса в Старо-Румынском смысле.

Проигранная война с ее, как легко было предвидеть, тяжкими хозяйственными последствиями для побежденных, равно как и пропаганда среди венгерских румын, много лет уже поддерживаемая из Букареста — поставили и в Трансильвании на очередь, вопрос о присоединении к Румынии; одновременно, к концу 1918 г., мысль о разделе земли среди оседлого румынского населения Трансильвании получила совершенно определенные очертания. Еще в ноябре, до оккупации румынскими войсками, румынское национальное собрание в Карлсбурге (Семиградье) решило осуществить «радикальную аграрную реформу». Велико-Румынский национальный совет в Германштадте затем утвердил в 1919 г. план аграрной реформы, который в том-же году получил санкцию короля. Декрет 1919 г. предлагал немедленно наделить землей безземельных крестьян из состава крупного землевладения. На первых порах, как повсюду, наделение совершалось в форме принудительной аренды.

23 июля 1921 г. королевский декрет, в дополненном виде, превращен был в закон, утвержденный парламентом. В силу нового земельного закона отчуждению подлежат:

I в полном об'еме: а) вся земля юридических лиц, преследующих общественные цели, за исключением некоторой части церковных и школьных земель, а также части лесов и пастбищ; б) вся земля иностранцев; в) вся земля абсентистов; г) годная для обработки земля юридических лиц, преследующих цели частного характера.

II в не-полном об'еме: а) имения, сдававшиеся в аренду 10 лет под-ряд в период 1904-1918 гг., поскольку они расположены на городской земле — с оставлением в пользовании прежнего владельца «остаточного» имения в 10 кадастр. иохов (5,75 гектаров); б) такие-же имения, но расположенные на земле, входящей в состав сельских обществ — с оставлением в пользовании прежнего владельца «остаточного» имения в 30 кад. иох. (17,25 гект.); в) имения, сдававшиеся в аренду к 1 мая 1921 г. — причем размер «остаточного» имения равен 50 кад. иох. (28,75 гект.) в горах и 100 кад. иох. (57,5 гект.) — в равнине. д) имения, управляемые их собственниками — причем за прежним владельцем оставляется «остаточное» имение размером от 50 кад. иох. (28,75

гект.) до 500 кад. иох. (287,5 гект.) смотря по тому, расположено-ли имение в горной, холмистой или равнинной местности, с густым или редким населением, с большей или меньшей степенью малоземелья.

Возмещение за отчужденную землю ни в коем случае не должно превышать продажной цены 1913 г. в расчете на лей, причем лей приравнивается к австро-венгерской кроне. Уплата за землю производится 5-процентными рентными облигациями с пятидесятилетним погашением. Все юридические лица публично-правого характера получают возмещение, в виде вечной 5% ренты.

Аграрный закон 1921 г. вступил в силу только в ноябре 1922 г. На основе этого закона до июля 1923 г. отчуждению подверглись 6.062 земельных владения с площадью 1.210.661 гект. Большая часть этой площади была отчуждена у крупных землевладельцев и передана мелким крестьянам, на первых порах, на началах принудительной аренды. В тех случаях, когда отчуждение носило окончательный характер, земля передавалась в личную собственность крестьян. Предполагалось, что до конца 1923 г. вся указанная выше площадь перейдет в полную собственность крестьян. Таким образом, к 1924 г. распределение земельной собственности в Трансильвании будет собою представлять приблизительно следующую картину:

Группы владений	Площ. в 1000 гект.	в % %
до 20 кад. иох. (11,5 гект.)	3.583	55,11
от 20—200 кад. иох. (11,5—115,10 гект.)	1.998	30,76
свыше 200 кад. иох. (115,10 гект.)	919	14,13
вся сел.-хоз. площадь	6.500	100,00

Крупное землевладение сократилось более чем на половину, среднее — сохранило свою долю, наконец, мелкое — возросло на $^1/_5$ всей сельско-хозяйственной площади.

С социальной точки зрения новое распределение земельной собственности нельзя считать вполне удовлетворительным. Переданные безземельным и малоземельным крестьянам участки размером от 2,87 до 4,02 гект. не могут гарантировать крестьянской семье сколько-нибудь сносного существования, даже имея в виду высокую интенсивность Трансильванского сельского хозяйства. Для большого числа других крестьянских семей аграрная реформа явилась своего рода даром данайцев, так как из-за недостаточного финансирования реформы, этим хозяйствам не хватает живого и мертвого инвентаря.

Приходится еще сказать несколько слов о националистической, румынско-патриотической тенденции, проникающей аграрную реформу в Трансильвании, — весьма усложняющей положение и, в конце концов, чреватой опасностями для государств. В самом

тексте закона эта тенденция как-будто не находит себе места, но все-же она определенно проскальзывает в ряде постановлений. Прежде всего, она обнаруживается в размерах так наз. «остаточных» имений, которые, по Бессарабскому и Буковинскому закону, гораздо ниже, чем в Старой Румынии: высший предел в Старо-Румынии 500, в Бессарабии 100, в Буковине 250, и в Трансильвании 287,5 гект.; нисший предел в Старо-Румынии 100, в Бессарабии 25, в Буковине 100, в Трансильвании 5,75 гект. Возможность настолько понизить размер «остаточного» имения в Трансильвании об'ясняется исключительно специфическими национальными условиями этой провинции. В первую голову, должна была быть сломлена сила сопротивления маджьяр, государству которых еще недавно эта провинция принадлежала. Основой маджьярского могущества в Трансильвании было крупное землевладение. Поэтому удар по маджьярским магнатам призван был уничтожит экономическую и политическую силу маджьярского элемента в провинции. Точно также и тактика земельных органов в отношении землевладения венгерской реформатской церкви значительно ослабляет влияние маджьяр. С другой стороны, имелось в виду сломить национальную силу сопротивления немцев. Последняя покоилась в значительной мере на земельной собственности политических и религиозных общин. Так напр. общинная собственность саксов, главным образом, состоящая из лугов, пастбищ и леса, воспрепятствовала возникновению сельского пролетараита, а земельная собственность саксо-лютеранских общин представляет собою тот резурвуар, из которого текут средства на содержание немецких школ. У саксов церковь и школа — синоним: быть саксом значит быть лютеранином. Сокращение общинной земельной собственности должно умалить социальное значение саксов, а сокращение церковного землевладения, ослабляя немецкую школу, должно сломить национальную сопротивляемость.

Аграрная реформа в Трансильвании направлена не только против немецкого и маджьярского элементов в деревне, но также против таковых в городах. Горожанин в Трансильвании либо маджьяр, либо немец. Румынской городской буржуазии не существует. Каждая состоятельная маджьярская или немецкая городская семья владеет обыкновенно вне городской черты, но все же в пределах городской коммуны, земельным участком, который искони сдавался в аренду, так как сам горожанин занимается промышленностью, торговлей или либеральной профессией. Теперь у многих таких семей их земельная собственность, унаследованная от дедов и прадедов, отнята и передана в руки румын. Этим путем предполагается мало-по-малу, начиная с периферии, румынизировать города. Эта операция проводится на основании пункта закона, в силу которого земля, находящаяся в пределах городской коммуны и сдававшаяся в аренду 10 лет подряд в период

1904—1918 гг. — подлежит отчуждению, причем в распоряжении прежнего владельца оставляется максимум 5,75 гект.

Националистическая тенденция проявляется также в распространительном толковании понятия абсентеизма. К абсентеистам, у которых земля отчуждается полностью, причисляются лица, кои не имели своего жительства в стране с первого декабря 1918 г., до момента издания закона. Благодаря этому определению закона земля целиком отчуждается у венгерских оптантов, т. е. у очень многих крупных землевладельцев. Со стороны Венгрии против этого пункта закона, якобы противоречащего Трианонскому мирному договору, был заявлен протест.

То обстоятельство, что аграрная реформа в Трансильвании распространяется также и на леса, вероятно, тоже должно быть об'яснено национальными соображениями. Дело в том, что обширные леса Трансильвании находятся в руках маджьярских магнатов или маджьярских и немецких коммун и церковных общин. Вот почему в законе предусмотрена возможность их отчуждения — с оставлением в распоряжении прежних собственников площади леса от 57,5 до 115 гект. Правда, к отчуждению лесных угодий приступлено было совсем недавно, так что никаких цифр на этот счет еще нельзя представить.

ЗНАЧЕНИЕ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА ДЛЯ НАРОДНОГО И МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.

Сводя воедино данные о распределении земельной собственности на территории нынешнего румынского государства, мы получаем для 1916 г. следующую картину:

Группы землевладения	Площадь в 1000 гект.	% %
Мелкое землевладение	7.178	37,60
Среднее „	4.181	21,90
Крупное „	7.268	38,08
Затопляемая удобная земля	460	2,42
Вся сел.-хоз. площадь	19.087	100,00

После совершившегося аграрного переворота картина распределения земельной собственности на 1924 г. представляется в следующем виде:

Группы землевладения	Площадь в 1000 гект.	% %
Мелкое землевладение	12.583	65.92
Среднее „	4.418	23,15
Крупное „	1.626	8,51
Затопляемая удобная земля	460	2,42
Вся сел.-хоз. площадь	19.087	100,00

Крупная земельная собственность на территории нынешней Румынии благодаря аграрной реформе сократилась почти до $^1/_5$ своей до-военной доли, среднее землевладение — несколько увеличилось, мелкое почти удвоилось. Выше уже нами было подчеркнуто, что в результате перераспределения земельной собственности понятия «землевладение» и «хозяйство» как в Старо-Румынии, так и в Бессарабии ныне в общем почти совпадают. Поэтому картина распределения земельной собственности в 1924 г. приблизительно соответствует группировке хозяйств в том-же году. Последняя также обнаруживает значительные передвижки по сревнению с до-военным временем, как видно из следующей таблицы:

Группы хозяйств	Площадь в 1000 гект.	% %
Мелкое хозяйство	9.551	50,03
Среднее „	4.131	21,64
Крупное „	4.945	25,91
Затопляемая удобная земля	460	2,42
Вся с.-хоз. площадь	19.087	100,00

Крупное хозяйство сократилось, следовательно, до $^1/_3$ против до-военного положения, среднее хозяйство несколько возросло в своей относительной роли, а площадь молкого хозяйства увеличилась на $^1/_3$.

Во всех трех группах хозяйств большая часть площади занята посевами зерновых хлебов. Мелкий крестьянин сеял и продолжает и поныне сеять, во всех входящих в состав Великой Румынии странах, в первую голову, основной продукт питания крестьянского населения — кукурузу, затем — ячмень и овес; группа средних хозяйств, в особенности немецкие и маджьярские, сеют, на ряду с указанными хлебными злаками, еще и пшеницу как для собственного потребления, так и для потребления городов, в меньшей степени для экспорта; крупное хозяйство было и остается главнейшим производителем пшеницы.

У этого производителя наиболее ходкого на мировом рынке зерна отнята его производственная основа, земля, в размере $^2/_3$ прежней площади. Благодаря этому автоматически сократилась также площадь посевов пшеницы, почему в самом деле и сбор пшеницы заметно сократился.

Благодаря аграрной реформе сократилась так-же посевная площадь кукурузы, второго по значению хлебного злака Румынии. Дело в том, что до переворота почти $^3/_{10}$ площади крупного землевладения сдавались в аренду мелким крестьянам, причем в Старо-Руымнии и Бессарабии эти мелкие арендные хозяйства находились

под некоторым контролем крупного поместья: последнее, в интересах правильного севооборота и кормления скота, предписывало своим арендаторам сеять преимущественно кукурузу. Так-как теперь необходимость в аренде земли отпадает и вместе с тем отпадает производственный контроль со стороны крупного хозяйства, то для $^{2}/_{3}$ сельско-хозяйственной площади нынешней Румынии сохранявшийся прежде высокий уровень посевов кукурузы естественно понизился на долгие времена.

Сокращение посевной площади и производства пшеницы и кукурызы вызвано тем обстоятельством, что аграрная реформа передала почти $^{7}/_{10}$ сельско-хозяйственной площади в собственность мелких крестьян; между тем у румынского крестьянина наблюдается тенденция производить только те продукты, в потреблении коих он сам нуждается, почему он пшеницу вообще более не возделывает, а кукурузу — лишь в нужном для своего хозяйства количестве, отдавая все большую площадь под посевы ячменя и овса, требующих меньше труда. Таким образом, в результате получается, с одной стороны, сокращение посевной площади для пшеницы и кукурузы, с другой — увеличение посевной площади для ячменя и овса, но и то лишь в меру собственной потребности крестьянина. Поэтому вряд-ли можно ожидать, что общее производство зерна снова достигнет до-военных цифр. До войны крестьянин трудился не только в своем хозяйстве, но и в хозяйстве помещика, и этот его прибавочный труд давал большие излишки пшеницы и кукурузы для экспорта.

Крестьянин делал это потому, что малоземелье заставляло его подчиняться тягостной трудовой кабале, как то-же малоземелье по временам вынуждало его голодать во славу высокого экспорта. Теперь это принуждение снято с крестьянина, он наедается до-сыта и работает лишь столько, сколько нужно, чтобы быть сытым. 66% сельско-хозяйственной площади Великой Румынии засевается кукурузой, ячменем и овсом и обрабатывается лишь в той мере, в какой это необходимо для удовлетворения потребностей многочисленных мелких крестьянских хозяйств. При психологической «ориентации» румынского крестьянина и при теперешней системе хозяйства — факт перехода большей части с.-хоз. площади в руки мелких собственников имеет своим последствием длительное понижение сборов, особенно пшеницы и кукурузы, которые едва-ли в скором времени доведены будут до уровня мирного времени.

На ряду с сокращением посевной площади пшеницы и кукурузы и ухудшением обработки значительной части полей наблюдаются некоторые переходные явления, неизбежные при таком аграрном перевороте. Со вступлением в силу новых аграрных за-

конов и введением института принудительной аренды — крупное землевладение испытало серьезный недостаток в рабочих силах. Крестьяне и сельские рабочие перестали являться на работу в имения, так как они получили в аренду или собственность столько земли, что не было более надобности работать в крупных экономиях. В результате большая площадь земли в крупных экономиях оставалась невозделанной вовсе. Надо полагать, что этот недостаток рабочих сил есть явление временное, так как постепенно будут освобождаться рабочие руки, с другой стороны, человеческий труд будет все более заменяться работой всякого рода машин. Уже издан закон для содействия мото-культуре, и в короткое время возникло много обществ с сотнями моторных плугов; правда они пока еще развивают весьма слабую деятельность.

Остались невозделанными также большие площади мелкого землевладения, так как многие из вновь наделенных крестьян и рабочих, не имеют необходимого для расширенного хозяйства количества рабочего скота и орудий, а некоторые вообще не располагают ни живым, ни мертвым инвентарем. Повидимому, эти, не могущие пока быть возделываемыми, площади, со временем перейдут в более крепкия руки.

В вопросе о посевной площади пшеницы следует учесть и то обстоятельство, что на сокращение посевной площади оказали влияние ограничения и временно даже полное запрещение вывоза пшеницы. Но абсурдно утверждение, охотно выдвигаемое кругами оптовой хлебной торговли, что этот момент и является основной причиной уменьшения посевной площади пшеницы. Эта «пшеничная политика» румынского правительства скорее была последним средством, пущенным в ход для обезпечения внутреннего потребления. Запрещение вывоза, таким образом, следует рассматривать как симптом, но отнюд не — как причину болезни.

Дальнейшим последствием аграрной реформы является менее тщательная обработка почвы в крупных имениях; в виду неопределенности будущего, ни один крупный землевладелец не решался вводить какие-либо улучшения на своей земле, даже той, которая оставалась не задетой принудительной арендой. Временно это чувство неуверенности охватило также и некоторую часть среднего землевладения в новых провинциях, хотя эта категория хозяйств в общем не подверглась экспроприации.

Как на самом деле сложилось, — под совокупным влиянием указанных постоянных и временных последствий аграрной реформы и войны — соотношение посевных площадей в нынешней Румынии, показано в след. таблице:

Посевные площади главнейших хлебов на территории нынешней Румынии до и после войны *):

Хлеба	В 1000 гектар.			
	до войны	1920/21	1921/22	1922/23
Пшеница	4251	2488	2649	2523
Кукуруза	4123	3443	3403	3148
Ячмень	1217	1563	1727	1795
Овес	923	1239	1333	1258
Рожь	511	326	266	248
Вся посевная площадь .	11079	9059	9378	8972

Посевная площадь пшеницы сократилась в 1920 — 21 г. на 42%, в 1921 — 22 г. на 38%, в 1922 — 23 г. на 41%; площадь кукурузы за те-же с.-хоз. года сократилась на 17%, 18% и 24%; площадь посевов ржи — на 37%, 48% и 52% до-военного уровня на той-же территории. Зато площадь посевов ячменя увеличилась на 22%, 35% и 41%, площадь посевов овса возросла на 33%, 44% и 36%. Вся посевная зерновая площадь на той-же территории сократилась в 1920 — 21 г. на 19%, в следующем хозяйственном году на 16% и в 1922 — 23 г. снова на 19%, т. е. почти на $^1/_5$ против до-военной площади. На ряду с общим уменьшением посевной площади произошло перемещение посевов, что для народного хозяйства Румынии имеет немаловажное значение.

Сопоставляя прирост посевной зерновой площади на расширенной после войны территории Румынского государства с приростом урожайности хлебов, мы убедимся в том, что сборы зерна не возрасли в той-же пропорции, в какой возрасли посевные площади

Вся посевная площадь новой Румынии возрастала за 3 последовательных хозяйственных года (1920-21, 1921-22 и 1922-23) в процентах к до-военному состоянию на: 77%, 83% и 77%; за эти-же годы общий сбор хлебов возрос на: 11%, 49% и 60%.

По отдельным культурам эти соотношения выражаются за тот-же период в следующих цифрах:

для пшеницы пос. площадь: + 28%, + 36% и + 30%, сбор: — 10% + 8%, + 14%;

для кукурузы: + 66%, + 64%, + 52% сбор: — 11%, + 12%, + 43%

для ячменя: + 190%, + 221%, + 239%+, сбор: 97%, + 262%, + 233%;

для ржи: + 17%, + 126%, + 111%, сбор: + 111% (за 1922 г.), + 73% (за 1923 г.).

Общий сбор всех хлебов и, в частности, сбор пшеницы и кукурузы не только отстают от размеров посевной площади, но вместе с тем также отстают от потребления населения, возрос-

*) По данным румынского министерства земледелия.

шего в новом государстве почти вдвое против до-военной Румынии. Потребление пшеницы и кукурузы не увеличилось в два раза, но за-то внутреннее потребление ячменя и овса увеличилось больше чем вдвое, так что общее потребление зерна внутри страны фактически удвоилось против мирного времени.

Новая Румыния, конечно, в состоянии обезпечить свое внутреннее потребление хлеба. Большинство населения состоит из мелких крестьян, снабжающих себя хлебом из собственного хозяйства. Снабжение городов падает на долю средних и крупных хозяйств, часть которых покрывает также зерновой недобор Семиградии, которая всегда нуждалась в привозном хлебе. В схематическом виде нынешнее положение таково, что для обезпечения потребности в хлебе населения современной Румынии необходима вся зерновая продукция Бессарабии, Буковины, Трансильвании, а также продукция мелких и средних хозяйств Старой Румынии; следовательно, для производства на вывоз приходится принимать в рассчет одни только крупные хозяйства Молдавии и Валахии. Территория последних, как мы видели, составляет только $^1/_3$ до-военной, т. е. приблизительно 600.000 гект., и количество вывезенных из новой Румынии в 1922 и 1923 гг. пшеницы и кукурузы вместе взятых действительно сократилось до одной трети довоенного экспорта этих хлебов. Если взять одну только пшеницу, то понижение вывоза получится еще более значительное. Напротив, вывоз ячменя и овса сильно повысился. Они экспортируются преимущественно из Семиградии, в которой культура пшеницы плохо удается, и которая поэтому, взамен за получаемую из Баната и Бессарабии пшеницу, экспортирует ячмень и овес. Но несмотря на увеличение вывоза этих последних, общий вывоз все-же упал и даже не достиг уровня старой Румынии, бывшей вдвое меньше нынешней Румынии. Соотношение между сбором и вывозом хлеба в старой Румынии перед войной и в современной Румынии после войны характеризуется следующей табличкой (в 1000 тонн):

	Старая Румыния до войны		Современная Румыния							
			1920		1921		1922		1923	
	сбор	вывоз	сбор	вывоз	сбор	вывоз	сбор	вывоз	сбор	вывоз
Пшеница	2 311	1 000	1 668	1	2 100	95	2 504	31	2 650	10
Кукуруза	2 717	1 043	4 623	440	2 730	769	3 043	282	3 906	296
Ячмень	561	290	1 471	420	1 110	387	2 041	365	1 870	635
Овес	412	110	922	38	890	165	1 336	150	1170	159
Рожь	109	?	?	?	?	55	230	26	189	$^1/_4$
Всего	6 110	2 443	8 684	899	6 830	1 471	9 154	854	9 785	1 100

Общий зерновой экспорт составлял против до-военного: в 1920 г. — несколько более трети, в 1921 г. несколько более половины, а 1922 г. — снова только одну треть и в 1923 (с января по конец октября) — меньше половины. Вывоз пшеницы составил в 1920 году одну тысячную долю до-военного, в 1921 г. — менее одной десятой, в 1922 г. — одну тридцатую, в 1923 г. — одну сотую (с января по конец октября). Вывоз кукурузы в указанные годы соответственно равнялся: половине, трем четвертям, четверти, свыше четверти против до-военного вывоза. Вывоз ячменя возрос на: 50%, 33%, 25%, 100%. Вывоз овса в 1920 г. сократился на одну треть, в 1921 г. возрос на 50%, в 1922 г. — опять несколько упал и в 1923 г. возрос снова на 50%.

Все эти факты, следовательно, приводят к следующим выводам: 1) Румыния в настоящее время совершенно скинута со счетов в качестве страны, экспортирующей пшеницу; 2) по экспорту кукурузы она также утратила свое первенствующее значение; 3) Румыния стала страной экспорта ячменя и овса, не достигнув, однако, по всему количеству вывоза зерна, хотя-бы приблизительно уровня Старой Румынии.

Другими словами: страна, которая была одной из крупнейших поставщиц мирового рынка по продовольственному хлебу, превратилась в среднего масштаба поставщицу кормового зерна и сырья для пивоваренья. Создавшееся положение имеет серьезнейшие последствия для аграрного и финансового хозяйства Румынии. Для земледельческого государства, каковым Румыния осталась, несмотря на вновь присоединенные провинции — является делом жизненной необходимости поддержание значительного экспорта высокоценного хлеба, так как только этот экспорт — наряду с вывозом нефти — дает Румынии возможность оплатить ввоз необходимых ей продуктов промышленности. Румынская индустрия, даже со включением Семиградской, еще долго не в состоянии будет покрыть внутреннего спроса страны. В этом отношении условия в Великой Румынии немногим отличаются от условий в Старой Румынии, где все было связано с высотой урожая и вывозом, главным образом, пшеницы.

До войны Румыния вывозила почти половину своей продукции пшеницы, больше трети кукурузы, а всей зерновой продукции — около двух пятых. В области хлебного экспорта Румыния занимала среди зерно-производящих стран мира четвертое место. По ценности весь экспортируемый из Румынии хлеб составлял перед войной в среднем в год около 16 миллионов ф. ст. Экспортом своего хлеба Румыния могла на $^2/_3$ оплатить весь свой импорт, состоявший из металлов, угля, волокнистых веществ, кожи, готового платья, машин, шерсти, взрывчатых веществ, шелка, колониальных товаров, химических продуктов, кормовых средств — всего на сумму 24 милл. фунт. ст. Одна треть ввозимых промыш-

ленных изделий, стоимостью в 8 милл. ф. ст., для оплаты которых хлеба не хватало, должна была оплачиваться другими предметами вывоза, главным образом, — нефти. Благодаря этому за период 1900—1913 торговый баланс Румынии был почти всегда активным.

Аграрный переворот, как известно, понизил общее количество вывозимого хлеба. К тому-же временно сократился также до $^1/_7$ довоенного уровня вывоз нефти, а равно и некоторых других продуктов. По количеству вывоз составлял в 1919 г. около 2,3%, в 1920 г. — 32%, в 1921 г. — 58%, в 1922 г. — 84%, в 1923 г. — 75% среднего вывоза прежнего румынского королевства. Ценность вывоза выражается за эти 5 лет в следующих цифрах: 600.000 ф. ст., 4,5 милл. ф. ст., 8 м. ф. ст., 12 м. ф. ст. и 11 м. ф. ст. Что касается ценности вывезенного хлеба, то на пятый год после окончания войны она составляет только одну треть всего вывоза, между тем как до войны она составляла $^2/_3$ его.

Итак, нынешняя Румыния всем своим экспортом в состоянии оплатить еле половину необходимого для старого королевства ввоза. Не остается, следовательно, ничего другого, как существенным образом ограничить ввоз даже необходимейших предметов, ибо только этим путем возможно привести в равновесие торговый баланс. С помощью таможенных мероприятий и т. д. правительство пытается искусственно понижать ввоз. Вполне очевидно, что это, в конечном счете, должно вредно отразиться на всех отраслях народного хозяйства и на всем населении страны: усиливается дороговизна, кредит государства и страны за-границей падает, покупательная сила румынской леи сократилась до $^1/_{50}$, народно-хозяйственные и финансовые затруднения с каждым днем увеличиваются.

Все эти тяжелые, с точки зрения народного и финансового хозяйства, явления зависят, главным образом, от того, что Румыния лишила себя своего самого ценного платежного средства — экспортной пшеницы. Поэтому наиболее важный вопрос для современной Румынии состоит в том, как увеличить экспортные возможности пшеницы, а также кукурузы, т. е. как поднять урожайность страны выше уровня внутреннего потребления. На основе ныне существующего распределения земельной собственности это достижимо при условии максимального использования всей наличной почвы вглубь и вширь, т. е.: во-первых, путем интенсивирования всех отраслей сельского хозяйства, в первую очередь, в Старой Румынии и Бессарабии; во вторых, путем широко поставленной внутренней колонизации, преимущественно на пригодных для земледельческой культуры заболоченных пространствах вдоль Дуная, нуждающихся, конечно, в крупных мелиорациях.

В сознании необходимости интенсификации сельского хозяйства и внутренней колонизации, новое аграрное законодательство

пытается всячески поддерживать и ту, и другую. Но с помощью только одних законодательных мероприятий нельзя ни интенсивировать экстенсивного хозяйства, ни колонизировать пустующих пространств. Необходимо предварительно создать целый ряд культурных и технических предпосылок, главнейшие из которых сводятся к следующему:

1. Под'ем общеобразовательного уровня крестьян — путем увеличения числа народных школ и лучшей подготовки учителей;

2. Под'ем сельско-хозяйственного образования — увеличение числа специальных земледельческих школ и странствующих учителей-агрономов;

3. Предоставление на льготных основаниях племенного скота, семян, машин и т. д., выдача премий и пособий;

4. Снабжение новоселов строительными материалами, всякого рода оборудованием, земледельческими орудиями, скотом и т. д.;

5. Устранение крестьянской чересполосицы;

6. Улучшение санитарных условий в деревне, опять-таки, прежде всего в Старо-Румынии и Бессарабии, улучшение жилищных условий;

7. Создание лучше подготовленных кадров чиновников, борьба со взяточничеством — с исконным, унаследованным еще от турецкой эпохи, злом;

8. Расширение обще-дорожной и железнодорожной сети, регулирование речных русл, постройка мостов, мелиорирование заболоченной придунайской низменности.

Таковы лишь главнейшие предпосылки интенсивирования хозяйства и успешной внутренней колонизации. Создание их требует, конечно, десятилетий.

ГРЕЦИЯ

I. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Греция — земледельческая страна, бедная к тому же сырьем, пригодным для промышленной обработки. Незначительная промышленность сводится, главным образом, к переработке продуктов сельского хозяйства. Внутренняя и внешняя торговля также почти исключительно ограничивается произведениями сельского хозяйства. Поэтому под'ем этого последнего имеет для Греции первостепенное значение.

Первоначальное ядро страны на южной оконечности Иллирийского полуострова вместе с островами Ионического и Эгейского морей составляют одно географическое и хозяйственное целое. В 1913 г. вся европейская территория Греции составляла 66.810 кв. километр. с 2,91 милл. жителей. К 1920 г. она составляла 147.634 кв. километр. с 5,63 милл. жителей. Строение греческого континента чрезвычайно многообразно. Длинные и широкие горные хребты, особенно на севере и в центре страны, оставляют для земледелия лишь небольшой простор. Годная для возделывания зерновых хлебов почва имеется только в Фессалии, Элиде, Арголиде и Беотии. В других провинциях преобладает песчаная и мергельная почва в перемежку с каменистой. Климат Греции также весьма разнообразен, хотя в общем повсюду теплый. Жаркое лето и обилие солнечного света благоприятствуют произрастанию южных фруктов, но в то же время вызывают ощутительный недостаток в зеленых кормовых растениях.

Сельское хозяйство сильно страдает от бедности атмосферных осадков. Вся удобная земля в Греции может быть подразделена на две главных группы: на орошаемую землю и на сухую землю. Местные культуры — пшеница и ячмень, виноград и оливка — в общем приспособились к сухому климату и произрастают недурно на сухих почвах. Растения, происходящие из Азии и Америки — табак, кукуруза, картофель, апельсины, лимоны и некоторые бобовые, — произрастают только при искусственном орошении.

За последние десятилетия разведение хлебных злаков в Греции все время сокращалось. Сухая почва Греции не могла конкуррировать с богатыми почвами Соединенных Штатов, Канады и Аргентины. Культура южных фруктов была поэтому гораздо выгоднее, и она все более расширялась. Виноградарство распространено во всех греческих провинциях, разведение коринки, главным образом, в трех провинциях: Патрасе, Коринтии и Эгиалии, кроме того, на Пелепонессе и Ионических островах. Разведение оливковых деревьев процветает почти повсюду, но лучше всего в Мегаре, Амфисе и Магнезии. За последние 50 лет значительно расширилась культура табака. Табак, наряду с вином и коринкой, составляет главнейший продукт греческого вывоза. Специализация в области южных фруктов и некоторых торговых растений все больше упрочивается в сельском хозяйстве Греции. Этим об'ясняется сравнительно большой ввоз хлеба в Грецию.

Большая выгодность культуры торговых и технических растений сравнительно с культурой зерна явствует из следующей таблицы:

Растения	Сбор с 1 гект. в килогр.	Ценность урожая с 1 гект. в драхмах
Хлеб	890	800
Бобовые растения	680	1.100
Овощи	4.570	500
Торговые растения	620	4.670
Кормовые	3.190	270
Виноградники	1.950	500
Коринка	1.220	650

Ценность греческого ввоза составляла в 1920 г. 2.131 миллион бумажных драхм, ценность вывоза — 664 милл. $^{9}/_{10}$ вывоза приходится на долю продуктов сельского хозяйства, причем 34,7% — на табак и 28,9% — на коринку. Среди предметов ввоза хлеб составлял 13,8%. На сухих почвах преобладает в Греции повсюду экстенсивная система хозяйства и полеводства. При благоприятных климатических и рыночных условиях, правда, и на сухих почвах кое-где возделываются оливка, виноградная лоза и хлебные злаки. Но настоящие чудеса средиземно-морского климата обнаруживаются на орошаемых почвах с их необычайным богатством и разнообразием флоры. Но и на орошаемых почвах обильные урожаи возможны, только благодаря неутомимому трудолюбию, интенсивному труду, непрекращающемуся ни в какое время года, наконец, благодаря особенной тщательности, с которой мелкий крестьянин и его семья обрабатывают свой участок. Крупное хозяйство никогда не в состоянии было бы достичь тех результатов, которые здесь получаются мелким крестьянским хозяйством. Весь успех здесь зависит от умелости

и прилежания крестьянина, без которых проблема орошения не может быть разрешена. Дело в том, что даже в тех частях страны, которые, как напр. Фесссалия, не считаются районами бездождия, — все же предельное число дождливых дней в ноябре и декабре (наиболее богатые дождями месяцы) не превышает 12. Каждая капля дождя буквально ценится здесь на вес золота. Характер орошения зависит во многом от местных условий. В конечном счете и способ расселения, и плотность населения находится в прямой зависимости от условий орошения. Орошение налагает на греческого крестьянина тяжелое бремя труда, и большие пространства земли остаются, из-за недостатка орошения, невозделанными. Греция среди южных стран занимает первое место по размерам невозделанной площади, оставляя в этом отношении позади себя Италию, Испанию, и Португалию. С другой стороны, Греция может похвалиться садовой культурой на Цикладских островах и Пелопонесе, часто в виде террас, какой не имеет ни одна из этих стран.

Разведение специальных культур таит в себе и значительные опасности для греческого народного хозяйства. Оно создает зависимость страны от иностранных рынков. Особенно поучительны в этом отношении кризисы культуры коринки. Увлекшись благоприятной конъюктурой, до того сильно расширили площадь разведения коринки, что европейские рынки не в состоянии были поглотить всего произведенного количества. Кризис разорил весь Пелопонес, и правительство вынуждено было установить премии за запахивание насаждений коринки. В результате этого кризиса эмиграция из страны сильно возросла.

Специализация в сфере сельского хозяйства увеличивает также зависимость Греции от держав, господствующих на Средиземном море. Как показали события мировой войны, эта зависимость чревата большими опасностями для самостоятельности греческого государства. Она может быть уничтожена только при условии расширения площади зернового хозяйства.

Аграрные отношения в новой Греции.

а) Пелопонес, Средняя Греция, Эгейские острова. В 1821 году началось восстание греков против турецкого владычества. После семилетней борьбы Пелопонес, Средняя Греция. Циклады, Эвбея освободилась от турецкого ига. Освободительная борьба повела за собой глубокие изменения в отношениях земельной собственности. В первые-же годы восстанческой борьбы греческое национальное собрание приказало конфисковать турецкие земли и передать их грекам для возделывания. Конфискованные земли были отчасти государственными доменами, частью принадлежали мечетям, наконец, некоторая часть их находилась в част-

ном владении. После бегства турок, все эти земли попали в руки греков. Повстанцы сами захватили некоторые имения для себя; часть имений об'явлена была государственным имуществом. Земли доставшиеся государству, никогда, в хозяйственном отношении, государством не управлялись. В первую голову, они служили для того, чтобы путем отчуждения более или менее значительных участков, давать государству финансовые средства. Некоторая часть государственных земель передана была участникам войны и тем крестьянам, усадьбы коих были разорены. В общей сложности площадь государственных земель составляла свыше одного миллиона гектаров. Для тогдашней Греции с общей площадью в 64.688 кв. километров это было довольно много.

В 1843 году каждый крестьянин, сидевший на государственной земле, получил 4 гектара орошаемой и 4 гектара неорошаемой земли, или 12 гектаров земли, расположенной в горах, а также — $^1/_{10}$ гектара для постройки избы. Сверх того, каждый крестьянин мог купить от государства в рассрочку столько земли, сколько ему понадобилось. Таким образом, мало по малу имения мелкими парцеллами поделены были между сельским населением, так что в настоящее время в Старой Греции преобладают мелкое землевладение и мелкое хозяйство. Тем не менее, однако, наряду с мелким хозяйством оставалось довольно значительное крупное землевладение, особенно в Аттике и Эвбее. Но и на землях крупных собственников хозяйство ведется мелкое при помощи крестьян-половников. Крупное землевладение в сочетании с крупным хозяйством встречается в Греции крайне редко.

б) Фессалия и Ионические острова. Фессалия была до 1882 года турецкой провинцией. Хотя закон 1861 года освободил фессалийских крестьян от крепостной зависимости, земельные отношения в основе своей остались почти без изменения на частно-владельческих землях. Они не претерпели существенных изменений и после того, как Фессалия в 1882 г. сделалась составной частью Греции. Так как Фессалия была освобождена не в результате народного восстания, а на основании берлинского трактата, то Греция вынуждена была признать права турок в Фессалии и лишь в качестве правопреемника Турции могла получить в свое владение турецкие государственные земли.

Условия в Фессалии изменились лишь в том отношении, что турки в большинстве случаев продавали свои имения грекам и сами бросали их. Этой возможностью воспользовались также и некоторые крестьяне. Если землевладелец не решался продавать свою землю мелкими участками, то имение приобреталось иногда сельским обществом, которое затем делило его между сельчанами соразмерно внесенной каждым сумме. Так как однако не все

сельские общины были достаточно богаты для того, чтобы этим путем приобретать землю, то многие крестьяне продолжали оставаться в зависимости от крупного землевладения. В 1904 г. Деказус насчитывал в Фессалии 321 вольную деревню, 280 турецких крупных имений (ч и ф л и к и) и 56 деревень со смешанным правом собственности. Вольные крестьяне живут рядом с обязанными (половниками), и это создает антагонизм, сильно осложняющий и обостряющий аграрный вопрос.

На семи островах Ионического моря продолжала существовать старая система э м ф и т е в з и с а, ведущая свое начало со времен Римской Империи. Эти острова проделали совершенно отличную от остальной Греции эволюцию. Они никогда не находились под турецким владычеством, но всегда состояли под европейским протекторатом — вначале франков, затем под протекторатом Венеции, наконец вплоть до 1876 года под протекторатом Англии. Крестьяне Ионических островов никогда не находились в крепостной зависимости, их отношение к земле покоилось на началах вечно-наследственной аренды. После присоединения островов к Греции в 1876 году имения либо были разделены между крупными землевладельцами и арендаторами, либо помещики выдавали арендаторам соответствующее возмещение, и таким путем наследственная аренда была продлена. Тамошние крупные землевладельцы это — по большей части эллинизированные итальянцы.

в) Македония и Эпир. Эти новые провинции присоединены были к Греции в силу трактата 14 ноября 1913 года. Закон 1 ноября 1914 года урегулировал отношения земельной собственности. В Македонии и Эпире крупное землевладение было гораздо более распространено, чем в Фессалии. Большие пространства земли были совершенно заброшены, иные служили в качестве пастбища и годы подряд сдавались в аренду. Для помещиков, живших по большей части в городах, было удобнее получать аренду от мелкого скотовода деньгами, чем натурой. Мелкое скотоводство ведет, как известно, к хозяйственному истощению территории. Вследствие сильной эмиграции греков, вызванной волнениями и борьбою македонских комитаджей после 1913 года, а также вследствие ухода македонского населения, мелкое скотоводство все более расширялось даже на наилучших почвах — за счет пашни. Прежние турецкие государственные домены перешли в 1914 г. в руки греческого правительства, которое впоследствии, на основании третейского решения гаагского международного суда, завладело также и оставленными землями мечетей и других общественных учреждений. Кроме того, и много частных владений превратилось в собственность греческого государства. Наряду с этими весьма значительными государственными имуществами в этих провинциях, как и

в остальных частях Греции, имеется также большая церковная земельная собственность. На всех этих землях живет весьма редкое население, притом истощенное войнами и нищетой, нравственно опустившееся вследствие невежества и гнета.

Как и в остальной Элладе, в Македонии и Эпире имеются также и вольные деревни, отличающиеся своим сравнительным благосостоянием. Застроенные хорошими домами, окруженные садами и цветущими полями, на которых с большой тщательностью разводятся южные фрукты, — эти деревни представляют собою летом настоящие зеленые оазисы посреди опустошенных, высохших от жары полей и нищих деревень в районе крупного землевладения. Уже издали можно отличать деревню чифлика (помещичью) по ее маленьким, покосившимся избам и истощенным жалким полям.

Таким образом, во всем крае преобладает мелкое хозяйство: вольные деревни знают только мелкую земельную собственность, там же, где господствует крупное землевладение, в виде ли государственных имуществ или частной земельной собственности, земля обрабатывается мелкими участками на началах половничества. Владельцы крупных имений живут в городах и являются лишь получателями ренты. Земля спокон веку возделывается крестьянами, которые ведут на ней хозяйство по своему усмотрению.

Современная аграрная и колонизационная проблема.

Греция собственно не знает проблемы сельско-хозяйственного пролетариата: крупного хозяйства в ней нет, а наблюдается лишь скопление земли в одних руках — остаток византийского и турецкого владычества. Мелкое хозяйство не нуждается в посторонней рабочей силе. Где население очень редко, сельское хозяйство ведется настолько экстенсивно, что и там хватает наличных рабочих рук. Там же, где, как в Полопонессе и Фессалии, в периоды сбора урожая имеется спрос на добавочные рабочие силы, эта потребность вполне удовлетворяется крестьянами — пришельцами с гор; последние оставляют свои еще не созревшие для жатвы поля и нанимаются на работы с тем, чтобы после окончания уборки опять вернуться к своему собственному хозяйству. Климат Греции с ее бездождием благоприятствует такому разделению труда между низменностью и горами, так как работы в низменности могут быть выполнены в течение очень короткого времени. Теперешние горцы-крестьяне в свое время бежали в горы, ибо не вынесли турецкого гнета. Они селились в горах, выкорчевывая леса, и на отвоеванной таким образом земле сеяли хлеб. Теперь, после освобождения от турецкого владычества, они снова воз-

вращаются в равнину, пытаются на свои сбережения приобрести там клочок земли и окончательно осесть. Правительство оказывает поддержку этим крестьянам и помогает им в деле покупки земли. Конечно, этих нанимающихся на время жатвы крестьян можно было бы считать и наемными рабочими. Однако, как нами было подчеркнуто, они мало по малу становятся оседлыми собственниками своего небольшого участка земли.

Наряду с этим во вновь приобретенных провинциях имеется и другая категория рабочих, бывшие крестьяне, которые выброшены были в прежнее время помещиками и теперь, в качестве безземельных, странствуют из деревни в деревню, нанимаясь к более зажиточным крестьянам. Такой работник получает, как плату, участок земли, который его семья обрабатывает, сам же он работает в хозяйстве нанявшего его крестьянина. Число таких рабочих, однако, весьма незначительно — не более 5 — 6 в среднем на крупную деревню. Мы упоминаем об них только потому, что законодательство имеет в виду и эту категорию.

Гораздо большую роль играют половники. Во времена господства турок их число было весьма велико, так как неуверенность существования и нужда в деньгах часто заставляли вольных крестьян продавать свои дома и земельные участки, отдаваясь, так сказать, под защиту крупного землевладельца, т. е. платя последнему за аренду земли определенную часть урожая.

В областях ранее других освободившихся от турецкого владычества число половников постепенно сокращалось благодаря продажам, дарениям и отчуждениям. Таким образом, проблема половничества в исконных греческих областях все более и более отступала на задний план. Крестьяне большей частью сделались собственниками. Но все же в Эвбее и Аттике еще и теперь имения некоторых помещиков возделываются половниками, как и отдельные государственные домены, сданные в аренду крупным арендаторам. В местностях, где господствует культура винограда и коринки, парцеллы сдавались для этих насаждений крестьянам, которые платили государству или помещику за них ⅓ урожая, и таким образом возникло нечто вроде наследственного половничества. Это последнее, правда, гарантирует крестьянину обрабатываемый им участок, но размер натуральной арендной платы, имея в виду чрезвычайно интенсивную культуру, является весьма высоким. Хотя эта система наследственного половничества была весьма сильно распространена в областях, освободившихся еще до 1882 года, законодательное ее урегулирование в пользу крестьян имело место только в самое последнее время.

Проблема половничества снова обострилась после присоединения Фессалии, где число половников, как повсюду в европейской Турции, было довольно велико. Если считать, что сельское население составляет 65% всего населения страны, то на

долю половников приходится 50% сельского населения, следовательно, более 30% всего населения. Сила их тем больше и опасность этого элемента для государства тем яснее, что половники не разбросаны в горах, но живут компактной массой в плодородных низменностях. Поэтому и половники других частей Греции вовлечены были в те крупные волнения, которые вспыхнули в Фессалии после ее присоединения, — и также начали борьбу за свою землю. Эта борьба распространилась потом на Македонию, Эпир, Фракию и вообще на тогдашнюю европейскую Турцию. Повсюду, где господствовали крупное землевладение и система половничества, раздавался клич крестьян о передаче им в собственность земли, которую они возделывали в своих мелких хозяйствах. Эти крестьянские волнения были использованы в Афинах и Софии для национальных целей, и из них то и возникло то наводившее ужас движение вооруженных банд, которые свирепствовали в северных Балканах в период 1902 — 1906 г.г. Не в одних только национальных противоречиях кроются причины этого движения; оно было прежде всего обусловлено полным обнищанием тамошнего сельского населения вследствие господства латифундий и системы половничества. Почва фессалийской низменности, хотя и очень плодородная, истощена хищническим хозяйством. Большие площади, пригодные для земледелия, служат только для выпаса стад овец и коз. Пахотная земля имения лишь наполовину засевается пшеницей, ячменем или яровыми — кукурузой, сезамом, в то время как другая половина остается под паром и служит в качестве выгона.

Половник получает в большинстве случаев 8 — 10 гектаров, в исключительных случаях, когда он располагает двумя упряжками волов, 16 — 20 гектаров земли. На его долю остается половина или $^2/_3$ урожая. При $^1/_2$ урожая помещик дает семена и, сверх того, несет половину накладных расходов и налогов. В этом случае половник получает также от помещика небольшие ссуды из 10 — 12% вместо обычных 50 — 70%. В том случае когда крестьянин оставляет себе $^2/_3$ урожая, все расходы и налоги возлагаются на него. Иногда помещик оставляет за собою право авансом забирать в свою пользу семена. Настоящей хозяйственной общности между помещиком и половником нигде не наблюдается, и помещик весьма мало заботится о хозяйстве. В принципе он должен участвовать в деле удобрения полей. Большею частью он довольствуется тем, что он загоняет стада мелкого скота одного из своих арендаторов на поля своего половника на срок двух-трех ночей. При таком скверном удобрении пашни неизбежно получается система двухполья, так как почва может восстановиться и поправиться только при условии держания ее под паром и одновременного унаваживания при помощи пасущегося скота. По большей части половник получает каждый

год другой земельный участок и поэтому он не заинтересован в том, чтобы заботиться о хорошем удобрении. Отчасти это связано и с самой системой половничества, как такового. Так как помещик не участвует фактически в несении расходов и, стало быть, полученный благодаря удобрению излишек дохода, в первую голову, поступает в пользу его, то, естественно, крестьянин делает лишь то, что безусловно необходимо. Фессалийский крестьянин скорее допустит, чтобы горы навоза, облепляющие его избу, в конец испортили эту последнюю, чем решится вывести навоз на свои поля. Как общее правило, помещики предпочитают сдавать свою землю в аренду скотоводам, чем половникам. Об'ясняется это тем, во первых. что скотовод уплачивает за аренду деньгами, между тем, как крестьяне вносят ее натурой, во-вторых, скотовод не претендует на получение земли в собственность, а потому как бы охраняет помещика от экспроприации.

Земля и люди одинаково страдают от этой системы. В Фессалии нередко тянутся огромные пространства впусте лежащих земель, принадлежащих одному лицу или монастырю, в то время как соседнее нищее и безземельное крестьянство готово обрабатывать эту землю на началах половничества. Крестьянин стремится получить клочок земли в 2 — 3 гектара хотя бы на самых тягостных условиях, между тем как землевладелец пользуется всяким удобным случаем, чтобы выкинуть сидящих на его земле крестьян и сдать ее в аренду, в качестве пастбища. Таким образом, благодаря наличности крупного землевладения получается ограничение крестьянского землепользования — как для половника, так и для вольного крестьянина. Такое положение наблюдается в Фессалии, Эпире, Македонии, т. е. в большой части современной Греции. Решающим моментом является то обстоятельство, что земля сосредоточена, в виде латифундий, в руках нескольких семейств, имеющих право выбросить крестьян с возделываемой ими земли по истечении срока аренды, обыкновенно заключаемой на 3 — 5 лет. Это право помещиков население Фессалии и Македонии считало само собою разумеющимся, пока эти провинции находились под турецким владычеством; но крестьяне не могут никак примириться с тем, что эти порядки продолжают господствовать и при греческом владычестве. Вдобавок в Фессалии, которая раньше других перешла к Греции, положение еще значительно ухудшилось с тех пор, как крупное землевладение очутилось в греческих руках, так как греки предпочитают жить в городах и исключительно интересуются высотою ренты. Народно-хозяйственный результат был тот, что производительность почвы понизилась и вместе с тем сократилась численность населения.

Так, мало-по-малу опустели самые плодородные равнины Греции. Некоторые государственные люди Греции понимали, что го-

сударственный интерес,—с точки зрения социальной и хозяйственной — требует изменения в распределении земельной собственности, превращения крестьян в собственников и наделения безземельных. Однако, и против такого рода требований возражали, указывая, что система половничества является, по римскому праву, арендой, а потому те или другие изменения ее решаются обоими контрагентами, а не односторонней волей государства. При этом упускали совершенно из виду, что права были некогда дарованы помещикам турецким государством, что крупные землевладельцы были в прежнее время собственно сборщиками податей или получали имения в дар с ограниченным правом наследования. История возникновения и юридическая природа крупного землевладения были забыты, и крупные землевладельцы об'являлись полными собственниками земли с неограниченным правом передавать ее в наследство.

Сменявшие друг друга греческие правительства не отличались особенной добросовестностью и охотно подчинялись влиянию крупных землевладельцев, мало интересуясь реальными условиями жизни. Доводы помещиков, что крупное хозяйство выгоднее мелкого, определяли аграрную политику правящих кругов, причем даже не пытались исследовать вопрос, да существует ли вообще в стране крупное хозяйство? Никто как будто и не знал, что дело идет лишь о крупном землевладении с мелким хозяйством. Озлобление крестьян против управителей усиливалось с каждым днем, эксплоатация и произвол не раз приводили к крестьянским волнениям. Наконец, под впечатлением этих последних начали понимать всю остроту земельного вопроса, и приступили к изучению его в разного рода комиссиях.

Проблема внутренней колонизации в Греции возникла из необходимости расселить беглецов из Турции, Болгарии и Румынии. Греция вынуждена была брать на себя заботу об этих беглецах, количество которых временами принимало угрожающие размеры. Особенно много прибыло таких беглецов в 1907 году. Они хотели окончательно осесть в Греции. Пустующих земель в то время, как и ныне, было достаточно, но они служили, главным образом, как пастбища для мелкого скота. Вместо того, чтобы предоставить возвращающимся беглецам эти земли, правительство поселило их в городах, где они лишь увеличили армию безработных. Попытки аграрной колонизации были весьма ограничены, разверстано было всего 37 более крупных имений, в которых основано было 33 кооперативных товарищества и выстроено около 3.250 новых домов.

Войны 1912 и 1913 г.г., мировая война 1914 года и события в Малой Азии выбрасывали в Грецию все новые толпы беженцев, и проблема расселения их становилась вновь и вновь на очередь. Достаточно сказать, что события в Понте и поражение в Малой

Азии создали поток беженцев в количестве не менее 1.075.000 человек. Все население Греции тогда выражалось в цифре 6 миллионов. Положение этих беженцев сугубо тяжелое, потому что война лишила их всего, и они прибыли в Грецию совершенно нищими. Поддержание их вызывает не малые финансовые затруднения. Задача как будто облегчается благодаря наличию обширных земельных пространств, которые еще могут быть возделываемы. Даже в существующих селениях можно легко разместить большое количество людей. Конечно, колонизационная политика должна быть связана с общей аграрной реформой, так как пустующие земли, большей частью, принадлежат либо государственным доменам, либо частным землевладельцам. Использование этих, пригодных для земледельческой культуры, площадей может последовать, если одновременно с поселением безземельных беженцев, сидящие давно уже на земле крестьяне станут собственниками своих участков. Итак, вопрос сводится к следующему:

1) Экспроприация чифликов и упразднение половничества путем превращения половников в собственников,

2) колонизация беженцев на пустующих землях.

3) финансовая помощь крестьянам со стороны государства.

Греческие правительства пытались в течение последних лет так или иначе решить эти задачи при помощи законодательства. Это законодательство делится на 3 периода: 1880 — 1911 г.г. (начало аграрного законодательства), 1911 — 1917 г.г. (подготовительный период), 1917 — 1923 г.г. (приступ к радикальной реформе).

АГРАРНОЕ И КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

а) Период 1880 — 1911 г.г. В Болгарии еще в 1885 году был издан закон, предусматривавший отчуждение чифликов (турецких частно-владельческих имений). Ни одно из тогдашних бездеятельных греческих правительств не могло решиться на подобную меру. Отдельные лица требовали экспроприации, некоторые даже предлагали правительству свои имения с условием парцелирования их между крестьянами. По частной инициативе возникла Фессалийская Касса, помогавшая крестьянам погашать свою задолженность по покупке помещичьих земель. Эти частные попытки побудили законодательную власть принять некоторые меры по содействию мелкому землевладению, и 8-го апреля 1891 г. издан был закон, в силу которого государство обязывалось выдавать крестьянам ссуду, равную половине суммы, требующейся для покупки земли. При государственной поддержке, таким образом, крестьянин получал возможность приобретать землю в собственность. Хотя закон этот прошел не совсем бесследно, он, однако,

отнюдь не разрешил земельной проблемы. Дело в том, что проведение его в жизнь натолкнулось на упорное сопротивление со стороны помещиков. Ряд кровавых бунтов фессалийских крестьян вылился, наконец, в настоящую революцию 1909 года; но и эта последняя все же не положила конца борьбе крестьян за землю. Период 1880 — 1911 г.г., в общем дал крестьянам немного: некоторые деревни с прилегающей к ним землей перешли в собственность местных крестьян, кое-где начата была колонизация беженцев, но характерной чертой всего этого периода является паллиативность мероприятий и непонимание неизбежности радикальной аграрной реформы.

б) Период 1911 — 1917 г.г. 8-го января 1911 года греческое собрание об'явило, что «статья 17 конституции, считавшаяся до сих пор спорной, не препятствует принудительной экспроприации крупных землевладельцев в Фессалии для целей расселения безземельных крестьян». Хотя эта декларация относилась к одной только Фессалии, она тем не менее явилась краеугольным камнем новой аграрной политики. Она не только устранила юридическое препятствие, но дала санкцию национального собрания притязаниям половников на находившуюся в их пользовании землю.

Затем были изданы различные законы, которые должны были, впредь до окончательного разрешения земельной проблемы, оставить в силе существующие размеры землепользования, не давая возможности крупным землевладельцам произвести в этом отношении какие либо изменения. Так, закон 11-го августа 1911 г. воспрещал удаление крестьянина с занимаемого им участка без судебного разбирательства; закон 138 (в июне 1914 г.) не допускал каких бы то ни было изменений в существующих взаимоотношениях между помещиком и арендатором и воспрещал отнимать землю у половников. Право владения было затем еще закреплено распоряжениями 1915 и 1916 г.г., благодаря которым крестьянин получил полную уверенность в том, что впредь до экспроприации имения, он сможет прочно сидеть на обрабатываемом им земельном участке.

Значение этих законов было весьма велико. Весь характер половничества сразу видоизменился, так как крестьянин теперь почувствовал себя господином своей земли, и он стал защищать свое право на землю. Вследствие невозможности согнать крестьянина с его участка, суровые договоры, которые в свое время крестьянин вынужден был заключать с землевладельцем, стали призрачными, и таким образом судьба крестьян-половников коренным образом изменилась.

В указанный период приступили также к разрешению колонизационной проблемы. Приток беженцев из Малой Азии и Фракии постоянно ставил вопрос о колонизации на очередь и застав-

лял правительство серьезно им заняться. В июне 1914 года издан был закон, предусматривавший расселение беженцев в Македонии на государственных землях, а также допускавший отчуждение частных имений при условии предварительного возмещения их стоимости. В дальнейшем последовало издание закона 351, в силу которого государство брало на себя предоставление крестьянину и колонисту кредита в размере $^3/_4$ стоимости имения, если крестьянин в состоянии уплатить остальную четверть. Наконец, в силу закона 352 учреждены были земельные банки в Македонии и Эпире, которые имели большое значение для дальнейшего развития сельского хозяйства. Последними двумя законодальными актами греческое правительство пыталось разрешить собственно главнейшую часть аграрной реформы в этих культурно очень отсталых балканских странах, а именно: воспитать крестьян к денежному хозяйству.

Греческий крестьянин, производящий продукты, которые сбываются на иностранных рынках, нуждается в капитале, чтобы приспособить свое хозяйство к новым условиям. Ему нужна финансовая поддержка. Либо государство должно было притти на помощь, либо необходимо было создать систему кредитных учреждений кооперативного типа. Нужда заставила в Греции основывать кооперативные организации. До 1914 г. последние вели тяжелую борьбу за свое существование, которая поддерживалась не государством, а группой частных лиц, озабоченных экономическим развитием страны. 21-го декабря 1914 г. издан был закон (602), благоприятствовавший делу организации кооперативных товариществ. Закон имел значение для страны, что подтверждается массовой организацией кооперативов за последние годы, несмотря на войну и всяческие затруднения. В 1914 г. имелось 104 товарищества, в 1923 г. число их возросло до 1.820. Банки, в особенности национальный банк, пошли навстречу этим кооперативным начинаниям путем предоставления им кредита, а кооперативы с своей стороны приступили к учреждению центральной организации взаимного кредита, имеющей целью сделать кооперативы независимыми от государства. Идея самопомощи не является в Греции чем то новым, она есть лишь продолжение тех товарищеских устремлений, которые были живы среди крестьян еще во времена византийского и турецкого ига. Благодаря наличности кооперативных организаций банки, собственно говоря, только и получили возможность оказывать помощь мелким крестьянам. Им теперь не было надобности следить и контролировать хозяйства каждого отдельного крестьянина, так как ответственность перед банком принимал на себя кооператив.

С организацией кооперативных товариществ можно было до известной степени удовлетворить нужду в кредите; в настоящее время Национальный Банк открывает кредиты по всей стране;

Македонию и Эпир обслуживает Македонский Банк, остров Крит — Критская Касса. Кооперативы получают кредит из 5%, оказывают же сами кредит крестьянам из 7%. Кредитные операции с каждым годом все более расширяются.

Законодательство последнего времени дает право кооперативам приобретать на кооперативных началах отчужденные имения, причем они обязаны, впредь до погашения своей задолженности по покупке имения, держать крестьян в этих имениях, организуя из них (крестьян) кооперативное товарищество. Благодаря кооперативам сельско-хозяйственная жизнь Греции значительно окрепла и технически достигла более высокой степени развития.

в) Период 1917 — 1923 г.г. Этот новый период начинается тяжелыми внутренними политическими осложнениями, волнениями и крушением мощи государства. Страна раскалывается на две части и управляется двумя правительствами: временным в Салониках, с одной стороны, и легитимным правительством в Афинах — с другой. Временное правительство об'явило мобилизацию занятой им части страны и пыталось вовлечь ее в мировую войну, между тем как Афинское правительство заняло позицию благожелательного нейтралитета. Вполне естественно, что революционеры стремились завоевать симпатию народа и использовать его недовольство, его неосуществленные чаяния. Салоникское правительство считало своей задачей пойти на встречу притязаниям крестьян, желая этим привлечь их на свою сторону, как добровольцев солдат. Далее, оно попыталось колонизовать беженцев в качестве свободных мелких крестьян. Эта последняя мера вызвала недовольство со стороны местных крестьян - половников.

На фоне этих новых событий последовало издание законов 2.466 — 70, которые в 1918 г. вступили в силу для всей Греции. В отличие от прежнего законодательства, которое распространялось только на некоторые группы крестьянства и на отдельные части Греции, новое законодательство имеет в виду всех лиц, живущих в деревнях, без различия их общественного положения. Оно распространяется как на половников, обитающих преимущественно в Фессалии, так и на батраков и крестьян-беженцев, причем для расселения этих последних назначены имения, которые, в случае необходимости, приобретаются путем принудительного отчуждения.

Новый закон (2.052) определяет размер крестьянских наделов, причем наделению подлежат также живущие в деревне ремесленники, получающие участок земли, расположенный, по возможности, близко к месту их жительства. Получают надел также солдаты, награжденные военным крестом. Подлежат отчуждению все земли, на которых собственник не ведет сам хозяйства, а

также государственные и монастырские земли. Если владелец не ведет самостоятельного хозяйства, и на земле, принадлежащей имению, сидят крестьяне, — то в этом случае $^2/_3$ земельной площади переходит к крестьянам, собственнику же оставляется $^1/_3$, при условии, что эта $^1/_3$ не превышает 100 гектаров; в противном случае излишек земли распределяется среди лиц, имеющих право на надел.

Государственные и монастырские земли были немедленно экспроприированы без возмещения, между как для частно-владельческих имений была установлена система возмещения: государство брало на себя уплату выкупной суммы, которую затем крестьяне погашали, уплачивая ежегодно 6% ее в течение 30 лет. Выкупная сумма определяется комиссией из 5 экспертов, причем она не должна превышать 20-ти кратной стоимости годового урожая и 30% стоимости мирного времени.

Для проведения в жизнь этих мероприятий необходимо было произвести межевание земель, которое, однако, в виду отсутствия землемеров натолкнулось на серьезные препятствия. Поэтому сделана была попытка об'единить крестьян принудительно в кооперативные товарищества с целью передачи этим последним целого имения, в том расчете, что товарищество, зная местные условия, сумеет правильно разверстать имение — впредь до полного отчуждения и окончательного урегулирования земельных отношений. Наделы, предназначенные, по закону, для отдельных лиц, предполагалось установить в таком размере, чтобы крестьянская семья могла найти на нем свое пропитание. При наследовании надел не подлежал дальнейшему дележу, он не мог быть закладываем, продажа его допускалась только с разрешения правительства, притом лишь лицам, имеющим право на наделение землею. Этим путем законодатель хотел предотвратить новое скопление земли в одних руках — на основе задолженности крестьян. Крестьянскою семьей, по закону, считаются родители и трое детей.

Рассматриваемый закон предполагал также необходимость урегулирования отношения государства к той категории имений, которые в эпоху турецкого владычества не считались полной собственностью распоряжавшихся ими лиц. Речь идет о землях, находившихся некогда в пользовании откупщика податей, спахи. Право государства на эти земли в момент присоединения Фессалии не было в достаточней мере гарантировано, вследствие чего за их владельцами было признано полное право собственности. Между тем, в Добрудже, где господствовали подобные же отношения, Румыния признала полное право собственности лишь при условии отчуждения определенного процента в пользу государства; подобный же порядок Румыния ввела и во вновь оккупированной части Добруджи. После 1914 г. этому примеру последовала Греция в отношении турецкого землевладения во вновь присоединенных про-

винциях — Македонии и Эпире. Государство требовало уступки в свою пользу $^1/_5$ площади этих имений, причем уступка эта требовалась в том случае, если имение превышало 20 гектаров площади. Таким образом, временное правительство в Салониках имело возможность поселить на этих землях беженцев, не будучи вынужденным платить за них какое бы то ни было возмещение.

. На основании упомянутых актов законодательства, в период 1918 — 1920 г.г. всего 809 крупных имений было об'явлено подлежащими экспроприации, и из них 65 с общей площадью 62.100 гектаров были предоставлены крестьянам. В этих имениях право собственности на землю было признано за 5.000 крестьянскими семействами и 462 ремесленниками, которые занимались своим ремеслом в этих деревнях.

Если принять во внимание те трудности, которые возникали при межевании и разверстании земли среди крестьян, притом еще в момент свирепствовавшей в стране войны, то нельзя не признать значительности совершенного дела. Однако, весьма медленное движение дела отчуждения и наделения, вытекавшее, главным образом, из практических затруднений, вызывало сильнейшее недовольство правительственной реформой. Крестьяне, спокон веку сидевшие на своей земле, отказывались понимать эти затруднения и требовали «немедленной собственности»: это стало лозунгом дня, и когда где-нибудь в близком соседстве имение экспроприировалось, они еще больше возмущались тем, что их деревня пока остается за бортом.

Для уничтожения этого неравенства изданный в сентябре 1920 г. закон 2.521 установил размер процента, уплачиваемого половником помещику, так что отныне крестьянин более не зависел от произвола комиссии. Прежняя форма уплаты аренды натурой была упразднена для тех имений, которые принципиально признаны были подлежащими отчуждению: в этих случаях помещик получал 6% цены соответствующего крестьянского двора в мирное время — в виде годовой арендной платы. Но крестьянин имел право, еще до завершения медлительной процедуры отчуждения, платить 6% государству, и таким образом, закрепить свои права собственника. Уплаченная до совершения акта отчуждения сумма, конечно, при этом засчитывалась. От всех остальных обязательств, в частности от уплаты натуральных налогов, крестьянин освобождался с того момента, как он начинал вносить эти 6%.

Проблема половничества этим законом принципиально была разрешена, так как если-бы указанные постановления применялись ко всем крупным имениям, то система полновичества, как она изображена нами выше, сама собою исчезла бы. Оставалось бы только технически провести межевание и нарезать достаточно большие парцелы для крестьян, ибо тот надел, который крестьянин

получал при системе половничества от помещика, не был достаточен для пропитания его семьи.

Этот закон был особенно полезен для Фессалии, Македонии и Эпира, в меньшей степени — для Аттики и Эвбеи: он не соответствовал условиям Пелопонесса и островов, где, как мы знаем, господствует система наследственной аренды. В отличие от половника северной Греции — вечно-наследственный арендатор уже в ряде поколений сидит на своем участке, урожайность которого он, благодаря египетской работе, довел до высокого уровня. Поля, покрытые коринкой, оливками и виноградниками, напоминают собой сплошной сад; труд арендатора значительно повысил ценность почвы. В виде арендной платы крестьянин Пелопонесса также уплачивал определенную часть урожая, обыкновенно — ⅓. В новых законах (2.188 — 89 и 2.926 — 2.927) учтен тот момент, что рост ценности земли находится исключительно в зависимости от вложенного в нее арендатором труда, а потому за этим последним должно быть признано право собственности на эти имения.

Сказанным исчерпываются главнейшие черты аграрного законодательства Греции до 1920 г., т. е. до падения старого правительства. Новое правительство начало с того, что об'явило все прежние законы отмененными. Законом от 24 июля 1922 г. (закон 2.922) вопрос о возмещении был урегулирован на совершенно иных основаниях; крестьяне без достаточного сельскохозяйственного инвентаря лишались права на получение земли в собственность, а принудительные кооперативы упразднялись. Но этот закон шел против течения и вразрез с тенденциями развития. Поэтому значение его было весьма мимолетное.

В августе 1922 г., после поражения в Малой Азии, правительство было низвергнуто. Полнейшее банкротство его аграрной политики, продолжающиеся волнения в Фессалии, наплыв беженцев из Малой Азии, представлявших серьезную опасность для государственного порядка — заставили Революционный Комитет издать следующее постановление: «Разрешается, без предварительной уплаты возмещения, реквизировать и принудительно отчуждать с.-хоз. имения с целью наделения землей безземельных крестьян, половников и наемных рабочих, а также для поселения беглецов — греков или не-греков (армян, карказийцев)». Таким образом, препятствие, вытекавшее из ст. 17 конституции, было упразднено, и открывалась возможность быстрого расселения беженцев.

Впоследствии революционное правительство попыталось издать закон, который охватил-бы всю аграрную проблему в целом и давал-бы радикальное решение этой последней. Прежде всего, законом 3.373 снова восстановлено было действие отмененных прежним правительством законов в отношении уже отчужденных имений. Благодаря восстановлению действия закона 2.521, имев-

шего громадное значение для крестьян-половников, многочисленные имения, об'явленные было отчужденными, теперь — впредь до окончательного их разверстания — были переданы принудительно организованным товариществам.

Новый закон 3.473 в основных чертах мало отличается от закона 2.052, но некоторые пункты его формулированы в более радикальном духе. Главнейшие основания закона сводятся к следующему:

А. Право на земельный надел имеет каждое лицо, занимающееся сельским хозяйством и не владеющее участком, достаточным для пропитания семьи, а равно и крестьяне-беженцы, т. е. женатые сельские хозяева, вдовы сельских хозяев, несовершеннолетние сироты и не-женатые сельские хозяева, старше 18 лет, наконец, беженцы, поселившиеся на этих землях.

Б. Наделы, согласно ст. 5 закона, определяются комиссией по делам отчуждения. Всякий крестьянин имеет право требовать, во-первых, достаточного по размерам усадебного участка, во-вторых, столько пахотной земли, сколько необходимо для пропитанья семьи из 5 душ. При определении величины надела принимается в рассчет качество почвы. Семьи с числом детей больше 3-х имеют право на дополнительное наделение в размере $^1/_5$ нормального надела для каждого ребенка сверх прочих, в совокупности, однако, не больше одного полного надела. Наделы нарезываются не только физическим лицам, но и юридическим, так напр., — принудительным кооперативным товариществам. Эти наделы могут быть использованы коммуной. Кроме того, земля отводится для постройки церквей и школ.

В. Наделы нарезываются из принудительно отчужденных имений — государственных, монастырских и помещичьих. Исключение делается лишь для тех имений, в которых хозяйство ведется самим землевладельцем или членами его семьи.

Г. Государство передает отчужденное имение учреждаемым, согласно ст. 8 закона, кооперативным товариществам, которые, беря имение в свое управление, до поры до времени, т. е. до окончательного раздела, не вносят никаких изменений в существующие отношения собственности. Товарищества получают кредиты от Национального Банка.

Д. Отчуждение и раздел имений проводится в жизнь комиссиями по отчуждению, по оценке и по колонизации. Комиссия по отчуждению состоит из двух членов — сельских хозяев с высшим агрономическим образованием и одного председателя — судьи. При каждом окружном суде действует одна такая комиссия, а иногда даже несколько. Она проверяет права соискателей, определяет величину наделов, устанавливает границы между ними, во избежание перетасовок в существующих межах, наконец, классифицирует почвы, с точки зрения их орошаемости. Комис-

сия по оценке, состоящая из 5 человек (в том числе 1 представитель от прежних помещиков и 1—от кооперативного товарищества), фиксирует цену имения, которая, однако, не должна превышать средней цены последних 5 лет, после 1914 г. Цена, фиксированная этой комиссией, утверждается Окружным Судом и выплачивается министром земледелия в виде выпущенных 6% облигаций с погашением в 30 лет. Наконец, в каждой греческой провинции существует комиссия по колонизации, заботящаяся о расселении беженцев; она будет существовать и в дальнейшем, как отдел министерства земледелия, для контроля за переселенческими и крестьянскими кооперативами.

Выкупные облигации обеспечиваются доходами, взимаемыми государством с крестьян, так как употребление этих сумм на другие государственные надобности строго воспрещено (ст. 24). Но закон разрешает министерству земледелия передавать дело взимания выкупных платежей и погашения облигаций частным обществам или банкам, под гарантией государства. Этим вновь созданным хозяйственным организациям государство обязывается предоставить различныя привиллегии, а равно эксплоатацию заболоченных земель после их осушки и т. п. Принимая во внимание производительность греческой почвы, разнообразие с.-хоз. продуктов, надо признать, что греческое правительство довольно далеко идет на встречу частной предприимчивости взамен за готовность этой последней содействовать под'ему сельского хозяйства в стране. Если сильная капиталами компания возмется за постановку в различных частях Греции технически хорошо оборудованных крупных предприятий, то народное хозяйство в целом может от этого много выиграть, так как напр., широкое развитие зернового хозяйства равносильно освобождению страны от зависимости от иностранных рынков.

Е. Хотя в законе 602, как упомянуто выше, цели кооперативных товариществ формулированы довольно ясно, законодатель счел все-же необходимым точнее наметить самую организацию этих обязательных кооперативов (ст. 29). Сельско-хоз. коопер. т-во должно состоять, по крайней мере, из 7 членов; оно конституируется в день передачи ему отчужденного имения; обязательный срок его существования истекает только с окончанием выкупа, т. е. после 30 лет — если пока что у кормила государства не станет другая партия! Члены товарищества отвечают за свои наделы перед кооперативом и перед государством. Закон предоставляет кооперативу право — при условии контроля со стороны колонизационного управления — заниматься и другими операциями, как-то: закупкой продуктов питания, сельско-хоз. орудий и т. п. для перепродажи своим членам.

Новый закон (3.473) — результат многолетних попыток — может быть признан наиболее удовлетворительным законодатель-

ным актом. Мирный договор с Турцией дает теперь возможность стране, истощенной и опустошенной 12-летней войной, приступить к делу хозяйственного восстановления и довести до конца начатую 12 лет тому назад реформу. Нынешнему правительству приходится преодолевать неимоверныя трудности: свыше миллиона беженцев без крова должны быть расселены, между тем как государственные финансы совершенно истощены. Но восстановление в настоящее время невозможно без «свободной земельной собственности для крестьянина» и без кредитов для сельского хозяйства.

ЮГО-СЛАВИЯ

ОСТАТКИ ФЕОДАЛИЗМА

Мировая война уничтожив влияние двух соперничавших между собой на Балканах великих держав, России и Австро-Венгрии, вместе с тем расширила пределы балканских государств и сильно повысила их значение. Что касается Югославии, то ей в значительной степени удалось осуществить тот план, который в свое время лелеял Душан Великий (в середине 16-го столетия),—а именно об'единить славянские народы Балканского полуострова в одной великосербской державе. Южные части разрушенной Австровенгерской монархии: большая часть Баната (Войводины) — не без основания называемого житницей Европы, — Хорватия, большая часть морского побережья Австрии, Босния и Герцоговина, — все это подпало под власть Белграда. Значительная часть Македонии досталась Сербии еще в Балканскую войну 1912 — 13 гг., и составляет нынешнюю южную Сербию. В мировую войну прибавилась еще Черногория. Югославия охватывает ныне пространство в 271.532 кв. километра (что составляет $^4/_5$ Италии) с числом жителей более чем 14 миллионов.

По статистике министерства земледелия вся площадь государства распределялась в 1922 г. следующим образом между отдельными областями: (см. таблицу стр. 91.)

Плодородие почвы необычайно разнообразно. Наибольшим плодородием отличается область между Дравой и Савой и Войводина (Банат), равно как и отдельные котловины среди гор. Наконец, очень плодородными считаются еще северная часть Боснии и долины Моравы и Вардара (Южная Сербия). На западе и на юге государства наблюдается распространенное явление: склоны гор безплодны, и сельское хозяйство на них возможно лишь в весьма ограниченном размере *).

*) Средний урожай 1909—1913 гг. по всей территории: пшеницы 9,9 дв. цент., ржи 8,2 дв. ц., ячмени 8,8 дв. ц., овса 7,9 дв. ц., кукурузы 11,5 дв. ц., картофеля — 63,4 дв. ц., с гектара земли.

Область	Обраб. площ.		Леса		Необр. площ.		Всего	
	в 1000 гкт.	в %	в 1000 гкт.	в %	в 1000 гкт.	в %	в 1000 гкт.	в %
1. Сев. Сербия*)	1881	37,66	1016	20,35	2097	41,99	4995	100
2. Южная „ *)	851	18,68	1070	23,49	2635	57,83	4557	100
3. Хорватия . .	2560	58,52	1491	34,10	328	7,38	4383	100
4. Босния	1775	34,67	2546	49,74	798	15,59	5120	100
5. Войводина. .	1710	86,84	251	12,72	9	0,47	1970	100
6. Словения. . .	836	51,63	691	42,65	93	5,72	1620	100
7. Далмация . .	787	61,82	348	27,32	138	10,86	1273	100
8. Черногория .	79	8,22	193	19,93	695	71,85	967	100
Все Королевство								
в 1922 г.	10480	42,13	7607	30,58	6789	27,29	24885	100
в 1921 г.	10344	41,58	7684	30,88	6848	27,54	24885	100
в 1920 г.	9933	39,93	7684	30,88	7258	29,19	24885	100

Следует отметить большое обилие, частью девственных еще, лесов. Самыми крупными и прекрасными лесами изобилует Босния и Герцоговина. Половина площади занята там лесом. Лес составляет самый крупный предмет вывоза из Югославии. Обработка полей в разных округах различная. Впереди идут северные округа: Войводина, где первыми колонистами явились преимущественно немцы, затем Хорватия и Словения (нынешние сербские области бывшей Австро-Венгрии, за исключением Далмации), также северная Сербия. В Словении сильно развита культура корнеплодов. Во всех этих округах преобладает улучшенное трехполье, в больших имениях введена также современная плодопеременная система. Чем дальше на юг, тем больше сохранились устарелые формы хозяйства. По отношению к сельскому хозяйству Боснии, а в особенности южной Сербии, до сих пор применимы слова балканского исследователя Amis Boûè: Un y travaille comme aux temps des patriarches.

В карликовых хозяйствах горных областей обработка земли имеет огородный характер, не достигая, однако, и в отдаленной степени его интенсивности. Но и на всей территории можно отметить известную отсталость, как это явствует из данных сбора с гектара. Главную причину отсталости южно-славянских областей надо искать в отсутствии внутреннего рынка. Южно-славянская крестьянская семья до сих пор ведет свое хозяйство исключительно для собственного потребления. Отсутствие внутреннего рынка вызывается слабым развитием городской жизни, обусловленным в свою очередь, институтом южно-славянской большой семьи, — з а д р у г и.

*) Так как в Северной и в Южной Сербии не ведется кадастра, то приведенные цифры приходится считать лишь приблизительными.

В отличие от русского «мира», представляющего собой деревенскую общину, задруга является семейной общиной, составленной таким образом, что не только старший сын, как в Германии, берет жену в отцовский дом, но и все остальные сыновья. Родители, сыновья с их женами и детьми, равно как и незамужние дочери, а также вдовы умерших сыновей, образуют одну большую семью, нередко в 50 и до 100 душ, представляемую во вне во всех общественно-правовых отношениях, своим «старейшиной». Старейшина является также фактическим хозяйственным руководителем всего обслуживаемого задругой крестьянского хозяйства. Выход из задруги до самого последнего времени был крайне затруднителен. Человеческий прирост задруги в течении столетий находил применение только в сельском хозяйстве. Для роста городского населения, городского ремесленного сословия — человеческого материала не оставалось: поэтому, в городах жили только помещики, получавшие свои доходы от крестьян, обрабатывавших их земли исполу или в третьей доле, затем, чиновники, духовенство, военные и весьма немногочисленные ремесленники. Отсутствие городского рынка, обусловленное «прикреплением» рабочих рук к земледелию отнимало у сербского крестьянина стимул к более интенсивной обработке земли. Несомненно, что в этой хозяйственной отсталости сербского крестьянства играли значительную роль и другие причины: климат и почва, длительные войны и волнения, неблагоприятное распределение земельной собственности, невероятная кое-где раздробленность земельных участков, наконец, остатки зависимого состояния крестьянина, так наз. к м е т ч и н а и к о л о н а т.

К м е т ч и н а. В старой Сербии, т. е. в Сербии до поражения на Косовом поле в 1489 г., господствовал, как и во всех европейских странах, феодализм. Земля принадлежала дворянству и церкви. Она была отдана им государем либо в собственность (батчина), либо в ленное владение (прония). Но ни собственник, ни ленник не вел на своей земле самолично хозяйства, а сдавал ее в обработку своим крестьянам — «кметам». Кметы селились задругами. Они получали от землевладельца участок земли, соответствующий числу работоспособных членов задруги, получали в свое пользование необходимые постройки и за это обязаны были ежегодно отдавать помещику определенную часть своего урожая. Когда в XV столетии страна была завоевана турками, условия изменились лишь в том отношении, что вместо славянских помещиков появились турецкие. Кметы остались на своих участках и кметчина продолжала существовать, как и прежде. Все сербское дворянство было истреблено в безпрерывных войнах, а то, что от него осталось, было изгнано из страны, так что землей завладели сплошь турецкие помещики. В Боснии и Герцоговине дворяне приняли ислам и этим спасли свои владения. В этих областях, таким образом,

завоевание их Турцией не внесло существенных изменений в состав земледельческого класса, но переход помещиков к исламу имел последствием то, что между ними и оставшимися верными православию кметами возникли очень напряженные отношения, постепенно обострявшиеся в безпрерывные восстания. К ново-мусульманским помещикам, агам, относились как к чужестранным притеснителям, а не как к сынам собственного народа. Аги же, в свою очередь, жаловались на полную зависимость от своих кметов.

Естественно, что отношения еще больше обострились, когда в начале XIX столетия сербы получили политическую самостоятельность, прогнали турецких помещиков и реципировав римское право, превратили каждого крестьянина в свободного собственника своего двора. В том же XIX столетии в соседней Дунайской монархии и немецких странах совершилась коренная крестьянская реформа. Таким образом, кметам турецких областей Сербии, оставалось только смотреть, как повсюду кругом, за исключением романских стран, крестьяне могли свободно распоряжаться своей землей и доходом с нее, в то время, как они продолжали оставаться в невыносимой зависимости. Это все больше озлобляло их и они попытались силой освободиться от ненавистной власти помещиков. Безпорядки приняли угрожающий характер и турецкое правительство сочло себя вынужденным вмешаться. Оно издало указ 14-го сефера 1276 г., (т. е. 12-го сентября 1859 г.), который отнюдь не принес свободы крестьянам, а лишь вновь утвердил существовавшие в старой Сербии отношения. Помещик, ага (ошибочно называемый также «спах») передает семейной общине задруге кметский участок в неограниченное пользование, а кметская семья отдает ему за это часть урожая. Ежегодный оброк (данак), отделявшийся после сбора урожая на току, колебался в среднем между одной восьмой и половиной урожая. Испольные договоры, однако, имели место только в тех случаях, когда на представленной кмету земле были какие либо особые улучшения. В некоторых областях кроме годового оброка предусматривались обязательные отработки, однако, в последнее время лишь в весьма редких случаях и в ничтожных размерах. Следует еще отметить, что натуральным оброком облагался лишь урожай, а не скот. По заключении договора с задругой (с отдельными лицами договоры никогда не заключались), помещик терял всякое влияние на характер ведения хозяйства, и так как расторжение договора допускалось в случаях вопиюще плохого ведения хозяйства, то кметские участки фактически переходили в постоянное пользование кметской семьи; к тому же, помещик лишен был права делить имение, он мог продать его или завещать нескольким наследникам, имение, как таковое, оставалось неделимым. В случае перехода имения к нескольким владельцам, кметская семья вносила свою долю одному из них, в качестве их общего уполномоченного. Размеры кмет-

ских дворов были весьма разнообразны. Были хозяйства в один гектар, но иные — в 100 и больше гектаров. Крупные помещики имели на своих землях иногда несколько сот кметов, так что целые села кметов платили им оброк.

Из этого краткого обзора, можно видеть, как сложилась кметчина после сеферского указа. Помещики очутились в уязвимой правовой позиции, а кметы в слабом хозяйственном положении. Помещики лишены были возможности влиять на ведение хозяйства в своих имениях, и лишь извлекали из них прибыль. На кметов же оброк давил так тяжко, что при данных обстоятельствах они лишены были всякой возможности накоплять какие либо излишки для улучшения своего хозяйства. И не только то, что они не имели возможности накоплять капитала, но и характер их отношений к помещикам мешал им совершенствовать их полеводство: это шло бы на пользу не столько им, как помещикам, а этого они хотели избежать во что бы то ни стало. Они доходили в этом отношении даже до того, что оставляли необработанными большие площади, — лишь бы освободиться от оброков.

Указ, таким образом, не удовлетворил никого и борьба продолжалась с прежней силой. Помещики боролись за усиление своих правовых позиций, стремясь расширить, главным образом, право расторжения договора. Кметы же целили дальше. Они хотели уничтожить кметчину и стать неограниченными собственниками земли, которую семьи их часто обрабатывали в течение столетий. Волнения продолжались, и они то дали австро-венгерскому министру иностранных дел, графу Андраши, желанный повод к фактической оккупации Боснии и Герцоговины в 1878 г. Перед оккупацией австро-венгерское правительство обещало отмену кметчины и многократно повторяло это обещание после оккупации. Но когда оно вплотную подошло к разрешению этого вопроса, обнаружились громадные трудности. В течение первых 10-ти лет разрабатывались правовые гарантии — необходимое условие любой хозяйственной системы. Когда последние, казалось, были уже в достаточной мере обеспечены, правительство все же не могло решиться на проведение коренной реформы, ибо тут обнаружился недостаток финансово-технического и административного аппарата. Нужно было еще завести кадастр и создать соответственную кредитную организацию. Затем, крестьянам был предоставлен кредит для выкупа повинностей связанных с кметчиной, но кредит был далеко не достаточен, так что вплоть до 1910-го года темп выкупной опперации был довольно медленный.

Лишь закон 5-го апреля 1911 г. «о выдаче ссуд на предмет добровольного выкупа» положил конец этой волоките. Закон предоставил кметам дешевый 5% кредит, и к тому же в размерах соответствовавших казенной оценке имений. Срок погашения ссуды должен был быть не менее 30-ти лет и не более 50-ти, т. е.,

вполне соответствовал требованиям долгосрочного сельскохозяйственного кредита. Этот закон привел к ускорению выкупной операции. В то время как в годы от 1879 г. — 1910 г. на год приходилось в среднем 1922 случая ликвидации крепостных отношений, в период от 1911 г. до 1914 г. их пришлось по5832 на год, ибо от 1. XII. 1911 до 3. I. 1914 г. было выкуплено 12 146 кметских наделов. О значении и размерах кметчины в последние годы перед войной можно судить по следующей таблице (она содержит данные лишь о Боснии Герцоговине, о Македонии не имеется проверенных цыфр):

Распредел. населения по сельско-хоз. занятиям	1895 г.				1910 г.			
	Главы семейств		Члены семейств		Главы семейств		Член. семейств	
	в 1000	в % к общ. числу насел.	в 1000	в % к общ. числу насел.	в 1000	в % к общ. числу насел.	в 1000	в % к общ. числу насел.
Землевладельцы с кметами и без оных	5,8	0,37	27,6	1,76	147,0	0,78	56,6	2,98
Свободные крестьяие . .	86,9	5,54	437,7	27,91	136,8	7,21	634,8	33,44
Кметы	88,9	5,67	510,9	32,58	79,7	4,20	444,9	23,44
Частичные кметы*) . . .	22,6	1,45	153,8	9,81	31,4	1,66	205,7	10,84
Прочее население, занятое в сельском хозяйстве . .	11,2	1,10	33,5	2,15	20,4	1,08	433,5	2,28

Из этой таблицы видно, что в 1910 г. кметское население все еще составляло почти четверть общего числа населения. Но наряду с ним появляется уже гораздо более высокий процент свободных крестьян. Что касается агов, то 91,15% из них были мусульмане, 6,05% православные и 2,55% католики, так что до последнего времени мусульмане преобладали среди помещиков. Но и среди крестьян имелось не мало мусульман. Они составляли 56,64% свободных крестьян и 4,58% кметов; между тем сербского православного населения было почти $^3/_4$ среди кметов, почти половина среди частичных кметов и всего лишь $^1/_4$ среди свободных крестьян. Таким образом, крестьянская реформа и до войны имела сильно национальную окраску, которая значительно перевешивала социальный момент.

*) Под частичными кметами следует разуметь кметов которые либо обрабатывая кметскую землю владели в то же время и собственным участком, или же, что тоже нередко имело место, имели собственную землю и одновременно вели хозяйство и на кметских наделах.

Так как в годы войны выкупная операция приостановилась, то к 1919 году (вычтя из числа кметов 1910 г., т. е. 12 146, которые были освобождены в период времени от 1911 г. до 1914 г.), оставалось еще 98971 полных и частичных кметов. В этой ликвидации было заинтересовано около 547 тысяч человек, т. е. 30% всего населения Боснии и Герцеговины. Если бы мировая война не прервала нормального хода вещей, то при несколько ускоренном темпе выкупной деятельности, необходимость которого сознавалась и защищалась и австро-венгерским правительством, конец выкупной операции наступил бы в 1924 г. или в 1925 г., т. е. не многим позднее чем это было достигнуто распоряжением югославянского правительства в 1919 г.

Колонат. Колонат, по своей хозяйственной характеристике, мало чем отличается от кметчины. Как и там, помещик предоставляет живущим на его земле крестьянам часть своей пашни с постройками в пользование; и здесь расплата совершается таким образом, что помещик получает часть урожая, иногда даже половину, если проведены специальные улучшения на предоставленной в пользование земле. Здесь, как и там, земля сдается не отдельному лицу, а целой семье, и положение с'емщиков такое же безотрадное. Кмет, как и колон, принадлежит к самым жалким и отсталым крестьянам Европы. Колон, пожалуй, еще более, чем кмет. Сходство внешних условий привело даже к тому, что колоны часто называются кметами, и в то же время название кмета является ругательством в некоторых районах господства колоната.

Различие между кметчиной и колонатом состоит, таким образом, не в хозяйственном положении, а в происхождении, правовых условиях и сроке договоров. В то время, как кметчина ведет свое происхождение из старой Сербии, и, ранее еще, из Византии, колонат берет начало из Италии. Внешним образом это проявляется в том, что колонат введен преимущественно в населенном итальянцами морском побережьи, и еще более в том, что тамошние помещики в большинстве итальянцы. Существует предположение, что колонат свое распространение получил из приморского города Рагузы. В окрестностях населенных преимущественно итальянцами городов Спалато и Кастелли, колонатские участки составляют 60 — 80% всей обрабатываемой земли. Чем ближе к итальянской границе, тем многочисленней колоны, и тем придавленнее их положение, чем глубже мы подвигаемся внутрь страны, тем реже встречается колонат и тем менее тягостны его условия.

Что касается правовой основы кметчины и колоната, то в кметчине — об'ектом договора является вся предоставленная в пользование земля, в колонате же им является, главным образом, культура виноградной лозы, а также оливкового дерева. Поскольку областью распространения колоната является Далмация,

можно лишь присоединиться к отзыву лучшего знатока вопроса, к Шуллерну: *).

«Землевладельцы передают колону необработанную землю (целину), которую последний вспахивает и засевает. Получаемый сбор урожая делится в различных пропорциях: то помещик и колон получают по половине, то помещик получает треть, четверть, даже только седьмую часть урожая, а остальное достается колону. Дележ исполу бывает крайне редко и встречается лишь в тех относительно немногочисленных случаях, когда сданная колону земля уже возделывалась ранее. Договор заключается на такой срок, пока дают плоды посаженные растения, следовательно, для виноградников 20 — 50 лет и более, для пашни, напротив лишь на 1 год. До истечения срока договора колон может быть согнан с земли лишь в особо предусмотренных случаях». То, что говорит Шуллерн о сроках договора, указывает на третье различие между кметчиной и колонатом. Кметский договор длится до тех пор, пока остается работоспособной семья, с которой он был заключен. А так как договоры заключались исключительно с семьями, то они обычно длились неограниченное время. Колонатский же договор, напротив, длится лишь столько времени, сколько нужно для культуры растения. Практически, правда, это различие не играет большой роли, так как обычно колонатские договоры, по истечении срока возобновлялись с той же семьей, причем, как общее явление следует отметить еще то, что помещикам в первом, как и во втором случае, предоставлено было лишь очень ограниченное право расторжения договора — лишь в тех случаях, когда могли доказать факт небрежного хозяйствования на сданных участках, что было не легко при общей отсталости кметского и колонатского хозяйства.

Когда в начале пятидесятых годов прошлого столетия в соседних австрийских областях был проведен закон о выкупе земли, далмацкие колоны тоже стали настойчиво добиваться ликвидации колоната. Австрийское правительство, как в свое время и законодательство французской революции, стало на ту точку зрения, что колонатские договоры суть не что иное, как арендные договоры и к ним не могут быть применимы законы об ликвидации феодальных повинностей. Следует обратить внимание лишь на то, чтобы в договоре были точно ограничены, в смысле срока, арендныя или трудовыя обязательства. Между тем договоры были заключены, большей частью, очень давно, и колоны даже не сознавали того, что у них есть какие-то договорные обязательства; они знали только то, что с земли, которую с незапамятных времен обрабатывала в ряду поколений их семья, они должны платить оброк живущему в городе помещику, который палец о палец не ударяет для обработки

*) Schullern, Das Kolonat. Wien 1909, S. 18.

земли и все же получает больше того, что составляет чистый ежегодный доход колона. По мнению колонов они находились в таком же положении, как и крестьяне в других областях, которым теперь было предоставлено право свободной собственности на землю. Тот факт, что в колонатских договорах нередко имелись пункты о барщине, не исчезнувшие, в отличие от кметчины, и до последнего времени (Шуллерн упоминает о ряде таких случаев, в том числе, когда колон был обязан работать на помещика до 200 дней в году), лишь укреплял их в их точке зрения.

Так как колоны не обладали достаточной силой, чтобы добиться осуществления своих домогательств, то положение вещей в общем осталось прежнее, если не считать отдельных случаев замены колонатского договора чисто арендным. Обвиняли в этом нередко Австрийское правительство и многие склонны считать такое обвинение заслуженным. Но нужно сказать правду, что неясность правовых отношений была колоссальная. Помещики не имели никакого другого отношения к своей земле, как то, что они ежегодно получали с нее определенный оброк, и поэтому их владения с течением времени превратились для них в обыкновенное имущество и они смотрели на него не иначе, как на любое иное движимое имущество. При продажах и наследовании поместья делились как случалось, и эти разделы продолжались до тех пор, пока многие помещики сами не знали уже, где собственно расположены их земли. Нередко колоны пользовались этой запутанностью для того, чтобы присвоить в собственность, обрабатываемые ими участки. В виду невероятной раздробленности участков и невообразимой путанницы, возникшей в правовых отношениях, можно бы сказать, что только революция могла здесь навести порядок своей железной рукой. Без насильственного государственного вмешательства действительно трудно было что нибудь сделать. Но этому противоречил либеральный дух, господствовавший тогда в Австрии, и колонатский вопрос остался неразрешенным.

Кметчиной и колонатом исчерпываются две наиважнейшие формы крестьянской зависимости. Следует, однако, заметить, что они, конечно, не повсеместно являлись в своем чистом виде, а наряду с ними практиковался ряд договорных отношений, отличавшихся в отдельных пунктах от вышеописанного чистого типа.

Заслуживает внимания тот факт, что, с одной стороны, в разных местах кметчина и колонат приняли форму чисто денежной аренды, а с другой стороны, как уже было упомянуто, с колонатом нередко связана была барщина. Между этими двумя крайностями колебались кметские и колонатские договоры. В Боснии и Герцоговине, как и в Македонии, существовала еще одна форма договора, наружно не отличавшаяся от кметчины, но связанная с ним. Участники таких договоров известны под разными названиями: «при-

ортцы», «прислоницы», «наполивари», и «придржницы». В силу этих договоров, помещики часть своих владений оставляли в собственном пользовании, сдавая ее на арендных началах на срок не более одного года. Арендная плата, как и при кметчине, выражалась в определенной доле урожая.

II. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Югославия, правда, была до начала 19-го столетия страной крупного землевладения, но одновременно страной мелкокрестьянского хозяйства, находившегося в руках кметов в старой Сербии, в Боснии, Герцоговине и Македонии и в руках колонов — в Далмации и Словении. Крупное сельское хозяйство имелось лишь в областях, отошедших впоследствии к Венгрии — в Хорватии и Войводине. Эти области были сравнительно не так давно колонизованы; Воеводина напр. была впервые осушена от болот немецкими колонистами и затем, подвергаясь бесконечным опустошениям, превратилась в безлюдную пустыню, которая впоследствии, в качестве военной пограничной полосы, вновь была заселена мадьярами. 19-ое столетие принесло югославянским землям полный аграрный переворот. Соответственно прежней государственной принадлежности нынешних югославянских областей, этот переворот осуществлялся в разнообразных формах. В старой Сербии (до начала балканских войн) освобождение из под власти турок в начале 19-го столетия привело к полному уничтожению феодального землевладения. Но в оставшихся турецкими, позднее сделавшихся австрийскими, областях, в Боснии и Герцоговине, оно сохранилось еще до новейшего времени. Точно также и в приморских областях, Далмации и Словении, крестьянская зависимость в форме колоната существовала до издания нового земельного положения. Тем не менее во всех югославских областях наблюдалась сильная раздробленность земелных владений и сильная черезполосица, а рядом с этим обширная, сплошь неурегулированная общественная собственность на леса, луга и пастбища. Иначе шло развитие в Войводине и Хорватии. В этих молодых колонизованных странах земледелие с самого начала покоилась на собственности земледельца на землю, а дробление участков парализовалось привычкой немецких колонистов к нераздельному наследованию имущества.

а) В Сербии).*

В начале 19-го столетия сербы сбросили турецкое господство и вместе с ним турецких помещиков. Собственного дворянства, которое могло бы занять их место, как мы видели выше, не существовало. Вместе с политической свободой сербские крестьяне за-

*) Под Сербией мы разумеем Сербию до 1912 г., т. е. без Македонии.

воевали также освобождение от крепостной зависимости, от кметчины. Существовавшая до того крупная земельная собственность распалась, с освобождением кметов, на среднее и мелкое землевладение. Частное крупное землевладение отсутствует почти совершенно, имеются лишь крупные государственные и коммунальные лесные угодья и пастбища. Но признанное гражданским кодексом право реального раздела имений и ничем неограниченная свобода торгового оборота по отношению к земельной собственности — скоро привели к сильнейшему ее раздроблению. Сербия является ныне страной карликового крестьянского землепользования с довольно отсталой хозяйственной культурой.

Распределение земельной собственности являло собой к началу 20-го столетия следующую картину: из общей земельной площади — 56% находилось в частных руках, 44% в общественном пользовании. Среди частновладельческих земель 72% разбиты были на владения не превышавшия 5 гектаров и находившиеся в руках 177 582 владельцев, что составляло 53,45% населения. 9,8% населения владели площадью менее 1 гектара. В 1897 г. наделы 67 688 хозяев составляли 1—2,5 гектаров, 15 200 сельских рабочих имели лишь жилую избу, 10 700 сельских работников не имели ни земли, ни избы. Таким образом, двенадцатую часть населения Сербии составляют малоземельные или безземельные крестьяне. Правда, среди них имеется не мало людей, для которых сельское хозяйство не является главным занятием.

Распределение земельной собственности в 1897 г. представлено в нижеследующей таблице:

Размер владения	Число владельцев	% к общему числу владельцев
1— 2,5 гект.	67.688	24,77
2,5— 5 „	109.894	47,88
6—10 „	49.679	20,31
11—20 „	14.758	6,05
21—30 „	1.086	0,74
31—40 „	. 459	0,19
41—50 „	. 159	0,07
свыше 50 „	. 148	0,06

С тех пор обстоятельства не только не улучшились, но, пожалуй, даже ухудшились, так как сербское правительство никак не могло решиться на земельную реформу. Единственное, что в этом отношении было сделано, это выделение частных лесов из общественного владения, — мероприятие, все еще не доведенное до конца. Из общего комплекса полностью выделены лишь 155.000 гектаров и около 100.000 гектаров лишь частично отграничены. В отношении 300.000 гектаров еще до балканской войны предъявлены были претензии одновременно как со стороны частных лиц, так и коммун, причем, до сих пор претензии эти не выяснены.

б) В бывших австрийских областях Словении и Далмации.

Здесь мы встречаем институт колоната наряду с кметчиной. Крупного сельского хозяйства здесь никогда не было, что отчасти зависело от строения почвы. Вся почти область расположена в скалистой местности, и лишь в бассейне Лайбах, в долине Наренты и на узкой береговой полосе Адриатического моря поддается обработке более или менее сплошная площадь земли. Во всей остальной области строение почвы допускает лишь обработку мелких разрозненных участков, главным образом, в долинах. По всем данным, главную часть обрабатываемой площади составляют карликовые хозяйства, даже средних хозяйств крайне мало. Безпрерывные разделы (в порядке наследования) привели к неслыханному дроблению участков. Эти разделы идут так далеко, что делят даже деревья, причем ствол принадлежит одному хозяину, а сучья другому. Такие мелкие парцеллы как здесь, можно встретить разве еще только в Китае. Непосредственным результатом этого является повсеместная черезполосица. По данным австрийской статистики в семидесятых годах из каждых 100 кадастровых общин имели:

	полностью или частично округленн. владения	в частичн. черезполосице	в полной черезполосице
Крайна	4,0	6,3	87,7
Приморье	0,6	9,3	90,1
Далмация	0,0	0,0	100,0

В Крайне, главном округе Словении, в 1902 г. имелось хозяйств размером:

от 0— 0,5	гектара	9.361 =	12½ %	всех хозяйств
0,5— 1	„	6.307 =	8,4 %	„ „
1— 2	„	8.166 =	10,8 %	„ „
2— 5	„	14.663 =	19,4 %	„ „
5— 10	„	14.921 =	19,8 %	„ „
10— 20	„	14.590 =	19,3 %	„ „
20— 50	„	6.409 =	8,5 %	„ „
50—100	„	728 =	0,9 %	„ „
свыше 100	„	332 =	0,4 %	„ „
	в общем	75.477 =	100 %	всех хозяйств

Далмация в то же время представляла собой такую картину:

Размеры хозяйства	Число хозяев	в % ко всем хозяйствам
до 0,5 гект.	15.533	18,6
от 0,5— 1 гект. . . .	15.378	18,4
1— 2 „	20.411	25,5
2— 5 „	21.564	25,9
5— 10 „	7.243	8,7
10— 20 „	2.243	2,7
20— 50 „	762	1,0
50—100 „	147	0,1
свыше 100 „	154	0,1
всего	83.455	100,0

Как в Словении, так и в Далмации крупные хозяйства — это преимущественно лесные владения. По данным Осипа Ленарчича*) крупное землевладение в Словении занимало 13% всей площади, но лишь 5% пахотной земли, лугов и пастбищ. Крупное лесовладение Словении составляет таким образом 22,6% всех лесных угодий. Из них несколько больше половины находится в руках лиц чужой национальности.

При этом следует иметь в виду, что пахотная земля в области вообще составляет 19%, а в горах лишь 11,9% всей площади. Между тем, в Словении луга и пастбища составляют 34%, а в Далмации 47% площади, правда весьма невысокого качества, дающие корм главным образом для коз и овец. За исключением северной части Словении, эти луга и пастбища находятся еще преимущественно в общественном владении.

В 1883 г. австрийское правительство издало закон, предписывавший соединение черезполосных земельных участков и раздел общественной земли. Закон не имел почти никаких последствий.

Само собою разумеется, что при данном положении вещей местное сельское хозяйство не в состоянии было прокормить всего населения. Поэтому мужчины большей частью предоставляют обработку своего поля женам, детям и старикам, а сами ищут заработков на стороне. Если в последние годы все же не наблюдалось особенно сильной эмиграции из этих областей, то об'ясняется это только тем, что австрийский военный и торговый флот вербовал лучшие свои команды как раз отсюда.

в) в Боснии и Герцоговине, Македонии (южная Сербия).

Все названные области чисто аграрные. По последней переписи в Боснии и Герцоговине приходилось:

*) Мысли о аграрной реформе в Словении, Любляна, 1921 г.

	1895 г.		1910 г.	
При общей численности населения в . .	1.568.092		1.898.044	
Занятых в земледел. и лесовод.	1.385.291	— 88,34%	1.668.587	— 87,91%
Занятых в других профессиях	182.801	— 11,66%	229.457	— 12,09%

В Боснии и Герцоговине австрийское правительство пыталось бороться с крайней отсталостью в земледелии путем устройства с.-х. школ, образцовых ферм, опытных станций и т. д. В Македонии такие учреждения отсутствуют всецело. Климат и строение почвы могут служить оправдением этой отсталости лишь в отдельных округах. Хотя здесь также имеется много каменистых районов, однако, почва, в общем, значительно более плодородная, чем в Далмации и Словении. Особенно плодородны горные долинки и отлого спускающийся к Саве северный край Боснии — Поссавина.

Босния и Герцоговина это — область распространения кметчины и, если не считать больших лесных владений, там почти нет крупного землевладения. Распад задруги и ликвидация кметских отношений вызвали и в Боснии и Герцоговине сильное раздробление участков, хотя и не в таких размерах, как в приморских областях. Нижеприводимые цифры дают наглядную картину ликвидации кметчины:

Из выкупленных в 1912 г. кметских дворов имели наделы размером:

дворов до 1 гект.	166	2,5%
„ 1—3 гект.	837	12,7%
„ 3—5 „	939	15,1%
„ 5—8 „	1.492	22,7%
„ 8—12 „	1.334	20,3%
„ 12—15 „	592	9,0%
„ 15—20 „	565	8,6%
дворов свыше 50 гект. . . .	33	0,5%

Таким образом, свыше 30% кметских дворов имели наделы менее 5 гектаров, 53% — менее 8 гектаров. Эти цифры могут быть еще дополнены следующими данными комиссии французской палаты депутатов (оглашенных в заседании 22. VI. 1919 г.):

Наделы	у свободн. крестьян	у кметов
менее 2 гект.	65%	22,8%
от 2—5 гект.	20%	25,2%
„ 5—10 „	9,4%	25,7%
свыше 10 гект.	5,6%	24,3%

Отсюда видно, что кметские наделы больше, чем крайне раздробленные наделы свободных крестьян, ибо кметские наделы обычно не могли дробиться при наследовании и были неотчуждаемы.

В государственном и коммунальном владении находятся преимущественно леса и пастбища. То же самое относится к церковным землям мечетей, занимающим большую площадь. Были, конечно, стремления поделить государственную и коммунальную землю, но они не имели особенного успеха.

Относительно распределения земельной собственности в Македонии не имеется никаких точных цифр, но из того, что эта область до сих пор сохранила кметчину, можно заключить, что там преобладает среднее и мелкое хозяйство. Земля принадлежала турецким помещикам, до 1919 г. жившим преимущественно поборами со своих кметов.

г) в Хорватии и Войводине (Бачка и Банат).

На распределение земельной собственности в Хорватии и Войводине оказали влияние, главным образом, три обстоятельства. Вся область в течение долгого времени составляла военную границу между Австрией и Турцией, причем Войводина когда то представляла собой почти сплошное болото, которое немецкие колонисты осушили. Вся область в конце концов перешла к Венгрии, этой стране крупного землевладения и латифундий. За время, пока эти земли служили военной пограничной полосой, они на большом пространстве были совершенно заброшены в безпрерывных войнах и затем вновь должны были быть заселены.

В Хорватии селили беглецов из Боснии. Они получали землю безвозмездно с обязательством, что мужчины будут отбывать воинскую повинность. Однако, большие площади все же остались незаселенными, и они то положили основу крупному землевладению. Так же приблизительно шло развитие и в Банате, где большие площади земли могли быть распаханы лишь при вложении значительного капитала. Приходилось строить мощные плотины, проводить каналы, устанавливать водокачки. Это требовало больших капиталов, которые, при слабо развитом кооперативном движении, имелись лишь у крупных помещиков. Наконец, переход к Венгрии и мадьяризация страны содействовали дальнейшему развитию крупного землевладения. Вначале крупные поместья в Хорватии принадлежали местным дворянам. Но затем они, в порядке скупки и наследования, постепенно перешли в руки венгров и немцев. Имения среднего размера вначале быстро мельчали вследствие разделов по наследству, а затем также скуплены крупными владельцами. И лишь в немецких областях Баната, в виду нераздельного наследования, сохранились средние и крупные крестьянские хозяйства до настоящего времни.

В результате этого развития судя по оффициальной венгерской статистике 1895 г., получилась следующая картина:

Размеры хозяйства в кат. иохах	Число владельцев: всего	в % %	Площадь в гект.	В % % ко всей площади	
0—1	53 886	13,2	13 027	0,5	8,5
1—5	126 289	30,9	213 284	8,0	
5—10	110 999	27,2	463 136	17,2	41,5
10—20	81 657	20,4	649 303	24,3	
20—50	30 603	7,4	494 489	18,5	22,4
50—100	2 830	0,7	106 232	3,9	
100—200	550	0,06	42 431	1,5	5,2
200—500	263	0,06	48 658	1,8	
500—1000	117	0,02	49 005	1,9	
свыше 1000	209	0,06	602 822	22,4	22,4
Всего	402 403	100,00	2 682 387	100,00	

В числе крупных поместий находились такие, которые занимали площадь в 40.000 гектаров.

Относительно распределения земельной собственности в Войводине не имеется пока точных данных. Из имеющихся данных можно видеть лишь то, что посевная площадь крупного землевладения составляет 12,3%, леса в крупных поместьях составляют 18,5% всех лесов края, общая площадь крупного землевладения составляет 25,7% всей площади Войводины. Таким образом, в Хорватии и Войводине преобладают крупные владения и латифундии. Но наряду с крупными владениями в Хорватии имеются многочисленные мелкие и карликовые хозяйства. Карликовые хозяйства составляют 44,2% всех хозяйств, но им принадлежат всего 20—25%, т. е. едва четверть всей пахотной земли и лишь 8,5% (!) площади всех угодий вместе взятых. Свыше 180 тысяч крестьянских дворов располагают, следовательно, лишь одной третью той площади, которой владеют в общем 209 крупных помещиков.

Нижеследующая группировка сельского населения по профессиям дает наглядное представление о социальной проблеме в деревне. Цифры взяты из оффициальной венгерской переписи 1895 г. Селским хозяйством в Хорватии занимались:

	Мужчин	Женщин	Всего	%занят. в земледелии
Землевладельцы-сельск. хозяева	263.082	24.848	287.930	31,2
арендаторы	1.246	66	1.312	0,14
Рабочие (пастухи и т. п.) . . .	39.286	14.892	54.178	5,87
поденщики	26.059	29.341	55.400	6,0
работники — члены семьи*) . .	245.233	288.334	523.567	56,73
остальн. профессии	570	—	570	0,06
Всего	575.476	357.481	932.957	100.00

*) Эта категория работников безусловно рекрутировалась из семействъ мелких и карликовых крестьян.

Прежде всего бросается в глаза незначительное число арендаторов, но главное значение этой таблицы заключается в том, что она показывает, как велик процент малоземельных и безземельных. Это может быть об'яснено только тем, что с начала 60-х годов прошлого столетия, от года в год, принимает все большие размеры приобретение участка земли для маленького человека стало делом совершенно недоступным. Эта земельная спекуляция об'ясняется стремлением крупного землевладения захватить как можно больше земли. Это явление, кроме того, сопровождалось все более растущим ростовщичеством. Так как крестьяне не располагали спекуляция землей, и цены на нее подняты до такой высоты, что доступным организованным кредитом, то многие попали в лапы ростовщиков, и в результате они теряли свои наделы и либо вынуждены были спуститься в разряд батраков, либо выселиться в Америку, где попадали обычно в низший разряд сельскохозяйственных рабочих (common labourers). Венгерское правительство не делало попыток бороться с этим злом, потому что оно поощряло переход земель в руки мадьяр. Правда, оно в 1894 г. издало закон о содействии внутренней колонизации, но опять же в интересах мадьяризации страны. И так как переселенческая помощь определенно оказывалась только мадьярам, то закон вызвал лишь еще большее ухудшение положения хорватских малоземельных и безземельных крестьян.

Следует, однако, признать, что хозяйство крупных помещиков стояло гораздо выше крестьянского. Целый ряд крупных поместий являли собой образцовые хозяйства, привлекавшие внимание широких кругов специалистов не только в самой стране, но и за ее пределами. Многие поместия были пионерами в области многополья, другие поставили на такую высоту культуру хмеля и конопли, что являлись источником благосостояния своих округов. Но еще большее значение для более мелких хозяйств имело разведение племенного рогатого скота, племенных свиней, овец и т. д. что содействовало поднятию скотоводства во всем крае. Это наложило на все сельское хозяйство в Войводине, Хорватии и Словении совершенно особый отпечаток, и если там повсеместно в хлевах стоит прекрасный скот, то это не только результат усердия населения, но и смелого новаторства крупных помещиков, что охотно признается всем населением. Крупное землевладение было главным поставщиком свекловицы для существующих сахарных заводов. Кроме того, в Хорватии, особенно в восточной части ее, и еще более в Войводине имеются тяжелые почвы, требующие для обработки усиленной конной тяги, следовательно, мало доступные мелко-крестьянскому хозяйству. Но даже и более легкие почвы в западной части Хорватии могут быть более целесообразно обработаны в крупном хозяйстве, хотя бы и экстенсивным способом. В Банате к этому присоединяется еще то, что там, как уже было

упомянуто, необходимо было провести обширную сеть мелиораций (плотины, каналы, насосы) поддержание которых и то уже требует значительных капиталов. Словом, в Хорватии как и в Войводине крупное хозяйство имеет свое достаточное оправдание, — поскольку речь идет не о латифундиях, — перед ним стояли народнохозяйственные задачи, исполнить которые было бы не под силу в такой степени мелкому землевладению. Основное зло аграрного строя вовсе и не состояло в существовании крупного землевладения, а в страшной раздробленности участков и сопровождающей ее черезполосице. Разбросанность парцелл мешала крестьянину даже при достаточной величине надела целесообразно использовать свою землю. Для удовлетворения безземельных и малоземельных крестьян имелась не только земля помещиков, но и обширные площади государственных и коммунальных земель, до сих пор мало использованные именно потому, что способы пользования их не были еще урегулированы.

Во всей Югославии, за исключением Хорватии и Войводины, карликовая земельная собственность и карликовые хозяйства занимают сравнительно весьма большое место. Положение мелких и карликовых крестьян очень тяжелое и они часто вынуждены бывают эмигрировать. Напряженность отношений между мелким и крупным землевладением, с одной стороны, между крестьянами и помещиками с другой, обостряется еще из за того, что как помещики, так и крупные землевладельцы вообще обычно люди не местного славянского происхождения, или же их не считают за таковых, ввиду того, что они другой религии.

III. АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Если попытаться ориентироваться в ответственных югославянских кругах относительно мотивов аграрной реформы, то можно услышать самые разнообразные мнения по этому поводу. Демократы, с Прибичевичем и Кричманом во главе, будто бы стремились лишь к тому, чтобы таким путем привлечь на свою сторону избирателей. Сторонники аграрной реформы приводили большею частью производственные и социальные мотивы: с одной стороны, мелкое землевладение производительнее крупного, с другой — земельный голод малоземельных и безземельных масс необходимо было удовлетворить во что бы то ни стало. Руководящие круги указывают, что правительство не могло поступить иначе: большевистскую опасность в крайне революционное время можно было предотвратить только радикальной аграрной реформой. Одним словом, партийные интересы, поднятие продуктивности, социальные потребности и, не в малой мере, боязнь большевизма, — вот по мнению руководящих кругов мотивы аграрного переворота в мо-

дом королевстве. Трудно сказать, какие движущие силы играли главную роль в политике правительства. Во всяком случае, обнародованные аграрные законы можно понять лишь тогда, если искать об'яснение им не только в фактах дней переворота, но и попытаться проследить корни их в предшествовавшем периоде. И здесь следует остановить внимание в особенности на великосербском движении. Области, захваченные великосербской пропагандой, могли быть завербованы только обещаниями. Последние шли в направлении земельного передела, как это явствует из известной резолюции, принятой на о. Корфу в 1917 г.: в Боснии и Герцеговине отмена кметчины, в приморьи — отмена колоната, в Воеводине, в Хорватии и Словении раздел крупных владений. Во время войны прибавились еще обещания земли перебежчикам из бывшей австро-венгерской армии. Эти люди известны под названием добровольцев. Тактика — завоевывать новые области посредством общания раздела крупных имений, продолжается впрочем и во все время после войны. Так, по сообщению «Slovenek» от 4. X. 1920 г., словенская делегация, явившаяся к тогдашнему министру-президенту Вешницу для переговоров о предстоявшем плебисците, долженствовавшем решить вопрос об отходе округа к Югославии или к Австрии получила заверения, что в случае голосования в пользу Югославии немецкие крупные поместья будут разделены между словенцами. Можно, поэтому, безошибочно сказать, что правительство нового государства заранее уже связало себя определенной аграрно-политической программой, — еще до того, как началось большевистское движение, и что в основу аграрного преобразования легли национально-политические мотивы. Что такие мотивы существовали, и им придавалось определенное значение, явствует из докладной записки профессорской коллегии сельскохозяйственного и лесного факультета Загребского Университета*):

«Под национально-политическими мотивами у нас часто понимали в первую голову лишь чисто политические моменты, как например, уничтожение остатков чужеземного господства, ослабление позиции инородческих землевладельцев и усиление местных элементов, обезпечение государственных границ, наглядное проведение новых начал и укрепление народного суверенитета и свободы» и т. д.

Эти моменты следует иметь в виду прежде всего, чтобы составить себе возможно об'ективное представление о мотивах аграрной реформы. В принципе югославянское правительство едва ли перешло границы своих первоначальных обещаний. Но если линия будущей аграрной политики и была твердо намечена с самого начала, то еще не значит, что о размерах и способах осуществле-

*) Аграрная реформа у Хрватской, Словении и Войводини, Загреб, 1923 г., стр. 7.

ния ее имелись уже твердые решения. Здесь сказывается влияние партийно-политических и социальных стремлений. Нельзя сомневаться в том, что правительство оставило бы себе больше времени для основательной разработки аграрно-политических мероприятий и при проведении их больше обращало бы внимания на производственно-политические моменты, если бы боязнь большевистских революционных планов не влияла на свободу решений, и если бы, прежде всего, вожди демократической партии не впрягали аграрную реформу в свою партийную колесницу — причем партийно-политические соображения несомненно играли большую роль, нежели большевистские влияния. Такое предположение основывается на том, что сербские войска быстро справились с состоявшей из крестьян так называемой «зеленой гвардией». Эта «зеленая гвардия» вооруженная и многочисленная, тотчас же после переворота, производила нападения на крупные поместия в Хорватии и Словении и без разбора громила их. По заявлению многих помещиков, сербские войска вели себя тогда очень храбро и они были достаточно сильны, чтобы справиться со всякими нарушителями порядка. И если тем не менее аграрный переворот в Югославии был проведен необдумано быстро и радикально, не считаясь ни с производственными моментами, ни с интересами малоземельных и безземельных крестьян, то это можно себе об'яснить только таким образом, что определенная аграрная программа нужна была в партийных интересах.

Начало аграрной реформы положил правительственный манифест принца-регента Александра от 6-го января 1919 г. Он гласит: «к моему народу, сербам, хорватам и словенам. Я желаю, чтоб тотчас же приступлено было к справедливому решению аграрного вопроса, чтобы остатки крепостной зависимости исчезли и чтобы крупные поместья были за соответственное возмещение отчуждены у землевладельцев и поделены между сельским населением. Пусть каждый серб, хорват и словенец будет господином на собственной земле. В нашей свободной стране должны быть только свободные земельные собственники» (см. «Daily News» от 15. I. 1919 г.).

Этим вкратце намечено было содержание будущей аграрной реформы: отмена кметчины и колоната во первых, и раздел крупных земельных владений, во-вторых. Об уничтожении раздробленности участков здесь нет ни слова. Для этого не было еще необходимой предпосылки: окрепшего государственного авторитета и опытного надежного чиновничьего аппарата.

Первым законодательным актом были «временные правила для подготовки аграрной реформы» от 25-го февраля 1919 г. Этим распоряжением временного совета министров окончательно отменяются кметчина, колонат и все аналогичные отношения зависимости — на основе вознаграждения бывших землевладельцев, раз-

меры которого будут еще установлены. Вся крупная земельная собственность подлежит отчуждению и распределяется между безземельными — в первую голову, между инвалидами, солдатскими вдовами и сиротами, солдатами и добровольцами. Все леса переходят в собственность государства. Выкупные платежи тоже надлежит еще установить. Одновременно с проведением этого постановления должны были быть урегулированы арендные отношения. В качестве высшего исполнительного органа было создано «государственное управление аграрной реформы», подчиненное министру социальной политики.

В заключительных статьях декрета говорится, что новые правила не распространяются на те области, которыми Сербия владела до 1919 г.

Всякий, кто после издания данного декрета самовольно захватил бы чужую землю, лишался права на все гарантируемые им преимущества.

Дополнительное постановление временного совета министров от 10-го апреля того же года предусматривает, — впредь до окончательного проведения реформы, аренду на срок одного года всех отчужденных земельных участков, которые предназначены к распределению. Одновременно об'являлось об образовании земельных комитетов.

Эти основные постановления страдали большими техническими недостатками. Они говорили о радикальной экспроприации крупного землевладения, но совершенно не ясно было, что именно считать крупным землевладением. Они не создали м е с т н о г о аппарата для проведения реформы, не указали руководящих начал для распределения земли, ни на каких основах будет проведено возмещение за отчуждаемую землю. Они лишь в самых общих чертах декларировали, что отобранные земли временно должны быть сданы в аренду тем лицам, которых предполагается впоследствии наделить. Арендная плата должна была быть установлена также впоследствии. В тоже время они пошли навстречу интересам крупных землевладельцев, ставши на точку зрения возмещения за землю, между тем как первоначальные проекты возмещения не предусматривали.

Второе основное распоряжение от 21-го июля 1919 г. «о запрещении продажи и заклада крупных имений», пыталось устранить упомянутый недостаток и об'ясняло, что именно в отдельных округах следует понимать под термином «крупное землевладение». В тоже время оно расходится с первоначальной программой, предусматривавшей полное отчуждение в том, что оставляет бывшему землевладельцу, смотря по экономическим условиям данной местности, земельный участок соответственного размера.

Первое распоряжение от 25-го февраля 1919 г. совершенно парализовало крупное хозяйство. Неуверенность в том, придется ли летом снять с поля то, что весной было посеяно повело к тому,

что крупные помещики предпочли оставить свои поля незасеянными вовсе. Таким образом, остались незасеянными громадные площади. Многие крупные помещики пытались избавиться от экспроприации тем, что закладывали свои имения и продавали их. Этим отчуждение земли в целом ряде мест вообще ставилось под вопросом. Чтобы избегнуть этой опасности, указ от 21-го июля запретил заклад и продажу имений и об'являл недействительными всякие земельные сделки.

Распоряжение от 11-го февраля 1920 г. предоставляет право государству взять под свой контроль и свое управление все крупные поместья. Все крупные лесные угодья и ряд крупных поместий поступали в государственную собственность. В эту категорию попали, в первую голову, крупные поместья, принадлежавшие иностранцам.

Другое распоряжение от 11-го февраля 1920 г. обезпечивало за колонистами на отчужденных землях собственность на необходимые строения.

Еще одно распоряжение, относящееся к тому же времени, об'являло распущенными земельные комитеты, созданные указом 10. VI. 1919 г. и предписывало образовать новые комиссии. Кроме того, оно предписывало еще создание пяти земельных управлений, а именно, в Загребе, Люблянах, Спалато, Сараеве, Цетинье, Новисаде и Скопле.

Между тем, стало ясно, что нельзя выработать окончательный закон так быстро, как это предполагалось сначала. Пришлось продлить срок аренды на отчужденных землях еще на четыре года. Такое постановление издано было 3-го сентября 1920 г. Новый срок аренды намечался от 1-го X. 1920 г. до 30-го IX. 1924 г.

Наконец, большое значение имеет параграф 5 указа 27. VI. 21 г. об учреждении министерства по управлению лесами и рудниками, предусматривающий переход всех лесов и поросших лесом островов в непосредственное управление государства, без одновременного перехода их, однако, в собственность государства.

Если свести воедино все приведенные выше постановления, то приходится отметить, что важнейшим мероприятиями были: отмена кметчины и колоната и далее раздел крупных поместий. Наряду с этим намечается, до известной степени, урегулирование арендных отношений. Леса частью переходят в собственность государства, частью лишь в его управление.

Попытаемся теперь подробно разобрать каждое из этих мероприятий.

Отмена кметчины.

Существовавшая в Боснии и Герцоговине, Македонии и Черногории кметчина отменяется и возобновление ее в будущем запре-

щается. Кметы вносятся в кадастр как свободные собственники всех участков (вместе и с постройками), которые они до того обрабатывали. Все тяжбы, возникшие из кметских отношений до обнародования настоящих законов прекращаются впредь до урегулирования вопроса о возмещении. Если при выделе государственных земель и при передаче в частную собственность (т. н. сегрегация) кмет в свое время потерпел ущерб в пользу помещика, то следует пересмотреть данную сегрегацию.

По этому принципу кметские наделы были выкуплены в том виде, в каком они существовали. При этом сохранялось наблюдавшееся значительное неравенство в величине наделов. Ликвидация совершилась на основе возмещения. После перговоров с бывшими землевладельцами правительство назначило (указом 12-го июля 1921 г.) сумму в 225 миллионов динаров за всю отчужденную кметскую землю. Землевладельцы однако получили наличными лишь ничтожную часть этой суммы, на остальную им выдали боны.

Сумма в 225 миллионов динаров было до смешного ничтожна уже ко времени окончания переговоров. Достаточно сказать, что она представляет собой приблизительный доход от оброка за один год. Но с тех пор динар сильно обесценился, так что за всю сумму едва можно было купит десять средних имений. Было урегулировано свыше 98 тысяч кметских наделов, и поэтому можно смело сказать, что хотя формально принцип выкупа был сохранен, но материально помещики от этого почти ничего не имели.

Выкупную сумму выплачивает государство, т. е. совокупность налогоплательщиков. Кметы же получают те участки, которые они до того обрабатывали, — одни большой участок, другие маленький. Можно прямо сказать, что освобождение кметов, в том виде, как его провело белградское правительство, было несоциально, и прежде всего, несоциально в отношении самых кметов, так как не создало даже приблизительной уравнительности землепользования.

Закон разрешал прежним помещикам получать вместо причитающейся ренты часть отчужденной земли, не превышавшую нормы установленной для данной местности. На практике это право имело мало значения, так как обыкновенно отчужденную в районе распространения кметчины землю достать нельзя было, или давалось она не там, где помещик мог бы ее использовать.

В южной Сербии (Македония) условия в смысле кметчины не везде одинаковы. В некоторых областях кметчина исчезла, в других же кметы говорят себе: «были у нас турки, были австрияки, были болгаре, и все постепенно исчезли — только ага остается», — и продолжают платить оброк. Там где кметы не платят оброка, государство возмещает аге часть его оброка.

Отмена колоната.

Колонат должен был быть отменен на тех же условиях, что и кметчина. Но в то время как кметчина, за исключением Македонии, отменена повсеместно, в отношении отмены колоната до сих пор существует большая неясность, и правительство сильно отступило от своей первоначальной точки зрения полной его отмены. По первому распоряжению от 25-го февраля 1919 г. колонат и все аналогичные отношения в Далмации и Словении отменялись и новое заключение подобных договоров запрещалось. Если за время войны по делам колонатских договоров состоялись решения в пользу землевладельцев, то такие решения теперь подлежали отмене; должны быть возстановлены отношения собственности в своем первоначальном виде, за исключением тех случаев, когда владелец bona fide продал отдельные участки до 25 февраля 1919 г.

Но так как ко времени издания этого закона приморская область была занята итальянцами, то все эти мероприятия не могли быть проведены в жизнь. Лишь после Рапальского договора, когда окончательно были установлены границы между Югославией и Италией, совет министров постановил (11. III. 1921 г.), что аграрная реформа немедленно должна быть проведена также в Далмации и Словении. Но когда приступлено было к ликвидации отношений между крестьянами и помещиками, то возникли те же трудности, на которые в свое время натолкнулось австрийское правительство и которые побудили его отказаться от распространения закона о выкупе земли также и на колонов. Неясность правовых отношений явилась почти непреодолимым препятствием для проведения новых законов об отмене колоната. Чтобы хоть как нибудь выйти из затруднения правительство стало проводить различие между отношениями публично-правового (феодального) характера и отношениями частноправовыми. Следовательно, там где колонат приходилось рассматривать как пережиток феодализма, там он подлежал отмене согласно декрету 25-го февраля 1919 г. и там прекращалась окончательно обязанность со стороны колонов платить в дальнейшем какой бы то ни было оброк. Там же, где колонатский договор представлял собою частно-правовую сделку между помещиком и колонами, там последние должны были продолжать платить арендную плату до общего урегулирования аграрных отношений. Отношение к этому колонов было такое же, как в пятидесятых годах прошлого столетия: они все требовали освобождения от всяких платежей. Так как правительство во втором случае требовало еще и взноса тех платежей, которые не были довыплачены в предыдущие годы, то в Далмации разыгрались крупные волнения, доходившие нередко до кровавых столкновений. В своем протесте далматский союз сельско-хозяйственных рабочих ссылался на заявление бывшего

министра по проведению аграрной реформы, истолковавшее весьма широко указ от 25-го февраля 1919 г. и прямо призывавшее далматских крестьян к прекращению платежей и чуть ли не к прямому изгнанию помещиков. Ныне же, говорится в протесте, крестьяне, поверившие этому призыву, превращены в нищих. Посланные в Белград депутации не встретили там особенного сочувствия. После того, как побережье присоединено было к Югославии по мирному договору, правительству не нужно было больше, в качестве орудия пропаганды, ссылаться на несчастное положение колонов, и потому оно уже не так заинтересовано было в их освобождении. Таким образом, вопрос о колонате запутался больше, чем когда бы то ни было прежде.

Отчуждение и раздел крупных поместий

По декрету 25-го февраля 1919 г. немедленному отчуждению подлежат:

а) Все фидеикомиссы.

б) Все имения, перечисленные в пункте в), которые сданы кому либо в аренду, или же не обрабатываются вовсе или лишь отчасти.

в) Те имения, которые располагают посевной площадью размером не менее чем в 100—500 иох, в зависимости от экономических условий данного района.

В силу декрета 21-го июля 1919 г. отчуждению подлежат лишь те земельные площади, размер которых превышает установленный для данной местности максимум. Этот максимум колеблется между 50 гект. одной только пахотной земли resp. 100 гект. всей площади (включая леса и пастбища) и 300 гект. пахотной земли resp. 500 гект. всей площади. Нормировка устанавливается соответственно «экономическим условиям» данной местности: следовательно, в местностях с густым населением и незначительными размерами крупного землевладения, где спрос на землю громаден, назначается низшая норма. В общем установлено шесть групп. Владения, п р е в ы ш а ю щ и е установленный максимум, подлежат отчуждению, причем, однако, временно, до окончательного урегулирования аграрного законодательства, они сдаются лишь в аренду, а не в полную законную собственность. Новый законопроект министра Милотича 1922 г., о котором упоминалось уже в связи с вопросом о выкупе, идет еще дальше в двух направлениях, а именно: 1) образцовым хозяйствам, а также хозяйствам с культурой сахарной свеклы и льна разрешается владеть площадью, превышающей установленный для данной местности максимум; 2) землевладельцы сами, не обрабатывающие своих имений, а сдающие их целиком или частью в аренду, сохраняют

право на максимум в 57 гект. В Банате и в Бачке*) отчуждаются также те имения, которые превышают норму в 75 гект., (максимум для Бачки и Баната — 300 гект.), если помещик сам не ведет хозяйства. Помещику оставляются тогда только 75 гект., однако, не меньше половины площади, им самим обрабатываемой.

Помещикам, не имеющим постоянного местопребывания в Югославии, оставляется всего лишь 5 гектаров. Имения, служащие для разного рода гуманитарных и культурных учреждений и действительно отвечающие своему назначению, не подлежат отчуждению.

До того, как фактически земля будет отчуждена, прежние владельцы могут продолжать свое хозяйство на ней, но не в праве закладывать или продавать ее. В случае отчуждения засеянных полей, новоселы должны возместить расходы по посеву.

В особом положении находятся лесные угодья. Все более крупные лесные комплексы переходят, согласно указу 25 февраля 1919 г., в собственность государства. Крестьяне получают лишь право пасти в них скот, и получать из них строительный материал и дрова.

Переход в собственность государства совершается на началах возмещения. Но соответствующего постановления еще не последовало.

Согласно статье V. постановления «о дополнении и изменении организационного статута министерства лесов и рудников» от 27. июня 1921 г. государство не только берет в свое непосредственное управление и под свой контроль все государственные леса, но ему предоставляется также право брать в свое управление, но не приобретать в собственность также все леса, принадлежащие обществам, монастырям, церковным иерархам, мусульманским мечетям, торговым союзам, городским и сельским коммунам, корпорациям и частным лицам, — независимо от размеров. Государство в праве поступить таким образом, когда «обнаружится, что это будет содействовать развитию лесного хозяйства, или если это потребуется в общих интересах государства».

На отчужденные земельные участки имеют право лишь подданные югославянского государства, занимающиеся земледелием или желающие заняться им, но не владеющие землей вовсе, или владеющие ею в недостаточном размере.

Преимуществом при наделении землею пользуются инвалиды, вдовы и сироты павших солдат, солдаты и добровольцы. О разделе земли, которая останется по наделении упомянутых категорий, будут позднее изданы специальные законы.

---

*) Бачка и Банат вместе составляют Воеводину, называемую часто просто «Банат».

Претенденты получают столько земли, сколько они в состоянии обрабатывать силами собственной семьи, и именно: семья, состоящая из шести душ — максимум 5 гектаров, семья из семи до десяти душ — 8 гектаров, на каждого следующего члена семьи — еще ½ гектара. Наделенные землей не сразу становятся ее собственниками; впредь до окончательного урегулирования аграрных отношений они являются лишь арендаторами, причем срок аренды устанавливается предварительно на четыре года. В течение этого времени они вносят ежегодно установленную государством арендную плату, но не бывшему владельцу, а государству.

Согласно § 12 декрета 25-го февраля 1919 г. безвозмездно отчуждаются:

а) Все владения Габсбургской династии и членов габсбургской императорской семьи,

б) Все владения династий враждебных государств.

в) Все владения, пожалованные когда либо иностранцам за заслуги перед габсбургской династией, и не перешедшие еще к третьим лицам.

В отношении всех прочих крупных владений отчуждение должно совершиться на основе возмещения. Ограничение коснулось лишь тех поместий, которые предположительно приобретены «разбогатевшими на войне». Определение размера возмещения в этих случаях будет регулироваться специальным законом «о военных барышах».

Относительно размеров возмещения до сих пор не достигнуто соглашения. Соответствующие законопроекты, как бывшего министра по аграрной реформе Милетича, так и Лалошевича, едва ли получат санкцию парламента. Вряд ли этот вопрос будет разрешен ранее середины 1924 года.

Практика отчуждения и раздела.

Первой превительственной инстанцией по проведению аграрного законодательства являются уездные земельные управления. Они прежде всего должны собрать необходимые сведения, чтобы затем, на основе собранного материала, приступить к отчуждению и провести его по установленным правилам. В своей работе они поддерживаются уездными земельными комитетами, являющимися органами совещательными. Эти уездные земельные комитеты составлены из представителей волостных земельных комитетов, существующих в каждом селении. Волостные комитеты, в свою очередь, составляются из представителей отдельных заинтересованных групп, каковых имеется пять:

а) Не имеющие собственной земли.
б) Имеющие земли меньше, чем семья в состоянии обработать.
в) Имеющие земли ровно столько, сколько семья в состоянии обработать.
г) Обрабатывающие землю собственным трудом, но одновременно пользующиеся также наемным трудом.
д) Обрабатывающие землю исключительно при помощи наемных рабочих.

В эти местные земельные комитеты от каждых 20-ти заинтересованных входил согласно декрету 10. IV. 19 г. один представитель. Таким образом, бедный люд получил в комитетах большинство. Однако, это положение изменилось к невыгоде бедняков в силу распоряжения 1920 г., по которому группы а, б, и в посылают во вновь образуемые комитеты по два представителя, группы г и д — по одному. Теперь как безземельные (группы а и б), так и имеющие достаточно земли (группы в, г, и д), получили по 4 представителя, т. е., представительство тех и других сравнялось.

Главной задачей волостных земельных комитетов является составление и проверка списков претендентов на землю.

Решения уездных земельных управлений могут быть обжалованы в земельные дирекции. Они составляют вторую инстанцию. Земельные дирекции имеются в 6-ти вышеупомянутых областях: в Хорватии, в Словении, Боснии, Герцоговине, Черногории и в южной Сербии (Македония).

На обязанности земельных дирекций лежит фактическое проведение отчуждения и разверстания земли. Кроме того, они выполняют также обязанности органов сельско-хозяйственной культуры: они контролируют и управляют государственными и крупными имениями, они заботятся о поднятии уровня сельского хозяйства и разрабатывают новые планы и проекты аграрного законодательства. При них, в качестве совещательных органов, находятся окружные земельные комитеты, составленные из представителей уездных комитетов.

Решения земельных дирекций могут быть обжалованы лишь в высшей инстанции, каковой является министерство по аграрной реформе в Белграде. Министерство это, одно из важнейших в новом королевстве, состоит из Общего и Земельного отдела. Первый включает: кабинет министра, под'отделы административный, юридический и аграрно-статистический; Земельный отдел включает под'отделы: по ликвидации кметских, колонатских и т. п. отношений, по надзору, управлению и ликвидации крупного землевладения, по колонизации, репатриации, по делам добровольцев, по кооперации, наконец, под'отделы финансовый и аграрно-технический.

Этот аппарат, как всякий может видеть, довольно сложен. Если учесть также совещательные органы, то он проникает вплоть

до каждой самой маленькой деревушки. Судить о царящем в нем духе об'ективно довольно трудно.

В управлениях встречаешь в канцеляриях старых опытных людей и вообще дельных, прошедших школу чиновников.Но наряду с ними сидят люди, случайно нашедшие там пристанище, не обладающие нужной подготовкой в аграрных делах, но близкие к партийным кругам. Однако, самые большие нарекания раздаются не против управлений, а против совещательных органов, в особенности против местных комитетов, в руках которых фактически находится выбор претендентов на землю и наделение землей. Про эти комитеты говорят, что они действуют в интересах своих партийных друзей, своих ближайших родственников и знакомых. Спокойные элементы, нуждающиеся в земле, но не имеющие связей в комитете, остаются обычно обойденными. То хорошо зарабатывающий врач получает землю, то аптекарь, то купец, а в чисто крестьянских коммунах — какой-нибудь крестьянин, который и до того имел уже 50 иох собственной земли, но применительно к обстоятельствам успел живо переписать ее на жену и детей. О подобных случаях говорят повсеместно, а так как разверсткой крупных поместий могла быть удовлетворена лишь ничтожная часть безземельных и малоземельных, то естественно, что среди обойденных царит большое волнение.

Насколько справедливы обвинения в национальном шовинизме, раздающиеся по адресу всего аппарата, — трудно сказать. Основной мотив закона — национальный, и не легко определить, насколько чиновники исходят из буквы закона и насколько в их отношении к представителям других национальностей сказываются личные националистические чувства. Во всяком случае, поскольку не-славяне не получили наделов, то это обстоятельство об'ясняется духом самого закона.

Обвинениям, раздающимся по адресу исполнительного аппарата, можно противоставить еще то, что вся реформа вообще проведена второпях. Мероприятия, требовавшие длительной подготовки и разработки, проведены, что называется, одним взмахом. Распоряжения лишены необходимой ясности, точности, и даже последовательности. При таких условиях ни один аппарат, даже самый вышколенный и надежный, не справился бы с задачей.

Согласно инструкции от 21-го июля 1919 г., внесшей некоторую ясность в царивший до того хаос, процедура отчуждения земель рисуется в следующих чертах:

У землевладельцев, у которых количество земли превышает установленную законом норму, — излишки отчуждаются.

Решение, у кого именно должна быть отчуждена земля, постановляет подлежащее земельное управление. Оно решает на основании заключения сведующих лиц. Далее заслушивается мне-

ние земельных комитетов и делается попытка уладить дело миром между заинтересованными лицами.

После того, как решение состоялось (право аппеляции в высшие инстанции, конечно, не исключается) и оно вступило в законную силу, владельцу предоставляется возможность самому выделить причитающуюся ему половину имения. От остальной площади отделяют ту часть, которую надлежит разверстать. Остающуюся во владении помещика часть он может свободно обрабатывать, но по закону он берет на себя обязанность интенсифицировать свое хозяйство. Земельные дирекции призваны следить за тем, чтобы землевладелец действительно выполнял это обязательство. Права их в этом отношении идут так далеко, что земельные комиссары могут в видах контроля требовать от землевладельца представления хозяйственных планов, сведений о запасах семян, о количестве инвентаря и т. п.

Части поместья, подлежащие отчуждению, отбираются у помещика не раньше, как явятся претенденты. Владелец может их продолжать обрабатывать, но должен быть готов к тому, что каждый день может явиться земельный комиссар с претендентом и отвести причитающийся ему по разверстке, участок.

В отдельных случаях государство может переступить рамки закона 21-го июля 1919 г. может прямо отчуждать ц е л о е имение или принять его в свое непосредственное заведывание.

Полное отчуждение может иметь место тогда, если данная земля нужна для общественных целей (государственных или коммунальных, для колонизации, для постройки рабочих жилищ, жилищ для чиновников и т. п.) Решение о необходимости такого отчуждения принадлежало министру по аграрной реформе, — но лишь на основании соответствующего предложения со стороны коммунальных властей (для постройки жилищ) или волостных земельных комитетов (на предмет создания крестьянских поселков).

Для отчуждения подобного рода существовали особые правила. Право собственности в таких случаях делилось поровну между государством и фактическим пользователем (община, отдельные хозяева, кооперативы). Но отчужденная земля не должна была ни закладываться, ни продаваться.

Если в таких случаях селились колонисты, то они обязаны были в течение трех лет построить дома на вновь приобретенной земле. Если же они этого не делали или бросали наделы, то они теряли право собственности на землю.

Крупное имение переходило в государственное управление в том случае, если:

во 1), владелец не выполнил обязательства относительно его обработки,

во 2), владелец или его управляющий своим образом действий мешал проведению аграрной реформы:

в 3), это требовалось в интересах беспрепятственного осуществления аграрной реформы.

При принятии в государственное управление, помещик хотя сохранял право собственности на землю, но терял всякое влияние на ведение хозяйства и всякое право распоряжения доходами с имения. Однако, сельскохозяйственные продукты не должны продаваться без его ведома, поскольку продажа не вызывалась интересами проведения аграрной реформы. Ежегодный чистый доход поступал в распоряжение владельца, впрочем с предварительного согласия министра по аграрной реформе.

Особые мероприятия постановлены были в отношении лесов в Словении: они не подлежали отчуждению, но зато владельцы обязаны вносить в земельный фонд 5% фактурной стоимости каждой проданной партии леса. При этом безразлично, будет ли лес продаваться в виде сырого продукта или в обработанном виде, непосредственно из лесу, или с железно-дорожной станции, или в порту. Следовательно, облагается не только сырой продукт, но и переработка его и взнос достигает иногда 25—30% стоимости леса.

В качестве претендентов являются, в первую очередь, как уже было упомянуто, инвалиды войны, жены и сироты убитых на войне и добровольцы. Относительно добровольцев имеются особые постановления. Если они участвовали в войне, они получают 5 гектаров земли, если не участвовали — 3 гектара, и при том безвозмездно со всем живым и мертвым инвентарем.

Вслед за перечисленными категориями право на землю имеют те подданные, которые всегда занимались земледелием, но не имеют вовсе или имеют недостаточно земли, т. е., менее 5-ти гектаров, причем следует отметить, что не-славяне вовсе не получили наделов.

Сначала удовлетворяется так называемая местная беднота, и лишь затем пришельцы.

Получали наделы и ремесленники, если они до того занимались земледелием.

Законные нормы наделения соблюдались обычно лишь относительно добровольцев и колонистов. Добровольцы получали свои $8^3/_4$ иохов вместе с живым и мертвым инвентарем. Местная беднота наделялась различно, в зависимости от наличной земельной площади. Чаще всего встречаются наделы в $^1/_2$—3 иоха. Требование закона, в силу которого их наделы должны быть округлены до 10 и более иохов, могло быть выполнено лишь в редких случаях. В Хорватии, Словении и Войводине из отчужденных земель не удалось образовать такого фонда, чтобы удовлетворить всех безземельных и малоземельных. Без одновременного землеустройства и межевания не было возможности округлять наделы путем прирезки. Кроме того, люди часто получали участки, находящиеся на расстоянии одного, двух и более часов езды от их жилища. Были случаи,

когда у сельскохозяйственных рабочих, служивших в крупном имении отнимались отведенные им помещиком участки где они имели свои жилища и отдавались местным беднякам, а рабочим взамен отобранных отводились новые участки в 10-ти верстах от места жительства. Таким образом существовавшая и до того раздробленность участков еще более усугублялась. Последствием отдаленности полос явилась плохая обработка их, в особенности недостаточное удобрение. Насколько полезными оказались подобные приемы для безземельных крестьян — трудно сказать. Эти люди обычно были прежде работниками в больших имениях, и помещики, желая их привязать к месту, сдавали им небольшие участки за низкую арендную плату. Вознаграждение выдавалось в период уборки обычно натурой, так что в общем им жилось не плохо. Ныне же работа в больших имениях отпадает и людям приходится довольствоваться исключительно доходами от своих небольших участков. А что касается неславянских элементов, не получивших никаких наделов, то эти люди, за отсутствием какой либо другой работы, совершенно лишены средств к существованию и вынуждены эмигрировать.

Отчужденная земля отдана лицам, имеющим на нее право пока на началах аренды (до 30 сент. 1924 г.). Арендня плата устанавливается суммарно и составляет для пахотной земли 8-кратное, а для лугов и пастбищ 10-кратное кадастрового чистого дохода. В особо плодородных районах арендная плата, по предположению бывшего владельца и по соглашению с земельным комитетом, могла быть повышена до 100%.

За постройки уплачивалось бывшему владельцу ежегодное вознаграждение в размере 5% казенной оценки здания.

Новоселы, получившие в аренду засеянные поля, обязаны были возместить бывшему владельцу стоимость обработки и семян.

Из арендной платы три четверти идет в пользу владельца земли и одна четверть в пользу государства.

В отношении обработки наделяемые находились под правительственным контролем, они обязаны были обрабатывать землю, по возможности, интенсивно с определенным чередованием посевов. Они не вправе были менять культуру земли под угрозой потери арендных прав. Суб-аренда была запрещена.

Приходится, однако, отметить, что все эти, сами по себе, разумные меры остались, к сожалению, только на бумаге.

О настоящей колонизаторской работе, вызванной аграрной реформой можно говорить в сущности лишь по отношению к добровольцам и другим колонистам. Колонизация до сих пор шла тремя путями: значительная часть добровольцев была поселена на фермах, отобранных у помещиков; другие переселенцы строили себе дома вблизи селений или прямо среди поля; наконец, в ряде

Земельная дирекция	Общее число крупных владений	Число крупных владений принадлежащ. лицам других национальностей	Общая площадь всех крупных владений в 1000 иох*)				Размер пахотной земли в крупных поместьях лиц чужой национальности в 1000 иох.
			пашни	лесов	прочих угодий	всего	
Белград (для Воеводины)	479	219	555,7	89,1	299,4	944,2	289,1
Загреб	173	65	269,0	441,4	46,1	756,6	135,7
Любляна	240	96	50,9	239,8	40,8	331,6	57,1
Итого	892	380	875,8	770,3	386,3	2032,4	481,9

отчужденных имений проэктируется постройка целых новых деревень и частью уже приступлено к этому.

Результаты раздела крупных владений воспроизведены в нашей таблице, заимствованной из данных министерва аграрной реформы. Кроме указанных в таблице данных следует отметить, что в Боснии и Герцоговине ликвидированы 98.971 случаев полной и частичной кметчины. Об ликвидации кметчины в южной Сербии не имеется никаких точных данных.

То-же самое относится к ликвидации колоната в приморских областях.

Колонии распланированы ввиде прямых деревенских улиц, как они повсеместно встречаются в Войводине и в немецких колониях в Сирмии. Планом предусмотрена постройка церквей и школ.

Правительство приступило к удачной колонизаторской работе в южной Сербии, на известном в истории Сербии Косовом поле. Тамошние новые колонии всецело отвечают поставленным им требованиям. По этому образцу должны быть поселены в ближайшее время в Боснии, на казенной земле 10.000 добровольцев.

Гнетущее впечатление производят поселки добровольцев на бывших помещичьих фермах (в Банате и др. местах). Построенные отчасти из материала разобранных рабочих и конторских помещений, хлевов и т. д. — избы весьма плохи; точно также плохи и вновь выстроенные помещения для скота. Старые хозяйственные постройки разрушаются, под'ездные пути уничтожены, паро-

*) 1 кадастр. иох = 1600 кв. саж.

Получили в надел (в иохах)													% разверстанной посевной площади
местная беднота		добровольцы				колонисты				общее количество			
		славяне		инородцы		славяне		инородцы					
число семейств	иох	число семейств	кад. иох	число семейств	кад. иох	число семейств	кад. иох	число семейств	кад. иох	наделенных семейств	разверстанной земли (в иохах)		
72860	191073	6115	47429	8187	73470	1207	11208	1333	12528	89708	335708		60
94082	137340	141	394	3450	25831	—	—	862	5966	98535	169531		63
17190	24053	—	—	—	—	35	279	—	—	17225	24332		47,5
184132	352466	6256	47823	11637	99301	1242	11487	2195	18494	205462	529571		60,5
184132	местн. бедняков	17893 добровольцев				3437 колонистов							

вые плуги, дорогие локомобили, молотилки и сельскохозяйственные орудия годами стоят на открытом воздухе, ржавеют и портятся.

То же впечатление запущенности производят обработанные добровольцами и колонистами поля. Кто ныне проходит по отобранным у помещиков полям в Банате, сплошь и рядом замечает, что эта область, когда то слывшая житницей Европы, опять приходит в то печальное состояние, в котором она находилась лет полтораста тому назад. В некоторых низинах опять, как в старину, стоит болотная вода и растет осока. Многие водокачки развалились, водоотводные каналы покрылись тиной и заросли, плотины на больших каналах пробиты, ибо, ради удобства, через них проложили дорогу, чтобы сократить путь к полям. На многих полях еще видны остатки кукурузы от 1920 г. и 1921 г. Сначала эти поля возделывались, но когда работа стала слишком тяжелой, их просто забросили. Поскольку поля ныне еще обрабатываются, вспашка совершенно недостаточна, колонисты вспахивают не глубже, чем на вершок почву с поразительно толстым слоем перегноя. Из года в год не засевается почти ничего иного, кроме маиса. Скотоводство тоже находится на низкой ступени. Редко видишь хороший скот. Нередко приходится наблюдать, как на полях, прежде вспахивавшихся паровым плугом, ныне крестьянин с окрестных гор мирно пасет свою корову или козу.

Лучше обстоит дело в Бачке, еще лучше в Хорватии. Тут, по крайней мере необработанные площади не столь обширны, как в Банате. В Банате по приблизительному подсчету необрабатывае-

мая после проведения аграрной реформы площадь равна 15—20.000 иохам лучшей почвы.

В чем причины этой неудачи? По всем видимостям тут имеется вина как правительства, так и колонистов. Правительство виновато в том, что оно не предусмотрело, что люди, переселившиеся из горных областей, привыкшие к обработке легких почв и к совершенно патриархальному хозяйству, не смогут справиться с исключительно тяжелой почвой. Немецкие крестьяне тех областей обыкновенно впрягают в плуг четырех сильных лошадей. А колонисты обычно имеют только двух слабых лошаденок, которые не в состоянии одолеть эту тяжелую почву. Но им дали только $8^3/_4$ иоха земли — и больше ничего. Им не хватает капиталов, чтобы поддерживать многочисленные водокачки и каналы, без которых обработка, в особенности низко расположенных полей, невозможна.

Правительство допустило еще одну ошибку в том, что недостаточно позаботилось о надлежащем отборе колонистов. На приспособленность их к сельскому хозяйству, на их материальные рессурсы и т. д. почти не обращали никакого внимания. Добровольцы получали свои $8^3/_4$ иоха земли, и — по собственному признанию — многие до сих пор не знают, где расположены их участки. Колонистам слишком облегчили задачу. Их сразу посадили на готовое, — нередко перед самым сбором урожая, — и люди просто воспользовались представившейся легкой возможностью, не имея часто никакого намерения заняться в дальнейшем земледелием. Большое число колонистов промотало инвентарь, поля сдали в аренду окрестным крестьянам, нередко даже бывшим владельцам, за очень высокую плату и опять уехали на родину, чтобы снова вернуться в ближайшую осень и получить арендную плату за следующий год.

Но вина за неудавшуюся колонизацию падает также на самих колонистов. Правительство позднее старалось оказать им поддержку деньгами и натурой. Им выдавали семена для посева, точно также лес для построек. Но деньги часто расходовались совершенно не на хозяйственные нужды, зерно и лес часто продавались тут же при получении на станции. И кроме того колонист продолжает вести обычный, в высшей степени непритязательный, образ жизни и засевает лишь столько, сколько ему нужно для удовлетворения своих минимальных потребностей. Если для этого ему хватает 3-х иохов, то он просто оставляет остальные $5^3/_4$ иохов необработанными. Они ему не нужны.

О непорядках при разселении добровольцев писалось очень много. Но достаточно и того, что приведено выше. В руководящих кругах не обманывают себя на тот счет, что развивать дело колонизации следует не только с национальной и социальной точки зрения, но и с хозяйственной, и высказывается определенное намерение при дальнейшей консолидации государства навести порядок и в этой области.

Значительно лучше, чем у добровольцев и колонистов обстоит дело у получивших наделы местных бедняков, хотя и с этих наделов далеко не удается собирать прежних урожаев. Достаточно земли эта группа обычно и сейчас не имеет, а об излишках производства говорить не приходится. Чтобы повысить урожайность не хватает нужных капиталов, достаточного количества скота и необходимой предприимчивости. Но главная причина заключается в дробности участков, сопровождающейся к тому же черезполосицей. Нередки случаи, когда новые колонисты нанимают за плату, конечно, бывшего владельца, который обрабатывает им поле, снимает урожай и молотит хлеб, т. е. случаи, когда колонисты получают почти исключительно чистую прибыль от труда бывшего помещика.

Значительный шаг вперед в вопросе внутренней колонизации представляет упоминавшийся уже законопроект министра Милетича 1922 г. Там впервые говорится о плане колонизации, который должен быть выработан министерством по аграрной реформе совместно с министерством земледелия и министерством внутренних дел.

По этому законопроекту, колонисты не имеют права ни продавать, ни закладывать полученные наделы в течение 15-ти лет; они лишаются надела, если в течение первых трех лет не поселятся на нем окончательно и не будут его сами обрабатывать. У колонистов, получивших землю безплатно, она может быть отнята в том случае, если они будут осуждены за нечестные поступки или за преступления против государства.

В связи с переселением на новую землю колонисты получают следующие права:

1. Безплатный проезд для всех членов семьи, провоз скота и всего движимого имущества по всем железным дорогам и пароходным линиям.

2. Безплатный строительный материал из государственных и коммунальных лесов для постройки жилищ.

Далее, колонисты освобождаются в течение первых пяти лет от всех государственных налогов, от провинциальных и окружных сборов и добавочных податей. Общую заботу о культурных нуждах колонистов берут на себя особые об'единения колонистов, действующие на основании закона о крестьянской кооперации.

С принципиальной стороны заслуживает особого внимания новый законопроект потому, что он предоставляет для колонизации свободные государственные, коммунальные и сельские земли, последние в том случае, если они превышают действительную потребность данного селения.

Если этот законопроект станет законом, он несомненно будет означать серьезный шаг вперед, хотя и он, как и все прежние аграр-

ные законы совершенно проходит мимо основного зла югославянского законодательства — именно, царящей раздробленности участков. Поэтому и он не дает удовлетворительного разрешения земельной проблемы.

IV. ЗНАЧЕНИЕ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА В ЮГОСЛАВИИ.

О социальном значении раздела крупных поместий можно составить себе ясное представление лишь в отношении Хорватии. Относительно других областей нет никаких точных данных о распределении земельной собственности перед 1919 г.

Если считать для Хорватии надел в 10 иох достаточным, то до раздела крупных поместий (табл. на стр. 105) там имелось 180.175 собственников, располагавших лишь половиной нужной им земли. Их владения в общей сложности занимали площадь в 396.041 иох. Для того, чтобы поднять их владения до таких размеров, чтобы прокормить семьи, потребовалось бы еще 1.801.750 кад. иох. Недоставало следовательно еще 1.405.719 кад. иох. До сих пор государство разверстало между мелкими владельцами 137.340 кад. иох и может раздать еще, в лучшем случае, 99.555 кад. иох, т. е. в общей сложности 236.895 кад. иох или 13,1% того, что требуется. Даже для того, чтобы доставить всем мелким владельцам хотя бы по 5 иох земли, отчужденных крупных поместий недостаточно. Для этого потребовалось бы еще 504.834 иох земли. Имеющиеся в распоряжении 236.895 иох не составляют даже половины потребного количества.

Наделены до сих пор 94.082 местные семьи, т. е. немного более половины владельцев, имеющих менее 5 иох земли. В среднем каждый местный бедняк получил $137.340 : 94.082 = 1{,}46$ кад. иох.

Таким образом, в Хорватии земельный голод мог быть удовлетворен отчужденной у крупных помещиков землей лишь в очень незначительной степени.

В Словении обстоятельства сложились еще хуже, ибо там мелкая собственность находится еще в более стесненном положении, чем в Хорватии, а пахотная площадь крупных поместий (50.994 кад. иох) значительно меньше.

Лучше обстоит дело в Воеводине, где мелкая собственность относительно невелика, а крупное землевладение очень развито. Но так как Воеводина намечена преимущественно для заселения добровольцами и колонистами, то для удовлетворения нужд местного мало- и безземельного крестьянства остается земли слишком мало.

Гораздо больший социальный успех имело уничтожение кметчины. Бывшие кметы ныне свободны от долгов и, по мнению людей осведомленных, они уже находятся в гораздо лучшем хозяйственном положении, чем прежде.

Если же взять аграрно-политические мероприятия в целом, то можно сказать, что они социальной проблемы в Югославии не решили и не могли решить. Кроме отчужденных поместий Югославия имеет еще для раздачи обширные площади казенных и коммунальных земель. К сожалению, до сих пор аграрная политика страны как то шла мимо них. Но и при всем том, можно смело утверждать, что решение социальной проблемы в Югославии путем аграрно-политических мероприятий вообще невозможно. Югославии тоже приходится подумать о более сильной индустриализации страны. Все что требуется для этого в смысле минеральных богатств и сырья имеется в изобилии.

Что аграрный переворот вызвал значительное сокращение производительности, это ясно для руководящих кругов Югославии. Отчужденные земли перешли от интенсивной культуры к экстенсивной, частью вообще не возделываются. Произведенные продукты идут на собственное потребление колонистов, и потому сокращение предложения продуктов на рынке еще обгоняет сокращение производства. Как велик этот недобор продуктов на рынке — трудно сказать за отсутствием данных.

В виду недостаточного снабжения рынка цены на хлеб в Югославии очень высоки, несмотря на то, что они в стране, по сравнении с ценами на металлические изделия, и в особенности на текстильные товары, значительно ниже довоенных. Так как правительство, кроме того, еще взимает вывозную пошлину на хлеб, югославянские хлебные цены не могут конкуррировать на мировом рынке, хотя югославянская пшеница и маис принадлежат к числу лучших*). Дальнейшим последствием сокращения хлебной торговли является ухудшение торгового баланса и падение динара**).

Конечно, раз аграрная реформа была продиктована исторической необходимостью, то нельзя было считаться с понижением про-

---

*) То, что иногда приходится ввозить хлеб в Югославию, не имеет ничего общего с аграрной реформой. Ввоз ограничен преимущественно приморской областью, где сообщение с Италией легче и потому хлеб дешевле, чем если бы ввозить хлеб из Всеводины.

**) Развитие внешней торговли Югославии, включая правда, в сумму ввоза и репарационные товары, выражается в следующих цифрах:

годы	ввоз	вывоз
	в 1000-ах динаров	
1919	2.983.076	786.939
1920	3.465.819	1.320.606
1921	4.122 097	2.460.737
1922	6.441.876	3.691.166

дуктивности. Но правительству нельзя будет длительно защищать национальные и социальные интересы, если оно одновременно не будет принимать мер к поднятию производительности сельского хозяйства. И тогда только перед ним встанут все трудности аграрной реформы. Крупное землевладение было уничтожено и в тех местах, где мелкое хозяйство, за отсутствием нужного капитала и рабочего скота, никогда не достигнет производительности крупного хозяйства. Прирезка земли мелким крестьянам слишком недостаточна как в целом, так и в отдельных случаях, чтобы создать самостоятельные даже продовольственные хозяйства. Реформа, которая ставила бы себе целью поднятие производительности, не могла бы пройти мимо фактора, тормозящего развитие мелкого хозяйства и должна была бы уничтожить черезполосицу путем соединения участков. Вместо этого, радикальная разбивка крупных поместий на парцеллы размером в ½ иоха лишь еще более увеличила черезполосицу. Правда, можно возразить, что задача будущей аграрной политики именно и будет состоять в том, чтобы, где нужно, провести соединение участков. Но что можно будет предложить тогда крестьянам, чтобы соблазнить их на эту операцию? Крестьяне все же склонны будут в землеустроительных начинаниях придавать больше значения временным неудобствам, чем грядущим выгодам и потому будут им противиться.

ГОСУДАРСТВА, ВОЗНИКШИЕ НА ТЕРРИТОРИИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ПЕРЕВОРОТА.

Характер аграрной реформы в Чехословакии можно себе уяснить только, если учесть социальные условия и историю чешских земель. Три Судетских страны были в старой Австрии наиболее плодородными коронными землями и в отношении сельскохозяйственной производительности несомненно занимали первое место. В то же время они являются типичными странами крупных латифундий. По переписи 1896 г. земельная собственность распределялась следующим образом *):

Группы хозяйств по разм. пос площ. в гект.	Богемия		Моравия		Силезия	
	площадь в гект.	в % ко всей площ	площадь в гект.	в % ко всей площ.	площадь в гект.	в % ко всей площ.
0— 1/2	50 439	1,0	48.232	2,2	3.561	0,7
1/2— 5	583 306	11,5	313 883	14,4	64.743	12,8
5— 50	2 342.309	46,1	997.774	45,7	208 058	41,1
50— 200	292 769	5,8	110 614	5,1	25,525	5,0
свыше 200—	*1.804.542*	*35,6*	*710.717*	*32,6*	*204 118*	*40,2*
из них: 200— 500	116.143	2,3	46.411	2,1	11 400	2,2
500—1000	101.748	2,0	42 611	2,0	9.881	1,9
1000—2000	150.587	3,0	63 075	2,9	26 861	5,3
свыше 2000—	1.436.084	28,3	558.625	25,6	155.975	30,8

Следовательно, во всех трех странах 35,5% —32,6% — 40,2% — в среднем 35% земельной площади (со включением лесов) находится в руках владельцев свыше 200 гектаров; 65% приходятся на среднюю и мелкую собственность.

Согласно вновь опубликованным сведениям на долю частного крупного землевладения (свыше 150 гект. с. х. площади или 250 гект. всей площади вообще) приходится в указанных трех странах в настоящее время 29,6% всей площади

*) Bd. 56, Oesterr. Statistik.

и только 15,65% с. х. площади. Сокращение общей площади по сравнению с данными переписи 1896 г. об'ясняется тем, что крупные владения Силезии расположены в восточной части этой страны и, стало быть, вместе с этой последней отошли к Польше. Кроме того, не учтены земли, принадлежащие государству. Новой переписью устанавливается тот факт, что около 80 — 85% с.-х. площади принадлежит к разряду средней и мелкой собственности. Таким образом, в Чехословакии мелкое землевладение занимает более значительное место, чем напр., — в любой области Пруссии к востоку от Эльбы, за исключением, впрочем, Шлезвиг-Гольштейн. Чешские области, в самом деле, имеют зажиточное и независимое крестьянство на широкой основе мелкой земельной собственности. Но в то-же время, в отличие от условий в средней и восточной Германии, в Судетских странах наблюдалось скопление в одних руках очень крупных владений — латифундий (свыше 2.000 гект.). На долю владений свыше 5.000 гект. приходится: в Чехии 23% всей земельной площади, в Моравии — 20%, в Силезии — 29%; по данным Мединтера *) имеется в Чехии 38 латифундий с площадью свыше 10.000 гект. на каждую, составляющих в совокупности 18% всей земельной площади страны; в Моравии таких латифундий имеется 14 с 13% общей площади, в Силезии —4 с 25% общей площади страны.

Положение было такое: с одной стороны, владелец латифундий, по большей части мало связанный со своими имениями, наезжавший в них от времени до времени только ради охоты, остальное время года проводивший в столице — в Вене; с другой стороны — имелась большая масса крестьян, малоземельных и безземельных, редко или никогда почти не видавших «барина», но за то определенно усматривавших в крупном землевладении помеху своему стремлению к собственности, независимости и благосостоянию.

В Чешских землях не было того единого фронта, который в Германии, даже в Восточно-прусских областях, почти без исключения об'единяет сельское население — от дворянина до мелкого крестьянина в смысле мировоззрения и интересов. Там отсутствовало сельское среднее сословие. В отношении распределения земельной собственности центр тяжести, пожалуй, находился в среднем крестьянстве. Причина глубокого антогонизма между крупным землевладением и крестьянством коренилась в социальной отчужденности крупных землевладельцев; не было сидящего на своей земле и ведущего свое хозяйство помещика, типа прусского «юнкера», крепко связанного с землей и прирожденного вожака сельского населения. Социальная отчужденность еще

*) Medinger: Großgrundbesitz, Fideikommiss und Agrarreform, 1919 S. 32 und 33.

усугублялась национальными противоречиями. Неправильно было бы просто все крупное землевладение Чехии считать немецким: во первых, не смотря на свое, в большинстве случаев, немецкое происхождение оно не редко чехизировалось; во вторых, по вопросу об автономии оно очень часто шло рука об руку с славянским населением. Наиболее существенным являлось то обстоятельство, что крупные землевладельцы в смысле национальном были слоем совершенно индифирентным, с ориентацией чисто австрийской. Несмотря на свой родной немецкий язык, несмотря на то, что в отдельных случаях они политически шли вместе с чехами — крупные землевладельцы в сущности оставались чужды обеим национальностям. В немецких областях, однако, аграрный вопрос не играет такой решающей роли, как в областях чешских. Немцы издавна уже расселились по горным окраинам и спокон веку были вынуждены обратиться к промышленности и торговой деятельности. Здесь, правда, нет свободного земельного фонда, но значительно развитая промышленность дает населению разнообразные заработки. Чехи населяют плодородные равнины внутри страны. В этих земледельческих областях социальный вопрос совпадает с аграрным вопросом, и здесь национальные противоречия совпадают с социальными противоречиями. В глазах чехов крупное землевладение равносильно немецкому, даже и в том случае, когда это отнюдь не соответствует дѣйствительности: но позиция чехов в отношении крупного землевладения существенным образом определяется историческими воспоминаниями или историческими построениями.

По чешским воззрениям в Чехии и примыкающих к ней землям находилось в средние века многочисленное чешское дворянство, которое после Белогорской битвы в 1620 г. потеряло, путем конфискации, свои владения; на его место появились чуждые стране полководцы и фавориты императора, немецкого происхождения, которым были продоставлены богатые земельные владения. Совершившаяся тогда историческая несправедливость должна быть ныне искуплена. Против такого рода указаний немцы возражают, говоря, что бессмысленно делать ответственными ныне живущих людей за перемещения в собственности, совершенные 300 лет тому назад. В битве у Белой Горы — говорят — борьба отнюдь не носила характера национального; борьба шла между приверженцами протестантства с немецким князем Фридрихом Пфальцким во главѣ и сторонниками католицизма с императором Фердинандом II во главе. В обоих лагерях находились одинаково и чехи, и немцы. Подданные самых различных государств либо получали в то время земли, как подарок, либо приобретали их за ничтожные деньги. Факт несомненный, что чешская латифундиальная система восходит к эпохе борьбы против реформации, и большинство владельцев латифундий — немецкого происхождения.

Созданный в то время строй — патримониальные права помещиков и крепостное состояние крестьян — сохранился до 1848 г., второго поворотного момента новой истории чешского народа.

Пробуждение чешского народа пришло тогда одновременно с ликвидацией крепостных отношений. Крестьяне были освобождены от натуральных и денежных повинностей и получили полное право собственности на свои участки. Латифундии, однако, остались. В расположении угодий отдельных крестьян-собственников и сельских обществ также мало изменилось. Отдельные попытки в этом отношении делались, но они не давали заметного результата, особенно в Чехии и в Моравии. По данным Шифа *) к концу XIX века 75% всех сельских обществ Чехии и Моравии и 37,1% — Силезии имели свои земельные участки в черезполосном владении. До самой войны в этом смысле мало что изменилось.

Спор из-за вопросов школы и языка, а также политическое преобладание земельного дворянства задерживали всякую решительную аграрную реформу, включавшую хотя бы частичный раздел латифундий.

Тем не менее перед войной дело не доходило до аграрно-революционных движений. Недовольные элементы среди чехов имели достаточную возможность переселения в Вену и каменноугольные районы немецких окраинных областей. Следует, однако, добавить, что отлив чешского населения в каменноугольные районы уже и до войны сократился, и на его место наблюдается усиленное переселение в Америку.

Все эти условия изменились после переворота 1918 г. Пражеское революционное правительство в очень скором времени выдвинуло план земельных реформ, которые, правда, вначале отличались значительной умеренностью. С целым рядом компетентных в этой области корпораций вопрос изучался и подробно обсуждался. Эти подготовительные труды были, однако, резко оборваны к концу 1918-го и в начале 1919 года, когда со стороны чешских социал-демократов, народных социалистов и организаций «халупников» началась агитация среди сельских рабочих и мелких крестьян. Созывались огромнейшие народные собрания, обращались к народу с воззваниями, в коих требовался насильственный раздел крупных имений. Движение шло под лозунгами: «земля тому, кто ее обрабатывает», «земля чешскому народу», «прочь с чужими фамильными родами». Под давлением этого все более грозного движения, а также ультиматума социал-демократов — правительство прервало свою подготовительную работу. Национальный конвент, в котором национальные меньшинства не были представлены, издал в течение 1919, 1920 годов ряд законо-

*) Schiff: Oesterreichs Agrarpolitik seit der Grundentlastung, S. 320.

дательных актов, которые вместе с различными распоряжениями правительства и програмными заявлениями земельного ведомства составляют правовую основу земельной реформы в Чехословакии.

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА 1918 ГОДА.

Начало составляет так наз. закон об отчуждении от 16-го апреля 1919 г. § 1 этого закона гласит:

«Для осуществления регуляции земельной собственности крупное землевладение, находящееся в пределах Чехословацкой республики подлежит отчуждению, с каковой целью учреждается особое Земельное Управление».

Под крупным землевладением закон разумеет собственность на землю в руках одного лица или нескольких совладельцев, превышающую в совокупности 150 гект. с.-х. площади или 250 гект. земельной площади вообще.

За владельцем нескольких имений признается право владеть допущенным максимумом в 150 или 250 гект. только один раз для всей территории государства. Указанный размер может быть повышен до 500 гект., если этого требует положение наличного инвентаря, специальных отраслей с.-х. промышленности или снабжение крупных городов и промышленных районов. Это возможно лишь в исключительных случаях и всецело зависит от усмотрения власти. В то же время допускается и обратное положение, когда при большой нужде в земле максимальный предел в 150 и 250 гект. может быть понижен. Закон о реквизиции и отчуждении распространяется также на с.-х. промышленность, на строения, которыя отнюдь не связаны с с.-х., как напр., — многочисленные дворянские палацо в Праге.

Правовое положение, созданное законом состоит в том, что прежние землевладельцы временно, правда, остаются собственниками, но имения их могут быть в любое время отчуждены, при чем последовательность этого отчуждения зависит от усмотрения земельного центрального ведомства. Они подлежат значительным ограничениям в своем праве распоряжаться имением, а также подчинены контролю государства.

По закону 12 февр. 1920 г. (об управлении отчужденными имениями) владельцы обязаны добросовестно вести хозяйство и подчиняться распоряжениям чиновников земельного ведомства. Для сохранения владения в хорошем состоянии закон требует не только выполнения необходимых хозяйственных работ, но также проведения нужных ремонтов и новых построек, насаждения новых деревьев на место погибших и т. д. В этом отношении решающими являются распоряжения и заявления назначенного земель-

ным ведомством надзирающего лица. В случае грубого нарушения со стороны владельца хозяйственных обязанностей может быть назначено принудительное государственное управление. Вообще власти предоставляется право вмешательства в ведение хозяйства: уполномоченный правительства в праве делать распоряжения относительно округления владения и мелиораций, он имеет право налагать свое вето, обозревать все счетоводные книги, увольнять служащих, вообще принимать все меры, которые он считает своевременными для нормального управления хозяйства. Хотя владельцу предоставлено право обжалования всех упомянутых распоряжений в течение 14 дней перед центральным земельным ведомством, но этим действие распоряжений не приостанавливается.

Проводником всех правительственных распоряжений, связанных с земельными законами, и центром всей вообще аграрно-реформаторской деятельности является Главное Земельное Управление. По закону 11-го июня 1919 г., оно подчинено непосредственно Совету министров. В его заведывании находится земельный фонд, доставшийся государству, в связи с проведением законов об отчуждении крупного землевладения; от него также исходят все распоряжения и решения по всем делам, регулируемым новым земельным законодательством. Оно устанавливает общую площадь подлежащей отчуждению земли, выдает разрешения на продажу отчужденных владений и т. д., определяет размер возмещения за отчуждаемую землю, распределяет земельный фонд и вообще проводит во всех деталях дело внутренней колонизации. Главному Земельному Управлению подчинены, в качестве исполнительных органов, областные земельные управления и комиссары. Надзор за деятельностью Главного Земельного Управления осуществляется 12-ти членной комиссией избранной на срок 3 лет Национальным Собранием из своей среды. Перед парламентом Главное Земельное Управление отчитываться не обязано. Решения Главного Земельного Управления могут быть заинтересованым лицом обжалованы в Высшем Административном Суде, но лишь в той мере, в какой имеется на лицо нарушение земельных законов. Главное Земельное Управление принимает в свое заведывание — в порядке известной постепенности — отчуждаемые владения (закон 8. IV. 1920), причем в течение 6 мес. прежнему владельцу дается возможность отстаивать свое право на предоставленный ему максимум владения в 150 — 250 гект. Принципиально не исключены от реквизиции для целей колонизации также и государственные имения. Но государственная собственность не играет значительной роли, как колонизационный фонд. Центр тяжести лежит в частной собственности; государство же и коммуны, наоборот, являются претендентами на наделение землей.

Обеспечение служащих крупных имений. Закон старается охранять интересы служащих и рабочих реквизированных имений путем образования пенсионного фонда. Требования, вытекающие из договоров найма — включая и регулярно выплачиваемые пенсии — капитализируются из 3% и учитываются при установлении размеров возмещения. Кроме того относительно обеспечения пенсионеров существует особый закон (18. III. 1921). Активные служащие в случаѣ не-предоставления им работы, имеют право на вспомоществование из пенсионного фонда.

Проблема возмещения. В принципе законом предусмотрено возмещение собственника за отчуждаемую у него землю. Без всякого возмещения отчуждаются владения граждан враждебных стран, владения членов династии Габсбургов, собственность некоторых институтов, а равно лиц, которые в мировой войне дѣйствовали против интересов чехо-словацкой нации. Размер возмещения твердо фиксирован законом, хотя допускается и полюбовное соглашение, однако, в пределах законом установленных. Система оценки довольно сложная; в основу ее принимается некая средняя из цен, существовавших при продаже имений свыше 100 гект. в годы 1913—1915. Сверх того, в случае отчуждения комплексов свыше 1.000 гект. общая оценка понижается; понижение достигает 5%, когда дело идет о площади от 1.000 до 2.000 гект. и достигает до 40% при отчуждении имений с площадью свыше 50.000 гект. На основании § 59 закона о возмещении прежний владелец получает следуемое ему вознаграждение не наличными, а в виде облигаций с оплатой 4% на капитал и ½% на погашение.

Выбор колонистов. Законом о наделении (30. I. 1920.) предусмотрены два вида использования отчужденной земли: либо государство само оставляет ее за собой, либо Главное Земельное Управление предназначает ее для целей колонизации. В последнем случае претендентами на наделение являются: отдельные лица, а также союзы таковых, как то: мелкие землевладельцы, «халупники», мелкие ремесленники, сельскохозяйственные и лесопромышленные служащие и рабочие, лица безземельные, особенно легионеры, военно-увечные и семьи погибших на войне. От наделения изъемлются лица, не обладающія правом гражданства чехо-словацкой республики. Следовательно, фактически каждый чешский гражданин может являться претендентом на наделение. Участки, предоставляемые отдѣльным лицам должны быть такого размера, чтобы они могли прокормить владельца или давать возможность организовать мелкое сельское хозяйство. Дается земля также уже сидящим на земле, несамостоятельным мелким крестьянам. Привеллигированными претендентами являются легионеры, увечные, наконец, мелкие арендаторы земельного фонда. Вновь орга-

низуемые хозяйства учреждаются на основе либо собственности, либо аренды. Как правило, для отдельных лиц предпочтение отдается принципу собственности, притом в форме напоминающей германское рентное имение (Rentengüter). Такое крестьянское имение, — как и вообще надельные единицы — имеет размер от 6 до 10, иногда до 15 гект. с.-х. площади.

В качестве союзов или об'единений лиц имеются в виду: 1) с.-х. производительные товарищества; этим об'единениям может быть предоставлена с.-хозяйств. площадь такого размера, чтобы на каждого участника приходилось не больше земли, чем в случае единоличного наделения; 2) потребительные общества; 3) союзы преимущественно мелких сельских хозяев, нуждающихся в земле для поддержания некоторых особых отраслей сельского хозяйства, как напр., общие пастбища и т. п.

Коммунам могут быть предоставлены пастбища, но при условии разрешения пользоваться ими, прежде всего, мелким сельским хозяевам. Лесные угодья также могут им быть предоставлены, если потребность в них будет доказана. Пахотная земля — лишь в том случае, когда дело идет об участках малоценных и таких, обработка коихъ требует больших расходов.

Государство желает леса оставить за собою, но оно может также учреждать домэны сельскохозяйственного характера.

Таким образом, хотя законом предусмотрены всевозможные виды наделения, для пахотных земель, по всему смыслу закона, имеется в виду, главным образом, наделение в единоличную собственность, т. е. внутренняя колонизация в собственном смысле слова.

Кредитная помощь. По закону 12 марта 1920 г. кредит на покупку земли может быть оказан в размере $^{9}/_{10}$, а на хозяйственные и жилыя строения до ½ оценки. В законе не упоминается ничего о школьных и церковных сборах, а равно замалчивается вопрос о том, предполагается ли устройство совершенно новых селений. Выдаются также ссуды производительного характера, а именно — колонизационным товариществам, на определенных условиях, и поскольку они готовы подчиняться постоянному контролю со стороны Главного Земельного Управления.

Финансовая сторона всей реформы регулируется главным образом §§ 79 — 81 закона о возмещении; Главному Земельному Управлению по этому закону, выдан аванс в размере 50 миллионов крон, не считая специального фонда обеспечения служащих в размере 5 миллионов крон. По смете финансового года 1921 бюджетный расход Г. З. У. выразился в сумме 8.558.357 крон; доход — от начала деятельности Главного Земельного Управления (октябрь 1919) по май 1921 — в сумме 4.337.572 крон.

Принудительная аренда. В старой культурной стране, как Чехия, правильная постановка в широких размерах

внутренней колонизации требует весьма большого времени. Но так как требование земли со стороны масс выражалось все настойчивее, то предварительно ввели так наз., принудительную аренду (§ 63 закона о наделении). Всякий, имеющий право на отчужденную землю, может требовать предоставления ему в аренду или суб'аренду участка на определенных условиях. Землевладелец обязан удовлетворить подобное требование. Если стороны не приходят к добровольному соглашению, то Главное Земельное Управление устанавливает обязательные для обеих сторон условия аренды.

Весьма серьезным мероприятием является передача земли в собственность многочисленной группе давнишних мелких арендаторов: до сих пор 94.000 гект. земли, таким образом, перешли в собственность этой группы.

Для нарезки рассеянных участков, а равно для строительных целей предусмотрен более спешный порядок наделения.

ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1918 ГОДА.

При последовательном до конца проведении намеченной законодательством реформы частное крупное землевладение должно совершенно исчезнуть. Мелкие хозяйства получают значительный численный перевес над средними. Лишь там и сям останутся более крупные хозяйства в виде производительных товариществ. Леса становятся, главным образом, достоянием государства. В одной только Чехии отчуждению должны подвергнуться 570 крупных владений с общей площадью 1.683.500 гект. Если каждый из этих владельцев сохранит за собою следуемые ему по праву 250 гект., то в руках прежнего крупного землевладения остается 142.500 гект. (со включением лесных угодий), т. е. 2,8% всей земельной площади страны.

На всей территории государства подлежащая отчуждению земля составляет 3,94 милл. гект. (в том числе на земли сельскохозяйственного значения приходится 1,22 милл. гект., на леса — 2,44 милл. гект., на прочие земли — 0,28 милл. гект.). Считая, что за каждым из 2.000 прежних крупных землевладельцев останется только 150 гект. сельскохозяйственной и 100 гект. лесной площади, эти владельцы в общей совокупности сохранят 0,3 милл. гект. сельскохозяйственных и 0,2 милл. гект. лесных угодий. Государство, стало быть, для целей «земельной реформы» могло-бы максимум употребить 0,9 милл. гект. сельскохозяйственной и 2,2 милл. гект. лесной площади. К этому надо добавить, по данным д-ра Ганса Пергера (из немецкого союза крупных землевладель-

цев), еще около 1 милл. гект. (150.000 гект. пахотных земель и 850.000 гект. леса), принадлежавших Австро-Венгерской монархии, Габсбургской династии и т. д., которые без всякого возмещения достались Чехословацкой республике. Эти цыфры показывают, что в вопросе об отчуждении дело идет о начинании крупного масштаба.

До весны 1923 г. из отчужденного крупного землевладения 94.000 гект. перешли в собственность тех мелких арендаторов, которые приблизительно с 1901 г. сидят на территории соответствующих крупных имений; далее около 141.235 гект. были переданы, на основании закона, в принудительную аренду 250.000 лицам сроком не более 6 лет. Под жилые и хозяйственные строения, под расширение наличных крестьянских дворов, огородов и т. д. была выделена площадь размером в 6.300 гект. Таким образом, уже роздано несколько больше ¼ наличной сельскохозяйственной площади.

Передача земли в собственность давно оседлым, ведущим свое хозяйство, мелким арендаторам совершалась в общем без всяких трений; она вызвала лишь юридические, но не хозяйственные изменения. Правда, из некоторых районов Восточной Чехии имеются сообщения, что это мероприятие заставило крупных землевладельцев перейти к экстенсивной системе хозяйства в своих имениях, так как в лице прежних мелких арендаторов они потеряли также рабочую силу. Но подобного рода явления отнюдь не могут служить аргументом против данной меры. Последнею воспользовались также многочисленные немецкие арендаторы, так как мелкая аренда в немецких пограничных областях сильно распространена. Многие крестьянские хозяйства приобрели таким образом, самостоятельность. За-то вопрос о целесообразности так называемой принудительной аренды представляется весьма спорным. Она, конечно, удовлетворила, до известной степени, земельный голод и вряд-ли мы ошибемся, если скажем, что уже к началу 1921 г. большинство законных претендентов на землю было до некоторой степени удовлетворено.

Однако, превращение мелкой аренды в собственность, как и принудительная аренда мелких парцелл — дело сравнительно побочное. Проведение собственно земельной реформы, т. е. заселение отчужденных площадей подвигается довольно медленно. До конца 1922 г. заявителям было нарезано всего 41.821 гект. и образовано 167 «остаточных имений» с общей площадью в 14.000 гект. Председатель Главного Земельного Управления Вишковский сообщает следующие данные относительно распределния «нарезанной» площади среди различных групп хозяйств.

Из каждых 100 хозяев принадлежали к группе хозяйств по размерам сельскохозяйственной площади:

Безземельных	0—2 гект	2—4 гект	4—6 гект	6—8 гект.	8—10 гект.	10—20 гект	20—50 гект.	50—100 гект.	Свыше 100 гект.
				Перед наделением					
11,35	47,25	21,.8	5,95	5,64	4,34	4	0,04	0,008	0,008
				После наделения					
4	30,67	35,25	14,2	8,853	5,47	4,92	0,12	0,22	0,137

По этим данным число безземельных и карликовых хозяйств до 2-х гект. сократилось, группа мелких хозяйств, еще не вполне самостоятельных, в 2 — 4 и 4 — 6 гект. больше всего возросла. «Халупники» (безземельные) и карликовые крестьяне составляют значительное большинство среди наделенных землей.

Подводя итоги колонизационной политики до сего времени, приходится констатировать, что законодательство не достигло тех целей, которые оно в свое время ставило — создание самостоятельных крестьянских хозяйств. С одной стороны, возникают сплошь мелкие и карликовые хозяйства, с другой — происходит, главным образом, наделение землей уже существующих хозяйств, а не создание новых. Основная причина этого явления кроется в трудности финансирования. К этому прибавляется укрепление за последние годы чехословацкой валюты и связанное с ним ослабление с.-х. конъюнктуры, приобревшее в настоящее время характер аграрного кризиса. Прежде столь сильный земельный голод после переворота, — благодаря принудительной аренде и превращению прежних мелких арендаторов в собственников, — более или менее удовлетворен. В виду всех этих обстоятельств спрос на землю значительно ослаблен. Опасаются дальнейшего роста ценности в рассчете на золото, и, следовательно, увеличения процента по долгу. Колонист десятки лет должен был бы мучиться при самых тяжких условиях для того только, чтобы приобрести или сохранить хозяйство. Даже весьма падкого на землю чешского мелкого крестьянина такая перспектива не прельщает.

В деле дальнейшего развития реформы наблюдается поэтому некоторая неуверенность. В вопросе об отчуждении имений заметно колебание; в последнее время особенно усердно занялись огосударствлением лесов, преимущественно на окраинах республики.

Несмотря на весьма медленный ходъ колонизационной деятельности Главное Земельное Управление держится за свою колонизационную монополию. Предложения насчет добровольной продажи отдельных частей отчужденных владений наталкиваются на величайшие затруднения со стороны власти, которая лишь в самых редких случаях дает разрешение — безразлично, идет ли дело о продаже или о разделах заповедных владений при наследо-

вании. Главное Земельное Управление, враждебно относящееся к крупному землевладению, становится в этом случае охранителем фидеикомиссов, хотя все земельное законодательство, главным образом, направлено против этого института. Пример: в деле о наследстве известного чешского магната главному наследнику отказано было в разрешении рассчитаться с сонаследниками, вместо денег, натурой — в земле, превратив таким путем фидеикомиссно связанную громадную латифундию в несколько округленных средних владений. Получается впечатление, будто земельная политика Главного Земельного Управления тормозит необходимое в интересах сельскохозяйственной культуры образование средних хозяйств и связанное с этим устранение черезполосицы — лишь бы сохранить за собою распорядительную власть. Эта тенденция выражена настолько сильно, что нередко не допускается продажа участков, которая в полном согласии с направлением законодательства, имеет в виду наделение мелких хозяев.

Аппарат. В организации аппарата для проведения реформы следует, прежде всего, подчеркнуть дух бюрократизма. Самоуправление отсутствует, специальные комиссии в отдельных инстанциях пользуются лишь совещательным голосом, все находится в руках Главного Земельного Управления и его чиновников — начиная с момента отчуждения и кончая нарезкой. Это приводит—как показывает опыт—к окостенению и схематизации всего дела. Конечно, в реформах подобного масштаба государство должно оставить за собою верховное руководство, контроль за соблюдением требований закона. Уместно напомнить здесь неуспех частной колонизационной деятельности в Пруссии, пока не были созданы областные публично-правовые учреждения для колонизации. Однако, вмешательство власти во все детали отчуждения и наделения может приносить лишь вред делу аграрной реформы. Автору неоднократно приходилось слышать и от чехов жалобы по поводу того, что чиновникам зачастую нехватает необходимого знания дела и местных условий. При громадных полномочиях чиновников земельного ведомства обладание специальными знаниями было бы особенно необходимо. Целесообразный выбор подлежащих отчуждению владений и участков, проверка «годности» претендентов, размежевание новых дворов с принадлежащими к ним пахотным землями и пастбищами, организация товариществ среди новых колонистов и т. д. — все это требует не только делового опыта, но и обстоятельного знакомства с местными условиями. Последнее особенно важно в Чехословацкой республике, где наблюдаются не только имеющиеся повсюду различия аграрных условий в отношении почвы, климата, системы хозяйства, но также глубокие различия между отдельными составными частями государственной территории.

При Главном Земельном Управлении имеется особый парламентский комитет. Это было сделано с тою целью, чтобы придать бюрократическому аппарату характер, приличествующий демократическому государству. Но парламентский комитет, конечно, может иметь общее наблюдение за проведением законов и давать общее направление; однако, он слишком мало соприкасается с непосредственной практикой дела для того, чтобы его деятельность могла служить противовесом бюрократическому централизму.

Правовая неустойчивость. Наиболее вредным последствием бюрократического всемогущества является неустойчивость в смысле правовом. По отношению к власти землевладелец совершенно беззащитен; аппеляция против решений Главного Земельного Управления возможна лишь в тех случаях, когда таким решением или мероприятием нарушены земельные законы. Но при тех широких полномочиях, какие, на основании законов, предоставлены Главному Земельному Управлению — аппеляция в Высший административный суд представляется довольно иллюзорной. Власть по своему усмотрению может постановить, что отчуждается такое-то имение, а другое, может-быть, более крупное и более пригодное для целей колонизации — не отчуждается. Отбирается от большого имения одна молочная ферма, а другая менее нужная имению, вследствие своего местоположения, оставляется за ним и т. д.

Допускается также, в связи с многочисленными ограничениями владельца, вмешательство в систему ведения хозяйства. В силу этих ограничений право собственности фактически отменяется не только в отношении земель уже принятых в заведывание Главного Земельного Управления, но также и тех, которыя только назначены к отчуждению. Разумеется, эти определения закона на практике не проводятся так строго, как можно было бы того опасаться, но уже сама наличность их создает момент правовой неустойчивости.

Установление размера возмещения. В особенности это относится к вопросу о возмещении. Задача действительно чрезвычайно трудная — справедливое уравновешение противоположных интересов. Однако, следует признать, что система возмещения установленная чехословацкими законами, противоречит принципу благоприобретенных прав. Нередко законная оценка составляет лишь десятую часть рыночной цены. Так, чешскому землевладельцу банк предлагал за 900 гект. леса 4 милл. крон; по оценочным таблицам земельного ведомства он получил-бы 900. 000 кр. с оплатой 4%. Вероятные потери на курсе государственных облигаций еще значительно сократили бы эту сумму. Далее, из последней приходится вычесть 10% на обеспечение служащих и пенсионеров. В результате владелец получил-бы немногим более $^1/_{10}$ рыночной цены.

Справедливость заставляет признать, что до сих пор предпочтение отдавалось полюбовному соглашению, и оффициальные оценочные таблицы применялись редко.

Секвестр имений Не только с правовой, но с экономической точки зрения мероприятия правительства в деле создания земельного фонда вызывают большия сомнения относительно их целесообразности. Это относится прежде всего к системе секвестра имений. Разумеется, было необходимо — во избежание хищнического хозяйничания, нерадивого отношения, обременения долгами — взять под правительственный контроль имения, предназначенные к разверстанию. Нельзя отрицать и того обстоятельства — и сами землевладельцы это признали, — что непосредственно после переворота, при тогдашнем возбуждении народных масс, реквизиция крупного землевладения была мерой безусловно необходимой: только этим путем можно было массам убедительно доказать все общественное значение крупного землевладения и удержать их — перспективой государственной аграрной реформы — от безпорядочного расхищения земель. Но бессмысленно продолжать держать секвестрованными имения, которых, по признанию самого государства, оно в ближайшие годы не может и не желает окончательно отчуждать; этим достигается лишь то, что владельцы не уверены в своем положении, не решаются интенсифицировать хозяйство и вкладывать капитал в него.

Установление максимума. Возражения вызывает далее схематическое установление предельного размера площади землевладения. Не подлежит сомнению, что какой-то средний размер должен быть установлен. Даже в Германии нельзя было отказаться от установления предельной площади для того, чтобы государственной власти и ея агентам дать некоторые руководящие линии. Но установление предела в Германии означает, что имения с площадью свыше 100 гект. удобной с.-х. площади, в случае нужды, обязаны отдать часть принадлежащей им земли; в Чехословакии же признается, что землевладение со 150 гект. общей площади не имеет права на существование. В данном случае игнорируются естественные различия территории, а также требования, которые в зависимости от характера сельскохозяйственных культур, пред'являются крупным хозяйством в отношении размера площади. Безусловно ошибочно считать максимальным допустимым пределом в отношении сельскохозяйственных угодий 150 гект., а в отношении лесных угодий — 250 гект. В стране с столь развитым сельским хозяйством, как в Чехии, разница в интенсивности полевого и лесного хозяйства, далеко не укладывается в указанные цифры. Крупное лесное хозяйство в чешских землях начинается приблизительно с 1.000 гект.

Огосударствление лесов. Что-же делают с отчужденной землей? Рассмотрим прежде всего вопрос о лесных угодиях. Леса покрывают свыше ⅓ площади республики (34,73%). Из всей площади лесов государству принадлежит 12,71%, комунам и т. д. — 18,51%, церкви — 5.01%. На долю фидеикомисов (родовых заповедных имений) приходится 19,32%, частн. влад. — 44,45%, итого, стало быть, 63,77% лесов. Эти цифры дают представление о роли крупного землевладения в лесном хозяйстве. Крупный лесовладелец — главный носитель лесной промышленности, а производительность последней довольно значительная. На 2,4 милл. гект. реквизированных лесных угодий произрастает ежегодно 3 милл. кубических метров, преимущественно первосортных, древесных пород. Лес является, кроме того, серьезным фактором сельскохозяйственной культуры, в смысле регулирования атмосферных осадков, защиты почвы и т. д. Все эти задачи до настоящего времени осуществлялись, однако, главным образом, крупным лесовладением. Поэтому просто поделить леса никто не имеет в виду, хотя со стороны мелких хозяев такого рода пожелания много раз высказывались. Закон требует, чтобы цельные массивы не разрывались. Но оставление за прежним владельцем установленной предельной (слишком низкой) площади леса неизбежно приводит к разрушению крупного лесовладения и к созданию нежизнеспособных мелких лесных хозяйств. Было-бы целесообразнее, если бы государство выкупило все крупное лесовладение без остатка, раз нельзя было решиться оставить за прежним владельцем достаточно большой площади. Создание этих нерациональных мелких хозяйств равносильно сокращению производительности, и такое сокращение вряд ли компенсируется фактом огосударствления больших лесов. По данным лесничего Лаштовичка («Oesterreichische Forst- u. Jagdzeitung» 48. 19.), австрийские государственные леса давали на один гект. площади 11 крон чистого дохода, между тем как частные леса в это время приносили доход в 6 — 12 раз больший. Довольно обширные государственные леса в Словакии находятся в общем не в блестящем состоянии. Было бы поэтому, может быть, правильнее сперва поставить на должную высоту хозяйство в старых государственных лесах, прежде чем отчуждать, без определенного плана, частные леса, в которых хозяйство в большинстве случаев, было поставлено хорошо.

Особенной известностью пользовалось лесное хозяйство чешских фидеикомиссов. Но институт фидеикомисса упразднен, и вместе с тем выпала одна из активных статей частного хозяйства. Это отражается вредным образом особенно потому, что в отношении остающихся у прежних владельцев 250 гект. стремление ставить рациональное хозяйство почти отпадает. При данных условиях, когда в силу политических соображений, институт

фидеикомисса не может быть сохранен, огосударствление является единственным средством, гарантирующим в известной мере, охранение лесных богатств.

Главное Земельное Управление в ближайшие годы собирается принять в государственное управление 250.000 гект. лесов в Чехии, Моравии и Силезии — главным образом, находящихся на окраинах республики. Следует заметить, что из 35 лесовладельцев, леса которых, в первую очередь, подлежат отчуждению или уже отчуждены, — 33 относятся к национальным меньшинствам, а из числа предназначенных к отчуждению лесных площадей 74% расположены на территории распространения языка национальных меньшинств.

Что касается пахотных земель, то закон также допускает возможность огосударствления последних, но можно предвидеть, что в отношении этих земель национализация не будет играть такой роли, как в отношении лесов. Мысль о государственном заведывании сельскохозяйственными имениями, вероятно, скоро будет оставлена.

Планы кооперирования. Серьезнее представляется предусмотренное законом наделение кооперативных товариществ, как покупателей земли, причем имеются в виду:

1. потребительные общества: в данном случае дело идет о коллективной собственности, и отдельные лица, следовательно, к хозяйству прямого отношения не имеют;
2. так наз. целевые союзы (пастбищные кооперативы и т. д.)
3. сельские производительные кооперативы.

Мысль о передаче земли потребительским кооперативам возникла благодаря тому обстоятельству, что в Чехословакии социал-демократическая потребительская кооперация является весьма могущественным фактором; другой вопрос, в какой мере передача части земельного фонда потребительным обществам претворится в дело.

Пастбищные кооперативы существуют уже давно, и вопрос об них никаких сомнений не вызывает. Иначе, обстоит вопрос о сельских производительных кооперативах, т. е. союзах лиц, ведущих на товарищеских началах крупное хозяйство. По нашим сведениям, нельзя пока еще указать на сколько-нибудь серьезныя попытки в этом отношении.

Колонизация. Наиболший интерес, разумеется, представляет наделение отдельных лиц, образование новых хозяйственных единиц, т. е. внутренняя колонизация в подлинном смысле. Закон имеет ввиду наделение как владеющих землей мелких хозяев, так и безземельных, сельских рабочих, наконец лиц, не занимающихся сельским хозяйством. Повидимому, хотят при этом

строго проводить принцип, чтобы вновь создаваемые хозяйства не превышали определенного, безусловно необходимого размера; поэтому крестьян, которых можно уже считать самостоятельными, правительство не предлагает более наделять, вследствие чего в некоторых сельских обществах не нашлось совсем законных кандидатов на наделение: с одной стороны, мелкие крестьяне, которые охотно взяли бы еще немного земли, как уже достаточно обеспеченные, не могли быть приняты во внимание; с другой — имеющие право на наделение безземельные не могли получить земли за полным отсутствием у них инвентаря. Потом вопрос еще, насколько хозяйства с площадью 15 гект. всюду удовлетворяют требованиям целесообразности. На тяжелых почвах хозяйства до 15 гект. не в состоянии содержать необходимого рабочего скота, между тем как совсем легкия почвы вообще не подходят для мелких хозяйств, так как на них плохо произрастает клевер и другия кормовыя растения. Председатель Главного Земельного Управления в своем докладе высказывается в том смысле, что в местностях с культурой сахарной свеклы должно быть отдано предпочтение хозяйствам до 15 гект., а количество карликовых хозяйств следует в них свести до минимума. Раздел крупных хозяйств с культурой сахарной свеклы вызывает вообще большие сомнения. До сих пор крупное свекловичное хозяйство в Чехословакии имеет перевес над мелким, хотя бы потому, что это последнее вынуждено относительно большую часть своей площади отводить под кормовые растения. Правда, председатель Главного Земельного Управления в упомянутом докладе утверждает, что урожай свеклы в крестьянских хозяйствах за последние годы повышается, а в крупных хозяйствах падает. Правильность этого утверждения трудно проверить, хотя вполне вероятно, что под угрозой предстоящего отчуждения крупные имения стали переходить к экстенсивной системе хозяйства. Как бы то ни было, следует считаться с тем фактом, что новые мелкие собственники в течение первых лет не будут в состоянии удержать урожайности свеклы на прежней высоте. Тут не помогут никакие обязательства засеять столько то и так-то. Этот вопрос имеет немаловажное значение для Чехословакии, где на долю сахара в 1920 г. пришлось 34% всего вывоза страны.

Наделение безземельных представляется особенно трудной проблемой. Оно прежде всего требует осторожного подбора подходящих колонистов. Но в законодательстве мы почти не найдем указаний по вопросу о пригодности к земледельческому труду, как одном из условий наделения. Закон выделяет отдельные группы лиц, которым отдается предпочтение пред всеми остальными. Первое место в этом отношении занимают легионеры, затем следуют военные инвалиды и семьи погибших на войне, наконец, прежние мелкие арендаторы. Что касается инвалидов, то по-

добные постановления имеются во всех после-военных аграрных реформах; особое положение легионеров об'ясняется той ролью, которую они играли в мировой войне, и при создании Чехословацкой республики. Легионеры имеют право на землю, хотя-бы и никогда земледелием не занимались. Однако, при окончательном наделении вопросу о соответствующем отборе колонистов из числа соискателей уделялось большее внимание, чем можно было ожидать на основании буквы закона. Непоходящие мало-опытные претенденты большей частью отводились; в Пардубиц, напр., даже безземельные сельскохозяйственные рабочие получили землю только в аренду, хотя среди них находились лица из «привиллегированных» категорий.

Выше уже упоминалось, что закон предусматривает как создание совершенно новых хозяйственных единиц, так и округление существующих мелких крестьянских дворов. Последняя система имеет то преимущество, что землю получают только опытные хозяева, между тем как безземельным дается возможность работы на арендованной земле и расширить свою хозяйственную базу настолько, чтобы впоследствии, путем дополнительного прикупа земли, стать самостоятельными крестьянами-собственниками.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМЫ.

С хозяйственной точки зрения внутренняя колонизация получает свое оправдание только в тем случае, если благодаря ей производительность почвы повышается или, по крайней мере, не понижается. При высоком уровне крупного сельского хозяйства Чехии, Моравии и Силезии вряд-ли можно было ожидать значительного повышения производительности от увеличения числа крестьянских хозяйств, даже считаясь с выдающимися качествами тамошнего крестьянства. Но — оставляя в стороне культуру свеклы — рост числа крестьянских хозяйств не должен был сократить производительности. Однако, результат именно такой получился в итоге аграрно-политических мероприятий последних лет: увеличения численности преимущественно мелких, несамостоятельных хозяйств, и с другой стороны, той правовой неустойчивости, которую создал для крупного сельского хозяйства секвестр имений. Новое наделение землей в той или другой форме могло быть использовано для того, чтобы продолжить приостановившееся было дело устранения черезполосицы и этим путем поднять производительность. Но в Чехии и Моравии все еще 75%, а в Силезии почти 50% всех сельских обществ имеют свои поля в черезполосном владении. Между тем в законе и говорится (§ 21 закона о наделении), что устранение черезполосицы должно «по возможности» совершиться одновременно с новым наделением,

но до сих пор ничего в этом отношении не предпринималось. Реформа, пожалуй, оказала влияние как раз в обратном направлении, особенно благодаря принудительной аренде, при которой земельные участки нередко вырывались из состава цельных хозяйственных комплексов. В одной из статей «Поземкова реформа» Главное Земельное Управление признает, что проведение реформы делает почти невозможным широкую работу в области борьбы с черезполосицей, а министерство земледелия на вопрос немецкого отдела чешского сельскохозяйственного Совета дало ответ, что о подобных мероприятиях нечего пока думать.

С народно-хозяйственной точки зрения латифундии в собственном смысле слова не дают никаких преимуществ. Даже многие крупные землевладельцы, исходя из соображений выгоды, дробили свои владения на несколько возможно хорошо округленных участков для сдачи их в аренду, сокращая соответственно экономическое хозяйство. Эта тенденция особенно обострилась за последние годы вследствие чрезмерного роста расходов и трудности получить рабочих. Государство могло ускорить этот процесс и путем усиления внутренней колонизации создать жизнеспособную комбинацию крупного, среднего и мелкого хозяйства. Подобная планомерная ликвидация латифундий могла бы быть проведена без применения чрезвычайных принудительных мер.

Но соображения хозяйственного порядка не играли роли в деле ликвидации крупного землевладения и образования возможно большого числа мелких хозяйств.

Характерно, что в основу законодательства положен размер собственности, а не хозяйства. Не о том спрашивают, имеется ли где-нибудь хозяйственная единица с с.-х. площадью более 150 гект., а о том, владеет-ли кто либо на всей территории государства в совокупности собственностью, превышающей 150 гект. Производственная политика должна интересоваться только размерами хозяйства, но отнюдь не размерами собственности.

Статистически учесть влияние реформы на сельскохозяйственную производительность пока, разумеется, невозможно. На изменение условий производительности по сравнению с довоенным временем оказывают влияние разнородные причины, так что трудно выделить из всего этого комплекса действие аграрной реформы, как таковой. С окончанием войны проявили свое действие и благоприятствующие моменты, как напр., частичное упразднение хозяйственного регулирования. По Пергеру *) посевная площадь хлебных злаков в среднем за 10-ти летие до войны составляла в трех Судетских странах 1.166.699 гект.; за три года

*) Perger: „Bodenreform und Volksernährung", Prager Tageblatt, Nr. 10/46.

войны 1915 — 18 в среднем — 1.150.026 гект.; в 1919 г. — 1.070.163 гект., наконец, в 1920 г. — 1.020.252 гект. Председатель Совета министров Черный определял к началу 1921 г. сокращение сельскохозяйственной производительности в 40%.

На основании одних только производственно-статистических выкладок нельзя, однако, сделать окончательного вывода о колонизационной политике. Нужно принять во внимание, в какой мере констатируемое падение производительности оправдывается другими мотивами и последствиями.

В деле внутренней колонизации обыкновенно решающую роль играют соображения демографической и социальной политики. Всякий переворот в области земельных отношений, всякая политика переселения и расселения приобретает значение тем, что увеличивает численность сельского населения — этого резервуара силы для легко вырождающихся крупных городов. Чешские земельные законы сверх того, как известно, предоставляют землю для целей строительных, а также для огородов и садов. При своеобразной системе колонизации в Чехословакии вряд-ли возможно проводить границу между сельской, чисто крестьянской, колонизацией и подгородней, огородно-садовой колонизацией. Очаги промышленности значительно рассеяны в стране, так как развитие промышленности в Чехии, в противоположность другим странам, не привело к возникновению крупных городов. Сельские жители во многих районах имеют возможность перейти к занятиям в промышленности, не будучи при этом вынуждены менять свое место жительства. Таким образом наблюдается двоякого рода уход из деревень: бегство из деревень в собственном смысле и бегство от земледельческих занятий. Второе играет, конечно, гораздо большую роль. Оно охватило, прежде всего, чисто земледельческие центральные районы — в первую очередь юго-западные и южные части, а также пограничную полосу приблизительно до Ешкен. Падению численности сельского населения этих районов необходимо было положить предел путем насаждения новых крестьянских хозяйств. Раухберг в своей книге: «Der nationale Besitzstand in Böhmen» (Соотношение национальных сил в Чехии) сопоставляет в отношении бегства из деревень районы с преобладающим крупным землевладением (свыше 100 гект.) с районами, в коих преобладает землевладение крестьянское. По наблюдениям Раухберга бегство из деревень не обуславливается характером землевладения. В самом деле в районах как с максимальным, так и с минимальным распространением крупного землевладения бегство из деревень наблюдается одинаково часто или одинаково редко; с другой стороны, в числе районов с сильнейшим преобладанием крестьянского землевладения нашелся только один, в котором земледельческое население возросло в своей численности. Но необходимо заметить, что ни в одном из 16-ти выражено крестьян-

ских районов, перечисленных Раухбергом, все же не наблюдалось ни сколько-нибудь значительной эмиграции земледельческого населения, ни уменьшения его численности. Особенно важно то обстоятельство, что сокращение числа земледельческого населения получается исключительно за счет класса несамостоятельных и притом, главным образом, — поденщиков; что же касается класса самостоятельных крестьян, то в нем за последния десятилетия заметен даже прирост. Поденщики составляют ту группу, которая преимущественно занята в крупных хозяйствах; следовательно, есть все-таки несомненная связь между бегством из деревень и характером землевладения. Добавим, что далеко не всякая нарезка земли гарантирует против бегства от сельскохозяйственного промысла.

Когда фабрика находится недалеко, наличность усадьбы с небольшим при ней земельным участком не является препятствием к оставлению земледельческого труда и к переходу в промышленность. В таких случаях с земледельческим трудом может всецело связать только наличность вполне самостоятельного крестьянского хозяйства. Отсюда вытекает тот вывод, что основные положения земельного законодательства при правильном проведении их в жизнь имеют громадное значение в смысле перераспределения населения. Но наделение землей лиц, способных и готовых целиком или отчасти посвятить себя сельскому хозяйству, могло бы быть проведено и без тех насильственных мер, которые лишь отрицательно отразились на производительности. Число людей соответствующего склада и в Судетских странах далеко не безгранично; как говорит Иессер — и среди славянского населения наблюдается теперь повышенная склонность к промышленному труду и пониженная готовность после шабаша заниматься еще земледельческой работой. Между тем законы так формулированы, как будто они предназначены для чисто земледельческой страны, где каждый человек стремится получить клочок пахотной земли.

Во всякой внутренней колонизации кроется также момент социально-политический. Хотят дать усадебную оседлость безземельным; хотят сельскому батраку дать возможность подняться выше на общественной лестнице, не отрывая его от земледелия; наконец, хотят создать независимое положение для возможно большого числа людей. В чешском земельном законодательстве соображения социального порядка играют гораздо большую роль, чем вопросы демографического и производственного характера. Лозунг: «земля тому, кто ее возделывает», воспринят в его социально-политической окраске так же, как система отчуждения, метящего не в хозяйство, а в собственность. Но всякая социальная политика является одновременно и экономической политикой. Земельное законодательство метило в латифундии, но оно попало в крупное и среднее землевладение вообще: из деревни был выки-

нут руководящий, весьма производительный слой населения, отчего уровень с.-х. культуры и народного хозяйства в целом понизился; наконец, вся масса трудового населения также вряд-ли выиграла.

Генезис реформы. Задумываясь над причинами вызвавшими реформу, мы можем отчетливо различить три основных мотива: аграрно-революционный, социалистический и националистический. Аграрно-революционное движение охватило весь европейский Восток — почти без исключения земледельческия страны. В противоположность последним мы видим государства аграрно-реформаторския, — индустриально-капиталистическия страны Запада с Германией во главе. В первых — социальный вопрос есть вопрос деревень, во вторых — вопрос городов; в одном случае на первый план выступает аграрная проблема, в другом — она заслоняется промышленной рабочей проблемой. В земледельческих странах масса в гораздо более высокой степени испытывает земельный голод, так как земля является там единственным богатством, по крайней мере для мелкого люда: там нет оживляющего момента промышленности и вполне развитого менового хозяйства. В восточных земледельческих странах сельское хозяйство ведется менее интенсивно, чем в западных странах; техника сельского хозяйства настолько примитивна, что нужда в земле ощущается гораздо сильнее, чем при рациональном хозяйстве. Законодательство в Чехословакии пошло по решительно революционному пути. Между тем по характеру своего народного хозяйства страна принадлежит индустриально-капиталистическому Западу: последнее во всяком случае верно в отношении чешских земель. Как-же об'яснить указанное противоречие? Прежде всего, земельный голод, кажущийся столь чрезмерным, в значительной степени приходится отнести на счет физического голода военного и после-военного времени, на счет скудости продуктов и желания получить свою долю участия в благоприятной сельскохозяйственной кон'юнктуре. С улучшением условий питания и падением с.-хоз. кон'юнктуры, превратившимся теперь в настоящий кризис, указанный мотив отступил на задний план.

Но имеются и социальные причины постоянно действующия. Мы уже говорили о децентрализации промышленности в Чехии, благодаря которой индустриальный рабочий, даже когда он не владеет собственным участком земли, всетаки гораздо ближе к деревенской жизни, чем напр., рабочий в крупных городах и промышленных центрах Германии. Он живет, по большей части, в деревенской обстановке. В силу этого обстоятельства между промышленностью и сельским хозяйством существуют многочисленные промежуточные звенья: «Халупники», которые временно или постоянно ходят на работу в близ лежащую фабрику, фабричные рабочие, имеющие собственный или арендованный участок земли.

Таким образом, в действительности, аграрная база гораздо шире, чем это кажется на основании профессиональной группировки населения — по крайней мере, в славянских областях. Значение имеет также та громадная социальная и национальная дистанция, которая существовала между крестьянством и крупными землевладельцами.

По своему хозяйственному типу Чехия принадлежит, стало быть, к разряду промышленно-капиталистических западных стран; между тем характер расселения, социальная группировка сельского населения, наконец, хозяйственныя устремления большинства населения — связывают ее с Востоком. Законы формулированы таким образом, как будто дело шло о чисто земледельческой стране. Собственно говоря, каждый неопороченный гражданин имеет право на землю. Каждый, по возможности, должен получить участок земли — такова была сначала сознательная и бессознательная цель. Поэтому вопросы производительности просто игнорировались. Думалось вначале, что проведение законов в жизнь пойдет весьма быстро, без особенных трудностей. С течением времени однако, убедились, что задача не такая легкая. Индустриально-капиталистический характер выявился в большей мере. Признали, что для проведения реформы потребуются годы; пришлось также несколько больше пойти на встречу требованиям производительности. В промышленной стране, разумеется, необходимо считаться с производительностью сельского хозяйства и продовольствованием населения, так как нужно обеспечить питание городов; сельское хозяйство должно вестись более интенсивно, вследствие чего оно более чувствительно ко всякого рода внешнему вмешательству. При отборе претендентов на землю со временем начали ставить более строгия условия, ибо многие из них либо были совершенно чужды земледельческому труду, либо, вследствие отсутствия инвентаря, не могли и думать о сколько-нибудь интенсивном хозяйстве. Все это, конечно, пока не влияет на изменение законодательства, так как действуют еще мотивы другого порядка.

Мы упоминали уже о сильной социалистической струе, нашедшей свое выражение в планах огосударствления (главным образом, в области лесного хозяйства), в проектах производительных кооперативов, в передаче земли потребительным обществам. Социалисты вначале поддерживали также идею парцеляции. Правда, политика внутренней колонизации и политика социализма имеют мало общего между собой, и последовательный марксизм отрицает совершенно семейное (трудовое) хозяйство. Между тем во всех восточно-европейских странах, как и в Чехословакии, социалисты нередко являются вождями мелкого крестьянства, требующего, прежде всего, земли в собственность. Противоречие это об'ясняется тем, что теоретический социализм при-

способлен к потребностям промышленных рабочих; когда же социалисты получили силу в земледельческих восточных странах, они должны были приспособиться к господствующим условиям и стать выразителями желаний, и чаяний многочисленного класса беззе-мельных и малоземельных крестьян. Идеология чешской социал-демократии всегда отличалась крестьянско-мелкобуржуазными чертами, что не раз вызывало жалобы со стороны их немецко-австрийских товарищей. По сравнению с этой крестьянской тенденцией, моменты чисто социалистические, в роде национализации, кооператизации, играют подчиненную роль: пока это лишь вынужденныя уступки социалиалистической доктрине.

Третьим основным мотивом аграрной реформы мы считаем национализм. После переворота все чешские партии были единодушны в том отношении, что необходимо принять какие-нибудь меры против не-чешского крупного землевладения. Однако, в законодательстве эта тенденция заслоняется социалистическими и мелко-аграрными стремлениями. Дело в том, что считалось более целесообразным облечь националистическую тенденцию в костюм национально- политический и аграрно-реформаторский. И все же именно национализм является главнейшим мотивом этого законодательства. В заседании Национального Собрания 16 апр. 1919 г. докладчик по законопроекту об отчуждении, депутат Биновеч заявил: «Цель настоящего закона, в первую голову, — отнять крупные земельные владения у всех тех, кто грешил против интересов чешского населения нашей республики»*). Вся организация приспособлена к национальным целям. При существующем положении вещей огосударствление в Чехословацкой республике также равносильно чехизации.

Националистическая аграрная политика есть логическое последствие всего развития чешского народа. Национальная борьба в Чехии выявлялась со стороны чехов в стремлении во-первых освободиться от культурного главенства немцев, во вторых, сломить немецкую хозяйственную гегемонию и порвать социальную связь с чешскими немцами. В начале 19 века обе национальности составляли на чешской территории одно социальное целое. Немцы являлись в городе и деревне верхним слоем, отчасти также средним городским слоем, вся широкая народная масса состояла из чехов. Когда чех подымался на высшую ступень социальной лестницы, он онемечивался. С ростом чешского национального самосознания усилилось стремление образовать собственный средний и высший класс. В 50-х годах, после освобождения крестьян началось значительное переселение в города, бывшие дотоле преимущественно немецкими. В состав среднего класса, а

*) Цитировано в докладной записке немецкого парламентского союза: „Die Bodenreform der tschechoslowakischen Republik und die Minderheiten", стр. 41.

также интеллегенции стали притекать свежие элементы. При содействии кооперации накопление капиталов стало совершаться быстрее, стала развиваться сельскохозяйственная промышленность, особенно доступная чехам. Эти движения отчасти происходили спонтанейно, с другой стороны, однако, они были сознательно использованы для дела национальной эмансипации: достаточно указать на учреждение чисто чешских фирм, специальных чешских банков. Так возникла чешская буржуазия. Образование собственного класса крупных землевладельцев оказалось для чехов в старой Австрии гораздо труднее уже потому одному, что крупное землевладение было большей частью построено на основе фидеикомисса. Революция устранила это препятствие.

Итак, национализм является, до известной степени, самоцелью, подчиняющей себе хозяйственные задачи и использующей различные социально-экономические моменты. Так, в Чехословакии социальное движение нисших классов в городе и деревне естественно приобрело национальный характер, что, конечно, было использовано национализмом. Далее, географическое размежевание между немцами и чехами привело к стремлению поселить на территории с господствующим немецким языком чешских колонистов.

Национальная борьба в Чехии, как и чешская земельная политика, преследует, следовательно, две цели: устранение чуждого чешской национальности слоя крупных землевладельцев и колонизацию немецких областей чехами.

Национализм — главная пружина чехо-словацких земельных законов; другие два мотива — мелко-аграрный и социалистический — вполне ему соподчинены. Национализм не связывает себя какими-либо определенными народно-хозяйственными идеями, он приспособляется ко всякой хозяйственной возможности и «эволюции»: если полный раздел крупных хозяйств оказывается нецелесообразным — чехам отдают целые имения; если дробление лесов невозможно, их огосударствляют, т. е. чехизируют.

АВСТРИЯ

В стране, ныне, после Сен-Жерменского договора, называющейся Австрией, крупное землевладение незначительно. Как в отношении числа хозяйств, так равно и по занимаемой площади оно сильно отстает от крупного землевладения в государствах, возникших из старой австровенгерской монархии.

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные о землевладении с их схематическим подразделением на группы по посевной площади, без учета возделываемых культур, и, по крайней мере, взимаемого поземельного налога, не могут дать ясной и верной картины распределения земельной собственности: если можно землевладельца, обладающего 200 гектарами земли, преимущественно пашни, расположенной на равнине, причислить к крупным собственникам, то было бы большой ошибкой включить в ту же категорию и крупного крестьянина, владеющего в горной местности таким же количеством земли, но преимущественно — альпийских горных лугов, пастбищ и леса.

В общем можно сказать, что распределение сельскохозяйственной площади современной Австрии на крупные, средние и мелкие владения вполне соответствует типам хозяйств, обусловленным преобладающим горным характером страны.

Ввиду этого в Австрии не имеется предпосылок — за о д н и м лишь исключением — для коренных перемен в распределении земельной собственности. Упомянутое исключение относится к альпийским областям Австрии, расположенным по близости от столицы государства и промышленных центров. Речь идет о обнаружившемся с середины прошлого столетия захвате крестьянских земель (Bauernlegen), в результате коего получилось увеличение размеров крупного землевладения и лесных угодий за счет крестьянского землевладения и сельскохозяйственной площади.

Австрия вследствие особенностей внутреннего своего развития, давно уже является страной крупного л е с о в л а д е н и я. Образцовая постановка лесного хозяйства австрийских лесовладельцев свидетельствует о важности сохранения и защиты лесов для горных стран. Широкое распространение крупного лесовладения повело

к тому, что крестьяне во многих местах совершенно лишены леса или обладают им в очень недостаточных размерах. Помочь этому обстоятельству стремится издавна существующее в горных областях право пользования лесом и право выпаса скота на чужих землях. Разумеется, такого рода сервитутные права неоднократно являлись причиной конфликтов, но все же они предоставляли крестьянину в иной форме, то, что ему давало бы собственное или общинное владение.

Стремление к расширению лесовладения и, прежде всего, к образованию новых и увеличению старых засек (охотничьих участков частного пользования), начиная с середины прошлого века и в особенности со времени промышленного расцвета 70-тых годов, привело к скупке многочисленных крестьянских дворов и частичной или полной ликвидации их хозяйства. Пашни и луга были превращены в парки или выгоны, пастбища и альпийские горные луга уступили место диким пустырям, а хозяйственные постройки приходили в ветхость. Ужас этого опустошения, этого «великого умирания крестьянства» можно было наблюдать не только в долинах, но и в предальпийских местностях.

В чем причина этого печального явления, почему рушилась столь крепкая прежде привязанность к унаследованному участку земли?

Этому способствовал целый ряд экономических и социальных моментов. В 70-ых годах австрийское сельское хозяйство переживало тяжелый кризис. Ниские цены на хлеб и особенно ниские цены на скот отразились с наибольшей силой на положении крестьянина-горца, который вел свое хозяйство устарелыми методами, на плохой земле, в тяжелых условиях, с неимоверным трудом перебиваясь на своем участке. Отрезанный от мира, одинокий, связанный с соседними дворами и с жителями долины только горными тропинками, он редко мог найти работника, который согласился бы пойти к нему на службу и был, поэтому, вынужден обходиться силами своей семьи.

При таких условиях крестьянин ожидал лишь благоприятного случая для продажи своего участка. Покупателями являлись либо настоящие любители охоты, либо лица, для которых завести свою засеку означало — подняться на более высокую ступень социальной лестницы. Достаточно было в какой-либо местности положить начало такой скупке крестьянских земель, чтобы в короткий срок движение разрослось с быстротой лавины. Пример одного заражал многих из его соседей. Если первым продавцам и платили, по большей части, хорошую цену, — то в дальнейшем цены все падали. Скупались не только целые имения, но части их необходимые для округления засеки, скупались даже права на участие в общественных угодиях, права на пользование лесом и пастбищами.

Несомненно, что таким путем было скуплено много хозяйств, нежизнеспособных при данных условиях, но столь же мало может подлежать сомнению и то, что еще большее количество совершенно крепких и жизнеспособных хозяйств пало жертвой этого охотничьего спорта, дошедшего до безумия.

К сожалению, не имеется исчерпывающих данных о том, какие опустошения причинила эта скупка крестьянских хозяйств, — но образцовая анкета статистического управления провинции Штейермарк дает нам некоторое представление об этом. В одной только горной области Штирии за десятилетие 1903 — 1912 г перешло во владение не-крестьян 585 крестьянских наделов с площадью 24.000 гектаров земли. Более половины этой площади пошло на образование новых и увеличение старых охотничьих засек. По сведениям частной анкеты, в двух округах этой провинции в течение последних сорока лет исчезло около 300 самостоятельных крестьянских хозяйств. Подобным же образом обстоит дело и в частях расположенных к югу от Дуная, т. е. в предальпийских областях нижней и верхней Австрии, в Зальцбурге и в Каринтии. Тироль и Форарльберг сравнительно меньше задеты этим движением.

Обратимся теперь к судьбе прежних владельцев и их семей. Некоторое представление об этом можно получить из данных земельного комитета нижней Австрии. За десятилетие 1883 — 93 г.г., в течение которого были проданы 2.177 крестьянских имений расположенных к югу от Дуная, свыше половины семейств распродавших свои хозяйства оказались потерянными для сельского хозяйства: они ушли в города или в промышленные центры или совершенно разбрелись без вести. Последствием этого было обезлюдение и запустение целых долин. Рука об руку с этим шел рост крупных городских центров.

В начале 1914 года после преодоления многочисленных трудностей и препятствий был выработан австрийским министерством земледелия законопроект, который пытался, в рамках внутренней колонизации, имевшей ввиду, главным образом, судетския и карпатския страны, положить конец этому злу тем, что участки пригодные для сельского хозяйства, в случае если они не используются в полной мере для земледелия или скотоводства, подлежат отчуждению в интересах колонизации. Наступившая великая война остановила эти попытки.

Продовольственные затруднения, вызванные голодной блокадой, особенно скоро обнаружившиеся в альпийских областях, раскрыли глаза и городскому населению на ошибки правительственной политики. Только теперь задали себе вопрос, почему, при ужасающем недостатке молока в городах, не используются альпийские горные пастбища для целей скотоводства, почему они превращены в парки для разведения дичи? почему нужно снаб-

жать любителя охоты и его персонал хлебными карточками, если на этих землях до того жили многочисленные крестьянские семьи?

К тому же именно война еще больше усилила опасность скупки крестьянских владений. Многие крестьяне уже в первых сражениях пали на поле битвы, и семьи их лишь с крайним трудом и большими жертвами могли поддерживать хозяйство. С другой стороны, выросшие точно грибы, новые богачи, наживавшиеся на войне стремились поскорее вложить свои капиталы в землю.

В последний час, так сказать, императорское правительство решилось, своим постановлением от 9 августа 1915 года, воспретить продажу крестьянских участков, поставив сделки, имеющия своим предметом продажу или долгосрочную аренду земельных участков сельскохозяйственного или лесного пользования, в зависимость от согласия особой комиссии.

Крупное значение этого императорского указа заключается в том, что земля, наконец, лишена была характера товара и в качестве национального достояния должна была быть сохранена за народом трудящимся на земле.

Созданные им гарантии против нежелательного, с хозяйственной точки зрения, перехода земельных участков в другие руки были с тех пор существенно расширены и разработаны в законе об отчуждении земельных участков от 13 декабря 1919 года.

Но воспрещением свободной продажи земель, предусмотренным императорским указом 1915 года, дело не могло ограничиться и, по окончании войны, был сделан дальнейший шаг.

Несправедливость по отношению к крестьянству, вековая культурная работа которого разрушалась земельными спекулянтами, вызвала в альпийском населении глухое возмущение, прорвавшееся наружу после разрушения старого государства. Возмущение это проявилось на первых порах в весьма радикальных проектах аграрной реформы. Как ни мало подходит революционная обстановка для осуществления крупных аграрных реформ, но при этих условиях политические интересы повелительно требовали немедленного проведения земельной реформы повсюду там, где до и во время войны обнаружились наиболее вредные упущения и ошибки прежней аграрной политики. Достаточно долго смотрели на разрушение крестьянских хозяйств, видя в этом неотвратимый рок, естественный конец определенной полосы хозяйственного развития, между тем как на самом деле здесь, в большинстве случаев, перед нами была оргия «спортивно-охотничьего» безумия, ставшая возможной только благодаря свободе земельных сделок.

В интересах увеличения сельскохозяйственного производства, в интересах разумной политики народонаселения и национального само-сохранения, необходимо было возможно большую часть земель, утраченных крестьянством, снова вернуть народу. Задача

состояла в том, чтобы восстановить и вновь заселить ликвидированные крестьянские имения и хозяйства малоземельных крестьян.

Прежде чем перейти к законодательству по этому предмету, необходимо сказать несколько слов о том исполнительном органе, которому поручено проведение реформы; от того, каким духом проникнут этот орган зависит в конечном счете, успех дела. Имперским законом 1883 года о соединении к одним местам чересполосных участков и о разделе и регулировании остатков коллективного землепользования были созданы некоторые органы власти, ближайшая задача которых состояла в проведении указанного выше закона. Путем постепенного расширения компетенции этих органов и возложения на них проведения в жизнь ряда других важных агрикультурных мероприятий, как закона о лугах и горных пастбищах, а также нового положения о лесных и пастбищных сервитутах, имеющих большое значение в альпийских областях Австрии, — была создана компетентная по земельной политике инстанция с подготовленным юридическим и техническим персоналом.

На основании законов от 31 мая 1919 г. и новеллы от 15 июля 1921 г. все крестьянские имения и наделы малоземельных, перешедшие в другие руки после 1 января 1870 года, могут, если того требуют интересы народного хозяйства, снова быть восстановлены и заселены, при условии, если таковые а) стали предметом спекуляции, или б) служат для целей охоты или роскоши, или в) стали составной частью хозяйства, главным образом, занимающегося лесоводством, или г) соединены с земельным владением, размеры которого в настоящее время превышают размер крестьянского имения. «Крестьянским имением» считается сельскохозяйственное или лесное предприятие, средний доход с которого не превышает суммы необходимой для содержания семьи из 7 человек. Заселению вновь не подлежат земли общин с преимущественно городским характером или же такие, которые находятся в собственности или в управлении общеполезных учреждений и предприятий или сельскохозяйственных кооперативных товариществ, далее, все земли, которые служат для нужд промышленности, или заняты под хозяйственные постройки.

Имения подлежащие вновь заселению вносятся в по-селенные списки. Возражения собственников против включения в список разрешаются в инстанционном порядке, после чего список в окончательном виде вывешивается в сельских обществах для подачи заявлений со стороны соискателей. При этом исполнительному земельному органу предоставлено право имения, в которых не ведется целостного хозяйства, распределять на части, соседние участки об'единять в единое имение, а для более обширных комплексов земель составить план колонизации.

Кандидатами на наделение могут быть лица физические и юридические (земельные союзы, сельскохозяйственные товарищества, колонизационные товарищества, сельские общества, округа, провинции или союзы для содействия агрикультуре, благотворительные общества и т. д.). Для физических лиц необязательно быть австрийско-подданными, последним, однако же, дается предпочтение. Кандидаты должны обладать всей полнотою гражданских прав и, по личным и деловым качествам, равно как и в прочих отношениях, должны быть пригодны для успешного ведения хозяйства. Соискатель не должен владеть имением с доходом достаточным для содержания семьи из 7 душ; о деловых своих качествах он должен представить соответствующее удостоверение особой комиссии, равно как дать надежные сведения относительно финансового своего положения. В случае заявки нескольких лиц на одно и то же имение, провинциальный земельный отдел отчуждает имение в пользу того из соискателей, который представит больше доказательств обещающих успешное ведение хозяйства или же максимальное использование имения в интересах народного хозяйства.

При прочих равных условиях преимущество дается участникам войны и в особенности раненым на войне, их вдовам и сиротам, главам многодетных семейств, давнему владельцу имения или его детям, а в случае сдачи земли в аренду — его арендатору, равно как лицам исполнявшим в нем сельскохозяйственные работы.

В случае, если в течение 2 лет по опубликовании списка не явится кандидатов на указанные в нем имения, то земельный отдел предлагает соответствующее имение тому сельскому обществу, в котором находится данное имение, или округу, провинции и союзу провинций для вызова соискателей и затем для сдачи имения в наследственную аренду. Водворение наследственного арендатора указанными юридическими лицами, на основании закона, имеющего быть изданным, должно иметь то преимущество для арендатора, что положение его по отношению к собственнику земли будет обставлено более благоприятными условиями, чем при заключении договора о наследственной аренде частным порядком.

Если провинциальный земельный отдел постановляет удовлетворить просьбу заявителя, то, прежде всего, предпринимаются шаги к достижению полюбовного соглашения с теперешним владельцем. В случае, если таковое не достигнуто, имение принудительно отчуждается, а цена определяется экспертами. Отчуждение, однако, не должно поставить остающуюся в пользовании владельца часть имения в такие условия, при которых не возможно дальнейшее ведение хозяйства; точно также должна быть вполне

жизнеспособна и отчуждаемая часть имения, как самостоятельное целое. Исключение делается для случаев отчуждения альпийских горных пастбищ, лугов или леса в пользу земельного коллектива, сельского общества, или наконец, когда отчуждение может нанести прямой вред прекрасно постановленному в хозяйственном отношении имению.

При отчуждении земель должна быть принята во внимание хозяйственная связь отдельных участков. В этих целях вместо намеченных к отчуждению участков могут быть взяты другие участки, принадлежащие тому же владельцу и расположенные в другом месте. Право отчуждения распространяется также на жилые дома и хозяйственные постройки, на доли в общественном землепользовании, на сервитутные права всякого рода, существующие или существовавшие в пользу некогда ликвидированного крестьянского двора и при присоединении его упраздненные. Для обеспечения вновь заселяемых имений лесом и пастбищем допускается отчуждение соответствующих угодий с передачей их в общественное пользование.

Закон о заселении предусматривает не только отчуждение целых имений по по-селенному списку, но также возврат участков, отторгнутых некогда от еще существующих ныне в самостоятельном виде крестьянских имений и дворов малоземельных. Этим дана возможность отчуждения в пользу крестьянских дворов сохранивших самостоятельное существование, принадлежавших им некогда земельных участков, их долей в общественных угóдьях, а также — прав на пользование выгоном, лесом и т. д., отнятых у них после 1 января 1870 года. Такого везврата может потребовать нынешний владелец урезанного крестьянского имения в том случае, если указанные части его прежнего владения присоединены к охотничьему парку или к имению, площадь которого превышает обычные размеры крестьянского хозяйства. В этих случаях, как и в ранее упоминавшихся, могут взамен отчужденных участков быть отведены другие участки. Субсидиарно, истцами могут, вместо давнего владельца, выступать также юридические лица, в особенности, когда речь идет о лугах и горных пастбищах — земельные общества.

Выкупная цена устанавливается с таким рассчетом, чтобы не обогащая приобретателя за счет лица, подлежащего экспроприации, сделать возможным для него успешное ведение хозяйства. Исчисление выкупной цены производится путем капитализации из 5 процентов чистого дохода за время с 1914 по 1921 год. Исчисленная сумма, для приведения ее в соответствие с прогрессирующим обесценением денег, увеличивается от 4 до 12 раз, в зависимости от состояния имения, качества почвы, состояния построек, равно как и финансового положения обоих сторон. В

среднем, установленная таким образом выкупная цена составляет одну пятую часть рыночной цены имений — правда, очень высокой.

Вновь восстанавливаемые крестьянские имения подчинены контролю органов государственной власти. Они не могут быть отчуждаемы в продолжении 50 лет без согласия земельного отдела никому, кроме законных супругов, ближайших родственников и свойственников, не могут сдаваться в аренду, быть заложены, равно как не подлежат описи по исполнительным листам или принудительной продаже с торгов. Ограничение права перехода в другие руки относится также к вновь возвращенным частям восстановленного имения.

Новый владелец обязуется надлежащим образом поставить и вести хозяйство. При несоблюдении им данного обязательства, вопреки повторным напоминаниями, он может быть лишен своего надела в пользу другого заявителя.

Так как вновь заселены земледельческим населением могут быть лишь имения пригодные для колонизации, то в наиболее выгодном положении окажутся как раз те из владельцев, которые в свое время опустошили их наиболее основательным образом. Во избежание этого такие владельцы обязуются взамен предоставить другие участки или же, в случае невозможности, — уплатить денежную сумму во много раз превышающую числящийся по кадастру доход с данного имения.

В отношении организации кредита изданы подробные постановления, предусматривающие образование в каждой провинции колонизационных фондов для предоставления ссуд в размере до 95% выкупной суммы дополнительно к тем ссудам, которые отпускаются учреждениями поземельного кредита. Но так как закладные листы не могут пока быть размещены на рынке и дать государству необходимые средства для питания колонизационных фондов, то все эти прекрасные постановления остаются на бумаге.

Проведение закона в жизнь неизбежно связано с поселением тревоги среди владельцев указанных категорий земель. Чтобы, по возможности, ограничить во времени это состояние тревоги, закон устанавливает трехлетний срок для подачи заявления об отчуждении целых имений, считая этот срок со дня обнародования списков. Заявления об отчуждении отдельных частей, ранее входивших в состав крестьянского хозяйства, подлежат удовлетворению, если поданы в течение 3 лет, считая с 1-го августа 1921 года. Для заявлений о восстановлении упраздненных сервитутных прав был установлен шестимесячный срок, считая с того же времени (1 августа 1921), — срок, вне всякого сомнения слишком короткий для деревенских условий Австрии.

На вопрос о результатах нового закона, достигнутых до сих пор, дает ответ приведенная в конце статистическая сводка. Как видим, работы до настоящего времени не очень далеко подвинулись вперед. Виною тому, в первую голову, то обстоятельство, что сельские общества в очень большом числе случаев несвоевременно, а после данной им отсрочки недостаточно полно представили списки, так что, в конце концов, окружные земельные отделы сами должны были производить всю эту работу. Тормозила деятельность также и недостаточность имевшегося в распоряжении земельных отделов, персонала, равно как и ограниченность денежных средств и известная расшатанность организационного аппарата.

Из нашего изложения явствует, что осуществляемое в Австрии т. наз. «заселение вновь» (Wiederbesiedlung) представляет собою разновидность земельной реформы, приспособленной к особенным условиям альпийских горных областей. Эта реформа имеет целью, с одной стороны увеличение числа самостоятельно хозяйствующих крестьянских дворов посредством заселения некогда захваченных, но еще жизнеспособных, имений, с другой стороны—укрепление существующих самостоятельных дворов путем возврата отторгнутых у них, главным образом, в периоды нужды, отдельных частей, необходимых для успешного ведения хозяйства.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛОНИЗАЦИИ К 31. 3. 1923.

А) Возврат целых имений.

Провинции	По спискам земельного управления		По спискам сельских обществ		Дела начатые в пользу соискателей Число случаев	Число утвержденных полюбовных соглашений	Число приговоров об отчуждении	Вычеркнуто из списков после начатья дела. Число случаев
	Число сельских обществ	Число имений	Число сельских обществ	Число имений				
Нижняя Австрия .	311	1356	104	305	174	8	28	25
Верхняя Австрия .	126	796	18	35	19	1	—	74
Зальцбург	68	246	54	115	82	3	2	20
Штейермарк	164	2438	110	475	449	26	35	53
Каринтия	105	521	49	194	118	8	4	127
Тироль	10	14	3	4	3	—	3	—
Форарльберг. . . .	32	72	8	23	6	—	—	6
Итого . . .	816	5443	346	1151	851	46	72	305

Б) Возврат частей имения.

Провинции	Делу дан законный ход. Число случаев	Число отклоненных без дальнейшего рассмотрения ходатайств. как незаконных	Число утвержденных полюбовных соглашений	Число случаев подведомственных окружным земельным отделам	На основании данных расследования отклонено	Число приговоров об отчуждении
Нижн. Австрия	1259	928	197	1214	131	62
Верхн. Австрия	607	327	104	1011	59	49
Зальцбург . . .	284	454	36	122	46	—
Штейермарк .	572	299	105	446	48	37
Каринтия . . .	741	453	110	235	125	14
Тироль	27	9	4	1	2	6
Форарльберг .	14	158	—	62	7	—
Итого . .	3504	2628	556	3092	418	168

ВЕНГРИЯ

Распределение земельной собственности в Венгрии было до войны не особенно благоприятно. По переписи 1895 г. картина распределения представлялась в следующем виде:

	Число хозяйств всего	% %	Площадь хозяйств в 1000 гкт.	% %
Карликовые хозяйства (меньше 5 катастр. иохов*)	1.279.718	53.57	1.240	5.84
Мелкие хозяйства (от 5 до 100 иох.)	1.085.129	45.44	9.862	46.50
Средние хозяйства (100—1000 иох.)	19.867	0.83	3.259	15.37
Крупные хозяйства (свыше 1000 иохов)	3.768	0.16	6.849	32.29
Всего	2.388.482	100.00	21.210	100.00

Нужно заметить, что эта статистика не полная, так как перепись учитывает не число земельных собственников, а — хозяйств; кроме того, в ней совершенно упущены чисто лесные и пастбищные хозяйства. Как бы то ни было, согласно приведенным данным, на площади размером в 1,2 миллиона гект. теснились 1,3 миллиона карликовых хозяйств; если считать владельцев карликовых и мелких хозяйств вместе, то оказывается, что 2,4 миллиона хозяев владели немногим больше половины площади. Число крепких средних хозяйств было крайне ничтожно. Зато третья часть территории страны занята было 4000 крупными имениями, а 324 латифундии, из которых каждая занимала свыше 10.000 иохов, охватывали почти пятую часть территории страны. Более подробное изучение цифр показывает, что около 600.000 владельцев карликовых хозяйств владеют участками меньше одного иоха — в среднем 0,4. Несомненно, что большинство такого рода «землевладельцев» занимаются сельским хозяйством в качестве лишь подсобного промысла (это относится вообще к 36% сельских хозяев, владеющих участками менее 50 иохов); с другой стороны на долю крупного

*) 1 катастр. иох = 0,5755 гектара.

землевладения приходится сравнительно небольшая часть пахотных земель; крупным землевладельцам принадлежит в стране:

19,54% пахотных земель
49,40% пастбищ
74,74% лесов

Картина распределения земельной собственности была бы неполной, если бы мы упустили то обстоятельство, что свыше ⅓ земли изъято было из оборота и что на долю 92 фидеикомиссных (родовых) имений приходилось 700.000 иохов пахотной земли, между тем как свыше миллиона сельскохозяйственных рабочих и прислуги были абсолютно безземельными. По народной переписи 1910 г. в Венгрии число сельскохозяйственных рабочих и батраков достигало 1.730.679.

Вполне естественно, что при таких условиях неизбежно должны были возникнуть стремления, направленные к улучшению положения. Как первый методический шаг в этом направлении можно рассматривать закон 1894 г., намечавший основные линии внутренней колонизации и предоставлявший необходимые для ее проведения материальные средства. На основании этого закона возникли 21 колония (три новых сельских общества и 18 поселений при уже существующих коммунах) с 1.862 крестьянскими и 165 батрацкими хозяйствами: размер крестьянского участка равнялся 15—54 иохам, причем стоимость его (от 100 до 400 крон за 1 иох) выплачивалась в течение 50 лет с погашением 6—19 крон в год за 1 иох. Размер батрацкого участка составлял 1,5—5 иохов, размер ежегодного погашения выражался в сумме от 6—9 крон. До войны эти колонисты пользовались кое-какой поддержкой (рабочий скот, семена и пр.); относительно судьбы их в настоящее время данных не имеется, так как все они обитают на территории, отошедшей от Венгрии.

Само собой разумеется, что закон 1894 г. не имел большого значения, как аграрно-политическая мера. Материальные средства были слишком недостаточны, и сменявшие друг друга правительства не работали с одинаковой энергией и последовательностью в области колонизационной политики; нужно заметить, что эта последняя, подобно прусской колонизационной политике, имела в виду также и национальную защиту, покровительство венгерским языковым островкам, вкрапленным в территорию румынского языка; вследствие этого она столкнулась с общественными, а в особенности с церковными организациями и денежными институтами различных национальностей.

Законопроект 1899 г. тогдашнего министра земледелия Дараньи, — по которому колонизационный фонд предполагалось в течение 12 лет увеличить ежегодно на 10 миллионов крон (в то время это была сравнительно весьма большая сумма) — пытался не только усилить материальные средства, но также проводить

систематическую, продуманную колонизационную политику; предполагалось учредить государственный контроль за всеми случаями расселения и дробления имений, создать сеть рентных имений, поддерживать обратное переселение, обезпечить за министром земледелия право предпочтительной покупки продаваемых имений, перевести крупное землевладение с равнины в лесные области и т. д.

Законопроект, однако, не претворился в закон, так как правительство, в составе которого был министр Дараньи, уступило место другому. В 1911 г. вышел закон, пытавшийся привлечь частный капитал к делу аграрно-политических мероприятий правительства. На основании этого закона было учреждено товарищество венгерских земельных кредитных учреждений с основным капиталом в 15 миллионов крон, из которых государство доставило 8 миллионов; как высший размер девиденда товарищество установило 4%. Это еще и ныне действующее, учреждение — ставшее, кстати сказать, важным звеном и в новейшей аграрной реформе — занимается колонизацией, парцелированием имений, устройством арендных товариществ и т. д. В первые же годы после своего возникновения оно было весьма успешно в своей деятельности: до конца 1914 г. при его содействии было парцелировано 20 тысяч иохов, преимущественно на участки размером меньше 10 иохов; далее, к нему перешло на арендных началах около 50 тысяч иохов, которые были предоставлены мелким арендаторам.

Война (и ее последствия) не только разорвала тысячелетнее историческое, государственное, географическое и хозяйственное единство Венгрии, но вызвала также глубокий экономический и общественный переворот, наложивший свою печать и на аграрную политику. Надо заметить, что революция, олицетворяемая Карольи, как и кратковременное господство коммунизма не оставили заметных следов в области распределения земельной собственности, и поэтому достаточно лишь указать на некоторые факты, предшествовавшие наиболее крупной аграрно-политической реформе после-военной Венгрии, т. е. статуту XXXVI 1920 г.

* * *

Так называемый Трианонский мирный договор лишил историческую Венгрию 72% ее территории, 64% ее населения и 90% ее лесов; кроме того, он отнял у Венгрии наиболее богатые каменоугольные копи, все нефтеносные недра, $^4/_5$ ее железной руды, 60% ее промышленных предприятий, 62% ее железнодорожных линий. Трианонский договор отрезал страну, имевшую ранее значительную береговую линию и крупный порт, совершенно от моря. Все это делает вполне ясным, почему в теперешней, усеченной Венгрии земельной собственности принадлежит, в сравнении с предыдущим временем, гораздо большее значение, как с точки зрения

национального богатства, так и в отношении национального дохода. Распределение земельной собственности в теперешней Венгрии представляется, однако, еще более неблагоприятным, чем в старой Венгрии: на долю карликовых и мелких хозяйств (ниже 100 иохов) приходится теперь 47% всей земельной площади, между тем как на долю крупного землевладения приходится 36%; социальная группировка земледельческого населения также изменилась в неблагоприятном направлении. По переписи 1910 г. на территории нынешней усеченной Венгрии имелись:

		Всего	в %%
Владельцы и арендаторы хозяйств с площадью	более 100 кат. иох.	9 103	0,6
	10—100 „ „	176 980	10,7
	менее 10 „ „	331 882	20,1
Прочие самостоятельные		11 589	0,7
Помогающие члены семьи		361 385	21,9
Хозяйств. служащие		4 990	0,3
Сельско-хоз. прислуга		242 148	14,7
Земледельческие рабочие		510 544	31,0
Общая численность земледельческ. населения		1 648 561	100,00

Из приведенных цифр явствует, что процентное отношение самостоятельных хозяев, выражавшееся для исторической Венгрии в 35,4%, в нынешней Венгрии понизилось до 32,1%; в то же время число сельскохозяйственных рабчих и батраков возросло с 37,6% до 45,7%.

Роль земледельческого класса, усилившаяся вследствие присоединения промышленной и горно-заводской территории к владениям других государств, еще более упрочилась — благодаря росту земельной ренты, в сильной степени поднявшему благосостояние сельских хозяев; в этом отношении положение городского населения представляет прямую противоположность, т. к. оно со своим фиксированным доходом не в состоянии было приспособиться ко все растущей дороговизне.

В созванном в начале 1920 г. национальном собрании группа представителей мелких сельских хозяев, благодаря указанным моментам, получила огромное влияние. Собрание находилось, с одной стороны, под давлением нездорового распределения земельной собственности, с другой — под давлением демократизма, охватившего, в результате войны и революции, широкие круги населения. Консервативные круги склонялись теперь к той мысли, что ужасы революции, может быть, были бы избегнуты или, во всяком случае, сокращены, если бы своевременно приступлено было к земельной реформе. При таком, более или менее общем, настроении осуществление возможно более быстрой радикальной аграрной реформы стало всеобщим желанием. Эти факторы, главным образом, благоприятствовали изданию основного закона новой венгерской аграрной политики — «закона о мероприятиях, имеющих целью

правильное распределение земельной собственности». Обратимся теперь к разбору важнейших элементов этого закона.

Закон высказывает принцип, что никто не имеет права притязать на землю в силу только своего индивидуального правомочия. На законных основаниях и при наличии достаточной площади земля может быть предоставлена различным категориям населения в нижеследующей последовательности:

1) Военным инвалидам, ближайшим родственникам погибших на войне — в том случае, если они являются сельскими хозяевами (военным инвалидам и в том случае, когда они не профессиональные сельские хозяева, а лишь имеют склонность к занятию сельским хозяйством) — далее безземельным сельскохозяйственным рабочим участки в размере не более трех иохов;

2) Карликовым и мелким крестьянам для округления их собственности до максимум 15 иохов;

3) Безземельным государственным служащим, а также занимающимся промыслами и промышленным рабочим — в размере одного иоха;

4) Пенсионированным государственным служащим и солдатам — участки стоимостью равной капитализированной пенсии;

5) Для общественных пастбищ, а также для учреждения образцовых хозяйств;

Лицам, отнесенным к категориям 1—4 могут быть предоставлены также земельные участки для постройки домов размером не выше 600 кв. клафтеров (1 кв. клафтер = 36 кв. метров).

В отдельных случаях, в первую очередь — заслуженным мелким хозяевам, дипломированным агрономам и служащим хозяйственных ведомств — могут быть предоставлены участки более значительного, чем это установлено выше, размера, причем, однако, государство предоставляет эти участки из фонда купленных, но не отчужденных земель.

Государство приобретает необходимые для населения земли на основании признанного за ним права предпочтительной покупки или путем выкупа. Право предпочтительной покупки отпадает в тех случаях: 1) когда сделка совершается между близкими родственниками, 2) когда размер продаваемого участка вместе с уже находящейся во владении у покупателя площадью не превышает 50 иохов и 3) когда покупателем является сельский хозяин, служащий хозяйственного ведомства, агроном, военный инвалид, государственный чиновник, военно-служащий, жена, вдова или сирота лица одной из указанных категорий.

Право предпочтительной покупки осуществляется от имени государства, с согласия суда по делам распределения земельной собственности, — министром земледелия. С этой целью ипотечное управление осведомляет его относительно всех заявлений, касающихся внесения в земельный кадастр. В промежуток 30 дней с

момента получения такого извещения министр земледелия обязан принят решение, предполагает ли он использовать свое право предпочтительной покупки. Этот срок может быт в отношении крупного землевладения продлен судом еще на 30 дней. Министр земледелия в праве отказаться от осуществления своего права лишь по соглашению с судом. Во избежание убытков для государства из за фиктивных сделок министр земледелия или его уполномоченный могут продавцу предложить и более низкую цену в том случае, если в первоначальном договоре цена установлена выше той, какая соответствует действительной стоимости. Продавец в праве либо принять предложение правительства, либо вообще отказаться от продажи или, наконец, потребовать установления цены судебным порядком.

Когда необходимая в интересах земельной политики земля не может быть приобретена ни путем простой купли, ни с торгов, ни в силу предпочтительного права покупки, — то в этом случае государство может использовать свое право принудительного выкупа. Выкуп, в первую очередь, распространяется на те участки, которые представляют собой «военное приобретение», т. е. были приобретены в период времени между 28 июля 1914 г. и моментом вступления в силу данного закона; далее, принудительно выкуплены могут быть участки находящиеся во владении предприятия, обязанного публичной отчетностью или являющиеся собственностью лица, осужденного за преступление против безопасности государства, а также за побег из рядов действующей армии. В том случае, когда имение принадлежит сельскому хозяину, агроному, военному инвалиду, государственному чиновнику и т. д., — то — даже, если оно приобретено за время войны, но до 31-го окт. 1918 г. (день взрыва революции Корольи) — выкупу подлежат лишь участки, превышающие 100 иохов. Не подлежат также выкупу приобретенные за время войны участки, которые куплены взамен ранее находившегося во владении покупателя имения, т. е. с целью дальнейшего ведения хозяйства, а не из спекулятивных соображений.

Другие, сверх указанных выше, имения могут быть принудительно выкупаемы только тогда, когда годные для целей земельной политики участки не удается приобрести путем свободной купли или на основании права предпочтительной покупки. В этом случае принудительному выкупу может подлежать та часть всякого крупного имения, отрезка которой, по мнению земельного суда, не препятствует целесообразному хозяйствованью в оставшейся части имения. Крупные имения, которые в течение последних 50 лет до возникновения мировой войны хотя бы один раз меняли владельца (при условиях, дающих, согласно закону, государству возможность осуществлять право предпочтительной покупки) — могут быть выкупаемы в полном об'еме. Своим правом принудитель-

ного выкупа крупного землевладения на основании решения суда — государство прежде всего пользуется в тех сельских коммунах, где крупное землевладение занимает больше ⅓ сельскохозяйственной площади.

Среднее и мелкое землевладение — если оно не представляет собой военного приобретения — подлежит выкупу лишь в том случае, если оно в течение последних 50 лет меняло своего владельца и если необходимые для внутренней колонизации участки не удается приобрести, даже в более отдаленных районах, путем выкупа крупного землевладения. Однако, среднее и мелкое землевладение сельских хозяев, чиновников и т. д. не подлежат выкупу даже в этом последнем случае. Установление того, принадлежит ли данное владение к разряду мелкого, среднего или крупного — входит в компетенцию суда по делам распределения земельной собственности.

При наличии достаточных к тому оснований, по заявлению потерпевшего, выкупу не подлежат те части имения, которые служат для разведения особого рода культур (сады, огороды, виноградники, питомники и т. п.) или необходимы для научных, благотворительных, бальнеологических целей или, наконец, необходимы для молочных ферм, поставляющих не менее шести лет молоко для общественных надобностей.

При прочих равных условиях выкупу, в первую очередь, подлежат земельные участки:

1) владельцы которых находятся под опекой и лишены здорового потомства,

2) которые за время войны или за последние 50 лет до войны переменили владельцев,

3) владельцы которых большую часть года проживают заграницей, при чем их отсутствие не мотивировано ни поручением со стороны какой-либо власти, ни научными целями, ни болезнью,

4) которые, по постановке в них хозяйства, не отвечают требованиям целесообразности,

5) владельцы которых располагают соответствующими имениями и в другом месте,

6) владельцы которых, без достаточных к тому оснований, не ведут сами хозяйства,

7) владельцы которых, будучи совершеннолетними, не имеют потомства от законного брака и не могут такового больше ожидать.

При определении размера отчуждаемой площади суд принимает во внимание в каждом отдельном случае имевшие ранее место (за последние 10 лет) факты отчуждения, в силу закона, у данного владельца.

Во избежание неопределенности, связанной с вопросом отчуждения и могущего отсюда возникнут ущерба закон разрешает лицам, имения которых могут подлежать отчуждению требовать от

суда точного определения, намерено ли правительство использовать свое право выкупа или до какого срока оно не намерено его использовать. Суд обязан в течение 60 и не более 120 дней сообщить запрашивающему свое решение. Право отчуждения, впрочем, остается за государством только в течение 5 лет со дня издания закона.

При проведении на деле процедуры отчуждения на месте присутствует делегированный ad hoc член земельного суда; кроме того, на ряду с заинтересованными лицами и их экспертами присутствует также, в качестве сведущего лица, уполномоченный министра земледелия. Во всех спорных пунктах стараются, по возможности, прийти к полюбовному соглашению. Соглашение затем утверждается земельным судом. Если соглашение не состоится, то дело решает суд по земельным делам за исключением вопроса о выкупной сумме, определение размера которой он может, впрочем, отсрочить.

Имея в виду трудность получения необходимого для приобретения земли капитала (вследствие обезценения денег), закон открывает возможность расширения землепользования на началах а р е н д ы. С этой целью закон предусматривает контроль за земельными арендами: арендные договоры — как старые так и новые — регистрируются в сельскохозяйственной подкомиссии комитатского управления; они нуждаются в утверждении; при отсутствии особо важных оснований — в утверждении не может быть отказано, если арендатором является научно-образованный или профессиональный агроном. Решения упомянутой подкомиссии могут быть обжалованы перед судом по земельным делам. Не зарегистрированные аренды переходят к правительству, которое поступает с ними согласно своим аграрно-политическим видам. Арендаторов, ведущих хозяйство на земле, перешедшей к государству в силу права предпочтительной покупки или принудительного выкупа, — суд может обязать предоставить часть арендуемой земли в распоряжение мелких арендаторов. Если земля, отчужденная государством, уже и до того была в арендном пользовании, то те мелкие арендаторы, которые пользуются своими участками не менее 5 лет, могут потребовать, чтобы последние им были предоставлены в собственность либо на началах купли, либо как рентное имение.

Законодательство пытается облегчить приобретение земли в собственность путем института рентных имений, неизвестного до сих пор венгерскому земельному праву. Владелец рентного имения может выкупить ренту — с предупреждением о том за пол года. Государство, однако, как получатель ренты, может обусловить, что владелец рентного имения осуществляет свое право выкупа только с согласия суда по земельным делам. Прочие получатели ренты могут обусловить отказ от права выкупа со стороны владельца на определенный срок, но не более 32 лет. Выкупная сумма — при

отсутствии других соглашений — составляет двадцатикратную годовую ренту. Получатель ренты не в праве требовать выкупа ренты.

Все вышеизложенное показывает, что краевой суд по распределению земельной собственности в сущности и вносит в мертвый механизм закона оживляющее начало. Работа этого независимого судебного учреждения оказывается особенно важной потому, что закон в некоторых отношениях является лишь рамкой, в пределах которой приходится в дальнейшем разрешать целый ряд проблем, выдвигаемых жизнью при осуществлении земельной реформы и заранее непредусмотренных (так напр. закон не определяет, какие имения следует считать мелкими, средними или крупными). Разрешение всех этих вопросов, в частности определение места и размера подлежащих выкупу земель, определение лиц, подлежащих наделению а также размера наделов — все это предоставлено решать краевому суду. Краевой суд по распределению земельной собственности состоит из: председателя, одного тов. председателя, трех президентов сената и 36 членов, назначаемых главой государства. Эти 36 членов распределяются между различными ведомствами и учреждениями следующим образом: королевская курия и королевский административный суд назначают по 8 человек, краевая сельскохозяйственная палата — 10 человек; далее краевой кооператив венгерских обществ земельного кредита, краевое центральное кредитное т-во, центральный банк — назначают каждый по одному; наконец, остальные 7 назначаются по указанию различных министров. В настоящее время действуют 4 присутствия краевого суда по распределению земельной собственности, причем «присутствие» принимает свои решения при непременном участии 3 судей, 2 сельских хозяев и 1 представителя банков или министерств. В пленарных заседаниях краевого суда принимаются лишь решения принципиального значения, обязательные, конечно, для отдельных «присутствий». По усмотрению председателя или его товарища также и решения отдельного присутствия могут вноситься на рассмотрение пленума.

Закон не исключает и частной инициативы в деле парцелирования (дробления) земельных владений, но она подчинена контролю и ряду ограничений. Контроль выражается в том, что план разбивки на участки должен быть пред'явлен хозяйственному инспекторату, что заключенный договор должен быть утвержден коммунальным управлением и, наконец, в том, что краевой суд по распределению земельной собственности следит за всем ходом парцелирования, и, в частности,—за условиями платежа. Для ограждения от злоупотреблений установлены следующие ограничения: право отказа от сделки, недопущение круговой поруки (солидарной ответственности), запрещение требовать в уплату векселя, наконец, требование, чтобы приобретаемые участки находились в ближайшей округе, а лежащие на них обязательства были урегулированы.

Рассматриваемый закон отвечает на давно назревшее в венгерском земельном праве требование в том отношении, что он устанавливает институт семейной собственности и право индивидуального наследования. Краевой суд по распределению земельной собственности может об'явить семейной собственностью те земельные владения, которые достались отдельным лицам при содействии государства. Далее, с согласия краевого суда, собственник может об'явить семейным владением всякий земельный участок, приобретаемый на основании данного закона. Семейное владение по площади не может превышать 3-кратного размера участка, достаточного для нормального содержания большой семьи. Семейное владение может быть отчуждаемо, закладываемо, сдаваемо в аренду лишь с согласия краевого суда по земельным делам, продажа же его с торгов вообще не допускается.

Институт права индивидуального наследования устанавливает следующее: собственник семейного владения (вновь учреждаемого или каким-нибудь путем к нему перешедшего) может, с согласия Краевого суда по распределению земельной собственности, выговорить, что семейное владение переходит в случае его смерти, как неделимое целое, к одному из наследников его. В таком случае наследник удовлетворяет остальных со-наследников либо уплатой за причитающуюся им часть наследства денежной суммы соответственно ценности имения, исчисленной на основании доходности либо гарантирует им, на основе полюбовного соглашения, определенные рентные платежи. Цена имения, исчисленная на основании доходности, не должна превышать $^2/_3$ рыночной цены.

Краевой суд по распределению земельной собственности начал свою деятельность в конце июня 1920 г. Начиная с этого времени и до начала сентября 1923 г. государство приобрело 282.000 иохов земли для осуществления аграрно-политических планов. Около 60% площади перешло к государству в силу его права принудительного выкупа, остальные 40% — это, во первых, земля перешедшая к государству на основании права предпочтительной покупки, во вторых, владения парцелированные под контролем государства. В результате 3-х летней колонизационной деятельности возникли хозяйства:

мелкие размером от 1—3 иохов	65.677
„ „ от 3—15 „	10.282
„ „ от 15—100 „	43
средние размером свыше 100 „	19
Образцовые	14
Обширные пастбища	194
дарственные героям войны (в вознаграждение военных заслуг)	368
Всего	76.597

Кроме того, отведены под 60.137 усадеб участки площадью от 200 до 500 кв. саж. каждый, а в пределах 345 сельских обществ устроены мелко-арендные дворы — общей площадью в 72.000 иоха.

Организация по учреждению рентных имений начата, но до настоящего времени договоры еще не заключены.

Получившие землю в надел не получили государственного кредита; краевой суд по распределению земельной собственности, однако, на практике удлиняет предусмотренный законом максимальный срок ликвидации выкупного долга в 10 лет, чтобы таким образом оградить от убытков, проистекающих от колебаний ценности денег, как продавца, так и покупателя. В течение указанного срока новые владельцы уплачивают ренту, размер которой устанавливается полюбовным соглашением или упомянутым выше смешанным судом.

Наряду с отводом земли продолжается еще начатая до войны (в 1908 г.) работа по землеустройству. Дело в том, что из числа 12.556 сельских обществ Венгрии до-военного периода межевание было проведено лишь в одной трети их.

В социальном отношении действие после-военного аграрного законодательства следует без сомнения признать благоприятным, так как оно, до известной степени, рассеяло давно накопленное в массах недовольство. Относительно народно-хозяйственных последствий законодательства говорить еще преждевременно. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что в довоенной Венгрии хозяйственная культура крупного землевладения была выше нежели — мелкого; нельзя также отрицать того обстоятельства, что в многих местах вновь устроенные мелкие крестьянские дворы ведут свое хозяйство менее целесообразно и доходность их ниже, чем в тех крупных имениях, на месте коих они возникли. Но трудно еще решить, не есть ли это явления переходного времени, зависящие от того, что новые хозяева не в состоянии надлежащим образом оборудовать свое хозяйство—из-за большой дороговизны живого и мертвого инвентаря. Повидимому, урожайность в послевоенной Венгрии вобще понизилась сравнительно с до-военным временем. На территории нынешней Венгрии средняя урожайность на 1 иох в двойных центнерах была:

	В среднем за годы 1911-15	в 1920 г.	в 1921 г.	в 1922 г.
для пшеницы	7,6	5,5	7,1	6,0
„ ржи	6,8	5,0	6,2	5,5
„ маиса	10,1	9,0	5,3	7,2
„ картофеля	46,1	46,9	26,7	29,8
„ сахар. свеклы	146,5	117,5	75,0	97,7

Эти цифры, однако, еще не дают везможности решить, чем именно вызывается падение урожайности; трудно учесть, с одной

стороны, какую роль при этом сыграло скверное вообще хозяйственное и финансовое положение, мешающее интенсификации хозяйства, с другой — какое значение имела земельная реформа. Мы видели, что реформа осуществлена пока не в большом масштабе, поэтому она не могла уже оказать глубокого народно-хозяйственного влияния. Вопрос поэтому сводится собственно к тому, в какой мере на падение урожайности оказала влияние та неопределенность переходного времени, которая удерживает крупных землевладельцев, — учитывающих возможность принудительного отчуждения, — от сколько-нибудь значительных издержек, хотя-бы и повышающих урожайность.

* * *

Среди более радикально настроенных кругов общества закон 1920 г. (статут XXXVI) при самом начале его практического проведения в жизнь вызвал ряд критических соображений. Указывалось на то, что он недостаточно гарантирует быстрого осуществления земельной реформы и что он растягивает переходный период на через-чур большое время, между тем как такое длящееся состояние неопределенности отнюдь не желательно ни с социальной, ни с производственной точки зрения: оно обостряет чувство недовольства и задерживает целесообразное помещение капитала. Критики, далее подчеркивают, что круг лиц имеющих по закону право на наделение землей, а равно и категории земель, подлежащих в той или другой форме отчуждению — очерчены слишком узко. В новом законопроекте земельной реформы эти взгляды нашли свое отражение. Главные основания законопроекта сводятся к следующему:

1) Вся процедура отвода земельных участков должна быть ускорена: составление списков наделяемых, ход переговоров на месте и т. д. упрощаются, все сроки сокращаются, количество членов краевого суда по земельным делам увеличивается.

2) Категория отчуждаемых земель должна быть расширена, миксимум земельной площади отчуждению не подлежащей, должен быть уменьшен, право государства в отношении отчуждения должно быль распространено и на усадебную землю. Сверх того, в случае необходимости, в надельный фонд поступают и земли средних и мелких хозяйств, не приобретенных во время войны, если их владельцы не являются профессиональными сельскими хозяевами.

3) Категории лиц, подлежащих наделению, должны быть расширены, исходя из соответственной интерпретации основного закона. (Законопроект причисляет к разряду лиц, имеющих право на наделение, сельскохозяйственную прислугу).

4) Содействие мелкой аренде должно, между прочим, оказываться тем, что краевой суд может обязать арендаторов, в поль-

зовании коих находится свыше 100 иохов, предоставить до 15% площади арендуемой земли в пользование мелким арендаторам.

5) Влияние министра земледелия на земельную политику должно быть усилено, во-первых, в отношении предпочтительного права государства на покупку, во вторых — в порядке более сильного представительства в краевом суде по распределению земельной собственности и обеспечения контроля за органами, призванными проводить в жизнь решения краевого суда. Далее, министру земледелия должно быть предоставлено право апеляции к пленуму названного суда на решения отдельных его присутствий.

6) Действительный контроль за отведенными государством землями — как в смысле целесообразного хозяйствования на них, так и с точки зрения недопущения корыстной спекуляции — должен быть обеспечен путем предоставления государству права конфискации наделов.

7) Сельскохозяйственное профессиональное образование на низших ступенях должно получить надлежащее развитие путем учреждения агрономических повторительных школ-курсов.

8) Должно оказываться содействие кооперативному строительству, причем получившие в надел землю могут быть принудительно обязаны об'единяться в кооперативные товарищества.

9) Институт рентного имения должен быть осуществлен в принудительной форме.

10) Необходимо оказать содействие расселению, тем более, что венгерский народ лишь с трудом соглашается покидать насиженные места. Лицам, владеющим земельными участками, подходящими для осуществления местных аграрно-политических целей, но не могущими быть принудительно выкупленными — предоставляются в обмен на них расположенные в другом месте выгодные участки; с другой стороны, те лица, которые не согласны поселиться в другом месте, как только лишь в ближайшей своей округе, вообще теряют свое право притязать на предоставление им земельного надела.

Общественное мнение Венгрии далеко не единодушно в оценке этого проекта, обсуждение которого предполагалось осенью 1923 г.; следует полагать, что отделные партии национального собрания внесут свои предложения, существенно изменяющие этот проект.

БАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

ФИНЛЯНДИЯ

I. АГРАРНЫЙ СТРОЙ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Финляндия со своим населением, состоящим из 89% финов и 11% шведов, по всей своей культуре, и по своему правовому строю принадлежит к средней и западной Европе. Но аграрная проблема в Финляндии, вылившаяся, еще до окончания мировой войны, в социальную революцию, в противоположность другим странам средней и западной Европы, не вытекала из феодального строя. Правда, и в Финляндии, которая до 1809 находилась под властью шведов, дворянское землевладение, как и в самой Швеции, получило, особенно за время 30-ти летней войны, значительное преобладание. К 1650 г. около $^2/_3$ всех удобных земель очутились в руках дворянства. Но под давлением народного представительства, в состав которого входили также и крестьяне, правительство стало проводить, начиная с 1682 г. сокращение ленов, и таким образом, преобладающее значение дворянства начало падать. Впрочем, в Финляндии, как и в Швеции, никогда помещики не обладали властью над «своими» крестьянами. Личная свобода как государственных, так и вотчинных крестьян всегда оставалась неприкосновенной, их повинности носили характер чисто имущественный, частно-правовой, причем уже к началу 18-го века они были окончательно уничтожены *). С того времени финские крестьяне, в большинстве своем, являются собственниками обрабатываемой ими земли. Крупное сельское хозяйство получило распространение лишь в той мере, в какой это желательно и необходимо в интересах технического прогресса.

По переписи 1901 г. в Финляндии насчитывалось 276.154 хозяйств с общей посевной площадью в 2.845.191 гект. Группировка этих хозяйств представлена в следующей таблице:

*) K. Haataja: Pachtfrage in Finnland, Helsingfors 1918, S. 4.

Группы хозяйств с посевной площадью	Из всего числа хозяйств приход. в % %	Из 100 гект. площади	Из 100 гект. пос. площ. прих. на арендов. землю
до 3 гект.	39,4	3,4	90,8
3— 10	29,1	15,8	50,2
10— 25	20,8	30,8	20,9
25—100	10,0	38,9	11,0
свыше 100	0,7	11,1	10,9
всего	100,0	100,0	22,9

Следовательно, всего только 11,1% сельскохозяйственной площади приходится на крупные хозяйства (свыше 100 гект.), т. е. вдвое меньше, чем в Германии (по переписи 1907 г.: 22,16%). Больше $^2/_3$ посевной площади принадлежит хозяйствам крупно- и средне-крестьянским; в этих двух группах, являющихся главнейшими носителями сельского хозяйства, арендованная земля составляет 11% и 20,9% общей их площади: это, конечно, больше, чем в Германии, но меньше, чем напр., в Соед. Штатах. Финляндия, стало быть, страна чисто крестьянская, и аграрный вопрос в ней, в противоположность России, отнюдь не является крестьянским вопросом.

Поразительно ничтожной представляется за то доля мелких и карликовых хозяйств. Они составляют 68,5% всего числа хозяйств в стране, между тем они занимают только 19,2% удобной земли (против 33,6% в Германии). Притом карликовые крестьяне (до 3 гект.) преимущественно арендаторы (90,8% площади обрабатываемой земли — арендованная, в Германии — 21,7%), мелкие крестьяне (3 — 10 гект.), являются собственниками только половины возделываемой ими площади (50,2% земля арендованная, в Германии — 12,7%). Мы видим, что в Финляндии не достает широкого фундамента мелких собственников, на которых в других странах покоится вся социальная пирамида. Владельца мелкого сельскохозяйства на арендованной земле обозначают шведским термином «Торпар», а занимаемый им участок «Торп», по-фински «торпа». Торпари собственно полу-батраки, платящие за аренду своей земли натурой — трудом. Но напр., от батраков Вестфалии они отличаются тем, что они ведут, по большей части, самостоятельное хозяйство на участке 3 — 10 и более гектаров. Еще значительнее число безземельных крестьян, владеющих собственной избой, выстроенной на арендованном усадебном участке, наконец, бобылей, живущих в чужих избах. Безземельные и бобыли, главным образом, живут тем, что нанимаются на сельскохозяйственные и лесные работы. По переписи 1901 г. в финских сельских коммунах только 23% всех семейств владели собственным сельскохозяйственным предприятием, 34% — вели свое мелкое хозяйство на арендованной земле, 43% — вообще ни-

какого самостоятельного сельского хозяйства не вели, и, самое большее, имели несколько грядок под картофелем или другими овощами (до 0,05 гект.).

В России мобилизация «Деревенской бедноты» против «кулаков» не имела успеха. В Финляндии она удалась. Это, повидимому, единственный случай в европейской аграрной истории, когда из антагонизма между нижним и верхним слоем крестьянства выросло серьезное социальное движение. Сообщенные выше статистические данные еще не дают достаточного обоснования этого антагонизма; последний, главным образом, проистекает из другого момента: распределения лесных угодий.

Финляндия является одной из наиболее богатых лесом стран. Бесконечно в ней чередуются поросшие густыми лесами холмы, большие и малые озера, бурные потоки и обширные болотистые низменности. Лишь редко среди лесных пространств виднеются поля и луга, возникшие на месте сожженного леса. Только 6,1% всей площади — по переписи 1920 г. — составляют пахотную землю, 1,7% — луга, а 92,2% — леса, болота и скалы. Вся территория Финляндии, не считая присоединенной в 1919 г. Печорской области и водных пространств, равна 333,129 кв. километрам, а вместе с Печорской областью 343.279 кв. километров со включением озер и рек — 387.565 кв. километров; на этом пространстве живут 3,36 миллиона человек. В 1920 г. на эту площадь приходилось 2.600.740 гект. огородов, полей и лугов, причем северная часть Финляндии населена крайне редко. Центральная часть страны населена сравнительно больше, а гуще всего деревни раскинуты по берегам Финского и Ботнического заливов; в этих наиболее плодородных областях расположено также большинство крупных имений. Только одна шестая часть (16,1%) населения живет в городах. Вне городов на юге и западе приходится в среднем от 17,8 до 38,9 человек на 1 кв. килм., в остальной Финляндии — от 2,3 до 14,3. Такая незначительная плотность населения является исключительной, даже, имея в виду северный климат страны и огромные лесные пространства в ней. Скотоводство там возможно на естественных лугах и лесных пастбищах — вплоть до крайнего севера. Ячмень также регулярно созревает до самой северной границы. Нормальная культура ржи и картофеля простирается приблизительно до параллели, проходящей через северную оконечность Ботнического залива, культура овса — до географической середины страны, озимую пшеницу и горох сеют только в юго-западной части. Подсчитали, что одни только вполне пригодные для земледелия глинистые почвы Финляндии могли-бы прокормить население в пять раз больше теперешнего ее населния. Но господствующее в стране распределние собственности на леса было величайшим препятствием к уплотнению населения. Вместо того, чтобы расчищать леса под пашню, десятки тысяч людей вынуждены

были эмигрировать (1893 — 1918 : 267.000 чел. преимущественно 16 — 30 летних — безземельных, бобылей, торпарей, крестьянских детей).

Начиная с 16-го столетия с юга стали проникать колонизаторы во внутренние, северные и восточные части страны. Каждый брал столько земли, сколько ему хотелось. «Чтобы обеспечить себя нужной территорией для охоты, рыбной ловли и для подсечного сельского хозяйства, колонизатор строил свою избу на расстоянии десятков верст от ближайшего соседа» (Ганес Гебгард). Эта система сохранилась и по сей день в малонаселенных областях, хотя правовые отношения за это время изменились коренным образом. Вплоть до второй половины 18-го века лес считался общинной собственностью, принадлежащей всем и каждому. Но в 1756 и 1775 г. шведское правительство приказало переделить все общественные угодия, а земля, оставшаяся не переделенной перешла в собственность государства. При этом принцип частной собственности проводился с логической последовательностью, действовавшей крайне противообщественно: только в земельной политике Северо-Америк. Соединенных Штатов мы находим полную аналогию этому. Деревня повсюду лишилась общественных пастбищ. В населенных областях лес был целиком переделен и каждый хозяин на правах частной собственности получил лесную делянку соответственно размерам своего хозяйства. В государственных лесах правительство в распоряжение каждого переселенца представляло безплатно крупные земельные участки. Обычной нормой нарезки (Манталь) для среднего крестьянина считалось, смотря по качеству почвы, 300 — 600 гект.; в некоторых районах, особенно на севере, эта норма впоследствии еще была увеличена. В сознании беспредельности финских лесов мало, повидимому, думали о том, чтобы поставить лесное дело планомерно и прочно. На лесные площади, не пригодные для земледелия, смотрели просто как на окупаторские, подсобные к домашему и сельскому хозяйству, угодия. Эти лесные владения впоследствии подвергались дележу между наследниками первоначального собственника, что особенно часто встречалось на с.-западе. Во многих районах, однако, правилом является, что земля неразделенная переходит к старшему сыну. Как бы то ни было, раздел всех лесов без остатка в частную собственность и наделение первых переселенцев весьма крупными участками послужили барьером для последующих поколений в отношении возможности приобретать землю. Дальнейшая колонизация страны совершалась уже, главным образом, на основе увеличения числа крестьян с одной лишь усадебной землей, бобылей и торпарей. В 1749 г. в шведской части Финляндии насчитывалось 31.000 крестьян, 3.000 торпарей и несколько тысяч безземельных с усадебной оседлостью; в 1815 г. — 77.000 крестьян, 31.000 батраков и 19.500 всякого рода безземельных; в 1865 г. соответ-

ствующие цыфры были: 87.400, 63.000 и 52.400. С течением времени число безземельных все возрастало, так что к началу капиталистической эпохи среди сельского населения Финляндии преобладала группа несамостоятельных и безземельных.

В 1901 г. из всей земельной площади государству принадлежало 39,4% — преимущественно леса на севере Финляндии. На долю коммун приходилось 0,2%, церковных приходов — 1%, частных лиц — 55,7% (в том числе 2% на долю промышленников и купцов). В общем на долю всей не-государственной земельной собственности приходится 118.617 владений с площадью 19,9 миллионов гектаров, которые распределяются следующим образом:

Группы хозяйств по размерам площади в гект.	Число хозяев	То-же в %	Процентное распределение с.-хоз. площади
Мелкое землевлад. до 50 гект.	31.262	26,36	4,39
Среднее: 50 — 250 гек. . . .	67.830	57,19	39,27
Крупное: 250 — 1000 гект. .	17.811	15,01	38,73
Весьма круп.: свыше 1000 г.	1.714	1,44	17,61
Всего. . . .	1.187.617	100	100

На долю среднего и крупного землевладения — которое исторически также следует причислить к крестьянству — приходится, следовательно, $^4/_5$ земельной площади. Благодаря разделу лесов возникло крупное крестьянское землевладение, в отношении которого остальная масса сельского населения играет роль рабочей силы. Еще в 1912 г. 72% всех аренд уплачивались отработками, причем на одно арендное хозяйство в среднем за год приходилось 36 пеших рабочих дней и 12 упряжных. Следует добавить, что эти отработки выполнялись крайне неохотно. Конечно, не каждый землевладелец имеет в своем распоряжении рабочего арендатора. Мелкие собственники — представляющие по численности большинство — ведут хозяйство без таковых; с увеличением размеров владения возрастает также число наемных рабочих различных категорий. В 1912 г. насчитывали 138 собственников, каждый из которых имел более 20 «торп»; в некоторых крупных имениях было по 100 и даже больше торп. Насаждение торпарей давало возможность с начала 18 в. заменить упраздненные в то время феодальные повинности крестьян.

Пока было достаточно простора для экстенсивного хозяйства, пока возможно было беспрепятственно из леса брать строительный материал, дрова, хворост и сено, а в озерах и реках ловить рыбу— до тех пор масса населения не испытывала особенных невзгод от существующего распределения земельной собственности. Для мелких арендаторских хозяйств большим подспорьем служило право пользованья лесами и водами. Чем дальше на север, тем

большую роль в хозяйстве торпара играли лесные выгоны, ибо на них базировалась возможность держать скот. Но лесные сервитуты становились для владельцев имений обременительными в тех случаях, когда, в силу наследования или продажи, большое имение подвергалось разделу. Не-экономное натуральное хозяйство оказывалось в противоречии не только с интересами землевладельца, но с общими жизненными интересами всей нации, после того как в устьях рек и вблизи водопадов стали возникать большие древообделочные заводы, втянувшие молчаливые леса Финляндии в шумный круговорот мирового хозяйства. Достигнув за короткое время высокой степени технического совершенства, деревообделочная промышленность стала решающим фактором в торговом балансе страны, ибо она составляет $^3/_4$ всех экспортируемых товаров. Вследствие быстро растущих цен на бумагу и лесные материалы, земельная собственность приобрела большую ценность, особенно благодаря тому, что при широко разветвленной системе рек и озер, в самые отдаленные уголки страны удается проникнуть водным путем. Сельское хозяйство также использовало благоприятную экономическую кон'юнктуру путем введения многопольного севооборота, улучшения пород скота и развития хорошо организованной на основе кооперации маслодельной промышленности. Через огромные склады знаменитого центрального экспортного товарищества для масла и сыра Valio проходит около $^1/_5$ всего экспорта страны.

Вместе с денежным хозяйством в Финляндию проникли резкие социальные противоречия. Крестьяне разбогатели, их усадьбы и хозяйства прекрасно оборудованы, школы образцово устроены. Правда, нередко крупная индустрия завладевала крестьянскими наделами, так как она нуждалась в больших лесных площадях, и таким образом, прежние землевладельцы иногда превращались в арендаторов. Приведенные выше цыфры за 1901 г., характеризирующие размеры земельной собственности акционерных компаний, промышленников и лесоторговцев — с тех пор значительно успели возрасти.

Положение торпарей и всех вообще нисших слоев сельского населения ухудшалось по мере того, как лесовладельцы стали строже относиться к порубкам и пользованию лесными выгонами. Много торпарских аренд было упразднено и ликвидировано (1901 — 1912 г. около 6.000). Одновременно возрасла численность безземельных и «халупников». По статистике 1912 г. соотношение между численностью торпарей и безземельных, имевших только избу — представлялось как 37 : 63; не менее 50% сельского населения жило на арендованной земле или в арендованных избах. По фински лиц, живущих в чужой избе называют «loisia», т. е. паразитами. Есть приходы, где 30 — 40% всех семей ведут подобное «паразитарное» существование. Значительная часть без-

земельных кормится случайными заработками, частью в лесу, частью в сельском хозяйстве, и нередко эти люди вынуждены уходить довольно далеко, пока найдут подходящую работу.

Таким образом, приспособленный к натуральному хозяйству общественный уклад, благодаря проникновению менового хозяйства, претерпел капиталистическое разложение. Выработка нового социального уклада, который соответствовал бы интересам трудящихся классов и вместе с тем был бы приспособлен к изменившимся условиям — продолжалась долгое время. Поэтому, когда в 1917 г. в Финляндии русские рабочие захватили политическую власть и большевистские батальоны явились в страну, то к ним примкнули многочисленные мелкие арендаторы, сельские и лесные рабочие. После подавления революции, была быстро доведена до конца начатая уже до нея аграрная реформа, имевшая целью предоставить трудящейся массе более широкую долю участия в земельной собственности.

II. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И КОЛОНИЗАЦИЯ.

С конца 19 века правительство стало принимать меры к наделению землей безземельного населения и к законодательному урегулированию арендных отношений. Эти меры, однако, можно было начать проводить в жизнь лишь после 1905 г., т. е. после того как на место сословного, 4-палатного сейма появился однопалатный парламент, и центр тяжести политической жизни переместился в широкие народные массы. Деятели аграрной реформы с самого начала ясно сознавали, что урегулирование арендных отношений было первым шагом, который надлежало сделать. Чувствовалась необходимость в законодательстве, которое порывало с принципом свободы договора и учитывало нужды класса арендаторов.

Первый закон об аренде, изданный в 1909 г., устанавливает кратчайший срок для аренды в 50 лет, в исключительных случаях — в 25 лет. По истечении срока аренды арендатор имеет право на возмещение за произведенные им улучшения на арендованной земле, если ценность земли благодаря последним возрасла. Арендная плата должна быть полностью выражена в деньгах и не может повышаться во все время действия договора. Аренда, однако, может уплачиваться, на основании особых договоров, в виде отработков или натурой, исходя из существующих в данное время расценков. Арендная плата должна быть посильной для арендатора, размер ее контролируется особыми комитетами по делам аренды, учреждаемыми в сельских волостях. Все новые арендные договоры утверждаются этими комитетами. Последние разбирают также все споры, возникающие между землевладельцами и арендаторами на почве арендных отношений, и только в том случае,

когда соглашение не состоялось, дело поступает в суд. Закон отчасти получал обратное действие в отношении старых арендных договоров. Чтобы не допустить расторжения арендных договоров, все старые договоры, в силу закона, были продлены, так что их действие было продолжено до 1916 г. и долее.

Скоро обнаружилось, что закон 1909 г. не удовлетворяет уже назревшим потребностям. Необходимы были новые мероприятия, для обсуждения которых в 1912 г. образована была особая комиссия, закончившая свои работы в 1914 г. Центральный пункт выработанного законопроекта состоял в том, что арендаторы имеют право выкупа у землевладельцев своих участков, и что правительство берет на себя проведение выкупной операции. Вспыхнувшая мировая война между тем помешала довести обсуждение законопроекта до конца. Лишь после достижения Финляндией независимости это удалось сделать. Как только после российской революции опять возобновилась работа парламента, вопрос об аренде тотчас же был поставлен на очередь. Красное восстание на время задержало ход парламентских работ, но после прекращения восстания законопроект внесен был в сейм. 11-го апреля 1919 г. издан был закон о выкупе аренды, вступивший в силу 31-го мая 1919 г. Главнейшие основания этого закона состоят в следующем:

Каждый арендатор имеет право выкупить арендуемую им землю. Землевладелец может потребовать, чтобы арендатор воспользовался своим правом выкупа. В момент выкупа к составу арендуемых данным лицом земель причисляется вся засеянная площадь, а равно вся пригодная к обработке земля — общей сложностью не свыше 20 гект.; кроме того, сюда же входит определенная площадь леса, необходимая для снабжения крестьянского двора дровами и бревнами — опять таки не свыше 20 гект. Если хозяйство арендатора располагало не более двух гект. посевной площади, то такое хозяйство рассматривается как усадебная оседлость (без земли), и в этом случае арендатор имеет право выкупить засеваемые им и вообще удобные участки, но не имеет права выкупить связанный с хозяйством участок леса. Арендатор может также потребовать передачи ему, путем купли, всех находящихся на арендуемой земле строений, если они для хозяйства безусловно необходимы; то же самое относится и к сложенным на земле дровам и бревнам. Покупная цена определяется на основании стоимости земли в 1914 г. Рыночная цена данного времени уплачивается лишь в том случае, когда покупается свыше 10 гект. засеянной или удобной земли, а за строевой лес только тогда, когда размер бревен больше 20 сантиметров в диаметре, и 1,2 метра длиною. Выкупная сумма уплачивается землевладельцу правительством в виде пяти-процентных обязательств с гарантией государства. Арендаторы возвращают государству выкупную сумму путем

годовых взносов, составляющих для торпарей 6%, а для имеющих только усадебную оседлость — 8% выкупной суммы: из этих взносов 5% составляет процент на капитал, остальное — погашение. Они взимаются одновременно с уплатой ежегодного налога. Таким образом, торпар целиком выкупает свое владение в течение 37 лет, «усадебник» — в течение 21 года. Все вопросы, относящиеся к выкупу аренд, регулируются комиссиями по делам аренды, а также землемерами и специальными судами. В законе содержатся особые постановления, определяющие права гипотечных кредиторов. Если между сторонами состоится добровольное соглашение, в силу которого выкуп аренды осуществляется на других, не предусмотренных законом основаниях, то такое соглашение вполне правомочно.

Впоследствии право выкупа было распространено также на государственные и церковные имущества, а также на аренды в государственных лесах. Но число этого рода аренд было чрезвычайно ограничено.

Благодаря новому закону многие аренды тотчас же перешли в собственность арендаторов. Арендаторы торопились воспользоваться предоставленным им правом. Особенно в центральной Финляндии, где у арендаторов были значительныя права в смысле пользования лесом, землевладедельцы настаивали на том, чтобы арендаторы поскорее использовали свое право выкупа. Землевладельцы в общем оказались довольно благожелательными, так как они понимали экономическую и общественную необходимость реформы. Несмотря на то, что они были вынуждены отдавать арендованную землю приблизительно за $^1/_{10}$ ее действительной стоимости, землевладельцы в большинстве случаев заключили с арендаторами полюбовные сделки, причем не редко уступали больше земли, чем требовалось по букве закона. Полюбовная сделка распространялась также и на способ уплаты. Пользуясь своими прежними сбережениями и полученными за время войны барышами, а также — кредитом местных банков, арендаторы имели возможность во многих случаях немедленно выплачивать часть выкупной суммы, относительно остальной части принимая обязательство погасить ее в сравнительно короткий срок. Таким образом, посредничество правительства оказывалось нужным в сравнительно редких случаях. До конца 1922 г. выкуплено было всего 50.676 арендованных имений, в том числе — 26.241 торпарских и 24.435 усадебных. Такой результат следует считать весьма благоприятным. Большая часть выкупленных имений расположена в южных и западных уездах. В некоторых случаях у одного крупного землевладельца, выкуплено было свыше 100 крестьянских аренд; у одной известной лесопромышленной компании выкуплено было свыше 500 аренд. Эта выкупная деятельность все еще продолжается, и надо полагать, что тем же темпом она будет продолжаться еще

2 — 3 года. Насколько можно предвидеть — не менее 100.000 арендаторов станут собственниками арендуемой ими земли, в том числе около половины приходится на долю топарских дворов.

Последствия закона уже можно наблюдать во всей стране, в среде прежних арендаторов. Они проявляют больший интерес в деле распахивания новых земель, применения усовершенствованных методов обработки, воздвигаются новые постройки, старые ремонтируются, долги по выкупу окончательно ликвидируются. Заметна также оживленная деятельность в области кооперативной организации, возникают новые политические и социальные течения. В прежнее время арендаторы больше склонялись к социально-политическому радикализму; при последних выборах в сейм (1922 г.) число голосов поданных за сторонников левых партий, в арендаторских районах весьма сильно сократилось. Еще в более сильной степени такое настроение обнаружилось на коммунальных выборах.

Законы о выкупе арендованной земли в общем оцениваются в Финляндии как необходимая и плодотворная реформа. От нея ожидают значительного экономического развития страны, и благодаря ей весь социальный уклад сельских местностей приобрел более цельный, устойчивый характер.

Уже в конце 19-го столетия выделены были особые фонды для того, чтобы безземельному населению дать возможность обзавестись землей. Эта работа, однако, развивалась довольно слабо. В конце 1919 г. основано было центральное учреждение, так наз. колонизационное управление и, кроме того, на местах устроены были волостные колонизационные комитеты. В 1921 г. в распоряжение колонизационного управления был представлен особый фонд, и положено было начало колонизационной деятельности на государственных и церковных землях, а также в государственных лесах. В силу закона 25-го ноября 1922 г. стало возможным для нужд внутренней колонизации отчуждать также землю от частновладельческих имений. Этот закон во многом напоминает английский закон о колонизации 1907 года. Закон (lex Kallio) предусматривает принудительное отчуждение земли у частных землевладельцев для целей колонизации в том случае, когда нужную землю не удается получить из других источников (государственные домэны) или купить у владельца. Право отчуждения распространяется исключительно на имения размером не менее 200 гект. пахотных и лесных угодий; по отношению к имениям меньшего размера право это применяется лишь в том случае, когда владелец не сидит на своей земле или когда на них ведется не рациональное хозяйство. В первую очередь отчуждению подлежат такие имения лесопромышленных компаний, которые были приобретены вопреки законам 1915 г., т. е. противозаконно; во вторых — имения, плохо управляемые или приобретенные с спекулятивными целями, нако-

нец, — земли, хотя и приобретенные законным порядком, но принадлежащие лесопромышленным и деревообрабатывающим компаниям. Лишь после этого принудительное отчуждение может применяться и к другого рода имениям. Принудительное отчуждение, кроме того регулируется особыми постановлениями, предусматривающими, что земли, на которых ведется хорошо поставленное хозяйство, не должны дробиться, и отчуждаться должны, главным образом, те земельные участки, которые расположены в стороне от имения и вследствие этого, в смысле хозяйственном, не имеют для него большого значения. От каждого имения может быть отчуждено максимум столько процентов площади, сколько полных сотен гектаров земли находится во владении помещика; размер отчуждения в имениях с площадью более 5.000 гектаров не может превышать 50%. Тот, кто, на основании расматриваемого закона, получает участок, не должен владеть землей до этого; за то он должен обладать необходимыми агрономическими познаниями, а также нужными земледельческими орудиями, или средствами (или кредитом) для приобретения таковых. Колонист обязывается выстроить в течение трех лет на предоставленной ему земле жилой дом, если таковой еще не имеется, затем приступить к обработке земли. Уплачиваемая за землю цена должна соответствовать установившимся в данной местности ценам. Если цена не превышает 5.000 финских марок, то она уплачивается из государственных средств землевладельцу наличными вперед, в противном случае — в 7%-ных государственных облигациях. За хлеб на корню, за заготовленные дрова и бревна, а равно за строения — государство уплачивает вперед наличными. Колонист берет на себя обязательство вернуть государству произведенные последним платежи, в виде ежегодных взносов, составляющих 7% для полевой земли и 9% для усадебной земли, причем 4% составляют процент на затраченный капитал, остальное — погашение.

Новый закон пока еще не оставил достаточно заметных следов в самой колонизационной деятельности. Эта последняя получила значительное развитие за минувшие 10 лет, хотя и в несколько иных формах. Следует отметить, что важное значение колонизации вообще проникло в сознание общества, и безземельное население стремится получить землю; поэтому банки, сберегательные кассы и другие учреждения банковского характера направили свою деятельность в эту сторону. В результате всей этой деятельности оказывается, что против 182.000 имений, в которых собственниками велось хозяйство в 1920 г., теперь насчитывается 230.000 имений собственников, считая также перешедшие за это время в собственность арендованные участки.

В течение ближайших нескольких лет эта «покупательская» энергия будет постепенно ослабевать, но зато со временем обнаружится действие упомянутого выше законодательства; поэтому

можно предполагать, что число имений, в которых самими собственниками ведется хозяйство будет вскоре составлять около 300.000. Имея в виду, что соответствующая цифра составляла в 1901 г. — 110.000, мы ясно поймем, какое огромное значение для внутренней жизни страны имела аграрная реформа в Финляндии: она создает новую политическую и культурную жизнь и содействует ее экономическому развитию.

ЛАТВИЯ И ЭСТИЯ

I. ДОРЕФОРМЕННЫЕ АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КУРЛЯНДИИ, ЭСТЛЯНДИИ И ЛИФЛЯНДИИ.

Оба северных государства из числа окраинных государств, возникших после войны, Эстония и Латвия, занимают область, которую раньше занимали три русских губернии: Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. В состав Эстонии входит прежняя Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской, до пределов распространения эстонского языка. К Латвии относится латышская часть Лифляндской губернии и вся губерния Курляндская. Кроме того, по мирным договорам с советской Россией к обоим государствам отошли еще другие области с соплеменным населением: Латвия получила Латгалию, ранее входившую в состав Витебской губернии, а к Эстонии присоединена область Наровы и Печоры. (Принаровье и Печорский край).

Благодаря своеобразной культуре, явившейся следствием многовекового преобладающего влияния германского элемента Прибалтики, все три прибалтийские губернии, еще будучи составной частью Российского государства, сохранили в основных чертах единство социальной и экономической структуры. Ввиду этого, при ретроспективном обзоре, все три губернии приходится рассматривать вместе, каковое обстоятельство находит внешнее оправдание хотя бы уже в том факте, что после раздела Лифляндии лишь в редких случаях прибегали к разделению статистического материала соответственно нынешним территориальным границам. Но в тех случаях, когда такое разделение уже установлено оффициальными властями, мы будем приводить статистический материал и для новой области.

Эстония занимает площадь в 46.500 квадратных километров, из которых 9.300 кв. килом. находится под лесом. Площадь Латвии составляет 65.791,4 кв. килом. с 15.269,4 кв. килом. леса. Эстония и Латвия расположены между 60 и 56 градусом широты и защищены естественными границами только на севере и западе — Финским заливом и Балтийским морем; на востоке

их границы лишь частично идут водным путем — по Нарове и озеру Пейпус, на юго-востоке же и на юге границы их открыты. Почвенные условия в отдельных частях этих стран очень различны. Наиболее плодородной является Курляндия, располагающая очень богатой глинистой почвой, которая, в разнообразных вариациях, покрывает почти всю страну. Только в Баусском уезде почвы, расположенные на известковой подпочве, становятся беднее, и, наконец, на Куришском полуострове, почва состоит из бесплодного песка.

Отсталость путей сообщения характеризуется незначительностью железнодорожной сети. В Эстонии на 100 кв. километров поверхности приходится 2,1 километра железных дорог и на 10.000 жителей 5,4 километра; для Латвии соответствующие цифры составляют 4,0 километра и 15,04 килом. Численность населения Эстонии составляет, согласно декабрской переписи 1922 года, 1.110.538 жителей. Из общего числа жителей проживало:

в городах и местечках . . .	380.932	чел. или	27,6%
в деревнях	970.766	„ „	72,4%

Таким образом, состав населения преимущественно земледельческий. Плотность населения, за вычетом поверхности внутренних озер из общей поверхности страны, составляет 24,6 жителя на 1 кв. километр.

Число жителей Латвии, согласно переписи 1 января 1922 года, составляет 1.850.622. В нынешних территориальных границах Латвии население составляло:

в 1863 году	1.265.087	жит.
1897 „	1.929.387	„
1914 „	2.552.000	„
1920 „	1.596.131	„
1921 „	1.727.500	„
1922 „	1.850.622	„

С 1914 года численность населения, благодаря войне и ее последствиям — усиленной смертности, сокращению рождаемости, росту эмиграции — пошла на убыль. Теперь страна начинает медленно оправляться от этой убыли. Из общей численности населения проживало в городах и местечках 22,1%
в деревнях 77,9%

Таким образом, и в Латвии население занято преимущественно земледельческим трудом. На 1 кв. километр площади страны в Латвии приходится 28,1 жителей. При сравнении этой цифры с цифрой плотности населения других стран, как

Восточная Пруссия с	54,12	жит. на 1 кв. километр
Дания	68,88	„ „
Швейцария	86,10	„ „
Голландия	182,04	„ „
Белгия	226,32	„ „

становится ясной чрезвычайно слабая населенность Эстонии и Латвии. К тому же естественный прирост эстонского и латышского населения крайне слаб.

В расовом отношении жители обоих государств в большинстве своем принадлежат к латышам и эстонцам. Из других народностей в составе населения имеются немцы, русские, поляки, литовцы и евреи. Согласно российским оффициальным данным переписи 1897 года национальный состав населения представляется, в процентах, следующим образом:

	Немцы	Латыши	Эстонцы	Русские	Прочие	Всего
Курляндия	7,57	75,07	—	5,68	11,68	100%
Лифляндия	7,57	43,06	39,91	5,36	4,26	100%
Эстляндия	3,90	0,11	88,67	5,07	1,38	100%

По данным переписи 1922 года национальный состав населения изменился следующим образом:

	Немцы	Латыши	Эстонцы	Русские	Прочие	Всего
Латвия	3,63	72,46	0,54	9,86	13,51	100%
Эстония	2,5	0,8	88,9	7,0	0,8	100%

Сильная убыль немцев является следствием политического и аграрного переворота, а число русских возросло вследствие присоединения новых областей.

Верное представление о состоянии сельского хозяйства прибалтийских губерний мы составим себе, если сравним его, с одной стороны, с состоянием сельского хозяйства в соседних литовских губерниях, и, с другой стороны, с сельским хозяйством Восточной Пруссии — живущими в приблизительно одинаковых климатических условиях.

Распределение земельной площади по отдельным угодьям представляется, в процентном отношении, в следующем виде:

	Пашня	Луг	Выгон	Лес	Неудобная земля
Курляндия	26,0	32,0		31,0	11,0
Лифляндия	27,54	18,57	14,06	25,23	14,30
Эстляндия	18,09	28,02	18,71	19,74	15,44
Вост. Пруссия	55,2	10,1	7,1	17,6	10,0
Ковенская губ.	36,7	28,3		23,1	18,9
Виленская „	40,5	15,9		28,1	15,5
Гродненская губ. . . .	39,7	19,6		23,7	17,0

Согласно этим данным площадь пашни в прибалтийских губерниях значительно ниже, чем в Восточной Пруссии и в смежной Литве. Так как, благодаря особым условиям в России, хлебопашество в крупных размерах было для прибалтийских губерний невыгодным, то главное внимание сельского хозяйства Прибалтики было направлено на развитие скотоводства. Луга и пастбища занимают треть площади.

Подесятинный сбор зерновых хлебов и картофеля в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии значительно выше, чем в Литве. Для Курляндии это отчасти об'ясняется благоприятными условиями почвы. Лифляндия же и Эстляндия, где почвенные условия в большинстве случаев неблагоприятны, обязаны таким результатом исключительно той интенсивности земледелия, которая характеризуется прежде всего, количеством скота. Но по сравнению с Восточной Пруссией прибалтийские губернии сильно отстают в отношении продуктивности земледельческого труда. В 1910 году, напр., сбор зерновых хлебов с гектара составлял в Восточной Пруссии 19,76 дв. центнеров против 11,41 дв. ц. в прибалтийских губерниях. Незначительностью площади пахотных земель и сравнительно слабой урожайностью их об'ясняется то обстоятельство, что прибалтийские губернии, несмотря на слабую их заселенность, должны были ввозить зерновые хлеба. Только Курляндия имела (1900—1902) небольшой излишек овса и ячменя; пшеницу же и рожь должны были ввозить из внутренней России все три губернии. Существенное значение имела и российская тарифная политика, препятствовавшая развитию зернового хозяйства в прибалтийских губерниях. Напротив, молочные продукты и молоко, лен и льняное семя — в особенности из Лифляндии и Эстляндии — усиленно вывозились в Петербург, во внутреннюю Россию и заграницу.

Распределение земельной собственности.

Распределение земельной собственности, с одной стороны, землепользование различных групп хозяйств (мелкого, крупного) с другой стороны — всегда является основой социальной структуры деревни. В нынешних границах Эстонии 42,06% всей земельной площади находилось в собственности крестьян, а из остальных 57,94% принадлежало: государству, церкви и коммунам 3,03%, крестьянскому земельному банку 1,6%, 53,31% принадлежали частному крупному землевладению, состоявшему из рыцарских имений, майоратов, имений рыцарских корпораций, дворянских учреждений и опек.

Подобное же распределение встречаем мы и в латышской части Лифляндии. Крестьянам принадлежало 42,6% всей земель-

ной площади, государство, церковь и коммуны владели 6,1%, а 51,3% составляли частную крупную земельную собственность. В Курляндии распределение земли сложилось для крестьян еще менее благоприятно: они владели всего лишь 36,6% земельной площади, в то время как в руках государства, церкви и коммун находилось 22,5%, а 40,9% земельной площади составляли собственность крупных землевладельцев.

Но в состав крупных земельных владений входит непропорциально много лесов и пустошей; крестьянская же земельная собственность состоит преимущественно из земель сельскохозяйственного значения. Из всей поверхности Эстляндии 20,10% покрыто лесами, а 15,04% составляет пустующая и неудобная земля, так что для сельскохозяйственного пользования оставались только 64,86% всей площади. В Курляндии земля сельскохозяйственного значения также составляла только 60,6% всей площади, а в латышской Лифляндии всего лишь 58,8%. Из этой сельскохозяйственной площади крестьянам принадлежало в Эстляндии 57,50%, в латышской Лифляндии 59,2%, в Курляндии 56,8%, между тем как в собственности крупных землевладельцев находилось в Эстляндии 37,3%, в латышской части Лифляндии 36,4%, в Курляндии 32,2%. Остальная часть находилась в общественном владении.

Если уже распределение собственности складывается для крестьян не неблагоприятно, то еще более значительно возрастает участие крестьян в землепользовании, так как во многих случаях земля крупных имений находится в руках крестьян-арендаторов. К сожалению, в Латвии мы на этот счет не находим безупречных статистических данных. Для старой Лифляндии г. фон Траншэ-Розенэк приводит следующие данные за 1904—05 г.: крупное хозяйство обрабатывало 40,18% с.-хоз. площади, крестьянское хозяйство — 59,82%*). Если к этому прибавить крестьянскую землю, которая после освобождения крестьян осталась непроданной и перешла в пользование крестьян-арендаторов, а также земли городские, церковные и приходские — почти целиком сдававшиеся в аренду крестьянам, то в результате получится, что в крестьянском пользовании находилось 65,5%—70% сельскохозяйственной площади.

Относительно Курляндии статистические сведения по интересующему нас вопросу, к сожалению, отсутствуют совершенно; здесь, повидимому, сдача в аренду практиковалась только в незначительных размерах. В отношении же Эстляндии, напротив, мы располагаем точными сведениями. Согласно статистическим данным эстонского министерства земледелия, в пользовании крупного землевладения находилось 22,2% всей земли сельскохозяйственного значения, в пользовании же крестьянских дворов —

*) См. „Baltische Bürgerkunde", I часть, Рига 1908, стр. 306.

77,80%, причем последняя цифра включает в себя 20,3% земли арендованной крестьянами.

В противоположность этому, пользование крестьян и крестьянских обществ лесом было чрезвычайно незначительно. 75,8% лесов в Лифляндии, 59,9% в Курляндии и 80,0% в Эстляндии находились во владении рыцарских имений. Как бы ни были велики, в интересах правильного лесного хозяйства, технические преимущества соединения в немногих руках крупных лесных пространств, но в такой стране, где дрова, как предмет первой необходимости, играют более существенную роль, чем в западной Европе, лесная монополия в руках частных лиц давала повод к трениям с остальным сельским населением. В Эстонии и Латвии сосновые и березовые леса служат не только единственным источником добычи топлива для всей страны, но также источником строительного материяла. Между тем крестьянину приходилось бревна и дрова почти исключительно получать от помещика-барона, который диктовал и цены.

Дальнейшее обострение взаимоотношений в деревне создавалось распределением крестьянской земли между отдельными группами крестьянского населения. Решительное преобладание имело крупное крестьянство. В латышской Лифляндии имелось 30.544 крестьянских хозяйства, которые распределялись следующим образом:

	Число	% всего числа хозяйств	Площадь в десятинах	В % общей площади земли
Хозяйства крестьян-ремеслен. (до 2 дес.*).	3.957	12,31	2.658.82	0,14
Мелкокрестьянские хозяйства (от 2-10 дес.)	3.053	9,41	17.566.61	0,93
Среднекрестьянск. хозяйства (от 10-20 д.)	2.469	7,68	39.706.53	2,18
Крупнокрестьян. хоз. (от 20—100 десятин)	21.095	65.01	988.851.96	52,41

В Курляндии до реформы распределение хозяйств было такое:

	Число	% хозяйств	Площадь в десятинах	% всей площади
до 2 десятин	5.801	14,39	4.541.26	0,23
от 2 до 10 десятин . .	8.074	22,58	48.055.47	2,43
от 10 до 20 десятин . .	4.718	12,04	72.138.72	3,68
от 20 до 100 десятин	18.969	49,02	885.875.94	46,21

В Эстляндии соответствующие статистические данные имеются лишь для территории рыцарских имений и только за 1899 г.**).

*) или 6 лоф (1 лоф = 0.33 десятины.

**) См. Bodisco: „Der Bauernlandverkauf in Estland", Ревель 1902.

Размеры хозяйств	Число	% хозяйств	Площадь (в десят.)	% всей площади земли
до 1 десятин	2.059	6,11	788,09	0,05
от 3—15 дес.	11.360	33.70	75.767.78	4,31
„ 15—60 „	17.903	53,11	609.039.83	34,64
„ 60—250 „	1.855	5,50	148.430.01	8,44

Таким образом, в Лифляндии и в Курляндии на долю крупного крестьянства приходилось 52,41% и 46,21% всей площади, на долю же карликовых мелкокрестьянских и среднекрестьянских хозяйств приходилось всего лишь 3,25% и 6,34%. Большая часть сельского населения оставалась безземельной. В Эстляндии, где 34,36% площади принадлежало более крупным представителям среднего и мелкого крестьянства, положение было значительно благоприятнее, тем более, что количество дворов сравнительно больше, чем в Лифляндии и Курляндии. В Эстляндии поэтому и число безземельных было меньше, чем в обоих других провинциях. Такое распределение земельной собственности, часто восхваляемое немецко-балтийскими аграрными политиками, было совершенно не похоже на то, которое господствовало в соседних областях: в Латгалии, например, карликовым крестьянам принадлежало 1,38%, мелким крестьянам 29,87%, средним крестьянам 20,18% и крупным крестьянам 22,05% всей земельной площади. Преобладание крупных крестьянских дворов наряду с доминирующей ролью рыцарских имений определяли собою, главным образом, характер социальных отношений в деревне.

Рыцарские имения.

Размеры помещичьих имений на западноевропейский масштаб представляются, в большинстве случаев, весьма крупными. Необходимо, разумеется, принять во внимание, что в отношении качества почвы в них преобладают почвы легкие и песчаные. Далее, как было уже упомянуто выше, имения эти в существенной части своей состояли из лесов и пустопорожних земель (в Эстляндии приблизительно 48%, в Лифляндии 52%, Курляндии 54%) и, кроме того, часть земель сельскохозяйственного значения сдавалась крестьянам в аренду. В среднем, площадь рыцарского имения в Эстляндии равна была 1648,47 дес., в Лифляндии — 2506,58 дес., в Курляндии — 2042,76 дес., Следовательно, размер площади сельскохозяйственного значения составлял в среднем для рыцарского имения в Эстляндии 857,40 дес., в Лифляндии — 1203,16 дес., в Курляндии — 982,43 дес. Знаток курляндских аграрных отношений, Бенно Марквардт*), считает на основании долголетнего

*) См. Benno Marquart: Die landwirtschaftlichen Verhältnisse Kurlands. Berlin 1916.

опыта своего, в качестве руководителя консультации по хозяйственным вопросам Курляндии, что в рыцарских имениях Курляндии площадь сельскохозяйственного пользования была слишком велика по сравнению с затратами капитала и труда их владельцами, чем затруднялась рациональная интенсификация хозяйства. Этот взгляд применим и к рыцарским имениям Лифляндии. Рыцарские имения в Эстляндии были меньшего размера и, кроме того, как упомянуто было выше, сдавали значительную часть земли в аренду крестьянам. Из приведенных выше цифр урожайности мы видели, что сельское хозяйство Эстляндии, несмотря на менее благоприятные климатические и почвенные условия, по интенсивности стоит впереди обоих других провинций. Что заслуга в этом отношении принадлежит и крупному землевладению, признается самыми эстонцами*).

Около 80% имений принадлежали немецко-балтийскому дворянству, поселившемуся там около 700 лет тому назад. Вся история Эстонии и Латвии есть собственно говоря, история балтийских немцев. Она заполнена внутренней и внешней борьбой. Эти страны последовательно находились под владычеством германского императора, Швеции, Польши и, наконец, России.

Внутренние судьбы страны за этот период иностранного владычества находились в руках балтийского дворянства. Этой господствующей группе противостояла в течение пятисот лет широкая масса чуждого ей иноплеменного населения. На строй аграрных отношений 16—17 века оказали влияние не столько условия Восточной Германии, сколько условия, господствовавшия в Польше и внутренней России. Поэтому латыши и эстонцы вплоть до начала 19-го века находятся в состоянии полной крепостной зависимости, которая, правда, никогда не принимала столь суровых форм как во внутренней России. Вскоре после освобождения крестьян в Восточной Германии были освобождены также и латыши и эстонцы, — на полстолетия раньше, чем крестьяне в остальной России. Освобождение совершено было вначале без земли, крепостные крестьяне превращены были в арендаторов, уплачивавших аренду целиком или частично своим трудом. Крупные крестьяне, хотя и не работали сами, как во времена крепостного права, но должны были поставлять помещику рабочую силу и конную тягу. Благодаря влиянию выдающегося лифляндского землевладельца фон Фелькерзамба в середине 19-го века аренда за барщину была воспрещена и крестьянам предоставлено право выкупа своей земли по твердой цене.

Крестьянская земля была раз на всегда отделена от земли помещика (мызной земли), и владельцам рыцарских имений было воспрещено пользоваться крестьянской землею для иных целей,

*) См. Bernmann: „Die Agrarfrage in Estland". Берлин 1920 г.

кроме как для расселения крестьян путем продажи им или сдачи в аренду. Но и после издания «положения о крестьянах» помещики продолжали пользоваться разного рода привиллегиями публично- и частно-правового характера, ведшими свое начало со времен феодального строя.

К числу публично-правовых привиллегий владельцев рыцарских имений относились:

1) Избирательные права в ландтаг.
2) Патримониальная полицейская власть.
3) Участие в церковных соборах.

При этом некоторые привиллегии распространялись на одно лишь столбовое дворянство, — так, например, право занимать известные должности.

Наряду с этими публичными правами действовал ряд привиллегий частно-правового характера, которые представляются совершенно необоснованными. К этим частно-правовым привиллегиям относились монопольное право винокурения и пивоварения, а также продажи пива и с'естных припасов. Далее, право устройства корчем (трактиров) и устройства базаров на территории рыцарского имения. Право рыбной ловли, содержания мельниц и право охоты, хотя и отмененные формально, все же нередко сохранялись по свободному договору.

Эти пережитки феодализма не только задерживали хозяйственное развитие, но обостряли национальные противоречия среди имущих классов. В такие-же застывшие формы отлилось распределение земельной собственности. Рыцарскими имениями считались те, которые, в качестве таковых, были занесены в земельные списки и ипотечные книги. Площадь рыцарского имения, в правовом отношении, делилась на неподлежащую обложению мызную землю, на облагаемую «квотную» землю и на непроданную крестьянскую землю. Мызная земля, которая лишь формально освобождалась от налогов, составляла собственно первоначальное имение; «Квота» — $^1/_6$ часть прежней крестьянской земли — была лишь при продаже крестьянской земли присоединена к господской земле для особого назначения. Наконец, проданные и непроданные, крестьянские земли, которые были резко отграничены от мызной земли, могли поступать только в пользование членов крестьянского общества.

Это разграчение имело целью предотвратить скупку крестьянской земли рыцарскими имениями. Правовое разграничение обоего вида земель всегда соблюдалось так строго, что владелец рыцарского имения не в праве был пользоваться сам даже участками крестьянской земли, купленной им обратно, но должен был их снова продавать или сдавать в аренду членам крестьянского общества. Таким образом, поглощение крестьянских дворов крупным землевладением становилось невозможным. Благодаря

этой длительной защите самостоятельный крестьянин в течение последних 60 лет достиг вполне обеспеченного положения.

Но правовое разграничение между крестьянской и помещичьей землею имело также свою обратную сторону. «Положение о крестьянах» оставило без всякого внимания сельских батраков; им не предоставлялось никакого участия в землевладении, и не было почти никакой возможности им приобрести в собственность клочек земли. Не только потому, что владельцы рыцарских имений и крестьяне мало склонны были отдавать землю, но и потому, что юридически продажа земли была затруднена.

В балтийских провинциях земля сельскохозяйственного значения и лес были в такой мере из'яты из сферы свободного обращения, как нигде в мире. Мызная земля, принципиально, правда, могла свободно отчуждаться, практически же это затруднялось провинциальными законами, согласно которым уменьшение площади рыцарского имения ниже известного размера лишало его названия и привелегий рыцарского имения. Юридически были также неотчуждаемыми мызные и «квотные» земли имений юридических лиц, фидеикомиссов и, конечно, пасторатов. Наконец, дробимость крестьянских дворов была ограничена некоторым минимумом, переходить за который веспрещалось. Благодаря этим правовым квалификациям, ограничениям и запретам, $^1/_3$ лифляндских рыцарских имений и пасторатов была по закону неотчуждаема, другая треть фактически была из'ята из свободного оборота, и только $^1/_3$ могла быть об'ектом свободной купли-продажи; так как земля сельскохозяйственного назначения составляла всего $^2/_3$ всей площади, то на внутреннюю колонизацию могло быть при данных условиях, обращено лишь немного земель.

Приобретение в собственность мелких участков было чрезвычайно затруднено. Деятельность российского крестьянского земельного банка и политика русского министра государственных имуществ мало помогали, тем более, что наделение землей ставилось в зависимость от перехода в православную веру. Крупные землевладельцы не могли не видеть опасностей, таящихся в недостатках аграного строя, но при медлительности российского законодательства, до 1917-го года ничего в этой области не делалось.

Сельские рабочие и крестьянство

Положение безземельных составляло основное зло аграрных отношений: безземельные являлись направляющей силой в аграрном движении. На основании статистических цифр можно очень легко установить численность безземельного населения. Но безземельники, по большей части, не принадлежат к собственно земледельческому населению, и весьма многие из них нашли себе промысел,

ставящий их социально в один ряд с мелкими собственниками. Задача сводится к тому, чтобы учесть ту часть населения, которая составляет сельскохозяйственный пролетариат в собственном смысле слова. К сожалению, статистического учета ее не имеется, ввиду чего приходится оперировать приблизительными данными. Численность сельского пролетариата Эстонии Мартна *) определяет в 65% всего сельского населения, а Луига**) в 500.000 чел. из 864.000 чел. всего сельского населения. Обе цифры слишком высоки. Я сделал следующее вычисление: наличность сельского населения составляла в 1919 году 702.650 чел.; из состава его призвано было на военную службу 105.100 чел.; в общей сложности численность сельского населения составляла 807.750 чел. Из них было самостоятельных и — в качестве членов семьи дворохозяев и т. д. — полусамостоятельных:

в 1.147 хозяйственных единицах крупного землевладения по 6 чел. в каждой	6.882	чел.
в 50.961 хозяйственных единицах крестьянского землевладения по 6 чел. в каждой	305.766	„
в 23.023 хозяйственных единицах арендного землепользования по 6 чел. в каждой	138.138	„
10% населения составляют служащие, чиновники, надсмотрщики и т. д.	80.765	„
	531.551	чел.

За вычетом 531.551 из общей численности в 807.650 остаются, следовательно, 276.099 чел. или 34,1% сельских рабочих в собственном смысле слова. Это число представляется мне более близким к действительности, чем исчисления Мартна и Луига. Исходя из него, отношение числа безземельных к числу владеющих землей и косвенно связанных с собственностью довольно благоприятное. Социальная группировка не указывает на то, что именно здесь кроется основной мотив аграрного переворота. Можно, пожалуй, предположить, что мелкие арендаторы склонялись больше на сторону безземельных, чем на сторону собственников, что дало бы безземельным усиленние их позиции на 17% приблизительно. Я думаю, однако же, что для такого предположения нет оснований, так как аренда обычно представляет собой предварительную ступень к собственности.

Для Лифляндии попытка определить численность безземельных была предпринята фон Юнг-Штиллингом***). На основании вычислений относящихся к 1881 году он приходит к резуль-

*) M. Martna: Estland, die Esten u die estnische Frage. 1919.
**) G. E. Luiga: Die Agrarreform in Eesti. 1920.
***) Jung-Stilling: Materialien zur Kenntnis der livländ. Agrarverhältnisse. 1885.

тату, что в Лифляндии 23.08% мужского сельского населения принадлежит к самостоятельным, 33% относится к числу лиц более высоко стоящих в социальном отношении (чиновники, надсмотрщики, лесничие, члены семьи собственников, ремесленники) и, наконец, 43,2% составляли земледельческий пролетариат. Так как за 3 с половиной десятилетия могли произойти изменения, то я применил и здесь тот же способ исчисления, что и для Эстляндии. Я кладу в основание исчисления общую численность сельского населения, причисляю по 6 человек в среднем на каждую хозяйственную единицу и прибавляю 10% общего числа сельского населения на долю лиц несколько более высокого социального положения. У меня при этом получается:

Общая численность сельского населения	507.800 чел.
На 32.149 хозяйственных единиц по 6 чел.	192.894 „
10% лиц более высокого социального положения	50.780 „

Таким образом, на долю земледельческих наемных рабочих остается 246.126 чел. или 52,01% сельского населения.

Тот же метод исчисления дает нам для Курляндии 50,2% сельских рабочих.

Следовательно, половину сельского населения Лифляндии и Курляндии мы должны причислить к неимущим. Но еще больше значения имеет то обстоятельство, что у безземельного сельского населения только в ограниченных пределах имелась возможность заработка вне земледелия, равно как возможность достичь более высокого положения в рамках своей профессии. Правда, в Риге, Ревеле, Нарве, Митаве и Либаве развилась значительная промышленность. Там социал-демократия с'организовала рабочих, оттуда устремились революционные идеи в деревню, где находили благоприятную почву для своего развития. Но прибалтийские провинции остались преимущественно все-же аграрными областями, а наемные рабочие находились в тесной зависимости от сельскохозяйственного предпринимателя, как единственного работодателя, тем более, что отход для приискания работы был чрезвычайно затруднен полицейскими стеснениями. Для найма вне пределов своей общины каждому рабочему необходимо было иметь паспорт, при чем нужно было представить удостоверение об окончании срока найма у последнего работодателя или же увольнительное свидетельство от этого последнего. Без этого ни один работодатель не вправе был давать занятия пришлому рабочему *)

Тем не менее материальное положение земледельческих рабочих было отнюдь не плохо. Правда, по свидетельству Агте,

*) Adolf Agthe: Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland. Тюбинген 1909. Стр. 134.

рабочий день продолжался летом 12 — 13 часов, зимой 10 — 11 часов. Очень распространен был женский и детский труд. Учебные занятия в народных школах продолжались с 23 ноября по 23 марта и школьное обучение длилось 3 года, так что деревенский ребенок имел возможность посещать школу всего лишь в течение 12 месяцев в общей сложности. Законом установленного страхования рабочих не было; в единичных имениях страхование рабочих введено было землевладельцами частным порядком. Но вознаграждение рабочих было таково, что трудолюбивая и бережливая семья не только в состоянии была вполне прокормить себя, но и скопить достаточно денег, чтобы приобрести участок земли, если купить таковой вообще было возможно.

Земледельческие рабочие подразделялись на половников, простых батраков, батраков с отсыпным харчом, сдельных рабочих и поденщиков. Половники в Курляндии встречались редко, в Лифляндии довольно часто, в Эстляндии почти совсем не встречались; точных цифр на этот счет не имеется. При 1 лошади они получали около 6 гектаров земли, при 2 лошадях — около 9 гектаров с соответствующей площадью пастбища; землевладельцу они отдавали половину урожая. Годовой доход половника Агте исчисляет в 230 рублей.

Сельские батраки были не редкость во всех трех провинциях. Они содержали 1 — 2 лошади, 4 коровы, 6 овец, 3 свиньи, и получали участок размерами от 1,86 до 7,86 гектара, в Курляндии же — до 10 гектаров*). За это батрак должен был выходить на работу все дни каждой второй недели. Денежной платы он, как общее правило, не получал, но получал дрова и хворост. Его доход соответствовал доходу половника.

Наиболее распространенную разновидность земледельческих рабочих представляли, т. наз., «депутатские рабочие**). Они существенно отличались от батраков тем, что отдавали в распоряжение помещика рабочую силу свою целиком. Плату они получали, преимущественно, натурой, имели право держать 2 коров и 3 — 4 овец, получая, сверх того, некоторую сумму наличными. Доход «депутатского» рабочего Агте определяет в 200 рублей в год.

Сдельные рабочие встречались столь же часто, как и «депутатские». Большинство работ они исполняли сдельно, получая вознаграждение, главным образом, деньгами.

Поденщики применялись мало; спрос на них возрастал только в период жатвы. Поденщики получали денежную плату и зарабатывали летом до 55 копеек в день, а зимою около 45 копеек;

*) Fürst Max Lieven: Die Arbeiterverhältnisse des Großgrundbesitzes in Kurland 1900.

**) „Deputat“ — по-немецки означает: «отсыпной харч».

в более глухих районах цены были ниже, — около 30 копеек в день.

В общем и целом положение земледельческих рабочих в Остзейском крае не отличалось от положения Instleute в Восточной Пруссии. Они владели лошадьми и скотом и усиленным трудом извлекали из предоставленных им земельных участков доход поднимавший их жизненный уровень выше уровня городских пролетариев. Только поденщиков можно было причислить к настоящим сельским пролетариям.

Однако же возможность подняться до уровня мелкого собственника была почти совершенно исключена. Эта безнадежность, отсутствие видов на лучшее будущее, делала безземельных восприимчивыми к революционным идеям, сулившим им лучшую жизнь. Рыцарские имения не продавали земли и, отчасти, не могли этого делать, ввиду препятствий со стороны закона. Равным образом и крестьяне крепко держались за свою землю, путем ограничения деторождений избегая ея дробления, поскольку такое дробление вообще допускалось законом. Для приобретения же крупно-крестьянского имения целиком и хозяйственной эксплоатации его сельский рабочий, даже самый зажиточный и бережливый, не обладал достаточными средствами, за крайне редкими исключениями. Крестьянские хозяйства, по большей части, сохранились еще со времен крепостного права и, в большинстве случаев, составляют ныне собственность их владельцев. Семьи крестьянские нередко веками сидят на том же самом участке и усвоили, поэтому, все пороки и добродетели, характерные для настоящего крестьянина: гордость собственника, самоуверенность, крепкую привязанность к своей земле, глубокое почитание семейных традиций и резко выраженное сословно-крестьянское самосознание, которого не могли сломить вполне даже времена крепостной зависимости. Метод хозяйства и образ жизни латышских и эстонских крестьянских семей весьма близки к западно-европейскому крестьянству. Понятно, что в области хозяйственной техники они следовали примеру крупных хозяйств. Соответственно этому и ведение хозяйства было в большой или меньшей мере удовлетворительным; в общем, положение крестьян отличается высокой степенью благосостояния. Приобретение крестьянских земель облегчали крестьянам кредитные кассы рыцарской корпорации, выдававшие ссуды также под крестьянскую собственность, так что, например, в Лифляндии 65% всех выданных в 1906 году ссуд приходилось на долю крестьянских собственников. К началу войны фонд крестьянских земель почти на 90% уже перешел в собственность крестьян и был, поэтому, почти исчерпан *).

*) Alexander v. Tobien: Das Bauergut in Livland. 1918.

Напряженность отношений между собственниками-крестьянами и собственниками рыцарских имений была, разумеется, слабее, чем противоречие интересов безземельных и крупных землевладельцев. Трения между помещиками и крестьянами вызывались в меньшей мере задолженностью крестьян, — в 1910 году крестьянский долг крупным землевладельцам Лифляндии составлял всего лишь 16% выкупной суммы — чем теми привилегиями, которые сохранили за собой рыцарские имения по отношению к крестьянским имениям. К привелегиям уже указанным выше присоединялись различные привилегии договорного характера. Так, напр., почти все водяные мельницы находились во владении рыцарских имений, так как последние при продаже крестьянских земель выговаривали себе, в порядке частного соглашения, право использования водяной силы. Очень много неудовольствия вызывали также дорожные повинности. Для исправления дорог рыцарские имения отпускали только нужные материалы и оплачивали некоторые ремесленные работы, если таковые требовались; вся же работа по исправлению дорог и подвозке материалов падала на крестьян.

Но все эти противоречия не делают понятным для нас того радикализма, с которым впоследствии проведена была земельная реформа, хотя и нельзя не признать, что для оздоровления аграрных отношений был необходим целый ряд перемен.

Национальные противоречия.

Приведенные выше оффициальные статистические данные переписи 1897 г. знакомят нас с численным соотношением отдельных национальностей.

Согласно этим данным немцы численно составляли очень незначительную часть населения. Но в обратно-пропорциональном отношении к их численности находились их влияние — политическое, культурное и экономическое.

Экономческий перевес немцев наблюдался решительно на всех поприщах хозяйственной деятельности. О преобладании немцев в крупном землевладении Эстляндии свидетельствуют данные относящиеся к маю 1919 г. Там имелось крупных имений в руках:

немцев	657	или	88,6%
русских	18	„	2,5%
эстонцев	66	„	8,9%
	401		100%

В Лифляндии крупные имения распределялись следующим образом:

немцев	366	или	91,5%
русских	17	„	4,0%
поляков	4	„	1,0%
латышей	14	„	3,5%
	401		100%

Другими словами, $^{9}/_{10}$ крупных имений находились в немецких руках.

Если, далее, принять во внимание, что рыцарские имения обладали целым рядом политических прав, которые отдавали в их руки высшие органы самоуправления, то ясной становится картина политического преобладания немецкого элемента.

Эстонское и латышское население владело в деревнях всею проданною крестьянскою землею, т. е., 42,06% и 38,6% всей площади, и сверх того еще 8,9% и 4,0% площади крупного землевладения, так что в общем почти половина земельной площади находилась в их руках, между тем как в численном отношении составляли 88,67% и 75,07% всего населения. В городах доля собственности эстонцев и латышей была больше. Легко понять, что такое положение вещей давало пищу национальной пропаганде, тем более, что и прочие профессии, связанные с более высоким социальным положением, как, например, духовная, медицинская, оптовая торговля, адвокатура и т. д. были большею частью тоже представлены немцами. Эстонцы и латыши в массе своей были крестьянами и сельскими рабочими, в промышленности и торговле они занимали довольно значительное место; в либеральных профессиях имели тоже своих представителей, в течение последних десятилетий составлявших очень тонкий слой собственной интеллигенции.

Характер сожительства эстонцев, латышей и немцев определяется различием их социального положения. Это различие проявляется у немцев в сознании своего превосходства над другими расами и в презрении к другим расам. Национальные противоречия переплетались таким образом с противоречиями социальными и культурными, приобретая, благодаря этому, чрезвычайную силу и остроту. Это обстоятельство и дало основное направление аграрной политике эстонцев и латышей; политика эта одушевлена стремлением устранить прежние порядки и лишить немецкий элемент его преобладающего влияния.

Аграрная реформа составляет, таким образом, часть национальной освободительной борьбы эстонцев и латышей. Эта борьба сказывается уже в начале последнего 50-летия, когда впервые пробуждено было национальное сознание эстонцев и латышей. Движение поддерживается русским правительством постольку, поскольку оно способно ослабить положение немцев, но не настолько, чтобы отбросить балтийских немцев в открытую оппозицию к

российской государственной власти. Для русского правительства вопрос состоял не в том, чтобы поддержать немцев, эстонцев или латышей, а в том, чтобы все эти народности слить также и в культурном отношении с русским народом. Немцы, как и эстонцы и латыши, с достойным изумления упорством боролись против этой попытки и привели ее к полному крушению. Революцию 1904 — 05 г. надо рассматривать как реакцию против руссификаторского гнета, с одной стороны, и против господствующего положения немцев с другой. Борьба с одинаковой силою велась как против русских, так и против немцев. После того, как в конце концов, революция была затоплена в крови, а немцы показали себя более покорными в отношении русской власти, чем латыши и эстонцы, наступила перемена в том отношении, что правительство решило пересмотреть свою политику ограничений культурной самостоятельности не-русских народностей. Но эта перемена не смягчила отношений между эстами, латышами и немцами. Менее, чем когда либо склонно было русское правительство отменить социальные , политические и экономические привелегии немцев, ибо с ослаблением немцев оно опасалось подрыва своего собственного авторитета.

Поэтому привелегированное положение немцев было теснейшим образом связано с сохранением авторитета русской государственной власти. Авторитет этот пал в 1917 году. Еще один год существующее положение вещей поддерживалось, благодаря оккупации страны немецкими войсками. Когда в 1918 г. немецкие войска ушли, немцы остались одни против эстонцев и латышей — в численном отношении, крайне неблагоприятном для них. Собственными силами немцы не могли больше держаться и должны были итти на компромисс с другими народностями, чтобы вообще существовать дальше.

II. АГРАРНЫЙ ПЕРЕВОРОТ И АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Для отдельных областей обоих стран последствия войны были различны. Больше всего пострадала Латвия от боев и оккупации; главным образом, в округах митавском, рижском и динабургском большие пространства земли были изрезаны окопами и изрыты снарядами, строения были уничтожены, леса вырублены. В этих районах 6000 дворов были совершенно уничтожены. Но и прочие части страны в большей или меньшей степени пострадали от реквизиций русских и немецких войск, как и от грабежей, так что в 1920 г. в Латвии было еще только 78,44% лошадей и 81,80% рогатого скота, в Эстонии в 1919 г. число лошадей сократилось до 80,0%, число рогатого скота и овец до 73,7% и 63,8%, а число свиней на 47,5% по сравнению с состоянием мирного времени. Не-

достаток рабочих рук и необезпеченность положения затрудняли обработку пашни и сильно сократили производительность сельского хозяйства.

В правовом смысле в строе аграрных отношений ничего не изменилось, если оставить в стороне постановления изданные на время войны оккупационными властями. Только для Курляндии, которая вместе с другими окраинными областями отошла по Брест-Литовскому мирному договору, от России, наступила перемена в том смысле, что в 1918 г. по постановлениям общего Ландтага курляндского рыцарства каждый курляндский помещик, владевший более 360 гектаров собственности, обязывался германским верховным командованием, в качестве высшей оккупационной власти, к отчуждению $^1/_3$ своего владения для целей внутренней колонизации. Ввиду исхода войны это распоряжение не получило осуществления. Подобные же постановления, предусматривавшие добровольную отдачу земель для колонизации, были приняты рыцарским сословием Лифляндии и Эстляндии после занятия областей немецкими войсками. Эстонцы и латыши относились к этим планам отрицательно, так как считались с тем, что при колонизации земля будет роздана только немцам.

Война парализовала промышленность и сократила производительность сельского хозяйства, вызвав этим безработицу и вздорожание съестных припасов. Острое недовольство среди наемных рабочих росло, главным образом, в центрах балтийской промышленности — в Риге, Ревеле, Нарве, Митаве и Либаве. Промышленный пролетариат этих городов проникнут был социалистическими устремлениями, нашедшими адептов также в рядах сельских батраков после того, как промышленные рабочие, с остановкой индустрии, должны были искать заработка в деревне. После ухода немецких войск вся страна, за исключением небольшой части Курляндии и Эстляндии, была охвачена большевистским движением, которому эстонцы и латыши — эти последние с помощью Германии — могли противостоять лишь силою оружия. Характерно для революционного брожения происходившего в рядах земледельческого пролетариата, что этот последний, в большой своей части, перешел на сторону большевиков, и движение было направлено против земельных собственников — крупного и средняго землевладельца. Латышское и эстонское правительство считали целесообразным овладеть этим движением путем конфискации крупных имений и раздела их между безземельными.

Немецко-балтийские бароны Эстонии поняли создавшееся положение, которое решало их судьбу. 29-го марта 1919 г. обратились они к правительству с предложением аграрного законопроекта, согласно которому все дело колонизации возлагается на государственную власть; последней предоставляется право свободного распоряжения прежними русскими казенными имениями и имениями

русского земельного банка, а также право отчуждения имений церкви, городов, рыцарских обществ, равно как пустующих земель крупного землевладения. За отчуждаемые земли уплачивается умеренное вознаграждение без всякого учета возростания стоимости вследствие ненормальных условий, созданных войною. Находящаяся в распоряжении земля распределяется на участки размером в 15—20 десятин земли сельскохозяйственного пользования. Поселяющиеся на этих участках сами доставляют средства для обзаведения сельскохозяйственным инвентарем, все же строения воздвигаются на государственный счет.

По проекту крупные землевладельцы об'единяются в союзы, обладающие правом отчуждения земли своих членов и обязанные предоставить в распоряжение государственной власти — за определенное вознаграждение — $^1/_3$ всей находящейся в собственности членов удобной земли. Вся колонизационная деятельность должна подчиняться надзору особого судебного органа, разбирающего споры между колонизационным управлением, землевладельческими союзами и колонистами. Кроме того, ведению этого органа должны подлежат все вопросы касающиеся отчуждения земель и оценки.

Точно также и землевладельцы Латвии предлагали соответствующий проэкт народному представительству в феврале 1920 г., обнаружив свою готовность, ввиду создавшегося в стране политического положения, отдать из своих владений столько, сколько нужно будет, после того как разделят государственные и коммунальные земли. Предпосылкой, само собою разумеющеюся, было вознаграждение владельцев на основе «обычной оценки». Подобно эстляндскому проэкту и данный проэкт предусматривал образование «земле-снабженческих» союзов.

Народные представительства Эстонии и Лифляндии отвергли сотрудничество баронов, и проэкты последних не были даже рассмотрены. Ведь аграрная реформа — как выразился эстонский министр-президент О. Страндман при первом чтении аграрного закона в июле 1919 г. — должна была смести существующий феодальный строй и ту власть, которую крупные землевладельцы имели над народом и страной. Только после полной ликвидации крупного землевладения сможет народ сам решить свою судьбу. Эта социально-политическая точка зрения возобладала в деле проведения аграрной реформы.

Цели аграрной реформы и подготовительные мероприятия.

По существу своему аграрная реформа была и остается явлением политического порядка. По сравнению с ее основной конечной целью, все прочие цели, которые она ставит себе, имеют

второстепенное значение, хотя и должны были бы составлять главную суть реформы. Одной из таких целей является социальная цель, которая вместе с тем имеет выдающееся государственно-политическое значение. Она заключалась в том, чтобы предоставить той части населения, которая составляла постоянный очаг недовольства — безземельным в собственном смысле слова — возможность приобрести собственность, если у них есть к тому желание и способности. Эта часть населения была наиболее доступна большевистской пропаганде и представлялась едва-ли надежным элементом буржуазной государственности. Удовлетворение этой части населения давало надежду на укрепление государственного организма. Ту же цель преследовало и обещание правительства наделить землей солдат, воюющих с большевиками.

Наряду с социальной целью преследовалась и цель экономическая, сводившаяся к увеличению производительности отечественного сельского хозяйства путем раздела крупных имений на мелкие хозяйства. Установить, какая форма производства при местных условиях, является наиболее продуктивной, представляется чрезвычайно трудным. Никогда этот вопрос не был в достаточной мере подвергнут действительно-исчерпывающему или хотя-бы чисто-деловому изучению. Статистического материала по этому вопросу не имеется, а эстонская анкета 1919 года с ее скудными результатами, не может дать нам нормальной картины, так как войной и революцией созданы были условия ненормальные. Крестьянские хозяйства располагали, пожалуй, более многочисленным живым инвентарем, чем хозяйства помещичьи. Но зато крупные хозяйства поставляли на рынок больше продуктов, так как обработка почвы в них была интенсивнее. Склонность латышского и эстонского крестьянина к экстенсивному пастбищному хозяйству несомненна. Такое хозяйство ведется в значительной части на совершенно невозделанных, естественных пастбищах, покрытых камнями и кустарником. В Латвии было

на крестьянских землях	42,41 %	пашни
	25,06 %	лугов
	20,89 %	пастбищ
	5,01 %	неудобной земен
	6,63 %	леса
на помещичьих земля	21,12 %	пашни
	15,12 %	лугов
	8,62 %	пастбищ
	13,56 %	неудобной земля
	41,58 %	леса

Неудобная земля, которая состоит из болот или песчаных полос морского побережья, лишь в малой мере поддающихся использованию, не может приниматься в рассчет, тем более, что при размежевании крестьянских дворов она отошла, главным образом, к

помещичьим имениям. Естественные же пастбища, напротив, могут быть использованы для сельскохозяйственной культуры. Эта культурная работа производилась крупными землевладельцами в большем размере, чем крестьянами. Крестьянские хозяйства имели еще 20,89% диких пастбищ, между тем как крупное землевладение только 8,62%. У крестьян соотношение пашни, луга и пастбища составляет 8,5 : 5 : 4, в крупном же землевладении — 7 : 5 : 2,9. В этом смысле превосходство крупного землевладения представляется точно установленным. Однако, на основании этого единичного факта нельзя делать выводов относительно общей доходности. Поэтому вопрос о том, является-ли при прочих равных условиях мелкое хозяйство более продуктивным, чем крупное, представляется по меньшей мере невыясненным. И в Эстонии и в Латвии желанная цель, к которой стремились, состояла в том, чтобы из хозяйств различной величины создать ту здоровую смесь, которая и здесь, как и в других странах, привела бы к наилучшим результатам с точки зрения народного хозяйства. Немецко-балтийское землевладение в Эстонии и Латвии имело неизмеримые заслуги в деле поднятия уровня всей хозяйственной культуры деревни. Большое число превосходных крупных хозяйств распределенных по всей стране были для эстонского и латышского крестьянина таким примером, влияние которого очевидно. Образцовая организация кредита под недвижимое имущество способствовала успешному развитию крестьянских хозяйств. Высокий по сравнению с русскими условиями уровень хозяйства и жизни эстонских и латышских крестьян об'ясняется только тем примером, который эти последние имели пред собой в лице лучших представителей немецко-балтийского крупного землевладения. Это тем менее поддается отрицанию, что латышский крестьянин Латгалии еще через десятки лет не сравняется с крестьянином прибалтийских провинций. Вот почему устранение научно-образованного сельского хозяина, каковой в Латвии и Эстонии можно было найти почти только среди крупных землевладельцев, представляет собою опасность для сельско-хозяйственного прогресса во всех группах хозяйств и вместе с этим является расточением самых продуктивных рабочих сил деревни.

По уходе немецких войск аграрно-политическая деятельность Эстонского Государства началась с некоторой предварительной регулировки. К концу 1918 года угрожала продовольственная катастрофа, что в связи с всеобщей безработицей, заставило правительство позаботиться о посевной кампании. Первым мероприятием было установление контроля общинных комитетов над помещичьими землями и об'явление государственной собственностью имений земельного банка, казенных имений и помещичьих лесов. Вторым шагом было введение государственного управления в дурно управляющихся или оставленных своим владельцем имениях. Эта

мера, благодаря неспособности или недобросовестности управителей дала столь печальные результаты, что в феврале 1919 года правительство стало сдавать в аренду отдельные участки в имениях, в которых недавно было введено государственное принудительное управление. Поспешность, с которой проведены были эти меры, недостаток надежных и способных чиновников и неустойчивое положение арендаторов привели к результатам прямо-обратным тому, что ожидалось, и вместо увеличения производства наступило сокращение его. Правда, такое состояние продолжалось недолго. Оно кончилось с изданием аграрного закона.

В Латвии война с большевиками продолжалась до лета 1919 года. Так как вслед за ней началась война с войсками Бермондта, то Латвия могла приступить к устройству своих внутренних дел лишь поздней осенью 1919 года. Период времени до подготовки аграрного закона был, поэтому, заполнен самыми необходимыми мероприятиями по оказанию помощи хозяйствам разрушенным войной. Но уже осенью 1919 года правительством был наложен секвестр на целый ряд имений, владельцы которых или бежали или приняли участие в авантюре Бермондта, и введено в них государственное управелние. В конце 1920 года правительство последовало примеру Эстонии и сдало секвестрованные имения по частям или целиком мелким арендаторам в арендное пользование с перспективой передачи их в будущем в полную собственность. Оно даже пошло еще дальше и постановило, что все земли, на которых не ведется хозяйства самим собственником, подлежат сдаче в аренду. От этой меры ожидали поднятия доходности земель, но результаты ее оказались такие же, что и в Эстонии.

Эстонский закон.

По закону от 10-го декабря 1919 г. отчуждаются коронные земли и казенные имения, рыцарские имения, имения юридических лиц, пасторaты и церковные земли, сдававшиеся в аренду фермы — со всей пашней, лесом, неудобной землею, живым и мертвым инвентарем, включая все строения. Вся таким образом отчужденная земля становится государственным земельным запасным фондом.

Отчуждению не подлежат имения служащие общественным, благотворительным или научным целям и те земельные участки, на которых находятся церкви, кладбища и монастырские строения. Закон освобождает от отчуждения инвентарь имения в том случае, если таковой до 11-го ноября 1918 г. перешел во владение арендаторов; далее освобождается от отчуждения инвентарь пасторатских земель, а также инвентарь прежних владельцев, поскольку они нуждаются в нем для полученной в надел земли. Днем перехода собственности считается день вступелния в силу аграрного закона,

причем прежний собственник сохраняет право временного владения всеми имениями, и вплоть до передачи их министерству земледелия несет за них ответственость в качестве «negotiorum gestor» согласно §§ 4423—4463 балтийского провинциального права.

В отношении прав и обязанностей, лежавших на отчужденных земельных участках, закон установил, что они полностью переходят на государство. За-то признаны были недействительными все сделки по покупке земли, поскольку купчая не зарегистрированна в грунтовой книге, в том случае, если таковые сделки заключены были после 12-го июля 1917 г. Установление этого именно срока находится в связи с постановлением Российского Временного Правительства от того же числа, воспрещавшим всякое отчуждение земли. Договоры относительно пользования отчужденной землею, лесами или недрами земли утрачивают совершенно свою силу, причем, однако, министерству земледеля и предоставляется право возобновления подобных договоров. В отношении сервитутов закон различает личные сервитуты (§§ 1199—1250 балтийского провинциального права) которые все без исключения отменяются, и сервитуты вещные. Эти последние сохраняют свою силу, поскольку они не препятствуют разделу и хозяйственному использованию земли. Далее об'являются недействительными все частные или фидеикомиссные ограничения, препятствующие переходу к государству, хозяйственному использованию или разделу земли. При досрочном расторжении арендных договоров закон допускает возмещение: вопрос этот должен быть урегулирован специальным законом.

Вопрос о возмещении, равно как установление тех категорий земель, которые отчуждаются безвозмездно, был отсрочен до издания специального закона: опасались как-бы слишком несправедливое разрешение его (проэкт аграрной комиссии предлагал возмещение в размере $^1/_4$ ипотечной задолженности) не произвело плохого впечатления за-границей. Этот специальный закон до сих пор еще не выработан, за-то отчуждение инвентаря очень подробно разработано в законе, который дополнен был весною 1920 г. рядом постановлений. Закон устанавливает различие между живым инвентарем, за который уплачивается по рыночным ценам 1914 г., и мертвым инвентарем, вознаграждение за который уплачивается по заготовочной цене. Последнее постановление было впоследствии ограничено лишь теми случаями, в которых себестоимость могла быть установлена документальным порядком. За изнашивание инвентаря полагался соответствующий процентный вычет. Оценка поручается 3-членной комиссии, в составе одного представителя министерства земледелия в качестве председателя, одного представителя уездного управления и одного представителя общинного совета; могут быть приглашены также и сведущие лица. Владельцу разрешается лишь посылать своего уполномоченного в

оценочную комиссию, однако, без предоставления ему каких-либо прав. Апелляционной инстанцией для обжалования решений оценочной комиссии является, согласно § 14 закона, верховная оценочная комиссия, состоящая из

а) министра юстиции
б) министра земледелия
в) государственного контролера
г) двух представителей назначаемых правительством.

Раздел четвертый закона трактует о пользовании государственными землями. Леса остаются в собственности и управлении государства. Новое распределение земли должно предотвратить образование нового частного землевладения. С этой точки зрения, на будущее время формой землепользования принципиально является аренда. Срок аренды изменяется в зависимости от сданной в аренду площади земли, равно как от экономического положения землепользователя. Для мелких хозяев предусмотрена форма наследственной аренды на основе специального закона, который, однако, к марту 1923 года еще не был опубликован. Юридические лица научного, общественного или промыслового характера могут получить землю в долгосрочную аренду, в то время как для прочих физических лиц сдача земли может производиться лишь на короткие сорки. Наряду со сдачей в аренду закон предусматривает возможность государственного ведения хозяйства, чего особенно добивались социалисты, так как при этом сохранялись крупные хозяйства.

Как общее правило, величина сдаваемых земельных участков определяется трудовой нормой семьи с 2 лошадьми, причем принимаются во внимание местные условия почвы и сбыта. Имеется в виду образование особых «ремесленных» участков, предоставляемых лицам, для которых земледелие является подсобным занятием. Равным образом закон предоставляет землю городам и местечкам в их непосредственной близости, чем идет навстречу как потребности их в территориальном расширении, так и нужде в огородах.

При подборе землепользователей руководствуются нижеследующими положениями. Установление порядка очереди между кандидатами, предложенными общинным советом, принадлежит уездному упревлению. Установленный порядок очереди, между прочим, подчеркивает национальный момент, все более и более оттесняющий на задний план первоначальную социальную тенденцию. Согласно обещанию эстонского правительства, в первую очередь землю получают:

1) те граждане, которые в освободительной войне отличились особой храбростью,
2) раненые на войне,
3) семьи павших воинов и

4) воины принимавшие в освободительной войне участие в боевых операциях против неприятеля, причем принимается во внимание продолжительность этого участия.

После воинов очередь наступает за безземельными. Если часть отчужденного имения уже ранее сдавалась в аренду мелким арендаторам, то преимущественное право на государственное наделение принадлежит старым арендаторам.

Так как реформа коснулась преимущественно хозяйственно-слабых элементов, то вопрос о постройке жилищ, обзаведении соответствующим инвентарем, вызвал не малыя затруднения. Ввиду этого закон приходит колонисту на помощь, предоставляя государственный кредит неимущим крестьянам на возведение построек, обзаведение инвентарем и — номинально — на производство мелиораций. Мелиоративные работы в крупном масштабе производятся государством. Для финансовой поддержки колонистов и регулирования всех других платежных операций предусмотрено учреждение земельного банка, который, однако же, до марта 1923 г. еще не был основан.

Латвийский закон.

По закону от 24. 9. 1920 г. образуется государственный земельный фонд в целях создания новых хозяйств, расширения существующих мелких хозяйств, удовлетворения земельных нужд хозяйственных предприятий, расширения территории городов и местечек. Этот фонд состоит из государственных земель, имений и лесов, из рыцарских имений, имений принадлежащих рыцарской корпорации и другим юридическим лицам, а также из имений церковных. В день вступления закона в силу все эти имения сразу переходят в собственность государства. Не подлежит отчуждению отделенная от имений и проданная крестьянами земля. Отчуждению подлежат также постройки, поскольку они не служат промышленным целям, выходящим за пределы местного значения.

За прежними собственниками сохраняется часть имения, которая по усмотрению правительства может быть отведена им на любом участке независимо от местонахождения их прежнего жилища. Величина имения остающегося у прежнего собственника не должна превышать 50 гектаров даже и в том случае, если одно и то же имение принадлежало нескольким собственникам. Кладбища, при-церковная земля, монастыри и институты, земли служащие благотворительным и научным целям, а также имения городов отчуждению не подлежат.

Вместе с землей отчуждается и необходимый государству полезный инвентарь за исключением части, потребной для нужд имения остающегося у прежнего собственника.

Отчужденные владения впредь до перехода их к государству остаются в хозяйственном пользовании и заведывании прежних собственников. Пользователь получает все доходы с хозяйства, но государству принадлежит право в любой момент принять владение, возместив расходы за все постройки и улучшения, предпринятые с разрешения правительства. Имения, хозяйство в которых не ведется должным образом, равно как имения, в которых владелец отказывается вести далее хозяйство, немедленно переходят в управление и распоряжение государства.

Все права, связанные с отчужденным владением, переходят к государству. Все арендные договоры считаются расторгнутыми, но могут быть возобновлены правительством. Вещные сервитуты остаются в силе, поскольку не препятствуют пользованию землей и ее разделу. Сервитуты личные отменяются, равно как отменяются запрещения разделов и продаж, фидеикомиссные постановления и обеспеченные закладной требования.

Вознаграждение за отчужденные земли должно быть установлено особым законом. Лишаются вознаграждения те из собственников, кои приговором суда или на основании особого закона утратили право на вознаграждение ввиду враждебного отношения к латышскому народу. Равным образом не получают вознаграждения те из прежних собственников, которые благодаря пользованию имуществом уже вернули капитал в свое время вложенный для приобретения владения.

Вознаграждение за отчужденный инвентарь уплачивается по местным рыночным ценам. Оценка регулируется таким же образом, как и в Эстонии. Вознаграждение за ликвидированныя требования и права имеет быть урегулировано особым законом.

Новые хозяйства не должны превышать размером 22 гектаров. В соответствии с климатическими условиями и условиями сообщения должны быть, кроме того, образованы огородно-садовые хозяйства размером в 10 гектаров. Существующие мелкие хозяйства, не превышающие 15 гектаров, могут быть увеличены путем наделения землей. Арендные хозяйства не подлежат разделу. Для округления двора участки земельного фонда могут быть обменены на не подлежащие отчуждению участки. Правительство вправе удержать за собой земли используемые для культурных общеполезных целей. Строения неподходящие для мелких хозяйств используются для прежних целей или передаются в распоряжение местных коммунальных органов.

Право на долю земельного фонда имеет каждый латвийский воин, не имеющий вовсе или имеющий мало земли. Воинам, основным занятием которых не является земледелие, может быть предоставлена земля в количестве 1—2 гектаров. Во вторую очередь удовлетворяются нужды местного безземельного населения.

Нераспределенная часть земельного фонда сдается в аренду или остается в хозяйственном заведывании государства.

Вновь-образуемые хозяйства и уже существующие арендные хозяйства земельного фонда переходят в наследственную собственность землепользователей. Земля отдается за плату, согласно особому закону.

На будущее время воспрещается сосредоточение в одних руках на правах собственности или наследственной аренды более 50 гектаров земли. Соединение в одних руках более 22 гектаров земли допускается с особого каждый раз разрешения правительства. С другой стороны, не допускается дробление уже существующих хозяйств на дворы ниже 10 гектаров. Кто владеет хозяйством свыше 50 гектаров, должен в течение трех лет продать избыточную землю. Принадлежащие прежним владельцам отчужденных земель арендные фермы подлежат ликвидации, в особом порядке, в течение одного года.

Вопрос о вознаграждении.

Бросается в глаза большое сходство обоих законов. Эстонский аграрный закон более раннего происхождения, и в латвийской редакции могли быть устранены ошибки и введены пункты, необходимость которых обнаружилась эстонской практикой. Но различия обоих законов чисто-формального свойства; основная мысль общая им обоим — полная экспроприация крупного землевладения. В Латвии против закона возражали только национальные меньшинства, а также буржуазная и христианская правая; все прочие партии голосовали за закон, в том числе и крестьянские собственники. В Эстонии закон проведен демократической рабочей партией, социал-демократами и социалистами-революционерами, при воздержании крестьян от голосования. Поведение крестьян-собственников можно об'яснить только тем, что при радикальном настроении широких масс они решили не препятствовать экспроприации крупного землевладения, дабы спасти свои собственные земли.

На принятие этих законов решающее влияние оказали круги, правосознание которых сильно радикализировалось вследствие войны и русской революции. Это были круги населения представленные в парламенте социалистами русской школы и радикально-демократическими депутатами. При решении вопроса о вознаграждении за землю буржуазно-настроенные депутаты остались в меньшинстве и они могли достичь только того, что в законе сделана оговорка относительно возможного в будущем вознаграждения, в случае, если впоследствии будет принят соответствующий закон. Ныне, 4 года спустя, мысль в вознаграждении еще не по-

лучила достаточного распространения, чтобы соответствующий закон мог быть издан. Несомненно, что уплата соответствующего вознаграждения отнюдь не легкая вещь для обоих государств и, само собою разумеется, что проведенное одним ударом отчуждение половины всех земель возлагает тяжелое финансовое бремя на государство. Проект эстонского министерства земледелия 1920 года предусматривал общую сумму вознаграждения в 75 миллионов золотых рублей, — сумма совершенно недостаточная, так как одна лишь ипотечная задолженность отчужденных имений составляла 82 миллиона золотых рублей. Согласно другому рассчету, исходящему, правда, из ценности довоенного времени, ценность отчужденных в Эстонии владений определялась в 207 миллионов золотых рублей. Эта сумма возложила бы на эстонское государство бремя платежей в 31 миллиард эстонских марок. Считая 3% на капитал и 1% амортизации, эстонская казна должна была бы выплачивать ежегодно 1.240 миллионов марок процентов и погашения, — сумма, которая из года в год, соответственно погашению, постепенно уменьшалас бы, так что в течение 100 лет вся сумма была бы погашена. Эстонский бюджет, в данный момент составляющий 6,25 миллиардов марок, возрос бы до 7,75 миллиардов. Но этому увеличению расходов противостоит повышение доходов — в виде дохода от лесов перешедших в собственность государства, не говоря уже о платежах новохуторян.

По эстонскому закону, в основу исчисления вознаграждения за отчужденный инвентарь положены рыночные цены 1914 года за живой инвентарь и цена себестоимости — за инвентарь мертвый. Этот принцип остался, однако, на бумаге, так как в дальнейшем стали, во-первых, руководствоваться при оценке крайне-нискими ценами, во-вторых, правительством был установлен рассчетный курс для золотого рубля, значительно переоценивавший покупательную силу эстонской марки.

Подобным же образом сложилось положение и в Латвии. Стоимость земель правительство оценивает в 34,5 миллиардов латвийских рублей, следовательно, в 15.000 латвийских рублей за гектар. Один правительственный проект предусматривает вознаграждение в размере 520 латвийских рублей за гектар, следовательно, лишь $^1/_{34}$ часть вышеуказанной ценности. Другой проект расценивает золотой рубль равным 0,66 латвийского рубля, так что за 100.000 золотых рублей будут уплачены 66.000 латвийских рублей; эта сумма соответствует стоимости 3 лошадей среднего качества.

Отчуждение земли и подбора колонистов.

Экспроприации подлежат все имения обладающие публично-правовыми привилегиями. На величину и пригодность данного име-

ния дял целей колонизации, на состояние его и способ ведения в нем хозяйства, — закон не обращает никакого внимания. Закон направлен против привиллегированных рыцарских имений, другими словами, против балтийских немцев. Действительно, в латышских или эстонских руках находились лишь в единичных случаях рыцарские имения. Более крупные владения, не обладающие правами рыцарских имений, экспроприации не подлежат. Все соображения народно-хозяйственного порядка отступили назад перед соображениями национально-политическими. Отношение к наилучше поставленным хозяйствам такое же, как и к хозяйствам плохо управляемым и разрушенным.

Точно также и при распределении земель главная роль принадлежит соображениям политического порядка. На первом плане среди получателей земли стоят бывшие солдаты. Закон не спрашивает каждого в отдельности о способности к земледельческому занятию. За солдатами идут безземельные. Социальные и политические мотивы стоят выше экономических. Среди безземельных большинство было занято в сельском хозяйстве в качестве рабочих и, следовательно, знакомы, по крайней мере, с самыми необходимыми приемами земледельческой работы. Среди воинов же многие вовсе не являются земледельцами. По данным статистического управления Латвии в списки заявителей на землю в 1919—20 г. внесены были 43.092 человека; из них земледельцами по профессии и сельскими рабочими были: среди лиц гражданского звания — 91%, среди б. военных — 70%. При распределении земель бывшие солдаты получили 33,4% новых хозяйств, местные безземельные — 41,1%. Здравый смысл сельского населения, имевшего право голоса при распределении земель, оказался практичнее, чем постановления аграрного закона. Большинство действительных колонистов принадлежало к земледельцам по профессии.

В первую очередь, предпочтительно перед категориями указанными в законе, удовлетворялись требования на землю со стороны государства и органов местного самоуправления, товариществ и других предприятий; затем удовлетворялись просьбы о наделении землей местных мелких хозяев. Соискатели обязывались иметь или приобрести самый необходимый инвентарь для ведения хозяйства. За инвентарь, приобретаемый неимущими должны были гарантировать лица или учреждения могущие придти на помощь при начальном оборудовании хозяйства. Лошадь не причислялась к самым необходимым предметам инвентаря, если прочий инвентарь для начала имелся в наличности.

В Эстонии порядок очередности при наделении землей установлен в самом законе. Выбор кандидатов на данные участки производится общинными комитетами совместно с главноуправляющим государственными землями. При этом должны быть приняты во внимание склонность кандидата к земледельческому труду и его

опытность в земледелии. Относительно представления доказательств обладания имуществом не имеется никаких указаний; община по собственному усмотрению решает, достаточно ли обеспечен кандидат материальными средствами. В необходимых случаях средства для приобретения инвентаря предоставляет колонисту министерство земледелия. При получении ссуды от государства инвентарем и строительными материалами целесообразное употребление ссуды гарантируется либо взносом денег и ценных бумаг, либо поручительством. Списки кандидатов от общины поступают в уездное управление, где проверяется правильность формальных и материальных данных и решается вопрос о наделении землей отдельных кандидатов и их очереди. Главноуправляющий государственным земельным фондом заключает аредные договоры с новохуторянами.

Наряду с этим министерство земледелия вправе наделять воинов землей без предварительного опроса общины. Часто бывали случаи, когда офицеры и кавалеры орденов получали в награду землю, независимо от их имущественного положения. Повидимому, это обстоятельство отразилось неблагоприятным образом на наделении землей безземельных и батраков; по данным министерства земледелия к концу 1922 года в деревнях 14.400 рабочих семей остались без работы.

Проблема кредита.

Согласно статистическим данным относящимся к 1920 году из 43.092 соискателей в Латвии 31,32% владели инвентарем и оборотными средствами, 19,66% имели недостаточно средств и 49,02% никаких средств не имели. Соответственно этому при окончательном поселении численное преобладание было за колонистами последних двух категорий. Подобный же состав колонистов дает нам и Эстония. Несостоятельным колонистам эстонское правительство оказывает поддержку в форме долгосрочных ссуд при возведении построек, приобретении инвентаря и производстве мелиорации. Каждый поселенец получает до 162 штук бревен за треть рыночной цены, что составляет около 15.000 эстонских марок. 20% этой суммы поселенец уплачивает при получении леса, а остальная часть из 5% годовых должна быть погашена в течении 20 лет. Кроме того, выдаются ссуды наличными для строительных нужд. Размер этих ссуд установлен в 60.000 эстонских марок для жилого дома, в 40.000 эст. марок для хлева. За ссуды эти также взимается по 5%. Для приобретения необходимого инвентаря отпускаются краткосрочные ссуды, подлежащие возврату в течение 2 лет. Часть инвентаря получена ново-поселенцами из отчужденных имений по цене гораздо ниже

рыночной. Если учесть все льготы и ссуды предоставленные государством колонистам, то получится сумма в 422,5 миллионов эстонских марок, которые государство до настоящего времени израсходовало на поддержку 16.000 новых сельских хозяев, что составляет по 26.400 эст. марок на человека. Это — сумма недостаточная, так как постройка одного только дома обходится, по меньшей мере, в 60.000—100.000 эст. марок. При столь незначительной поддержке положение колонистов очень трудное. Многие из них живут в помещичьих домах отчужденных имений и в рабочих домах, населенных теперь вдвое плотнее против прежнего. Тяжелое положение ново-поселенцев заставило правительство отсрочить арендную плату за 1922 год.

В Латвии с финансовой поддержкой поселенцев дело обстоит не лучше. В аграрном законе этот важный пункт не предусмотрен, и вопрос о кредите был отложен до последующих решений. С 1 мая 1922 года в Латвии действует полномочный государственный земельный орган, которого в Эстонии еще нет. В течении же предшествовавшего периода времени в Латвии действовали постановления подобные эстонским. Для новых хозяйств отпускается строительный лес за треть цены по таксе с отсрочкой платежа. Стоимость леса по истечении 5 лет оплачивается пятью процентами, из которых 4 поступают в счет погашения долга. Этот способ для поселенца гораздо выгодней эстонского. Кредиты наличными отпускались колонистам в форме ссуд под залог движимого имущества на 9 месяцев, под залог недвижимости на 15 лет, в размере до 75.000 рублей на хозяйство. Размер процента — 5, каковой начинают взимать по истечении 4 лет. До основания государственного аграрного банка было выдано новым дворохозяевам субсидий наличными на сумму 120 миллионов рублей. Новый государственный аграрный банк выдает ссуды: на постройку деревянного дома 50.000 рублей, на постройку каменного дома 100.000 рублей, на приобретение живого инвентаря 20.000 рублей. Размер ссуды не должен превышать 2.000 рублей на $^1/_3$ десятины (1 лоф). Аграрным банком до 1 октября 1922 года выдано ссуд 1.553 хозяевам на сумму в 30 миллионов рублей.

III. ПРОВЕДЕНИЕ ЗАКОНОВ В ЖИЗНЬ.

В Эстонии для руководства и контроля за проведением реформы был создан специальный аппарат. В министерстве земледелия установлены 3 новых отдела, а именно:

1. Главное управление по аграрной реформе, на которое возложена организация проведения реформы в жизнь,
2. Управление по межеванию и оценке земель,

3. Главное лесное управление, которому переданы все государственные леса.

В уездах проведение аграрного закона возложено на управляющих землями государственного фонда. В качестве совещательного органа при нем состоит уездный землеустроительный комитет, в составе управляющего государственными лесами уезда, инструктора по скотоводству, старшего землемера, представителя уездного управления, члена мирового суда, трех представителей уездного земства и податного инспектора. Этому комитету предоставлено лишь право вносить принципиальные предложения о парцеллировании и распределении земель. Отчужденные земли в уезде распределяются управляющим государственным фондом по волостям. Волостные управляющие, в свою очередь, имеют наблюдение и контроль за деятельностью управляющих имениями, расположенными в пределах данной волости.

Наряду с этими органами, в ведении которых находится управление и распределение отчужденных земель существуют специальные органы для технических целей. К ним относится главная комиссия по оценке земель, подчиненная управлению по межеванию и оценке земель министерства земледелия. Для экспроприированного землевладельца она является единственной апеляционной инстанцией на решения местной оценочной комиссии. Для технического проведения планировочных работ указом правительства учреждены были особые местные планировочные комиссии в составе 4 чиновников и 2 представителей общинного комитета. Задача такой комиссии состоит в проверке планировочных проектов, представленных старшим землемером, с точки зрения соответствия их местным условиям и интересам. Решения местной комиссии подвергаются вторичной проверке, в отношении их материальной и формальной правильности, и подлежат утверждению в главной комиссии.

В Латвии формально система децентрализации выражена более сильно, так как здесь имеется, по закону, землеустроительный комитет в каждой общине и в каждом уезде; но в действительности и в Латвии преобладающее влияние оказывают чиновники, зависящие от центральной власти.

Отличительная черта всего аграрного бюрократического аппарата состоит в том, что деятельность его находится под сильным влиянием центра. Этим достигается проведение реформы по всей стране в направлении желательном для правительства. Но как раз в этой прямолинейности и заключается одна из главных опасностей. Схематическое отношение к об'ектам колонизации мешает необходимому индивидуализированию — в зависимости от особенностей почвенных условий, естественных влияний и отношений рынка: такое отсутствие гибкости привело к шаблонной фикса-

ции размеров хозяйств и подбора колонистов. Власть бюрократии распространяется на всю страну, но она бессильна как раз там, где требуется совершить наиболее важную работу. Начальство может экспроприировать и разделить имения, отвести участки колонистам и отпустить им кредиты и строевой лес. Но этим колонисту даны лишь самые необходимые орудия; начинающуюся же теперь продуктивную деятельность в собственном смысле слова, возведение построек и одновременно с этим запашку полей, представляющие собственно-колонизаторскую деятельность, бюрократия предоставляет самому колонисту. Для проведения необходимой дорожной сети, для устройства школ, организации санитарных учреждений, не делается почти ничего. Обо всем этом должен колонист позаботиться сам, предоставленный собственным силам, умению и опыту.

Таковы те отрицательные явления, влияние которых еще усугубляется, когда бюрократический персонал не обладает необходимыми качествами, — обстоятельство, которое дает себя чувствовать особенно сильно в молодых государствах. Радикальный характер реформы требовал вдвойне тщательного подбора исполнительного персонала, но стремительная поспешность ее проведения делала такой подбор невозможным. Нередко на должность назначалось лицо, которое до нее не доросло — и многие такие чиновники не устояли против искушений власти: в Эстонии государственный контроль в одном лишь 1921 году обнаружил при ревизии в 1244 случаях денежные хищения на сумму 234 миллиона эстонских марок, причем подвергались наказанию 254 чиновников и 74 частных лица. Правительства обоих стран постепенно улучшали персональный состав чиновников, так что, по крайней мере, такие грубые нарушения элементарнейших понятий права стали реже. При всех недостатках чиновничьего аппарата, работоспособность его сама по себе все же велика: принятие отчужденных владений, производство землемерных работ в свыше 10.000 хозяйствах, выбор и поселение колонистов со всеми относящимися сюда многочисленными побочными задачами, и все это, в каких-нибудь 3—4 года — представляет значительный успех. Конечно, такой успех был возможен только потому, что все работы, в интересах спешности, проведены были шаблонным образом, и на тщательное исследование отдельных случаев мало обращалось внимания.

Круг задач аграрных властей чрезвычайно обширен, тем более, что в деревне не существует размежевания между отдельными задачами. Вся тяжесть работы падала на плечи тех же самых чиновников. Важнейший пост занимает в Латвии уездный земельный инспектор, в Эстонии — управляющий фондом государственных земель. Они принимают в заведывание имения и инвентарь, они решают вопрос о том, какое применение дать отчужденным землям на время переходного периода, они решают, сдавать-ли имения в

аренду мелкими участками или с сохранением крупного хозяйства, им принадлежит выбор лиц, которым временно вверяется заведывание как мелкими, так крупными хозяйствами. Вместе с тем им принадлежит право отбора тех имений, которые подлежат окончательной разбивке, они составляют план раздела, несут ответственность за правильность измерения подлежащей разделу площади, решают вопрос о выборе поселенцев и отводят им землю. Во всех вопросах связанных с кредитом им принадлежит решающее значение. Наряду с этим они регулируют вопросы об оставшейся части отчужденных имений, об округлении уже существующих арендных хозяйств и об отводе участков прежним арендаторам.

Разверстание земель.

Окончательный раздел земель должен был быть произведен с максимально-возможной быстротой. Поэтому решено было отказаться от предварительного точного обмера имений подлежащих разделу, воспользовавшись наличными планами для спроектирования новых хозяйств на бумаге. С этими проектами чиновники отправлялись на места, где вместе с соседями и местными комитетами проверяли целесообразность составленного плана и, в случаях необходимости, производили регулирование плана и обмен разбросанных кусков. После этого к делу приступали землемеры для установления границ новых хозяйств.

Из земельного фонда находящегося в Лифляндии и Курляндии было за 1921—1922 г. распределено следующее количество земель:

Выделено для нужд товариществ	975	участков с	7237,2	гект.	=	2,7 %
„ „ „ мелк. хозяев	663	„ „	48 76,0	„	=	1,7 %
Участки для обмена	229	„ „	3729,0	„	=	1,3 %
Арендные участки	358	„ „	9170,9	„	=	3,3 %
Округление границ	85	„ „	1102,5	„	=	0,4 %
Многолетние пользователи помещичьей землей	1696	„ „	28644,9	„	=	10,1 %
Новые хутора	13814	„ „	228195,3	„	=	80,3 %
Разные	110	„ „	1050,8	„	=	—

Ново-хуторскими участками были наделены следующие соискатели:

1. категория	(кавалеры орденов, семьи павших, военн. инвалиды)	316 = 1,9%	всей разверстан. земли
2. „	(Воины и борцы за свободу в 1905/1906 г.) . .	5272 = 31,5%	„ „ „
3. „	(Местные безземельные)	7201 = 41,1%	„ „ „
4. „	(Прочие соискатели с инвентарем)	981 = 5,7%	„ „ „
5. „	(Прочие соискатели без инвентаря)	44 = 0,1%	„ „ „

Для Эстляндии статистических данных об отдельных группах лиц получивших землю не имеется. Имеется лишь суммарная сводка, согласно которой землю получили:

Получатели земли	Число участков	Десятин	%
Крестьянские участки	14.725	321.288	83.0
Ремесленные участки	859	3.964	1.0
Дополнительные участки	634	3.145	0.9
Итого распределено между соискателями	16.218	328.397	84.9
Промышл. предприятия . . . Сельско-хоз. специальн. цели (§ 65)	687	1.167	0.3
Учреждения	500	11.283	2.9
Чиновники	846	14.515	3.8
На специальные цели	2.033	34.279	8.9
Земельный запас	698	24.309	6.2
Всего обмерено и сдано в арендное пользование	18.949	386.985	100.0

Из этих данных видно, что свыше $^4/_5$ распределенной земельной площади пошло на образование нормальных крестьянских хозяйств.

Все розданные государством земли сданы на правах аренды. Продолжительность аренды для новых хозяев установлена в 6 лет. При удовлетворительном ведении хозяйства предусмотрена аренда наследственная. Установлены подробные правила относительно рода землепользования, прав расторжения арендного договора государством и арендатором, а также права дальнейшей передачи земли в аренду. Арендная плата установлена на основе податного рубля (налог на доход с земли), считая 5 килограммов ржи за 1 рубль. На арендную плату начисляется 10% если хозяйство отстоит на 5 — 10 километров от города или крупного рынка и 20% при расстоянии менее 5 километров.

В Эстонии и Латвии преобладала хуторская система. Как рыцарские усадьбы, так и крестьянские дворы были, по большей части, расположены посередине принадлежащих к ним земельных угодий — поэтому в подавляющем большинстве случаев не требовалось никаких изменений в смысле округления хозяйств. Только покосы находились кое-где не в непосредственной связи с остальными угодиями; в интересах равномерного наделения покосами отдельных дворов—этого в свое время нельзя было избегнуть. Раздел имений на мелкие хозяйства опять-таки совершен был таким образом, что повсюду новые хозяйства образовали сеть хуторов. Только в редких случаях предстояла необходи-

мость делить и разбросанные в разных местах участки, ввиду недостатка покосов и пастбищ внутри отведенной хуторянину площади. В общем, однако же, можно считать, что выдел земли в одном месте произведен был для новых хозяйств удачно. Отдельных общин при этом не возникло; новые хозяйства вошли в состав крестьянских обществ данной местности.

Там, где оказалось необходимым и возможным, был произведен обмен разбросанных участков на новые из земельного фонда. Эстонская статистика таких случаев не приводит, в латвийской же статистике указаны 229 случаев обмена участков и 85 случаев округления границ, — признак того, что в округлении хозяйств исправления требовались редко. Иначе обстояло дело в Латгаллии, где имеется много мелко-крестьянских хозяйств с расположенными чересполосно угодиями.

В Латвии аграрный закон предписывал оставить прежнему собственнику участок земли равный хозяйству средних размеров, причем участок этот мог быть отведен в любом месте имения. Размер участка определен был в 50 гектаров; ранее, однако же, были утверждаемы и участки большого размера. Участки оставленные прежним собственниками имели следующий размер:

Площадь	Число	%
от 45 до 50 гектаров	77	10,2
„ 50 „ 60 „	563	74,7
„ 60 „ 90 „	23	3,0
„ 90 „ 100 „	91	12,1
	754	100,0

Эстонский аграрный закон никаких правил относительно предоставления земли прежним собственникам не содержит, оставляя этот вопрос открытым. Таким образом, вопрос о том, получит ли землю прежний собственник зависел от решения общины. С согласия общины ему могла быть отведена только одна парцелла нормальных размеров (следовательно, около 15 — 25 гектаров), которую, однако же, он местами мог увеличить арендой других парцелл, оставшихся неиспользованными их владельцами.

Сведения о предоставлении земли прежним собственникам при разделе имений были собраны эстонским союзом сельских хозяев. Согласно этим введениям результаты представляются в следующем виде:

Число имений подвергнутых разделу	369 = 100%
В скольких случаях прежние собственники получили парцеллы?	142 = 38,4%
В скольких случаях парцелла находится в центре имения?	64 = 17,3%

В скольких случаях к парцелле относится сад и парк? . . . . . 57 = 15,4%

В скольких случаях прежний собственник получил в свое распоряжение жилой дом

а) целиком 49 = 13,2%

б) частью 40 = 10,8%

Аграрное законодательство низвело прежних крупных землевладельцев на положение крупных крестьян. Часть их вследствие этого эмигрировала за-границу. Значительная часть их, однако же, осталась на родине, в оставшейся части имений и на отведенных парцеллах, обрабатывая их своими руками. Поразительно, с какой энергией и настойчивостью эти прежние крупные землевладельцы, их семьи и дети, несут выпавший на их долю жребий и с каким упорством работают они над расширением своего крупно-крестьянского хозяйства. Радикальное изменение образа жизни и события последних лет несомненно изменили духовный облик бывших господ. Почти везде, где собственники остались в деревне, ничинают складываться человеческие отношения доверия между носителями знатных фамилий, родовитыми представителями немецкого дворянства и туземным земледельческим населением. Нередко к балтийскому немцу эстонцы и латыши обращаются за советом при важных вопросах сельскохозяйственной жизни, избирают их на руководящие посты в товарищеских предприятиях, а в некоторых случаях привлекают к работе и в политических органах общины.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ.

В Латвии в состав государственного земельного фонда вошли следующие отчужденные земли (в гект.):

Провинции	Бывш. частной собственности	Бывшей государств. собств.	Бывш. церковных владений	Всего гект.
Лифляндия	1 144 984	62 540	31 284	1 238 808
Курляндия	1 124 594	491 446	31 320	1 647 360
Латгалия	746 271	73 748	4 227	824 246
	3 015 849	627 734	66 831	3 710 414

Из этой площади занято было (в гектарах):

	лесом	неудобной землей	с.-хоз. угодьями
Лифляндия	503.105	218.933	516.764
Курляндия	760.314	164.710	722.336
Латгалия	233.360	175.087	415.799
Латвия	1.496.779	558.730	1.654.899

В 1921 году земельный фонд распределялся следующим образом:

в управлении государственных лесов . . . . . 2.058.876 гектаров.
„ „ министерства земледелия . . . 1.651.538 гектаров.

На колонизационные цели могла быть обращена только та часть фонда, которая находилась в распоряжении министерства земледелия. Из этой части выделено было:

на образование 27.386 новых хуторов	461.925.—	гект.
Кроме того, было выделено:		
для наделения 1.120 существующих арендных хозяйств. .	42.957.57	„
5.889 участков для особых целей	72.238.07	„
1.922 участка на образование «остаточных» имений	17.519.95	„
18 имений, оставленных в государственном управлении . . .	1.336.90	„
	134.052.49	гект.

Таким образом для колонизац. целей из	1.651.537.72	гект.
за вычетом	134.052.49	гект.
оставалось	1.517.485.23	гект.

Если соответственно числу новообразованных хозяйств принять средний размер хозяйства равным 17 гектарам, то из этого фонда могут быть образованы 89.263 хозяйства. Если принять среднее число членов семьи колониста — согласно выше приведенным расчетам — в 6 человек, то общая численность населения могущая быть расселенной составляет 535.578 человек. Это значит, что $^1/_8$ всего населения может быть обеспечена землей. Так как, согласно прежним вычислениям, половину сельского населения составляют безземельные, то надо полагать, что и после разверстания фонда останется некоторое, хотя и сильно сокращенное, количество безземельных. В Латвийском министерстве земледелия полагают, что изменение способов землепользования в Латгалии (переход на хутора) вызовет некоторое сокращение полезной с.-хоз. площади, поэтому можно будет основать только 80.952 хозяйства. Число безземельных будет, стало быть, еще несколько больше. Повидимому, нет никаких сомнений в том, что, несмотря на радикализм аграрной реформы, обеспечения землей в с е х безземельных ожидать не приходится.

В Эстонии результаты реформы представляются в следующем виде *):

Подлежит разверстанию из прежних имений	Участки прежних арендаторов и малоземельных крестьян	Леса и пустоши, отчужденые главным лесным управлением	Общая площадь отчужденных земель
	в десятинах		
607.505	494.968	1.045.349	2.147.822
	в процентах		
28,3	23,0	48,7	100

Главная доля государственного земельного фонда отошла, таким образом, к главному лесному управлению, получившему 1.045.349 десятин, или 48,7% всей площади отчужденных земель. Другая часть отчужденных земель, в количестве 494.968 десятин, или 23% всей площади, для целей колонизации не может быть принята в рассчет, так как она занята прежними арендаторами и теми малоземельными, которые служили постоянным кадром рабочих для господских экономий; для них перемена внесенная реформой состоит в том, что теперь аренду приходится платить не частным собственникам, а государству. Остается, следовательно, земельный фонд площадью всего лишь 607.505 десятин, или 28,3% всей площади экспроириированных земель. Она-то и составляет основу всей колонизационной деятельности.

Хозяйственное использование парцеллированных земель представляется в 1922 — 23 г. в следующем виде:

мелкие хозяйства	417.165	десятин	= 68,7%
крупные хозяйства.	190.349	„	= 31,3%
весь разверсточный фонд	607.505	„	= 100%

В результате аграрной реформы, в течении 3 лет более двух третей колонизационного фонда перешло к мелкому хозяйству и только едва одна треть осталась в пользовании крупных хозяйств.

Прогрессивный рост колонизаторской деятельности виден из количества отведенных и обмеренных земель (в дес.):

в 1920 — 21 году	87.269	= 14,4%
„ 1921 — 22 „	309.956	= 51,0%
„ 1922 — 23 „	389.122	= 64,1%

В первом году было разверстано 14,4% всей подлежащей отчуждению площади, на следующий год уже разверстано было в

*) Eesti Statistika Kunkiri, Выпуск 6—8.

3½ раза больше, а в 1922 — 23 хозяйственном году 64,1% всей площади земельного фонда были распределены.

Разверстанные до 1921 года 309.956 десятин распределяются между 17.549 новыми хозяйствами; средний размер хозяйства равен 17 десятинам. Следовательно, из всего фонда могут быть образованы 35.735 новых хозяйств. Если считать по 6 человек на хозяйство, то получим общее число в 214.410 человек, могущих быть поселенными на землях фонда. Численность земледельческого пролетариата в собственном смысле слова определена выше в 276.099 человек, так что и в Эстонии остается некоторая часть безземельного населения.

а) Размер новых хозяйств.

До конца 1921 года образованные в Латвии новые хозяйства распределяются по размерам на следующие группы:

Группы хозяйств	Число	Площадь (в гект.)	% площади
до 2 гектаров	1059	1332,92	0,3
от 2 до 5 гект.	905	2539,50	0,5
„ 5 — 10 „	921	7314,44	1,6
„ 10 — 15 „	4733	62267,23	13,4
„ 15 — 22 „	16260	303222,25	66,0
свыше 22 „	3508	85247,47	18,2
	27386	461924,81	100%

Подавляющее число хозяйств больше 10 гектаров, так что группа мелких и средних крестьян, бывшая ранее незначительной в Латвии, теперь слишком удвоилась

В Эстонии группировка новых хозяйств по размерам видна из нижеследующей таблицы:

Группы хозяйств	Число хозяйств	%
до 5 десятин	1144	6,5
от 5 до 10 десятин	957	5,4
„ 10 — 15 „	1842	10,5
„ 15 — 20 „	4760	27,1
„ 20 — 25 „	4452	25,4
„ 25 — 30 „	2380	13,6
свыше 30 „	2014	11,5
	17549	100%

Наибольшее число новых хозяйств располагает площадью от 15 до 20 десятин; 77,6% или свыше ¾ всего числа дворов имеют размер свыше 15 десятин. Следовательно, и здесь наблюдается сильный прирост мелко- и среднекрестьянского владения.

Полную сводку изменений, происшедших вследствие перераспределения земельной собственности в обоих странах можно будет дать лишь по окончании работ по разверстанию земель.

В процентном отношении к посевной площади 1909—1913 г.г. посевы важнейших растений в Латвии изменились за последние годы в процентном отношении следующим образом, (принимая посевы 1909 — 1913 г.г. за 100):

б) Обработка полей, урожаи и количество скота.

Годы	Рожь	Ячмень	Овес	Лён	Картофель	Горох
1909 — 13	100	100	100	100	100	100
1920	56,08	64,81	70,46	43,81	61,85	86,17
1921	64,67	76,50	80,23	49,02	74,01	117,75
1922	68,09	82,84	90,14	—	—	—
Урожаи в Латвии (в процентах):						
1903 — 13	100	100	100	100	100	100
1920	36,57	38,48	40,50	41,38	58,69	—
1921	76,54	79,76	83,95	53,06	88,62	—
1922	53,43	86,31	98,11	63,36	102, 2	—
Сбор урожая (в тысячах пудов):						
1903 — 13	9,32	9,09	9,16	3,62	79,85	—
1920	9,57	5,54	5,15	3,40	78,51	—
1921	11,56	11,48	10,02	4,05	100,05	—
1922	7,25	9,33	9,79	4,74	—	—

Количество скота в Латвии (в процентах):

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней
1903 — 13	100	100	100	100
1920	78,44	81,80	95,08	83,08
1921	88,29	87,66	113,65	86,53

Положение сельского хозяйства Эстонии характеризуется следующими таблицами:

Посевная площадь (в десятинах):

Годы	Общая посевная площадь	В том числе под:				
		рожью	овсом	ячменем	картофелем	льном
1916	707.279	148853	171763	117898	62043	31218
1919	595.075	121140	124175	95894	50135	12623
1920	612.939	129878	130022	101126	58254	18537
1922	832.531	127815	134083	109496	63858	18348

Сбор урожая (в тысячах пудов):

Культуры	1910/14	1919	1920	1921	1922
Рожь	10116	7842	5941	11318	8990
Пшеница	660	784	457	940	1263
Ячмень	7312	5945	362	7606	8865
Овес	6141	6825	4740	8912	8912
Картофель	44791	30486	35289	47722	43817
Лен (семя)	932	379	290	482	508
Лен (волокно)	1038	366	315	410	575

В эту таблицу за 1921 — 22 годы вошли также уезды Печорский и Валкский, между тем как за предыдущие годы данные об них не учтены. Ввиду этого для сравнения нужно было-бы цифры за последние два года уменьшить на 9 — 10%.

Сбор с гектара земли в Эстонии (в двойных центнерах):

Годы	Рожь		Пшеница		Ячмень	Овес	Картофель
	озимая	яровая	озимая	яровая			
1901 — 10	10,4	7,6	12,1	9,2	10,09	8,4	99,8
1911	12,2	8,7	12,06	12,4	10,13	8,6	104,8
1912	12,5	8,6	13,3	10,3	9,3	8,2	86,5
1910 — 19	10,79	7,48	11,25	8,58	9,27	8,98	104,2
1919	9,59	7,54	10,04	9,15	9,15	8,12	89,74
1920	6,44	5,46	6,20	5,61	5,21	5,46	89,5
1921	11,85	8,0	17,52	9,93	10,71	10,83	117,1
1922	9,14	8,0	10,35	9,09	10,62	8,91	93,64

Количество скота в Эстонии (в процентах):

Годы	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней
1916	100	100	100	100
1919	86,0	73,7	63,8	47,5
1920	85,4	80,1	80,0	82,4

Общий вывод, который пока что вытекает из этого статистического обзора, формилируется как падение общей производительности сельского хозяйства в обоих странах. Как по сбору урожая, так и по посевной площади сокращение вначале было весьма значительное.

В Латвии наименьший сбор дает 1920 год,—год начала аграрной реформы. В 1921 году посевная площадь увеличивается незначительно, цифра же урожайности — вдвое; такой результат в отношении урожайности об'ясняется чрезвычайно благоприятными атмосферическими условиями. В 1922 году посевная пло-

щадь возрастает, однако, не достигает еще размеров до-военного времени. Урожайность почти всех растений, включая и картофель, отстает на 2 — 47% по сравнению с состоянием мирного времени. Сбор с гектара в 1920 году упал почти на половину, в 1921 году благоприятная погода дает ненормально высокий сбор, в 1922 году сбор в общем не отстает от мирного времени.

В Эстонии наибольшее сокращение во всех статистических сводках дает 1920 год; в этом году посевная площадь сокращается на 12%, зерновые кормовые хлеба дают сбор по количеству вдвое меньше нормального, а плохо обработанные поля дают очень незначительный сбор с гектара. Этот год является в собственном смысле слова годом аграрной реформы, когда вступают в силу аграрные законы и распоряжения. 1921 год, вследствие особенно благоприятных естественных условий, приносит рекордные сборы, превзошедшие сборы последних 20 лет; несмотря, однако, на чрезвычайно благоприятное произрастание хлебов, общий урожай не превысил размеров нормального урожая довоенного времени, и лишь некоторые культуры дали больше. Урожай же 1922 года, отличившегося скорее неблагоприятной, чем нормальной погодой, отстает от до-военных урожаев.

Неблагоприятные результаты 1919 года в Эстонии и 1920 года в Латвии являются следствием войны и внутренних волнений. Результаты 1920 года в Эстонии и 1921 года в Латвии определялись не только тяжелыми последствиями войны, но и прямым действием аграрной реформы. Результаты 1921 года в Эстонии и 1922 года в Латвии не достигают полностью средней цифры довоенного времени; недалекое будущее покажет, являются ли эти влияния аграрной реформы только временными и будут ли результаты ближайших лет более благоприятными.

в) Влияние на внешнюю торговлю.

Аграрная реформа в течение первых лет имела очень неблагоприятное влияние на вывоз сельскохозяйственных продуктов. До войны Эстония сама прокармливала себя и, сверх того, в вывозе сельскохозяйственных продуктов имела серьезный источник дохода. После реформы торговый баланс страны представляется в следующем виде (+ превышение вывоза, — превышение ввоза в пудах):

	Растит. с'естные припасы	Живой скот	Продукты животноводства
1920	— 345.891	+ 36	— 6.559
1921	— 2.033.912	+ 613	— 52.401

Между тем в 1910 — 13 г.г. Эстляндия ежегодно вывозила 490.500 пудов мяса. Так же обстоит дело и с прочими продуктами

питания. Производство молока, напр., составляло перед войной 61 миллион литров, а в 1920 году 17,7 миллиона. Экспорт масла за первое полугодие 1922 года снова достиг уже 1 миллиона кило. Между тем перед войной вывозилось ежедневно по 189.000 кило молока в непереработанном виде или в виде масла. Процветавшее некогда производство спирта упало в 1921 — 22 году до 19,4% производства 1913 — 14 года. Другой из важных предметов экспорта, лен, дал в 1922 году только около половины урожая, обычного за период времени 1910 — 1914 г.г.

О внешней торговле Латвии до войны статистических данных не имеется. Подобно Эстонии она вывозила из сельскохозяйственных продуктов, главным образом, лен и молочные продукты. За исключением незначительного количества хлеба, ввозимого извне, Латвия подобно своей соседке могла покрывать все продовольственные свои нужды собственным производством. В 1921 году Латвия ввозила продовольствия на 1.740 миллионов латвийских рублей, вывозить же была в состоянии только на 76 миллионов латвийских рублей.

В настоящее время оба государства уплачивают за свое продовольствие отчасти вывозом леса. Предметы сельскохозяйственного вывоза, в собственном смысле слова, имеются в слишком недостаточном количестве, чтобы покрыть ввозимое продовольствие. Так, напр., урожай льна и в Латвии дал в 1922 году всего лишь 63% годичного урожая за пятилетие 1909 — 1913 г.г.

Во всяком случае ввоз сельскохозяйственных произведений из заграницы в настоящее время, повидимому, значительнее, чем он был в довоенные годы. Вывоз за-границу упал. Окончательное влияние этого факта на сельскохозяйственный баланс можно будет учесть после того как хозяйственная жизнь страны снова войдет в нормальное русло. На первую четверть 1922 года торговая статистика Эстонии отмечает превышение вывоза сельскохозяйственных продуктов.

г) Общее значение аграрной реформы.

Аграрная реформа в Эстонии и Латвии еще не закончена. Пройдет еще несколько лет прежде чем последний участок взятых на учет земель достигнет своего назначения. Невозможно, поэтому, дать окончательное суждение в настоящее время об успехах реформы и определить, в какой мере достигнуты намеченные ею цели. Кроме того, столь глубокий переворот в строе аграрных отношений требует значительного промежутка времени для полного обнаружения всех влияний, какие он имел в политическом, социальном и экономическом отношениях. Ввиду этого возможно лишь дать, до некоторой степени, верную картину для

настоящего времени, не делая отсюда слишком широких выводов относительно будущего.

Политическая цель реформы достигнута в полной мере. Господствующему положению немецко-балтийского крупного землевладельца наступил конец. Вместе с этим радикально устранены и недостатки, присущие старому строю аграрных отношений. Ближайшие годы должны показать, в какой мере полный разрыв с аграрным историческим развитием является выигрышем для обоих стран. В жертву политической цели были принесены и те части крупно-владельческого хозяйства, которые вели действительно продуктивную работу. Что этим нанесен был ущерб народному хозяйству — представляется бесспорным, хотя ущерб этот и трудно поддается цифровому выражению. Косвенное доказательство этому можно будет привести лишь после того, как с течением времени будут преодолены влияния войны.

Аграрную реформу лишь тогда можно будет назвать успешной в народно-хозяйственном смысле, когда не только достигнута будет довоенная производительность почвы, но и сельское хозяйство в целом получит новый толчек к развитию. Для этого необходимы помощь новым колонистам советом и средствами, равно как дальнейшие мероприятия для содействия производству. Оздоровительный процесс, явно намечающийся в сельском хозяйстве, не должен более стесняться вмешательством закона. Поэтому достойны осуждения те стремления, которые направлены к раздроблению немногих еще оставшихся — особенно, в Эстонии — крупных хозяйств. Сохранение этих крупных хозяйств является насущной необходимостью для развития сельского хозяйства. Все эти хозяйства представляют собой превосходно ведущиеся образцовые имения, которые могут соперничать с наилучшими хозяйствами Германии. Измельчание этих имений причинит такой ущерб, который нельзя будет возместить в течение десятилетий.

Одним из весьма существенных результатов аграрного переворота явился переход лесов в руки государства. Эстония и Латвия создали себе благодаря этому, очень богатый источник дохода. Вопрос лишь в том, будет ли государственное управление способствовать развитию лесного хозяйства. Пока что переход лесов в ведение государства в Эстонии и Латвии не имел положительного влияния на культуру лесов. До сих пор вырубке леса придавалось большее значение, чем лесонасаждению: в интересах увеличения государственных доходов растрачивали капитал.

Социальные результаты аграрной реформы тесно связаны с результатами народно-хозяйственными. Наделив безземельных землей, аграрная реформа этим одним еще не достигает социального успокоения. Последнее предполагает экономическую устойчивость и, следовательно, зависит от того, будут-ли ново-хуторяне

на своей земле благоденствовать и не будет-ли хозяйственное бремя через-чур тяжелым. Если бы только все зависело от доброй воли, прилежания и настойчивости, то будущность массы новых поселенцев представлялась бы в очень розовом свете. Впечатление, которое производят колонисты в Эстонии и Латвии таково, что эти люди делают величайшие усилия, чтобы сохранить за собой свой участок ценою неустанного труда и больших ограничений. Если, тем не менее, положение колонистов в данный момент чрезвычайно тяжелое, и многие из них думают о будущем с большой тревогой, то причину этого нужно искать не в самих колонистах, а в тех ошибках, которые были допущены при проведении реформы. Аграрное законодательство переоценило способность государства к творческой продуктивной работе. С другой стороны, оно недооценило тех издержек, каких потребует создание большого числа новых хозяйств даже в том случае, когда земля почти ничего не стоит. Таких крупных сумм не было в распоряжении обоих государств, — по крайней мере, в тот короткий промежуток времени, в течение которого новые хозяйства должны были быть созданы. В результате многие колонисты вынуждены были начать хозяйство, располагая недостаточным живым и мертвым инвентарем, недостаточными хозяйственными постройками и ограниченными денежными средствами. Весьма понятно, поэтому, что будущее колонистов многим рисуется не столь уже светлым. Успех в значительной мере будет зависеть от того, удастся-ли обоим государствам усилить помощь колонистам и разрешить удачно вопрос о кредите.

Впервые за сотни лет эстонцы и латыши имеют возможность, в качестве государственных наций, самостоятельно решать свою судьбу. Новый строй аграрных отношений должен быть фундаментом молодых государств. Для этого безусловно необходима была глубокая аграрная реформа, которая влила бы новые силы в оцепенелую жизнь деревни и открыла свободный путь социальному развитию. Тот способ, при помощи которого аграрное законодательство стремится достигнуть этой цели, означает полный разрыв с историческим развитием и уничтожает, вместе с остатками феодализма, много жизнеспособных элементов. Будущее должно показать, в состоянии ли новая аграрная конституция создать прочные отношения и следовательно создать основу внутренней мощи новых государств.

ПОЛЬША И ЛИТВА

ПОЛЬША

I. АГРАРНЫЙ СТРОЙ.

Из проблем внутренней политики на первое место выдвигается в Польше аграрная проблема. Только вопрос о национальных меньшинствах — впрочем, тесно связанный с земельным вопросом — имеет, пожалуй, еще более важное значение. Земледельческий характер Польши достаточно полно — за отсутствием пока всеобщей переписи современного народного хозяйства — вырисовывается на основании старых статистических данных, относящихся к отдельным провинциям. Из этих цыфр явствует, что в прежнем Царстве Польском (1897) от земледелия и лесного хозяйства жило 57% населения, в Галиции и восточных окраинах (1897) — 73%, в Познани и зап. Пруссии (1907) — 54% и 50%; только в польской части Верхней Силезии и в Цешинской Силезии (промышленная часть которой присоединена к Чехословакии) перевес на стороне промышленности и горного дела. Несомненно поэтому, что от развития сельского хозяйства, от той или иной формы аграрных отношений, зависит вся экономика страны. От него зависит также разрешение многих наиболее важных и трудных социальных и национальных проблем.

Нынешняя Польша составилась из трех частей: прусской, австрийской и русской. Условия в каждой из этих частей, как политические, так и экономические — различны. Мало того, в зависимости от характера исторического развития, условия в бывшем Царстве Польском, с одной стороны, и в так наз. «Кресах», с другой — совершенно различны. Точно также в Познани и Зап. Пруссии условия отличаются от условий Верхней Силезии. Не меньше различий мы видим между Силезией, с одной стороны, и Галицией, с другой — входившими прежде в состав Австро-Венгрии. В силу указанных исторических обстоятельств аграрный строй Польши отличается большим разнообразием.

Прусская Польша.

В провинции Познани аграрные законы проводились в первой половине 19 в. гораздо настойчивей, чем в исконных провинциях Пруссии; выразителями национальной польской идеи в то время были одни лишь дворяне-помещики, и потому благодеяния аграрной реформы польский крестьянин должен был почувствовать в более полной мере, чем немецкий крестьянин Померании и Силезии. Быстрое превращение сравнительно многочисленных крестьян в свободных от каких бы то было повинностей собственников отличает реформу в Познанском Герцогстве от реформы в других частях Пруссии. К 1850 г. процесс превращения был почти целиком завершен, и таким образом создана была основа для расцвета сельского хозяйства на ближайшие десятилетия.

Провинция Познань есть район выраженного крупного землевладения; в 1907 г. на долю крупновладельческого хозяйства приходилось 46% с.-хоз. площади всей провинции. По данным новейшей переписи на 1 июня 1921 г. в Познанском воеводстве хозяйства размером свыше 50 гект. (не считая государственных имений) занимали всего площадь в 1.109.537 гект., или 41,7% всей площади воеводства, причем владения размером от 50 до 100 гект. занимали площадь в 77.667 гект., т. е. только 7,2% крупного частного землевладения. Уже отсюда явствует, что крупнокрестьянское хозяйство в Польше представлено весьма слабо, что, главным образом, зависит от установившегося среди польских крестьян обычая р е а л ь н о г о дележа наследства.

В Зап. Пруссии условия в общем те-же, что в Познанском воеводстве, с той лишь разницей, что крупное землевладение представлено несколько слабей. В 1907 г. (по германской переписи) на долю крупного хозяйства приходилось 36,8% всей с.-хоз. площади. В худшей в сельско-хоз. отношении северной половине провинции, Кашубии, преобладает мелкая земельная собственность; также и в долине р. Вислы доминирует крестьянское хозяйство. Согласно польской статистике 1921 г. крупное землевладение (свыше 50 гект.) занимает 493.739 гект., или 30,1% с.-хоз. площади, причем на группу хозяйств от 50 до 100 гект. приходится 21,3% крупного частного землевладения. На восточном берегу Вислы и в уездах Диршау, Меве и Цемпельбург крупное землевладение представлено наиболее сильно.

Итак, в той части Польши, которая отошла к последней от Пруссии, мы видим следующую картину распределения земельной собственности: в Познани весьма значительное крупное землевладение рядом с мелко-крестьянским и с весьма слабо представленным средним землевладелием, не исключая даже имений от 100

до 500 гект., составляющих только 20,5% площади крупного землевладения. В Зап. Пруссии крупное землевладение играет несколько меньшую роль, за-то крестьянское хозяйство — как мелкое, так и крупное — занимает большее место, чем в Познани; группа имений от 100 до 500 гект. также дает в ней более значительный процент (30,4%). В обоих воеводствах земельная собственность не раздроблена чрезмерно. На 100 тыс. гектаров площади приходится в зап. Пруссии 1.398 частных владений размером меньше 2,5 гект., а в Познани — 1.136, что в общем соответствует среднему соотношению в восточных провинциях Пруссии.

Иные условия мы наблюдаем в польской части Верхней Силезии, — стране крупных латифундий, с одной стороны, чрезвычайно раздробленной земельной собственности, с другой. Известно, что свыше 25% собственно Верхней Силезии принадлежит семи магнатам: князю Плесс принадлежит 36% Плесского уезда; особенно значительная часть отошедшей к Польше Верхней Силезии составляет собственность графов Генкель-фон-Доннерсмарков и Тиле-Винклеров. Наряду с этим имеется масса крестьянских дворов с участками размером в несколько моргенов. Группа хозяйств с площадью ниже 2 гект. составляла в 1892 г. в уездах Плесс и Рыбник 57% всего числа самостоятельных хозяйств, в уездах Катовиц, Гинденбург, Бейтен, Глейвиц и Тарновиц — даже 72%. В промышленном районе эти хозяйства, вероятно представляли лишь подсобный источник дохода, но для еще и ныне преобладающих земледельческих частей Плесского и Рыбникского уезда такое предположение во многих случаях отпадает. Здесь живет, в самых тяжелых условиях, многочисленный сельский пролетариат.

В Цешинской Силезии крупное землевладение занимает площадь 42.189 гект., причем свыше 30.000 принадлежит роду Габсбургов: в настоящее время это владение находится в управлении польского правительства. Без него крупное землевладение Цешинской Силезии занимает 11,2%, вместе с ним — 41,8% всей с.-хоз. площади провинции.

В этих ныне польских провинциях самым тесным образом переплетается с экономическими и социально-политическими вопросами, вытекающими из аграрной структуры — проблема национальных меньшинств: значительная часть крупного землевладения в некогда прусской части Польши является немецкой. Польская статистика 1921 г., вероятно, не случайно грешит большой обстоятельностью в этом отношении:

	Частное землевладение свыше 50 г.	Из всей площади принадлежит:							
		полякам		немецам		евреям		проч. национальностям	
		гект.	%	гект	%	гект.	%	гект.	%
	всего								
Познань . . .	1.072.329 гкт	678.674	63,3	385.126	35,9	1890	0,2	6639	0,6
Зап. Пруссия	472.214 „	264.577	56	206.898	43,8	419	0,1	320	0,1

Из приведенных данных вытекает, что в Познани еще свыше одной трети, в Зап. Пруссии — около половины крупного землевладения находится в руках немцев. Проверка этих цифр невозможна, так как немецкий сравнительный материал не опубликован; кроме того, чисто немецкая часть Познании и Зап. Пруссии остались за Германией. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что поляки отнесли в разряд крупного землевладения хозяйства размером от 50 до 100 гект., и что они прилагали все усилия к тому, чтобы приобретать принадлежащую немцам землю. Принимая во внимание все указанные обстоятельства, цифры, даваемые для Познани, пожалуй, можно признать более или менее точными, но данные относительно Зап. Пруссии кажутся подозрительными. В абсолютных цифрах немецкое частное землевладение составляло в 1914 г. в Зап. Пруссии 1.330.977 гект., или 69,6%, польское — 582.284 гект. Между тем по польской статистике выходит, что в 1921 г. польское крупное землевладение по площади уже превосходило немецкое. По польской статистике крупное землевладение немцев имеет перевес в Познанском воеводстве в уездах: Кольмар, Кротошин, Кемпен, Лисса, Нейтамишель, Адельнау и Вирзиц; в воеводстве Зап. Пруссии — в уездах: Кульм, Сольдау, Меве, Грауденц, Путциг, Цемпельбург, Диршау и Нейштадт.

Галиция.

В Галиции крупное землевладение играет, правда, меньшую роль, чем в Познани, но несколько большую, чем в Зап. Пруссии В 1912 г. оно составляло в ней 34,3% с.-хоз. площади. В абсолютных цыфрах площадь крупного землевладения равна была 4.169.000 гект., причем из них свыше 50% (1.400.000 гект.) приходилось на долю крупнейших латифундий размером свыше 3.000 гект. Следует, однако, различать между Восточной и Западной Галицией. В Зап. Галиции государственных домэнов почти не имеется, а частное крупное землевладение занимает 24% всей площади (1912); в Вост. Галиции — государству принадлежало в 1912 г. 8,2%, а крупному частному землевладению — 29,6% всей площади. Польская перепись 1921 г. трудно сравнима с прежними переписями, так как новая польская администрация не принимает

более за границу между зап. и вост. Галицией р. Сан, как принималось раньше; по некоторым политическим соображениям целый ряд чисто польских уездов, лежащих к западу от р. Сана, отнесен теперь к Львовскому воеводству, а восточная граница Краковского воеводства тянется к востоку от р. Вислоки. Итак, по данным 1921 г. частное землевладение свыше 50 гект. составляло в краковском воеводстве 21,6%; в трех восточно галицийских воеводствах: 30,5% — в Львовском, 23,9% — в Станиславовском и 33,4% — в Тарнопольском.

Абсолютные цифры следующие:

в Краковском воеводстве	377.113	гект.
в Львовском воеводстве	824.044	„
в Станиславовском воеводстве	438.321	„
в Тарнопольском воеводстве	542.828	„

В зап. Галиции лишь в очень немногих уездах, как напр., Хржанов и Сейбуш, где расположены обширные имения Габсбургов, крупное землевладение представлено сильнее. В Львовском воеводстве, в уездах лежащих к западу от р. Сан, преобладает мелкое землевладение — только в месте слияния Сана и Вислы, в уездах Ниско и Тарнобржег, крупное землевладение представлено сильнее; еще в большей степени это относится к части воеводства, лежащей к востоку от р. Сан. В наиболее восточном воеводстве — Тарновицком — доля крупного землевладения в отдельных уездах колеблется от 17,4% (Подгайце) до 43,6% (Залещики). Еще значительнее колебания в воеводстве Станиславовском к югу от Днестра, где в прикарпатских уездах крупное землевладение почти совсем отсутствует.

Но было-бы ошибочно из факта не чрезмерного преобладания крупного землевладения выводить заключение, что аграрные условия в крае здоровы. Напротив того, в этом отношении Галиция находится в наиболее неблагоприятном положении сравнительно с остальными польскими провинциями. Достаточно сопоставить данные о мелком землевладении в Галиции, Познани и зап. Пруссии. Приходится на долю различных категорий хозяйств в %% всей с.-хоз. площади:

ПРОВИНЦИИ	Карликовые хозяйства (меньше ½ г.)	Парцеляционные хозяйства (½—2 гект.)	Мелко-крест. хозяйства (2—5 гект.)	Сред.-крест. хозяйства (5—20 гект.)	Крупно-коест. хозяйства (20—100 гект.)
Познань (1907)	0,7	2	4	25,7	21,6
Зап Пруссия (1907)	0,6	1,4	1,4	17,5	37,9
Галиция (1902)	0,2		19,8	23,8	6,7

Следовательно, почти треть (29%) с.-хоз. площади Галиции раздроблена на столь мелкие участки, что даже на плодородных почвах Вост. Галиции они не дают возможности самостоятельного существования. Еще резче это выясняется при рассмотрении самих хозяйств. В 1902 г. из всего числа крестьянских хозяйств 42,6% принадлежали к группе размером меньше 2 гектаров и 37,5% — к группе от 2 до 5 гект. Последствием такого дробления является необыкновенная плотность сельского населения: в Галиции — стране определенно земледельческой — приходилось в 1910 г. на 1 кв. километр 102,3 жителей.

Из этих 80% Галицийских крестьян лишь незначительная часть существует самостоятельно в хозяйственном отношении, располагая достаточным участком плодородной земли; преобладающая часть населения вынуждена заниматься каким-нибудь промыслом и ведет вполне пролетарское существование. Другими словами, можно без преувеличения сказать, что около 80% всего галицийского населения, т. е. приблизительно 6.500.000 человек являются городскими или сельскими пролетариями. Сравнение с Познанью и Зап. Пруссией показывает, насколько аграрные отношения в б. Прусской Польше здоровее, нежели в Галиции. Даже польские писатели правильно указывали, что более благоприятное распределение земельной собственности в Прусской Польше является, в конце концов, продуктом немецкой колонизации в средние века.

Вина за нищенские условия в Галиции лежит несомненно отчасти на автономном польском управлении, которое введено было в Галиции с 1866 г. Правда, Австрийская администрация в области аграрных преобразований делала весьма мало; после Иосифинских реформ (отмена крепостной зависимости в 1872 г., ограничение барщины в 1876 г.) крестьянский вопрос совершенно заснул на целые десятилетия. Но все-же крестьянское восстание 1846 г. не столько было делом австрийской бюрократии, сколько продуктом нездоровых социальных отношений. Только в 1848 г. произошла полная отмена барщины, причем освобожденным крестьянам и впредь предоставлялось право пользования господскими лесами и лугами. В последующий период правительство занималось преимущественно ликвидацией сервитутных отношений, что, разумеется, было в интересах также и крупного землевладения. Тем не менее за время с 1852 по 1902 г. площадь крестьянского землевладения возросла на 406.000 гект. После 1902 г. парцеляция не прекращалась, так что за последние десятилетия произошел дальнейший сдвиг в сторону крестьянского землевладения.

Крупное землевладение в Галиции находится преимущественно в польских руках. Национальная проблема поэтому, поскольку речь идет о разделе крупных земель, играет большую

роль особенно в отношении подбора колонистов. За исключением Львовского округа вся страна к востоку от Сана населена украинцами; в некоторых округах, напр., Коломыйском и Стрыйском численность польского элемента спускается до 25%, только в Львове и Перемышле она достигает 40%. Восточно-галицийский вопрос в течение долгого времени оставался, в международном смысле, нерешенным, так как украинские партии стремились к об'единению с Советской Украиной. Наконец, конференция посланников своим решением от 15 марта 1923 г. признала право на Восточную Галицию за Польшей. Вместо автономии, по закону 26 сентября 1922 г., трем восточно-галицийским воеводствам предоставляется весьма урезанное самоуправление, которое к тому же осуществляется в течение двух лет. До настоящего времени закон еще не применяется. Здесь не место описывать детали национальной борьбы; ограничимся лишь указанием, что она с обеих сторон ведется с крайним ожесточением, причем пускаются в ход все средства. С польской стороны естественно важнейшим средством служит аграрная реформа, точнее — способ проведения последней.

Конгресувка.

После 1864 г. так наз. Царство Польское (Конгресувка) перестало быть страной крупного землевладения. В силу Высочайшего указа 19 февраля 1864 г. 3.600.000 десятин земли, бывшей раньше в арендном пользовании крестьян, были им переданы в полную собственность. С тех пор крупное землевладение, благодаря перцеляции, еще больше сократилось, особенно после того как Крестьянский Банк, начиная с 1890 г., приступил к своей деятельности. В 1908 г, частное крупное землевладение занимало еще 3.900.000 десятин, или 35% всей площади, между тем как по польской статистике 1921 г., правда, при несколько измененных границах, оно равняется всего только 2.900.000 гект., т. е. 21,5% всей площади.

По отдельным губерниям цыфры за 1921 г. представляются в таком виде:

Варшавская	855.985	гект.,	или	29,2%	с.-х. площади.
Люблинская	760.593	„	„	24,4%	„
Лодзинская	451.120	„	„	23,7%	„
Келецкая	498.005	„	„	19,4%	„
Белостокская . . .	384.331	„	„	11,8%	„

В общем, наиболее плодородные земли принадлежат помещикам; поэтому крупное землевладение преобладало, главным образом, в северо-западном углу, далее в юго-западном углу с его черноземом, наконец, в центре, на запад от Варшавы (как известно,

Царство Польское прорезается по диагонали в направлении с юго-востока на северо-запад полосой, правда не сплошной, пшеничной почвы). Вследствие усиленной парцеляции последних лет эти соотношения несколько видоизменились. Но и теперь еще крупное землевладение представлено сильнее всего на северо-западе,—к северу и югу от р. Вислы—в плодородном районе старой Куявии. Из числа 3 уездов, в которых в 1921 г. еще 40% площади находились в руках частного землевладения (в 1904 г. таких уездов насчитывалось еще 34 из 84), три (Кутновский, Плоцкий и Липновский) расположены на северо-западе, два других (Замостьский и Билгорайский) — на юго-западе. Крупное землевладение сильнее всего представлено и сейчас еще в Кутновском уезде (48,1%) и слабее всего в Сувалкском уезде (3,1%). Вообще весь северо-восток и восток — восточнее Вислы — почти сплошь крестьянский. Крупного землевладения там почти нет. В уездах, лежащих на восток и юго-восток от Восточно-Прусской границы, крупное землевладение занимало в 1921 г. меньше 15% с.-хоз. площади. В уездах Белостокского округа, вошедшего в состав Конгрессувки, крупное землевладение почти что отсутствует. Итак, Царство Польское в отличие от Галиции и Прусской Польши, является определенно выраженной крестьянской страной. В эту картину не вносит существенных изменений и государственное землевладение, которое в 1904 г. занимало 670.000 десятин — преимущественно, леса. По недавно опубликованным данным*) земельная собственность государства в упомянутых выше 5 губерниях составляет в настоящее время 1.210.000 гект. — (увеличение получилось за счет необыкновенно богатой лесами Белостокской губернии).

В нашу задачу не входит детальная характеристика строения мелкой земельной собственности. В общем, она носит резко выраженный индивидуалистический характер, что относится, главным образом, к так наз., «мелкой шляхте», — в хозяйственном отношении ничем не отличающейся от крестьянства — которая сидит в северо-восточной части б. Царства Польского, в б. Ломжинской губернии. Но не менее индивидуализировано и крестьянское хозяйство, к услугам которого еще до 1864 г., находилось хорошо разработанное право собственности, в частности — наследственно-чиншевое право; по Грабскому, 58% тогдашних крестьян существовали на основе этого права**).

Гораздо хуже было хозяйственное положение крестьян, арендовавших землю на срок, а не пожизненно, а также тех, которые до 1864 г. были обязаны барщиной, наконец, — безземельного

*) Atlas Statystyczny Polski, Вып. I, стр. 9.

**) Materyaly w Sprawie Wloscianskiej, Warszawa 1907.

населения, наделенного лишь в 1864 г. землей. Неизвестно, какова была эволюция отдельных категорий и как, в конце концов, определились в каждой из этих категорий отношения собственности; и до сих пор не исчезли еще окончательно старые различия: в деревнях прежних барщинных крестьян, в отличие от деревень, заселенных прежними чиншевиками, до сих пор характерными являются сервитуты, чересполосица и связанное с последней непроизводительное расточание земли на прокладку дорог и меж.

Как-бы-то-ни-было все эти категории мелких собственников наделены недостаточно землей. Отчасти это — вина аграрной реформы 1864 г. В то время напр., на пространстве 158.000 моргенов приналежавшей государству земли было разбито 42.344 надела, т. е. по 3,7 моргена на надел. Вообще наделы были нарезаны слишком скудно. С другой стороны, эта дробность наделов зависит от укоренившегося в Польше обычая реального раздела наследства. Точное представление о группировке мелких хозяйств в б. Царстве Польском дает следующая таблица*):

Губернии*)	Число хозяйств с площадью (в моргенах**)									
	до 3 м.		от 3 до 9 м.		от 9 до 15 м.		от 15 до 30 м		свыше 30 м.	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Варшавская.	15.949	14,0	35.726	31,3	27.240	23,9	26.689	23,4	8.509	7,4
Калишская .	20.197	20,7	36.249	37,1	21.697	22,2	15.482	15,9	4 018	4,1
Келецкая . .	26.747	23.4	54.592	47,9	23.218	20,3	8.727	7,6	976	0,8
Ломжинская	11.939	17,3	18.746	27,2	15.761	22 8	14.398	20,9	7.568	11,8
Люблинская	20.546	13,6	72.049	47,3	36.118	24,0	19.388	12,9	3 266	2,2
Петроковская	20.388	17 0	51.613	43,3	28.380	23,8	15 927	13,4	3.045	2,5
Плоцкая . . .	8.934	16,9	16.428	31,2	9.492	18,1	10.323	19,6	7.494	14,2
Радомская .	24.903	20,7	49.297	41,1	26.365	21,9	16.131	13,4	3.526	2,9
Сувалкская .	10.835	16,8	16.088	25,0	10.054	15,6	14 504	22,4	12 961	20,2
Седлецкая. .	10 877	10,0	37.111	34,3	31.786	29,4	21 445	19.9	6 863	6,4
Итого в 10 губ. б. Царства Польского	171.520	17,0	379.925	37,5	238.311	23,5	163.600	16,2	59.137	5,8

*) Деление на губернии до 1914 г.
**) 1 польский морген = 1/9 десятины.

Обеспеченным существованием пользуются только две последних категории (свыше 15 моргенов), составляющие лишь 22% всех хозяйств. Крестьянин из группы хозяйств размером 9 — 15 моргенов в состоянии прокормить свою семью на доход с своего надела только при том условии, что участок весьма плодородный. При исключительно плодородной почве возможно самостоятельное существование, правда, довольно нищенское, и на участке еще меньшего размера, но все же, можно принять за правило, что, по

*) „Bevölkerung und Grundbesitzverteilung im Zartum Polen", Berlin 1916, стр. 59.

крайней мере, две последних категории, т. е. 511.175 хозяйств из всего числа 972.233, следовательно, больше половины хозяйств, не в состоянии жить доходами с своего участка. Это — в самом благоприятном случае, так как несомненно, что из числа и 238.311 хозяйств группы 9 — 15 моргенов значительная часть пробивается лишь благодаря тому, что их владельцы нанимаются на работы. Географически обе группы с площадью свыше 15 моргенов сильнее всего представлены в северных губерниях — Сувалкской, Плоцкой, Ломжинской, Седлецкой и Варшавской; между тем в 5 южных губерниях — Калишской, Келецкой, Петроковской, Радомской и Люблинской — группы самых мелких хозяйств численно представлены сильнее, чем в среднем по стране. Обе половины Конгресувки резко в этом отношении отличаются друг от друга. В Келецкой губернии напр., в которой дробление земли достигло наивысшего предела, на крестьянский надел в среднем приходится 3,9 десятин против 10,1 десятин в Сувалкской губернии; в той-же Келецкой губернии 71,3% всех крестьянских хозяйств приходится на две нисшие группы: поэтому, хотя она по размерам своим уступает Ломжинской губернии, в ней насчитывается 81.339 хозяйств с площадью ниже 9 моргенов, между тем как в Ломжинской губернии таких хозяйств имеется только 30.685. Мы имеем, следовательно, в южной половине б. Царства Польского, как и в Галиции, чрезвычайно многочисленный слой мельчайших крестьянских хозяйств, благодаря чему плотность населения в этих чисто сельских округах достигает 120 душ на 1 кв. километр.

Выше уже упоминалось, что за последние десятилетия, благодаря парцеляции, крупное землевладение в Царстве Польском сильно сократилось. Если приведенные выше переписи верно изображают положение, то, повидимому, парцеляция достигла весьма значительных размеров: ведь за время с 1904 по 1921 год крупное землевладение сократилось более чем на 1.000.000 гектаров. Насколько мне известно, этот процесс до сих пор не был достаточно полно изучен. Грабский, правда, пытался привести его в связь с распределением мелкой земельной собственности и показать, что там, где процент хозяйств свыше 15 моргенов большой, парцеляция была сравнительно слаба, там-же, где эти категории более крупных крестьянских хозяйств представлены слабо, парцеляция выражена была гораздо резче. Об'ясняется это тем, что стоящие как раз на грани самостоятельного существования крестьянские хозяйства, борясь против опасности опуститься в разряд безземельных, обнаруживали особенный интерес к парцеляции крупных имений. Несомненно, в южной части б. Царства Польского земельный голод чувствовался резче, чем в северной половине. Сопоставляя цыфровые данные о крупном землевладении в 1904 и 1921 г.г., мы видим, что напр., в Калишской и

Келецкой губерниях сокращение крупного землевладения значительно сильнее, чем в губерниях Ломжинской и Плоцкой, хотя нельзя быть вполне уверенным, что обе переписи вообще сравнимы между собой. Кроме того, по этим данным выходит, что сокращение крупного землевладения в Конгрессувке в общем шло равномерно, между тем как, при действительном наличии указанных выше мотивов, следовало-бы ожидать больших различий между отдельными территориями.

Восточные окраины (Кресы).

Относительно аграрных отношений в восточных окраинах Польши имеется мало достоверного материала. Даже польская статистика 1921 г., весьма неполная для этих воеводств, не дает точного представления о размерах крупного землевладения. В 4 воеводствах — Виленском, Новогрудском, Полесском и Волынском, по данным этой статистики, насчитывается вместе 3.3 милл. десятин под крупным землевладением, причисляя к этой категории частные владения свыше 50 гектаров, причем около 900.000 гект. приходится на долю лиц не-польского происхождения: русских, белоруссов, украинцев и т. д. В этой части нынешней Польши, по площади своей, крупное землевладение занимает первое место.

Эти области, которые в Польше нередко считаются колонизационными par excellece, в национальном отношении вполне напоминают Восточную Галицию. Разница лишь в том, что эти области не вызывали столь резкой борьбы в международном масштабе. По Рижскому мирному договору (18 марта 1921 г.) они отошли к Польше. Здесь отсутствует, однако, даже тот маленький намек на автономию, который сделан был в Восточной Галиции в виде закона 26 сентября 1922 г. Крупное землевладение, правда, и здесь отчасти в польских руках, но в целом польский элемент здесь еще гораздо слабее, чем в Восточной Галиции. Точных новейших цифр нет, но следует напомнить, что, согласно польским источникам, в 1911 г. в б. Волынской губ. насчитывалось 7% поляков, в Подольской — 2%, в Виленской — 15%. Преобладающую массу населения составляют русские, белоруссы и украинцы, чуждые полякам не только в национальном, но и в религиозном отношении. Только на западе белоруссы — католики. Польская администрация без всякого стеснения выявляла резко полонизаторские тенденции как в области школьного и церковного дела, так и в области языка — тенденции, явно направленные против национальных меньшинств. Местное население сильно также взбудоражено колонизационной политикой, насаждающей в крае польских поселенцев; крестьянин, правда, располагает здесь обыкновенно большим наделом, чем в б. Царстве

Польском, но, — принимая во внимание худшие почвенные условия, а равно более примитивный способ наследования, — крестьянин нуждается здесь для ведения хозяйства в большем земельном просторе, вследствие чего и земельный голод свирепствует здесь с большой силой.

Но польская политика последовательно не проводится; относительно этой политики в Польше резко противопоставлены друг другу два течения: правое, которое хотело-бы разрешить все вопросы с точки зрения национально-государственной и левое, которое готово предоставить этим областям более или менее широкую автономию. Как бы то ни было, в восточных «Кресах» отношения достигли высокой степени напряженности; вопрос о «Кресах» возбуждает сильно польское общественное мнение. Будет-ли и в какой мере проведена аграрная реформа в «Кресах» и восточн. Галиции, зависит больше всего от того, какой политики будет в отношении национальных меньшинств держаться польское правительство. Если оно будет и впредь настаивать на своей государственно-национальной программе, то колонизирование «Кресов» польским элементом будет продолжаться; если-же левые течения возьмут верх — что, правда, весьма сомнительно — то в таком случае колонизазция восточных окраин, пожалуй, не прекратится, но эта окраина потеряет свое значение, как колонизационный фонд для польского малоземельного и безземельного крестьянства.

II. АГРАРНАЯ РЕФОРМА.

В этнографической Польше, т. е. в Конгрессувке и зап. Галиции, крупное землевладение сравнительно слабо представлено (в Конгрессувке 21,5%, зап. Галиции 21,6%); между тем в областях, в которых крупное землевладение занимает значительное место (восточные окраины, восточн. Галиция и принадлежавшие некогда Пруссии области) преобладает население не-польское — Белоруссы, Украинцы и Немцы. С другой стороны, в Польше имеется чрезвычайно многочисленный класс малоземельных мелких крестьян, не говоря уже о совершенно безземельном рабочем населении, которое в Конгрессувке и зап. Галиции сплошь принадлежит к польской национальности, в восточной Галиции и «Кресах» — к украинской. Следовательно, и в этом отношении вопрос о меньшинствах сильно осложняет аграрную проблему. Но в равной мере также общие политические условия в Польше делают из аграрной проблемы преимущественно политическую проблему. Крестьяне составляют около $^4/_5$ населения Польши. Ясно было поэтому, что в Учредительном Собрании, созванном в феврале 1919 г. на основе всеобщего, равного, прямого и тайного

голосования (мужчин и женщин) преобладающая роль будет принадлежать представителям крестьян. В партийно-политическом отношении крестьянство было организовано, главным образом, на юге Царства Польского и в зап. Галиции, и само собою разумеется, что депутаты этих провинций во главу угла своих требований выдвинули аграрную реформу. Тут сыграли некоторую роль и исторические воспоминания: русская правительственная политика, а в первой половине 19 в. также и прусская политика, проводила отчетливое различие между польским крупным помещиком и польским крестьянином, причем последнему оказывалось покровительство за счет первого. В старой Польше, как известно, крестьяне влачили самое жалкое существование; низведение крестьян на самую низкую ступень человеческого прозябания было основным грехом польского дворянства. И вот теперь вновь стали поговаривать, будто в новой Польше возродится прежнее господство дворян и помещиков. Подобным «слухам» необходимо было противодействовать, ибо необходимо было привлечь на сторону нового государства крестьянское население; дружественная крестьянству политика, очевидно, была, с государственной точки зрения, неизбежна. Но не легко было найти среднюю линию между правой, в которой представители крупного землевладения играли серьезную роль, и радикальными требованиями крестьян, тем более, что правая и левая были в учредительном сейме почти одинаковы сильны. Вот почему только 10 июля 1919 г. удалось в сейме добиться резолюции, составляющей основу будущей аграрной реформы: характерно, что резолюция эта была принята большинством всего одного голоса. Крестьянские хозяйства размером в 15 — 25 гект. предполагалось поставить, так сказать, в центре аграрной реформы, а карликовые хозяйства должны были исчезнуть. Принципиально признана была частная собственность, отчуждение допускалось только при условии возмещения, определенная часть имения (минимум площади), в случае его отчуждения, оставлялась за прежним владельцем. Резолюция взяла под свою защиту интересы сельскохозяйственной продукции, особливо поскольку дело касается сельскохозяйственной промышленности, образцовых хозяйств и т. п. Пока эта резолюция, — вокруг которой разгорелась самая ожесточенная борьба (особенно сильные страсти возбуждал вопрос о максимальном пределе крупного землевладения) — стала законом, прошел еще год. Только 15 июля 1920 г. принят был закон о проведении в жизнь аграрной реформы: Польша находилась тогда под крайней угрозой вторжения красной армии, и опасность новой оккупации со стороны России казалось неминуемой. В этот последний момент нужно было во что бы то ни стало дать крестьянам доказательство крестьянофильских тенденций юного польского государства. При тогдашнем положении продолжительные дискуссии в сейме,

само собою разумеется, не были возможны. Закон был поэтому принят единодушно. В распоряжение главного земельного управления по закону предоставлялись для осуществления аграрной реформы, в духе сеймовой резолюции от 10 июля 1919 г., следующие категории имений:

а) имения, являющиеся собственностью государства,

б) имения, принадлежащие членам династий держав, участвовавших некогда в разделе Польши; это решение опирается на ст. 256 Версальского договора, причем, однако, следует заметить, что способ разрешения вопроса о Personnes royales польским законодательством (закон 14 июля 1920 г.), вряд ли соответствует духу Версальского договора,

в) имения бывших Российского Крестьянского Банка и прусской Колонизационной Комиссии,

г) имения т. наз. мертвой руки — по предварительному соглашению с Римской Курией,

д) имения других общественных учреждений — при условии обеспечения тех интересов, ради которых имения предназначались.

Сверх того главное земельное управление покупает в принудительном порядке:

1) имения, хозяйство в которых ведется нецелесообразно и и во вред сельскохозяйственной продукции;
2) имения, которые были парцелированы либо самочинно, либо учреждениями на то не уполномоченными;
3) имения, приобретенные во время войны лицами, не занимающимися сельским хозяйством профессионально:
4) имения, менявшие в течение последних 5 лет своего владельца больше 2-х раз, исключая случаи перехода по наследству или по завещанию;
5) имения, приобретенные во время войны на ростовщические барыши;
6) имения, владельцы коих во время существования прусской колонизационной комиссии продавали землю прусскому правительству для целей парцеляции;
7) имения, расположенные вблизи населенных городов и промышленных центров;
8) все прочие частновладельческие имения и, в первую очередь, учрежденные после 1888 г. майораты, имения сданные в аренду, а также разрушенные во время войны.

В то время как категории, перечисленные в п. п. 1 — 7, подлежат в полном об'еме принудительному выкупу, имеющему в данном случае характер наказания, для всех остальных частновладельческих имений закон установил некоторое из'ятие: часть имения не превышающая определенного размера выкупу не подлежит.

Принудительному выкупу подлежат участки общей сложностью превышающие 60 гектаров в тех имениях, которые расположены в промышленных округах или вблизи городов; далее, участки, общей сложностью превышающие 400 гектаров, поскольку они расположены в определенных районах прежней Прусской Польши и в восточных окраинах Польской Республики; наконец, принудительно выкупаются участки, превышающие общей сложностью 180 гектаров во всех остальных частях республики. Выкуп совершается в последовательном порядке категорий 1 — 8. Окружное земельное управление, которое проводит в жизнь принудительный выкуп, предоставляет владельцу участка срок в 30 дней для добровольной продажи: эта льгота является собственно бесцельной, так как установление покупной цены и в этом случае производится на тех же началах, как в случае принудительного выкупа. Вопрос о том, какое имение подлежит принудительному выкупу, решается окружной земельной комиссией в открытом заседании; так-же решается вопрос, какие части отчуждаемого имения остаются за владельцем его. Апелляционной инстанцией является главное земельное управление. Цена, устанавливаемая в возмещение за выкупаемые участки, должна составлять половину средней цены, уплачиваемой в данном районе за имение приблизительно одинакового размера. Цена определяется окружной земельной комиссией по указанию специальной оценочной комиссии, которая составляется окружным земельным управлением и, след., находится в полной зависимости от этого последнего. Закон 16 июля 1920 г. предусматривает ассигнование средств для проведения аграрной реформы. По этому закону в распоряжение главного земельного управления предоставлено ½ миллиарда польских марок. Владелец отчуждаемого имения получает только 4% покупной суммы (составляющей в лучшем случае половину действительной цены); вся остальная сумма не позднее двух лет выдается ему в виде 4-процентной государственной ренты.

Что касается парцелляции, то закон постановляет, что, с одной стороны, насаждаются новые хозяйства, с другой — расширяются наличные, недостаточные по размеру и несамостоятельные, хозяйства. Площадь вновь образуемых или расширяемых хозяйств не должна превышать 15 гектаров. Однако, 20% подлежащей парцеллированию земельной площади могут быть, проданы владельцам более мелких хозяйств, с тем, чтобы они расширили свое владение до 23 гектаров, а в восточной и западной частях республики — даже до 45 гектаров.

В качестве колонистов предпочтение отдается следующим группам:

1. Всем инвалидам польской армии и другим военным инвалидам, а равно солдатам польской армии, особенно тем, которые

долгое время служили на фронте — поскольку эти лица способны заниматься земледелием;

2. поденщикам, сельским рабочим, безземельным и малоземельным крестьянам, а также мелким дворохозяевам, участки которых непосредственно примыкают к парцеллируемой земле;

3. всем остальным сельским рабочим и мелким крестьянам, а также лицам, кончившим сельско-хозяйственные школы.

Цена, назначаемая на колонизуемые участки, устанавливается в зависимости от качества почвы, от текущих и фундаментальных затрат, наконец, от характера возведенных на земле построек. Государство учреждает земельный фонд, из которого земельное управление наделяет землею, повидимому, безвозмездно инвалидов и неимущих солдат. Сверх того, колонисту должен быть предоставлен дешевый и долгосрочный кредит, с каковой целью образуется фонд, составленный из превышения продажной цены парцелл над покупной ценой имения. В пользу этого фонда, кроме того, делаются вычеты у владельцев имений с причитающегося им возмещения, а именно: 5%, когда покупная сумма превышает 500.000 марок и до 30%, когда она превышает 5.000.000 марок. Закон, наконец, требует, чтобы вновь созданные хозяйства не делились, по крайней мере, в течение первых 25 лет.

Во главе всей организации по проведению аграрной реформы стоит главное земельное управление, не подчиненное Министру Земледелия, ибо председатель этого управления пользуется правами министра. В ведении главного земельного управления находится подготовка и осуществление законов в области аграрной политики, подыскание необходимых для парцеллирования земельных площадей, регулирование земельного оборота, далее, весь круг дел, бывших прусской колонизационной комиссии и прусского крестьянского банка. Председатель главного земельного управления возглавляет также главную земельную комиссию, из 10 членов которой 4 по назначению, а 6 остальных делегируются сеймом, — в том числе 3 делегата являются представителями мелких хозяев, 2 — сельско-хозяйственных рабочих и 1 — от крупного землевладения. Главная земельная комиссия является апелляционной, и вместе с тем последней, инстанцией на решения окружных комиссий. Ее решения окончательны и могут быть обжалованы только в случае нарушения закона перед верховным судом. Окружное земельное управление осуществляет парцелляцию, колонизацию, соединение участков к одному месту и т. д.; на его обязанности лежит также проведение решений главной земельной комиссии и окружных земельных комиссий. Окружные земельные комиссии, составленные по образцу главной земельной комиссии, решают в первой инстанции вопросы принудительного выкупа, оценки, а равно все спорные вопросы, возникающие из ликвидации сервитутных обязательств и регулирования этих по-

следних. Есть, наконец, также уездные управления, компетенция которых распространяется на один или несколько уездов; рядом с ними действуют и уездные земельные комиссии, состоящие из 5 — 7 представителей коммунальных советов. Они играли большую роль в деле подбора колонистов.

Вся выше-описанная организация подверглась некоторому изменению в силу закона августа 1923 года, который еще резче выявил бюрократическую тенденцию. По новому закону совещательные, уздные и коммунальные, комиссии упразднены, и этим самым совершенно исключено то, хотя и незначительное, содействие, к которому в деле проведения аграрной реформы привлекалась широкая масса населения. В состав окружной земельной комиссии вошел воевода (губернатор), в состав главной земельной комиссии — министр внутренних дел. Число представителей сельского хозяйства сокращено до 4, так что бюрократическому элементу и в смысле численности принадлежит теперь преобладающая роль. Вопрос об отчуждении не решается более окружной земельной комиссией, а самим окужным земельным управлением; комиссии же занимаются лишь оценкой имений и определением тех участков, которые освобождаются от отчуждения. Впрочем, в этом отношении закон 11 августа находится в противоречии с законом 15-го июля 1920 года, до сих пор не отмененным. В лице краевых и уездных комиссаров мы видим исполнительные органы для проведения в жизнь решений земельных управлений. Наконец, из политических соображений, главное земельное управление превращено в министерство аграрной реформы.

Упомянутые выше законодательные акты вызвали в Польше самую резкую критику. Само собою понятно, что закон 15 июля 1920 года, которым преследовалась определенная политическая цель в момент кризиса русско-польской войны (между прочим хотели противодействовать большевистской агитации и дезертирству в польской армии), был односторонним ответом на пожелания радикальных крестьянских партий; коренная политическая проблема Польши, под давлением критического момента, должна была получить разрешение, которое, казалось, в высокой мере удовлетворяло земельный голод крестьянского населения. Это была, однако, не только политическая тактика, но также — попытка окончательно разрешить аграрный вопрос. И вот обнаружилось, что эти две цели — удовлетворение земельного голода мелкокрестьянских масс, с одной стороны, и создание здоровых экономических и социальных условий, с другой — одновременно согласовать является задачей непосильной.

Детальная критика отдельных частей закона 15 июля 1920 г., за недостатком места, здесь невозможна. Ограничимся лишь несколькими основными пунктами.

Землевладелец, имение которого предназначено к принудительному выкупу, имеет право оставить в свою пользу, по общему правилу, 180 гектаров, вблизи городов 60 гектаров, в некоторых районах западной и восточной окраины 400 гектаров. Таким образом, крупное землевладение в Польше ставится в будущем в определенные рамки. Без сомнения, этот предел слишком низкий для того, чтобы обеспечить за имениями преимущества крупного землевладения и дать владельцу имения возможность усовершенствовать сельскохозяйственную культуру. Уж это одно сильно будет задерживать под'ем сельского хозяйства, в чем между тем Польша всего больше нуждается. Это постановление закона парализует производительность; никто не уверен в том, что как раз в тот момент, когда имение находится в цветущем хозяйственном состоянии, оно не подвергается отчуждению. Правда, предусмотрена известная последовательность, но не достаточно отчетливо, так что для произвольных решений остается широкий простор. Что, например, означает «имения, хозяйство в которых ведется нецелесообразно и во вред сельско-хозяйственной продукции»? (ст. 1а, Абз. 1). С другой стороны, имения, «в которых за последние 5 лет больше чем два раза менялся хозяин», не обязательно в настоящее время плохо ведутся, что, повидимому, однако, законодатель предполагает. Леса, хотя закон забывает об этом специально упомянуть, не подлежат отчуждению. Весьма неясно также формулирован пункт относительно того, к а к и е 180 гектаров земли владелец имеет право оставить за собой: в законе говорится лишь о «застроенном фольварке». Однако, при выборе этих 180 гектаров желание владельца отнюдь не должно приниматься во внимание.

Постановления относительно возмещения за отчуждаемые имения в еще большей мере направлены против крупного землевладения, чем те статьи закона, в которых устанавливается предельный максимум владения. Владелец получает половину средней цены, уплачиваемой в данной местности за имения приблизительно того же размера. Такой масштаб следует признать необыкновенно примитивным: в нем не приняты во внимание ни рентабельность имения, ни рыночная стоимость данной категории почвы. Масштаб этот еще и потому неудачен, что в Польше — при постоянном падении польской марки — мобилизация земельной собственности за последние годы вообще сократилась до минимума. Далее, причитающаяся владельцу сумма возмещения лишь в весьма ничтожной части уплачивается наличными; с нее прежде всего вычитается определенный процент в пользу учреждаемого земельного фонда; взамен остальной суммы владелец получает 4-х процентную временную бумагу, которая в течение двух ближайших лет обменивается на 4-х процентную-же государственную земельную ренту. Таким образом, возмещение выражается в 4-х процентной ренте, сумма которой, в самом лучшем

случае, равняется 45% установленной продажной цены — и это в то время, ,когда польская валюта в течение ряда лет подверглась чрезвычайно быстрому обесценению.

Выбор имений, подлежащих отчуждению, зависит исключительно от окружных земельных управлений, т. е. от администрации; правда, земельные комисси решают вопрос о цене, но и то лишь по указанию оценочных комиссий, состоящих из чиновников и экспертов по назначению.

Цель реформы — превратить массу безземельного и малоземельного населения в самостоятельных крестьян, владеющих 15 гектарами земли — не может быть достигнута, так как для этого не хватает в Польше земельного запаса. Польская статистика 1921 года определяет площадь частного землевладения по группе хозяйств свыше 500 гектаров в 7,4 миллиона гектаров; из них 3,8 миллионов леса, так что остается всего 3,6 миллионов. То обстоятельство, что учтены лишь владения свыше 500 гект., до известной степени уравнивается другим моментом, а именно, что, даже при наиболее радикальном проведении в жизнь закона 1920 года, не удалось-бы без остатка распарцеллировать все владения свыше 500 гектаров. Собственность государства в Польше, правда, определяется в 3,4 миллиона гектаров, но, как уже указывалось выше, она состоит преимущественно из лесов. Если допустить, что из них около 900.000 гектаров могут быть пригодны для колонизации, то этот расчет скорее даже преувеличен. Церковь владеет весьма незначительной земельной площадью, составляющей не более 1,6% крупного землевладения. Итак, если считаться с наличностью земельного фонда в 4,5 миллионов гектаров, то это предполагало бы самое крайнее, в смысле радикализма, осуществление аграрного закона. Но 4,5 миллионов гектаров составляет всего 300.000 крестьянских дворов, считая по 15 гектаров на каждый. Имея в виду, что в 1901 году в одной только Конгрессувке насчитывалось 1,2 миллиона душ безземельного населения, т. е. 200.000 семей, что далее во всей Польше имеется около 1,5 миллионов хозяйств с площадью меньше 2 гект., и столько же хозяйств от 2 до 5 гект. — мы ясно видим, что этим путем, предусматриваемым законом 15 июля 1920 года, аграрный вопрос в Польше не может быть разрешен. Цель, которую себе поставили радикальные крестьянские партии, является утопией. Необходимо добавить, что по закону 20% отчуждаемой площади предназначается специально для округления наличных хозяйств размером свыше 15 гектаров вплоть до 23 гектаров; впрочем, следует подчеркнуть, что для восточных окраин установленный размер хозяйства в 15 гектаров далеко недостаточен.

Если таким образом, цели, которые себе ставит польское аграрное законодательство, недостижимы, то спрашивается, какую в сущности задачу преследует аграрная реформа в Польше?

Основное зло существующего распределения земельной собственности в Польше очевидно для каждого. Дело в том, что между двумя крайними ступенями — крупным землевладением и массой карликовых хозяйств — слишком слабо представлены средние ступени. Для всей социальной истории и структуры Польши по сегодняшний день характерно следующее обстоятельство: Польша лишена и в городе, и в деревне среднего класса. Только при помощи этого последнего может быть перекинут мост через ту пропасть, которая как в новой, так и в старой Польше зияет между высшими слоями с одной стороны, и массой населения — с другой; только этим путем польское сельское хозяйство может быть выведено из своих устарелых экономических форм и своей духовной и культурной отсталости. Польские критики, как например, проф. Буяк, определенно указывает на эту сторону вопроса. Буяк считает необходимым употребить в Малой Польше и южной части Конгрессувки 33%, а в остальных частях Польши 20% парцеллируемых земель на образование крупных крестьянских хозяйств. Необходимо обратить внимание не столько на создание возможно большего количества мелко-крестьянских дворов, сколько вообще на создание здорового соотношения различных групп крестьянского хозяйства: этому требованию закон 15 июля 1920 года совершенно не отвечает.

Развитие партийно-политических отношений привело к тому, что осенью 1923 года сейму предложен был проект нового аграрного закона. Закон 1920 года был, конечно, бельмом в глазу особенно у представителей крупного землевладения, которые являются составной частью национально-демократической партии, господствующей на правом сегменте польского сейма; в частности, крупное землевладение прусской части Польши играет влиятельную роль в правой сейма. С весны 1923 г. в Польше господствовали народная демократия и партия тогдашнего председателя совета министров Витоса, так называемая партия «Пяста», т. е. правого крупно-крестьянского крыла крестьянских партий. С другой стороны, партия Витоса, поскольку она не хотела потерять почву среди своих избирателей, не могла отказаться от проведения аграрной реформы в жизнь. Таким образом, все вынуждало к естественному компромиссу, который, имея достаточно радикальную видимость, на самом деле все же был бы приемлем для польского крупного землевладения. Выход был найден в том, что для целей аграрной реформы, в первую голову, намечены были имения, находившиеся в руках национальных меньшинств. Такого рода постановения заключались уже в законе 1920 года: напомним предписание, в силу которого подлежат принудительному отчуждению в полном об'еме имения, владельцы которых продавали землю прусскому правительству во время существования колонизационной комиссии на предмет парцеллирования — предписание,

относившееся, при данных условиях, исключительно к землевладельцам немецкого происхождения. Новый законопроект идет в этом направлении гораздо дальше. Кроме всех государственных земель и земель «мертвой руки» отчуждению подлежат, главным образом, имения, владельцы которых добровольно продавали землю для целей колонизации, «осуществляемой правительствами России, Пруссии и Австрии с враждебными для польской национальности намерениями»; далее отчуждались имения, наследованныя или приобретенныя нынешними владельцами «на условиях или с оговорками со стороны некогда аннексировавших Польшу правительств, которые (условия и оговорки) могли бы быть направлены против польской национальности». Такие имения подлежат отчуждению в полном об'еме, без оставления прежнему владельцу «остаточного имения». Под это определение подходит все русское крупное землевладение, возникшее после разделов в восточных оокраинах Польши при содействии русского правительства. По польской статистике 1921 г., далеко не полной как раз для восточных губерний, русское частное землевладение свыше 50 гектаров составляет в губерниях виленской, новогрудской, полесской и волынской около 900.000 гект., в действительности же эта цифра несомненно гораздо выше. Вацлав Шмидт в своей интересной работе «о происхождении частного русского землевладения в прежних губерниях виленской, гродненской, минской 1793 — 1875*)» определяет общую площадь польских имений, которые после польского восстания 1863 года, в период времени с 1866 по 1873 г., перешли в русские руки, в 288.000 десятин; кроме того, путем добровольной продажи с 1864 по 1873 в русские руки перешло 561.000 десятин, к чему необходимо еще прибавить 390.000 десятин, дарованных русским родовитым семьям с 1793 по 1801 г.: правда, эти последние земли не все остались в русских руках. При анализе этих цифр следует принять во внимание, что лишь небольшая часть прежней Минской губернии входит в состав нынешней Польши. Под новый аграрный законопроект, далее, подпадают все имения, приобретенные при содействии Дворянского Банка, оказывавшего русскому дворянству кредит в размере 75% ценности покупаемого имения в том случае, когда имение приобреталось в северо-западной и юго-западной окраине. Наконец, под этот законопроект подпадает также — в виду того что никакого минимума не указывается — вся земля, принадлежавшая русским крестьянам, купленная от российского Крестьянского Банка или при его содействии. Точно определить площадь всего этого землевладения довольно трудно. Дворянский банк на 1 января 1912 года выдал ссуды в губерниях виленской, ковенской и град-

*) Geneza pzywatnej rossyjskiej wlasnosci Ziemskiej w b. gubernjach Wilenskiej, grodzienskiej minskiej 1793—1875, Warszawa 1923.

ненской под 469.000 гектаров, а в волынской и подольской — 1.042.000 гектаров; сколько из этой площади подпало бы под упомянутый закон, определить нельзя. Крестьянский банк владел к 1-му января 1912 года: в Конгрессувке 43.000 гект., в губерниях виленской, ковенской и гродненской — 93.000 гект., в губерниях подольской и волынской — 49.000 гект. Ссуды были выданы крестьянским банком за период времени 1883 — 1908 в губерниях виленской, ковенской и гродненской под 280.000 гектаров. Все приведенные цифры, во всяком случае, свидельствуют о том, что вопрос идет о сравнительно больших земельных площадях. Принимая во внимание, наконец, что после польского восстания имения повстанцев были конфискованы и розданы русским крестьянам, мы придем к заключению, что в Конгрессувке, а равно в губерниях виленской и белостокской русское землевладение во всех трех восточных губерниях за редкими исключениями подпадает под новый законопроект.

В Прусской Польше под действие нового законопроекта подпала-бы вся земля, переданная немецким колонистам, что в 1914 г. составляло 304.000 гект.; во-вторых, все имения и крестьянские усадьбы, подчиненные действию так наз. правил об укреплении собственности, т. е. финансовому урегулированию и связанному с ним закреплению земли за лицами немецкого происхождения: это опять-таки дает 230.000 гектаров. Имея в виду, что под действие законопроекта подпадают также имения, владельцы которых продавали колонизационной комиссии отдельные участки — таких имений отнюдь не мало — мы сможем составить себе представление, какие последствия этот законопроект может иметь для немецкого землевладения в воеводствах Познань и зап. Пруссия.

Во всем остальном также ясна тенденция законопроекта, направленная преимущественно против национальных меньшинств. В этнографической Польше, в воеводствах белостокском, келецком, краковском, люблинском, лодзинском и варшавском, от отчуждения в каждом данном случае освобождается 180 гектаров, причем в ближайшие 10 лет эта площадь увеличивается еще на 160 гектаров. В остальных областях, т. е. населенных национальными меньшинствами, от отчуждения изъемлется площадь «от 100 до 400 гектаров», причем в этих пределах каждый отдельный случай разрешается министром по делам аграрной реформы «соответственно государственным и, особливо, военным заслугам владельца». Мы видим, что произволу администрации предоставлен широкий простор, что, при бюрократической организации земельных органов, не контролируемых совершенно органам самоуправления, вдвойне опасно. Имения с промышленными предприятиями, винокуренными заводами, крахмальными фабриками и т. п. имеют право на оставление за собою 560 гектаров, а имения с интенсивной культурой свеклы —1.120 гектаров. Министру предоставляется ука-

занную площадь изъять от отчуждения во всех тех имениях, в которых имеется винокуренный, крахмальный или картофеле-сушильный завод. Это постановление, которое фактически освобождает большинство польских имений этнографической Польши от отчуждения, вызвало в ноябре 1923 года самую резкую оппозицию со стороны левых партий, заявивших, что они отказываются при этих условиях участвовать в дальнейшем обсуждении законопроекта. Требования левой нашли свое выражение в предложении, внесенном в сейм левыми крестьянскими партиями незадолго до Пасхи 1924 года, в силу которого все леса должны перейти в собственность государства, а все имения свыше 60 гектаров (вблизи городов даже свыше 30 гектаров) должны быть отчуждены за возмещение, конечно.

В ближайшие 10 лет, начиная с 1923 года, по законопроекту, предполагается ежегодно парцеллировать 220.000 гектаров. Следовательно, при наличном земельном запасе, все дело парцелляции было бы закончено в 20 лет. Из всей подлежащей парцелляции площади 40% приходится на вышеупомянутые 6 воеводств, составляющих этнографическую Польшу, «не менее 60%» — разрешается и больше! — приходится на остальные районы. Правда, в этих последних крупное землевладение относительно сильнее представлено, чем в этнографической Польше. Поскольку владельцы сами проводят парцелляцию своих имений, им обеспечивается вознаграждение на 50% выше, чем, когда имения приобретаются в принудительном порядке окружными земельными управлениями: в этом отношении, стало-быть закон 1920 г. исправлен. О самом размере возмещения законопроект просто делает ссылку на закон о финансировании парцелляции и колонизации, имея в виду упомянутый выше закон 1920 г. Вновь создаваемые или расширяемые хозяйства, по законопроекту, вообще не должны превышать 25 гектатаров, в воеводствах западной Пруссии, белостокском, волынском и виленском административном округе — 45 гектаров. По вопросу об отборе колонистов законопроект никаких существенных изменений не вносит.

В общем и целом, следовательно, законопроект является сравнительно мало исправленным новым изданием закона 1920 г. Обращают на себя внимание лишь два серьезных отличия: во-первых, свободная от отчуждения площадь крупного землевладения значительно увеличена и на практике в большинстве случаев доведена до 1.120 гектаров, т. е. до предела, совпадающего в этнографической Польше с размерами большинства наличных имений; во-вторых, законопроект гораздо резче направлен против землевладения национальных меньшинств, чем закон 1920 г.

Законопроекту не суждено было стать законом, в виду противодействия как правой, так и левой части сейма, а также в виду того, что кабинет Витоса (и вся партийная группировка, на кото-

рой авторы законопректа строили свои рассчеты) в декабре 1923 г. пал. Находящийся с того времени у власти кабинет Грабского выдвинул, как свою единственную задачу, финансовое оздоровление Польши, оставив в стороне аграрную реформу.

Между тем, однако, 18 марта 1924 г. сеймом в третьем чтении принят был закон, направленный против чиншевиков в восточных окраинах Польши, в воеводствах новогрудском, полесском, волынском, а равно в административном округе виленском и некоторых уездах белостокского воеводства. Закон пока еще не принят окончательно сенатом и потому еще не вступил в силу. Согласно статье 5 этого закона, следующие категории чиншевиков не имеют права приобретать своих участков в собственность: а) не-польские граждане, б) лица двойного подданства, в) лица, дезертировавшие из польской армии или вообще проявившие враждебное отношение к польскому государству, г) лица, больше одного года не живущие на арендованной земле, поскольку такое отсутствие не вызвано принудительной эвакуацией в силу принадлежности к польской национальности, д) лица, которые к 31 октябрю 1923 г. не вели на своих участках хозяйства и по собственной вине к предусмотренному сроку не внесли арендной платы. Этот закон почти исключительно направлен против национальных меньшинств, так как из числа арендаторов, имеющих право, в силу закона, приобрести в собственность арендуемые участки, только ½% составляют поляки. Большинство чиншевиков составляют немцы, белоруссы, русские и украинцы. Из немецкого населения восточных окраин законом задевается около ⅓ — от 20 до 25.000 арендаторов; по букве закона им запрещено выкупать свои участки; они могут продолжать оставаться арендаторами, но под постоянной угрозой, что, согласно польскому закону о выселении, они все по суду будут выселены, так как не уплатили арендной платы в период эвакуации.

Проведение реформы в жизнь.

Трудно ответить на вопрос, в какой мере аграрная реформа в Польше до настоящего времени практически осуществлена. Кроме весьма скудного материала, опубликованного в томе V, вып. 7, год 1922. Miesiecznik Statystyczny (воспроизведенного также в «Bulletin mensuel des institutions économiques et rurales», за октябрь 1922 г.), никаких сведений не имеется. В общем, однако, можно предположить, что, в смысле практического осуществления аграрной реформы, до сих пор сделано очень мало; со стороны левых партий по этому поводу раздаются постоянные жалобы. Причины, несомненно, коренятся отчасти в условиях, господствующих в Польше: достаточно напомнить о финансовых затруднениях, испытываемых государством, о длящемся обесценении

польской валюты и т. п. По имеющимся в нашем распоряжении данным до 1 января 1920 г. было отчуждено всего 23 имения с площадью 7.148 гект., преимущественно в воеводствах варшавском, люблинском, краковском, затем по 1 имению в воеводствах белостокском и львовском. Из них парцеллированы в 1921 г. 4 имения с площадью 818 гектаров. Вообще говоря была распарцеллирована гораздо большая площадь, о чем свидетельствуют приводимые ниже цифры за период 1919 — 1921 г.г.:

Число парцеллированных имений	Площадь в гект.	В том числе было парцеллировано:					
		Земельными управлениями		уполномоченн. учреждениями		частными лицами	
		имений	гект.	имеиий	гект.	имений	гект.
1679	263.902	482	108.040	492	108.063	705	47.799

По большей части эти имения, повидимому, принадлежали государству; по другой справке, с 1919 по 1920 г. парцелляции подлежали 442 государственных имения с общей площадью 144.645 гект. Бросается в глаза, что парцеллируемые имения отчасти весьма небольшого размера. Если частными лицами была проведена парцелляция в 705 имениях с общей площадью 47.799 гектаров, то это составляет в среднем на имение 67 гектаров. Невольно напрашивается мысль, что в данном случае мы имеем дело не столько с аграрной реформой, сколько с ухудшением аграрных отношений, т. е. с дальнейшим дроблением и без того незначительной в Польше крупно-крестьянской земельной собственности. Статистика парцелляции охватывает только 600 имений с общей площадью 111.523 гектаров; на этой земле созданы 6.785 самостоятельных крестьянских дворов с общей площадью 68.463 гектара, т. е. в среднем по 10 гектаров на двор. В восточных губерниях самостоятельные крестьянские хозяйства несколько больше; в восточных окраинах, например, в среднем на двор приходится около 18 гектаров, что, несомненно, тоже далеко недостаточно. Еще крупнее хозяйства в б. прусской Польше, где создано было вновь 339 самостоятельных хозяйств с общей площадью 7.632 гектаров, т. е. в среднем 22 гектара на двор; зато в Малой Польше в среднем на одно хозяйство приходится только 7 гектаров. Кроме того, создано было 1.105 усадеб для ремесленников и чиновников с общей площадью 978 гектаров, а также 111 колоний специального характера с общей площадью 1.429 гектаров. В качестве колонистов по большей части фигурируют безземельные (3.941), малоземельные (7.810), экономические рабочие (1.280), лица, имеющие сравнительно достаточно земли (964),

инвализы (583), арендаторы (386) и лица других (не-земледельческих) профессий (162).

В заключение следует упомянуть о законе относительно военного «осадничества» в восточных окраинах (в воеводствах белостокском, новогрудском, полесском, волынском) от 17 декабря 1920 г. По этому закону государственные имения, а равно и брошенные владельцами имения, т. е. такие, владельцы которых не вернулись до 1 апреля 1921 г., предназначаются на $^2/_3$ для военной колонизации, на $^1/_3$ для целей аграрной реформы. В силу этого закона до 1 января 1920 года в общей сложности перешло к государству 389.023 гектара, в том числе 105.167 гект. леса, причем приходилось на:

государственные и удельные имения	90.351	гект.
церковные имения	16.854	„
имения польских граждан	82.614	„
имения иностранцев	197.319	„

До 1 января 1922 г. из всей этой площади 98.470 гектаров предназначено было для колонизации солдат, в том числе 36.169 гект., для нарезки индивидуальных парцелл, 53.203 гект., для нарезка — групповых парцелл, и 9.098 гект. для устройства рабочих колоний. Общее число всех колонистов составляет 5.031, и им предоставлено было всего 118.943 гектаров земли, причем до конца 1921 г. было окончательно обмерено 55.523 гектара. Индивидуальными парцеллами воспользовалось 2.587 колонистов, получивших в общей сложности 51.673 гектаров земли.

ЛИТВА

Наше описание аграрной революции и аграрной реформы в Литве относится к так называемой неоккупированной территории Литовской республики в составе 20 уездов после урегулирования границ с Латвией. Так называемая нейтральная зона от Латвийской границы до границ Пруссии решением Лиги наций была поделена между Литвой и Польшей, оккупировавшей Виленскую область и другие области к югу. Этим актом были — при протесте со стороны Литвы — установлены и признаны державами ее восточная и южная граница с соседней Польшей. На западе сохранилась старая русская граница. Согласно прежнему русскому административному делению область эта охватывает почти всю Ковенскую губернию за исключением лежащего на крайнем востоке ее Новоалександровского уезда, небольших частей Свенцянского и Виленского уездов и большей части Трокского уезда Виленской губернии. Сюда относятся также уезды Владиславовский, Вильковыский, Мариампольский, Кальварийский и Сейнский, входившие в состав Сувальской губ. прежняго царства Польского. Все вместе составляет площадь в 50.000 квадратных километров. Этнографически область сплошь заселена литовским народом, подавляющая масса которого занимается земледелием. На востоке прежней Ковенской губернии имеется еще очень многочисленная часть великорусских и белорусских крестьян, точно также, как и около Укмерче (по русски: Вилькомир) и в долине Неваша (от Поневежа через Кейданы и Бобты до впадения его в Неман), равно как на южной границе имеются поселения польских крестьян, а в западной части страны, главным образом, на левом берегу Немана и вдоль растянутой пограничной Мемельской области, находятся многочисленные колонии немецких крестьян. Равным образом, на севере, у латвийской границы, живет много латышских крестьян. В городах литовцы повсюду в меньшинстве, уступая место в первую голову евреям и затем — полякам. И, наконец, повсюду в городах, кроме этих народностей, мы встречаем русских и немцев; последние живут в самом Ковно и на западе страны, русские, — в Ковно и на востоке.

Страна эта, до перехода ее, вследствие разделов Польши, к России, (Сувалки одно время, в начале 19 века, находились во владении Пруссии), за которой она окончательно признана была Венским конгрессом, составляла часть польско-литовского федеративного государства (со времени Люблинской унии). В течении веков шла полонизация литовского дворянства, сельского духовенства и городского населения, поскольку последнее не было еврейским или сохранило в себе немецкий дух, и только литовский крестьянин, живший в тягчайшей крепостной неволе, сохранил в себе литовскую народность.

Угнетение и эксплуатация польским дворянством крепостных крестьян-литовцев, не ослабели и с переходом Литвы под власть русского государства. Лишь в 1861 году ему наступил конец, когда в царствование Александра II совершено было освобождение крестьян в России, в том числе и в Литве.

В отличие от великорусского земельного строя, от великорусской поземельной общины, здесь, наоборот, надел каждого отдельного крестьянина признавался его собственностью и подворное землепользование стало основой крестьянского хозяйства. Вследствие этого, развитие крестьянского хозяйства здесь пошло более успешно, чем в великорусских областях, где сельская община значительно парализовала развитие сельского хозяйства.

Правда, до новейшего времени царское правительство сознательно обессиливало в хозяйственном отношении Литву, оставляя ее в запущенном состоянии. Такая политика имела целью обуздать польский элемент, неоднократно подымавшийся против российской короны, вовлекая в восстание и находившихся в его власти литовских крестьян. Ввиду этого русское правительство провело целый ряд административных и законодательных мер, вызывавших в населении величайшую неприязнь ко всему русскому. Так, напр., многочисленные имения, принадлежавшие католической церкви и польским помещикам были конфискованы государством и предоставлены в распоряжение царя. Из этих имений царем образованы были майораты, которые раздавались его фаворитам, высшим русским чиновникам и генералам, с обязательством для новых владельцев жить в них, не сдавая имений в аренду и способствуя таким путем руссификации края. Потом, в 70 годах прошлого века, остальная часть этих конфискованных земель была ликвидирована путем распродажи имений — с торгов на очень выгодных условиях. При этом специальной инструкцией воспрещалось участие в торгах русско-подданных католического вероисповедания. Инструкция имела ввиду, конечно поляков; но, так как и литовцы были католического вероисповедания, то и они были лишены возможности принять участие в свободном соревновании за обладание родной землей. Таким путем крупные конфискованные имения перешли в русские руки и в руки людей чуждых местному краю. Одновременно с

этим издано было запрещение для поляков приобретать имения, а крестьянам воспрещена была покупка земельных участков размером свыше 70 гектаров. Таким образом, литовцам, составлявшим крестьянство края, воспрещалось землевладение в более крупных размерах. Но, кроме того, русским правительством не было предпринято никаких шагов для развития сельского и вообще народного хозяйства. Народное образование было низведено на самую нискую ступень, причем воспрещалось под угрозой высоких штрафов даже печатание и ввоз литовских книг, а, с другой стороны, и русских школ почти не вводилось. Католические церкви и ксендзы подвергались самым тяжким преследованиям со стороны русского правительства. Этим об'ясненяется то обстоятельство, что, как ни мало заботился польский помещик об улучшении положения литовских крестьян и своих батраков, общий гнет, под которым стонал и помещик и литовский крестьянин, как и общая католическая религия, об'единяли помещика и крестьянина общей ненавистью к русскому угнетателю.

Численность населения литовской республики, в границах ее указанных выше, с большим трудом поддается определению. Статистические данные, исходящие из разных источников, чрезвычайно резко расходятся между собой. Согласно данным русской статистики число жителей населяющих область нынешней Литвы определялось на 1 января 1914 года приблизительно в 2 с половиной миллиона человек, из которых около 75% составляли литовцы, 10% — евреи, 7% — поляки, 3,5% — немцы, 3% — русские и белоруссы, 1,5% — латыши. Для настоящего времени цифра эта, в результате тяжких лет мировой войны, должна быть уменьшена, пожалуй, на 10%, так что в среднем на 1 кв. километр придется около 45—50 жителей, всего, следовательно, от 2,25 до 2,50 миллионов человек. Из этого числа около 15% жило в городах и базарных местечках и 85% в деревнях. Площадь удобных земель по данным министерства земледелия, фигурировавшим на выставке в Ковно в 1922 году, составляла в 20 уездах 4.943.000 гектаров, из которых 49,1% приходилось на пахотную землю в различных уездах распределенную неравномерно. В то время, как Вильковышский уезд, напр., с его превосходной суглинистой почвой, располагал 68,5% пахотных земель, Трокский уезд с его тощей лесистой почвой имел всего лишь 32,2% пашни. Леса составляют 16,9% площади страны, а в отдельных уездах распространенность лесов, естественно, колеблется весьма значительно; так, напр., Трокский уезд имеет 41,4% леса, а Вильковышский всего лишь 5,4%. — Луга составляют 14%, пастбища 12%, невозделанная земля 8%. Из данных приведенных выше явствует крайняя бедность Литвы лесом: в ней меньше лесов, чем в самой бедной лесом прусской провинции, Восточной Пруссии — с ее 17% площади лесов. Большие лесные пространства, так назыв. «литовская пуща»,

как виленская лесная область, августовский лес, гродненский лес, — все они отошли к Польше. Но на литовской стороне остались зато превосходные, очень ценные в сельскохозяйственном отношении почвы, на которых развивалось, после освобождения от крепостной зависимости, литовское крестьянство. Литовские крестьяне, освобожденные указом Александра II 19 февраля 1861 года, получили в собственность 45% площади Ковенской губернии за очень умеренную выкупную плату казне, между тем как 48,3% ее остались в частном владении, — главным образом, в руках дворянства — 5,8% в собственности государства, а 0,5% в руках разных владельцев. К этим 45% за время до начала войны присоединилось еще 5% земель приобретенных крестьянами от частных владельцев при помощи крестьянского земельного банка, так что землевладение крестьян составляло половину всей площади страны. Более 90% этой площади составляли крестьянские хозяйства размером свыше 10 гектаров и менее 10% приходилось на хозяйства меньше 5 гектаров. Подобным же образом распределялось землевладение и в неболшой части прежней Виленской губернии вошедшей в состав нынешней Литвы; еще более благоприятным было это распределение на богатых почвах левого берега Немана в прежней Сувалкской губернии, где в прежних уездах Владиславовском, Вильковышском, Мариампольском и Кальварийском крестьяне владеют более 60% всех земель. Средний размер крестьянских хозяйств на левом берегу Немана, равный 11 гектарам меньше чем на правом берегу, где средний размер хозяйства равен 6 гект. В то время как на левом берегу Немана все таки около 30% всех крестьянских хозяйств представляют собой карликовые хозяйства размером менее 5 гектаров, на правом берегу хозяйства менее 5 гектаров составляют едва ли 5% всех хозяйств. По данным министерства земледелия представленным на выставке 1922 года во всех 20 уездах Литвы находилось 240.000 самостоятельных хозяйств, которые распределялись следующим образом:

Из всех самостоятельных хозяйств были размером:

до	11	гектаров	31,4%
от 12—	22	„	50 %
от 23—	33	„	12,2%
от 34—	44	„	2,8%
от 45—	55	„	0,7%
от 56—	100	„	1,45%
свыше	100	„	1,45%
		Итого	100%

Если принять во внимание, что почти все крестьянские земли представляют собой удобные земли, между тем как леса и невозделанные земли принадлежат в большинстве случаев к площади не-

крестьянских земель, то экономическую основу литовского крестьянства и его социально-политическую группировку после освобождения в 1861 году придется признать в общем благоприятными.

Тем не менее, крестьянское хозяйство было безнадежно прикована благодаря черезполосице к трехпольному хозяйству; только там возможен был переход к лучшим методам хозяйства, где удавалось освободиться от черезполосицы, соединив свои участки в хуторские владения. Поэтому крестьяне тотчас по освобождении стремились выйти на хутора повсюду, где это было возможно. Так было на левом берегу Немана, но и на правом берегу уже вскоре по освобождении крестьян значительная часть хозяйств размежевалась на основе добровольного соглашения. Побудительным стимулом к этому послужили хуторские хозяйства соседней Курляндии и восточной Пруссии, успешное развитие которых вызвало соревнование литовского крестьянина. Затем, в последнем десятилетии перед войной, к этому присоединилось также влияние аграрных мероприятий Столыпина. Сам Столыпин был землевладельцем Ковенской губернии. Владея имением вблизи Курляндской границы он неоднократно имел случай убедиться в крупных успехах крестьянского хозяйства у латышей, наблюдая превосходные хутора курляндских крестьян. Поэтому им было оказано особенное содействие Ковенской губернии, в которой с 1907 по 1913 год, следовательно, в течение 6 лет, 20% всего наличного числа крестьянских хозяйств было превращено в хуторские. Согласно оффициальной переписи в 1905 году число крестьянских дворов в Ковенской губернии составляло 110.400; из этого числа 22.920 дворов в течение упомянутых 1907—1913 г. г. было переведено на отрубное землепользование.

Но, так как литовския области, благодаря политике правительства, не обнаруживали за время с 1863 года до начала столыпинской реформы никакого прогресса ни в смысле перехода к интенсивным формам хозяйства в земледелии, — за самыми малыми исключениями — ни в смысле развития промышленности, то растущее население ее, несмотря на благоприятное распределение землевладения, не могло прокормиться и найти заработка. Если заработная плата сельскохозяйственных рабочих уже до войны была ниже в Литве, чем в соседних с нею Курляндии и восточной Пруссии, то и цены на предметы продовольствия были ниже и потребностей было меньше, ввиду более резко выраженного натурального характера хозяйства, и производительность труда была ниже. На помещичьих землях хозяйство также велось экстенсивное, почти повсюду страдая от недостатка как оборотных средств, так и сельскохозяйственных знаний. Вследствие этого не производилось в достаточной мере осушительных и мелиоративных работ на обширных пространствах болот покрывавших страну. К этому присоединились также и недостаток дорог, и отсутствие помощи со стороны

государства. Города, при отсутствии промышленности, не могли предоставить занятий избыточному земледельческому населению. Вследствие этого чувствовался сильный земельный голод, потребность в собственном клочке земли; а так как потребность эта не могла быть удовлетворена, то началось массовое переселение в Америку. Число переселенцев не поддается точному учету, но по имеющимся данным число литовцев в Америке составляет около 500—800 тысяч и, надо полагать, что по ту сторону океана живет, наверное, не меньше полумиллиона литовцев, еще не вполне утративших связь со своим народом. Точто также и в Ригу с ее большой индустрией пересилилось много литовцев. Вообще Латвия с ее недостаточным населением предоставляла литовцам много возможностей работы в имениях и крестьянских хозяйствах, оплачивавшейся гораздо лучше, чем на их родине. Напротив, Польша и Белоруссия не ощущали никакой потребности в чужой рабочей силе. Безземельные и малоземельные литовцы не шли на отхожие заработки в качестве сезонных рабочих, как поляки из Царства Польского или Галиции; они или перебивались у себя на родине или совсем эмигрировали.

Первая великая революция, потрясшая царскую Россию до основания, не вызвала в Литве никаких особенных движений, несмотря на то, что там со времени освобождения крестьян зародилась сознательная вражда к господствующему польскому элементу. Своих вождей это настроение нашло в лице национального духовенства, вышедшего из рядов литовского крестьянства, ставшего в сознательную оппозицию к польскому духовенству, с которым оно при случае вступало в большие споры. Теперь, после революции 1905 года, литовцы получили право печатать и писать на родном языке; начало сказываться и влияние столыпинского аграрного законодательства, при чем не только в форме выхода на отруба и хутора, но и в форме увеличения крестьянского землевладения при содействии крестьянского земельного банка. В Литве, как и по всей России, также было открыто отделение государственного земельного банка. При отсталости хозяйственного развития края банку легко удалось скупить по дешевой цене много задолженных больших имений, почвенные условия которых были чрезвычайно подходящи для разверстания на крестьянские участки. Такою земельной политикой правительство могло бы завоевать себе большую популярность в Литве; но вскоре оказалось, что петербургское правительство имеет в виду лишь руссификацию края, а не увеличение наделов безземельных литовцев. Купленная банком земля была отдана русским крестьянам, привезенным из внутренних губерний с целью руссификации края. Чувствуя свое превосходство перед русским крестьянином во всех отношениях, литовский крестьянин должен был видеть, как родные ему земли за бесценок

переходят в чужие руки, в то время как он сам не может получить ни клочка земли. Начавшаяся война положила конец этой затее.

После разгрома Германии в мировой войне возникла — вначале поддерживаемая германскими оккупационными властями — Литовская республика в ее нынешнем виде. Много опасностей угрожало молодому государству: Литва опасалась враждебных замыслов со стороны восточного соседа; равным образом, тревожили ее недвусмысленные намерения Польши; и, наконец, на севере республики под предлогом борьбы с большевиками образовалось так называемое западно-русское правительство с Бермонтом-Аваловым во главе, поддерживаемым его единомышленником Вирголичем. Вокруг Бермонта об'единились российские реакционеры всех лагерей, а генерал фон-дер-Гольц, начальник германских войск, поддержавший балтийское народное ополчение в борьбе за освобождение Латвии, оказал содействие попытке русских реакционеров восстановить царское правительство. Вскоре, однако же, фон-дер-Гольц был отозван германским правительством, а большинство немецких войск не примкнуло к предприятию западно-русского правительства. Войска оставшиеся верными Германии ушли в конце 1919 года из Литвы, которой пришлось создавать теперь собственное войско для защиты своей территории. Для добровольцев, поспешивших, в первую очередь, встать в ряды этой армии, равно как и для всех призванных под знамена национальным учредительным собранием были изданы уже 3 и 14 августа 1920 года аграрные законы, которые должны были вознаградить солдат и членов их семейств за службу на пользу отечества. В первую очередь закон имел в виду увечных, инвалидов, родственников павших; во вторую очередь шли все прочие солдаты после увольнения их со службы; в третью очередь принимались во внимание — если оставалась еще земля — нужды всех прочих безземельных и малоземельных. Малоземельными закон считает всех крестьян, владеющих не более чем 10 десятинами земли. Разделу подлежат: 1) государственные земли, находящиеся в распоряжении правительства; 2) принудительно отчужденные земли частных собственников, причем отчуждению подлежат: при обладании земельной собственностью размерами от 300 до 800 десятин — до 15%, а при владении свыше 800 десятин — до 30%. Комиссия по отчуждению земель возглавляемая мировым судьей, состоит: из 1 представителя министерства земледелия, 1 представителя уездного земства. Апелляционной инстанцией является верховная земельная комиссия, состоящая: из министров земледелия, внутренних дел, военного и министра юстиции, являющегося в то же время председателем комиссии. Отводимые в надел участки распределяются на три класса: 1) от 8 до 12 десятин; 2) от 12 до 16 и 3) от 16 до 20 десятин. Колонисты — б.-солдаты получают сверх того, — 100 бревен и 80 пудов семян

в виде вспомоществования от государства. Вопрос о размерах возмещения за отведенные участки и порядке рассчетов с собственниками, земли которых подверглись отчуждению, подлежат решению учредительного собрания.

14 августа были опубликованы основныя положения земельной реформы в Литве, в силу которых отчуждаются в пользу Литовской республики: а) все леса с площадью свыше 25 десятин, равно как все водные пространства, все болота и топи, и, наконец, все недра земли и минеральные источники; б) имения майоратные и прочие имения, которые были подарены русским царем и его правительством отдельным лицам и учреждениям в Литве или которые приобретены были на льготных условиях такими лицами.

Радикальный характер этих положений находит свое психологическое об'яснение в том гнете, которому подвергался литовский народ со стороны русского правительства. По мнению, пользовавшемуся всеобщим признанием в литовском народе, эти майоратные владения и те имения, которые позднее на основании особых распоряжений государя были проданы на льготных условиях в чужие руки (из участия в торгах исключались католики), были насильственно отняты у местного земледельческого населения и служили целям руссификации края и насаждения православия.

К этому прибавилась еще оставившая печальную память практика крестьянского земельного банка в течение последних лет перед войной. Деятельность банка вызвала к себе такую ненависть, что безвозмездное отчуждение русских владений даже в глазах образованных и об'ективно-мыслящих политических деятелей Литвы представлялось естественным возвратом некогда заграбленной собственности. Не пользовалось одобрением широких кругов отчуждение инвентаря, представлявшего как никак несомненную собственность владельцев. Очень неудачной была идея отчуждения лесов, водных пространств и болот, так как, благодаря этому использование водяной силы, и осушка болот значительно затормозились. Государство не располагает для этого ни средствами, ни специальными техническими силами. Поэтому сейчас, ни в той, ни в другой области нчего не делается. На основании опыта, который мы имели до сих пор, можно сказать, что леса благодаря отчуждению, прямо таки отданы — на поток и разграбление. Государственное управление лесами Литвы представляет очень грустное зрелище. Лесничие, как старшие, так и младшие, ни в каком смысле не обладают достаточной специальной подготовкой. Продажность и подкуп развиты в чрезвычайных размерах. Но хуже всего то, что каждая литовская деревня, по собственному усмотрению, эксплуатирует соседний лес, и горе лесничему, который вздумает противиться этому, — в кратчайший же срок он увольняется, как враг народа, ибо на него тотчас же

посыпется дождь обвинений. Скот пасется во всем лесу; никакая посадка не гарантирована от потрав. Большие пространства выжженного леса составляют, приблизительно, около 20% общей лесной площади. При этом для государственных нужд расходуется гораздо больше леса, чем это позволяет естественный прирост. В то время, как в течение трех лет германской оккупации, с 1915 по 1918 год, было вырублено годовое количество прироста, т. е. около одной трети того, что, при рациональном лесном хозяйстве можно было бы вырубить — в течение первых четырех лет существования литовской республики (с 1918 по 1922 г.) было несомненно вырублено в три и даже в пять раз больше того, что при бережном отношении к лесу позволительно было вырубить. К этому нужно добавить еще то, что сами крестьяне ежегодно берут из лесу, т. е. попросту воруют, а это количество даже превышает количество извлекаемое государством. При этом в 1923 году, для восстановления бюджетного равновесия, предполагались снова крупные лесные заготовки, превышающие годовой прирост. Если и дальше дело будет итти таким же образом, то через десять лет в Литве не останется лесов. Если по площади лесных пространств Литва беднее лесом, чем восточная Пруссия (16% против 17% в восточной Пруссии), то по количеству древесной массы она едвали обладает 20 процентами того, чем располагает восточная Пруссия: настолько основательно похозяйничали в литовских лесах. Новое правительство и новый министр земледелия должны будут приложить все силы к тому, чтобы изменить этот порядок вещей. В противном случае осуществление колонизации будет поставлено под вопросом — из за недостатка строевого леса.

В силу упомянутых выше законадельных актов подвергалось разделу 114 имений или их частей — по большей части майоратные владения разрушенные в годы войны — из которых было образовано 1.830 отдельных хозяйств, занимающих площадь в 28.065 гектаров, при чем средняя площадь отдельного хозяйства составляет 15,3 гектаров. Основательное детальное обследование 10% этих хозяйств дает право автору настоящего очерка высказать свое мнение о способностях литовского крестьянина — в качестве колониста. Литовский крестьянин превосходно умеет обращаться с топором и пилой, он самостоятельно умеет построить свой незатейливый дом для жилья и хлев для скота; и каждый крестьянин умеет самостоятельно вывести красивую соломенную крышу. Все колонисты, за совершенно единичными исключениями, являются сельскохозяйственными рабочими и крестьянами; за исключением некоторых сыновей крупных крестьян (20 гектаров и больше), все остальные были сыновьями малоземельных, безземельных или же средних (10 — 20 гектаров) крестьян. Почти все они, при подаче заявлений о наделении землей, были холостыми, но в первый же год ведения хозяйства все почти или женились или на-

ходились накануне свадьбы или же сватались. Большинство из них сами обладали кое каким живым и мертвым инвентарем; но сравнительно крупную прибавку инвентаря и оборотного капитала принесло им приданое жены. Застройке участков очень много способствовала помощь, оказываемая колонисту, как его родственниками, так и родственниками его жены: либо одалживали лошадей для подвозки строительного материала из лесу, либо подсобляли при самой стройке. Так как колонисты в первые годы ничего не должны платить за землю, то они обыкновенно в первый год часть земли сдавали в аренду соседям, за что последние помогали им при обработке участка и застройке его. Нет никакого сомнения, что колонизация эта должна быть признана успешной во всех отношениях. Она несомненно укрепит положение литовского крестьянина. Это будет иметь благоприятные последствия не только с точки зрения колонизационной и национальной полититики, но и с точки зрения народнохозяйственной, если только хватит средств на введение более современных методов хозяйствования.

Почти все участки были предоставлены б. воинам или их семьям; только единичные участки были отданы малоземельным. В том же 1921 году было разверстано еще 118 имений и распределено между 1.391 б. воинами и безземельными крестьянами. Общая площадь розданных участков составляла 18.506 гектаров, а средний размер каждой парцеллы 13,3 гектаров. Кроме того, 558 малоземельных крестьян, живших в деревнях смежных с отчужденными имениями, получили всего 3.668 гектаров или, в среднем, по 6,5 гектаров. Эта парцелляция производилась на основании августовского закона 1920 года.

Тем временем обсуждение аграрного законопроекта в учредительном собрании подвигалось вперед и, в конце концов, проект был принят и получил законную силу. Если закон этот (от 29-го марта 1922 года) бесконечно более радикален, чем августовский закон 1920 года, то об'ясняется это тем невероятным озлоблением, которое вызвано было во всей Литве и в учредительном собрании вторжением польских добровольческих отрядов под начальством Желиговского в Виленскую область, благодаря чему у Литвы были отторгнуты Польшей Виленская область и некоторые пограничные пункты на юге вдоль польской границы. В набеге Желиговского приняли участие многие поляки из Литвы, ввиду чего возникло вполне правильное предположение, — тем более правильное, что в этой борьбе против Литвы приняли участие многие из крупных землевладельцев — что эти лица хотят вообще воспрепятствовать аграрной реформе и, кроме того, подчинить Литву владычеству Польши. Это оказало столь сильное влияние на членов учредительного сейма, что они немедленно внесли в текст аграрного закона пункт о том, что лишается прав на землю всякий,

кто учавствовал в походе Желиговского, у всех же владельцев имений и земель, участие коих в этом деле будет доказано, имущество конфискуется, как у государственных изменников. Этот же пункт был применен и к лицам, имевшим отношение к делу Бермонта-Авалова или к его помощнику Вирголичу. На основании этого пункта был конфискован целый ряд имений, владельцы которых были заподозрены в участии в анти-литовских замыслах и не могли или не желали очистить себя от подозрений. Бесспорно, на этой почве было не мало злоупотреблений, но это не могло бы иметь места, если бы, действительно, не были заодно с Желиговским широкие польские круги в Литве. Поэтому, окончательная формулировка закона была такова, что крупное землевладение захватывалось им в гораздо более широких размерах, чем прежде. Так, напр., вместо того, чтобы щадить имения до 300 гектаров, как это делал августовский закон, теперь отчуждению подлежали все имения, и в пользовании помещика оставлялось максимум 80 гектаров.

Вознаграждение за отчужденные земли должно исчисляться по средним ценам пятилетия 1910 — 1914 г.г. в ост-марках (из расчета: 1 рубль мирного времени = 2 ост-маркам), при чем максимальная цена не должна превышать 480 марок, что при обесценении ост-марки составляет только часть пфеннига мирного времени. Только одно ограничение имеется в законе, состоящее в том, что имения с общей площадью до 150 гектаров поступают в раздел лишь после того, как все прочие имения уже разверстаны. Равным образом за землю этих имений (сверх 80 гект.), должно быть уплачено не по ценам мирного времени, а по рыночной цене дня. То же преимущество распространяется на имения с площадью до 200 гектаров, т. е. и у них также по цене мирного времени отчуждается лишь площадь которая превышает 150 гектаров, площадь же в 70 гект. (150 — 80) оплачивается по рыночной цене дня. Этим пунктом предохраняются от раздела имения размером до 150 гектаров. Принятие такого пункта об'ясняется, конечно, тем, что большинство таких имений находится в литовских руках. Крупное землевладение Литвы являющееся почти исключительно польским, пострадало от набега Желиговского в том отношении, что если раньше, по августовскому закону, от имений размером, скажем, в 800 гектаров отчуждалось для целей колонизации только 30%, то новый закон требует уже 90%. Правда, большое отличие литовского закона от латвийского и эстонского состоит в том, что владельцу предоставляется самому выбрать оставляемую в его владении землю.

Дальнейшим последствием набега Желиговского было постановление сейма о том, что отчужденные на основании августовского закона 1920 года леса и проч. оплате не подлежат, — мера, которая, об'ясняется тем настроением, какое вызвано было в ли-

товском народе утратой Виленской области. Весь закон, кроме того, проникнут как бы воспоминанием о былой несправедливости со стороны русского правительства. Первый же параграф закона устанавливает, что подлежат конфискации прежние русские владения, которые после 1 января 1863 года отчуждены были русским правительством у разных лиц и в целях руссификации края были переданы колонистам или другим лицам, — в случае, если эти земли управляются лицами их получившими или их наследниками. Так как таких лиц уже нет в живых, то речь идет о русских крестьянах, живущих в литовских деревнях во втором или в третьем поколении, при чем сомнительно и даже невероятно, чтобы эти крестьяне происходили из внутренних губерний России, почти с уверенностью можно сказать, что все они являются потомками белорусского населения самой Литвы, занимающего восточную ее часть, — а именно заселяющего сплошь всю смежную Виленскую область. — Точно также, как и русские майоратные имения, конфискуются все земли, которые были отданы православной церкви и церковным учреждениям, причем земли эти, поскольку они принадлежали в свое время католической церкви, снова возвращаются ей в размере до 80 гектаров площади (в размере установленном для «остаточных» имений). Равным образом, и прежние владельцы некогда конфискованных частновладельческих имений и земель получают обратно до 80 гектаров земель из своей прежней собственности.

Из всего этого с полной ясностью вырисовывается, какое сильное влияние на направление литовского закона о земельной реформе имели точка зрения национальная и вероисповедная. Влияние этих последних было гораздо сильнее, нежели социальный момент, который, в свою очередь, оттеснил соображения народнохозяйственного порядка. Тем не менее закон все же сохранил свой чисто-аграрный характер и цели чисто-внутренней колонизации, так как отчуждению подлежала только земля, все же промышленные предприятия, построенные владельцами земли не были отчуждены. Все фабрики, винокуренные и пивоваренные заводы, мельницы, кирпичные и лесопильные заводы и т. д. со всеми землями и приспособлениями, потребными для производства остаются во владении прежних собственников.

Согласно § 13 закона земля должна быть предоставлена «главе каждой безземельной или малоземельной семьи земледельческого работника или каждому лицу живущему самостоятельным трудом». Преимущество перед всеми прочими отдается тем крестьянам или лицам или их наследникам, у коих земля была отнята русским правительством после 1861 года. Однако же, упомянутые лица не могут получить более 80 гектаров. Во вторую очередь наделяются сельскохозяйственные рабочие, живущие в имениях подлежащих отчуждению и работавшие в них до войны. В следую-

щую очередь наделяются малоземельные, владеющие не более 10 десятин земли и живущие на землях смежных с отчуждаемым имением или ближайших от него. И, наконец, в последнюю очередь земля предоставляется арендаторам , если количество арендованной ими от имения земли не превышает 50 гектаров. Беззе-мельные получают от 8 до 20 гектаров, малоземельные — дополнительный участок до этой нормы. Деревенские ремесленники (кузнецы и проч.) могут получить от половины до двух гектаров.

Не могут получить земли иностранно-подданные и лица лишенные прав по судебному приговору. Лишь после наделения землей всех, кто имеет на то право, могут получить землю лица, незанимающиеся и не занимавшиеся земледелием. Из этих постановлений ясно, что землей могут быть наделены лишь те, кто непосредственно занимался земледелием. Для литовского гражданина недостаточно быть безземельным, чтобы получить землю; он должен также доказать, что земледелие было его промыслом. Поэтому закон этот не применяется в Литве к евреям, которые земледелием не занимались, так как российские законы не разрешали им этого.

Земля отдается колонистам за ренту, исчисленную в килограмах ржи. Рента эта вносится впродолжении 36 лет, при чем по желанию колониста—она может быть выплачена им и в более короткий срок. Первый взнос производится после 2-х лет ведения хозяйства, а для военных — после трех лет. Таким образом, в распоряжении колониста имеются 3, соответственно 4, льготных года, так как срок уплаты считается 1-ое декабря. Наделы по качеству почвы, делятся на 4 класса, каждый из которых в зависимости от местоположения опять таки распадается на два разряда. Ежегодная рента за 1 гектар составляет для 1-го разряда: в I классе — 60 килограмм, во II классе — 30 килограмм, в III классе — 15 килограмм и в IV классе — 7 килограмм ржи; для 2-го разряда рента составляет: в I классе — 50 килограмм, во II классе — 25 килограмм, в III классе — 12 килограмм и в IV классе — 6 килограмм.

В общем, классы II и III имеют преобладающее значение. Если их долю в лучшем и худшем разряде мы примем одинаковой, то получим средний размер ренты—ценность 20,5 килограммов ржи с 1 гектара земли. Это меньше половины центнера с гектара. Только за землю наивысшего качества и 1-го разряда рента составляет 1,2 центнера ржи; за землю невысокого качества 2-го разряда платят всего лишь 0,12 центнера. Воины-добровольцы могут в некоторых случаях получить землю совершенно безвозмездно.

К счастью для страны и ее хозяйства при третьем чтении закона некоторые асигнования подверглись сокращению. Между прочим, принято решение,что только лица военного звания получают от казны единовременное пособие в виде 100 бревен и 26,3

центнеров семенного хлеба. Это пособие считается беспроцентной ссудой на 10 лет; по истечении первых 5 лет должно быть приступлено к погашению ссуды. Не подлежит никакому сомнению, что литовские колонисты с'умеют в течение четырех льготных лет настолько устроить свое хозяйство, чтобы выплатить незначительный долг. Для лиц не-военного звания это пособие новым законом отменяется. Семена, конечно, колонист как-нибудь добудет путем займа у соседей или у торговца. В этом отношении три льготных года представляют собой крупный оборотный капитал в распоряжении крестьянина, а рента, которую по истечении льготного срока придется платить — не через-чур обременительна! Гораздо хуже обстоит дело со строевым лесом, но нет сомнения, что крестьянин добудет себе и лес; ему придется только в тех случаях, когда леса нельзя добыть в достаточном количестве легко и дешево окольными путями, перейти от чисто-деревянных построек, к строениям смешанного или масивного типа. Глина почти везде имеется в Литве для глинобитных построек. Между тем, благодаря небрежной охране лесов, каждый крестьянин, живущий не слишком далеко от леса, удовлетворяет все свои нужды в дереве «позаимствованиями» из леса. С другой стороны, — ввиду того, что в стране очень мало оборотного капитала, а оплата труда благодаря золотой валюте (1 доллар = 10 лит), значительно выше, чем в соседних странах с ниской валютой, — здесь не может развиться даже такая чисто-местная промышленность, как напр., кирпичное производство; поэтому, несмотря на высокий фрахт гораздо дешевле обходится привозить кирпичи из восточной Пруссии и Латвии, нежели покупать их на месте. Этим обстоятельством, наряду с легкой возможностью пользования лесом, об'ясняется то, что несмотря на энергичную колонизаторскую деятельность, бедность страны лесами и наличие повсюду превосходной глины, все постройки — деревянные!

Большое значение имеют также те статьи закона, согласно которым по требованию $^1/_3$ домохозяев деревни должен производиться переход к отрубному землепользованию с устранением чересполосности. Для этого, следовательно, уже не требуется согласия большинства!

Наблюдается всеобщее стремление деревенского населения к устранению чересполосицы, и правительство всемерно идет навстречу этому стремлению. Оно приняло меры к максимальному увеличению числа землемеров устройством специальных курсов и уже в 1919 году было размежевано 27 деревень и 640 отдельных дворов с площадью земли в 8.621 гектар, в 1920 году — 59 деревень с 1.158 хозяйствами и земельной площадью в 15.480 гектаров, а в 1921 году — уже 165 деревень с площадью в 53.546 гектаров. Эта деятельность чрезвычайно усилилась в 1922 году и за последнее время было сделано свыше 700 заявлений о разверстании на

отруба. При деревянных постройках с соломенными крышами раздел хозяйств, даже выход на хутора не представляет затруднений, поскольку речь идет о переносе строений, так как последние очень легко разбираются и столь же легко могут быть собраны вновь. — 1922 год внес известный перерыв в колонизаторскую деятельность, так как в этом году, после принятия закона об аграрной реформе, нужно было сперва создать соответствующий исполнительный орган, который принял-бы все дела прежних отделов министерства земледелия, ведавших на основании августовского закона 1920 года колонизацией воинских земельных наделов. С 1923 года новый аппарат полностью развил свою деятельность, и в этом году им было отчуждено для целей колонизации свыше 100.000 гектаров.

Во главе всего аппарата стоит президент центрального колонизационного управления, ближайшими сотрудниками которого являются председатели различных отделов, — всего четверо. В ведении этого центрального органа находятся все дела связанные с колонизацией: проекты заселения, управление отчужденными имениями, распределение земель, их размежевание, мелиорации почвы, постройки, назначение покупной цены, заключение договоров, финансирование колонизации, взимание ренты, рассчеты с помещиками за отчужденные земли и т. д. Центральному управлению подчинены уездные органы под руководством уездного землеустроителя (земельного инструктора), как называется этот чиновник. При нем состоят три депутата уездного земства. В сферу ведения уездных управлений входит отчуждение земель, подготовка необходимых для этого планов, принятие в свое ведение отчужденных владений, разработка проектов оценки отчужденных имений, составление кандидатских списков колонистов, равно как все прочие дела порученные ему Центральным Управлением. Так как в каждом уезде имеется около 15 волостей (Valdcius), то в каждой из них организована волостная земельная комиссия, подчиненная уездной комисси. Эти волостные комиссии состоят из председателя, назначаемого уездной комиссией и четырех членов избираемых уездным комитетом. Кроме того, на заседаниях комиссии вправе присутствовать волостной землемер или его заместитель. Волостная комиссия а) вносит предложения о землях подлежащих отчуждению; б) составляет по-волостные кандидатские списки колонистов; в) выполняет все возложенные на нее работы. Решения этих комиссий имеют законную силу, если приняты в присутствии двух ее членов и председателя. Решения уездной комиссии могут быть в течение двух недель обжалованы заинтересованными сторонами перед центральным органом, утверждение которого требуется для всех решений уездных комиссий.

С помощью этого аппарата имеется ввиду в течение пяти лет разверстать и заселить все земли подлежащие заселению.

За недостатком надежных статистических данных нельзя сказать с уверенностью, сколько именно земли отойдет под колонизацию. Во всяком случае площадь ее должна перевысить 500.000 гектаров.

Колонист, вступающий в обладание своим участком, заключает с уездным землеустроителем, на основании распоряжения министерства от 17 сентября 1922 года, договор в следующем: землеустроитель предоставляет колонисту из перешедшего в государственную собственность имения, принадлежавшего ранее помещику X. и находящегося в волости Z. уезда У., участок земли, площадь и межи которого указаны в прилагаемом плане. — За это колонист обязуется уплачивать соответствующую «ржаную» ренту. Если рента не будет уплачена к соответствующему сроку, она, подобно всякому не-внесенному в срок налогу, подлежит незамедлительному взысканию. Колонист обязуется в течение 8 лет полностью пустить хозяйство в ход, причем в договоре указывается подробно, что следует разуметь под этим (озимые посевы, строения и т. д. и т. д.). По истечении 10 лет он свободен от всяких ограничений, — т. е. может, по собственному усмотрению, сдать свою землю в аренду или продать ее. — Окончательный договор колонист получает в том случае, если он до этого времени исправно вносил свои платежи. — Недостаток этого во всем остальном вполне приемлемого договора заключается в том, что он не окончательный, а лишь предварительный договор, заменяемый окончательным только после того, как колонист в течение ряда лет исправно выполнял свои обязательства. Это обстоятельство вносит тягостный элемент неуверенности и необеспеченности. Люди говорят себе, что правительство, очевидно, и само еще не вполне уверенно в правомерности своего акта, если заключает лишь предварительные договоры, в которых, точно зловещее предостережение, еще содержится имя прежнего владельца, у которого правительство отняло землю безвозмездо. Крестьяне, может быть, охотнее взяли бы эти земли непосредственно от самого прежнего владельца их и охотнее заплатили бы за землю гораздо более высокую цену, если бы только они сейчас же могли получить и окончательный нотариальным порядком утвержденный договор. — Притом в Литовской республике не существует земельного кадастра, внесение в который служило-бы твердой юридической гарантией для нового собственника.

Построение колонизационных органов передает в руки самих сельских обществ как инициативу при отчуждении земель для целей колонизации, так и отбор колонистов. Так как в сельских обществах, естественно, имеется гораздо больше лиц нуждающихся в земле, чем можно удовлетворить наличным колонизационным фондом, то вполне понятно, что наплыв желающих получить землю велик, и власти завалены работой по распределению земель. При

низком образовательном уровне сельского населения и продажности чиновников в большинстве своем происходящих из прежнего русского чиновничества, необходимо считаться со многими неправильностями и во многих случах с актами прямого произвола. Тем не менее, средний уровень массы колонистов стоит настолько еще высоко, и в отношении ведения хозяйства и в отношении образа жизни, и землю получают они на столь льготных условиях (три льготных года, ниская рента), что в успехе колонизации отнюдь не приходится сомневаться, как это часто можно слышать со стороны поверхностных наблюдателей, ставящих успех ее под вопрос, как ввиду недостатка капитала у колонистов, так и ввиду неспособности их. Колонист по-прежнему получает участок земли достаточный для самостоятельного крестьянского хозяйства; почвенные условия, в среднем, превосходны; затраты капитала на приобретение земли не требуется; первые 3 — 4 льготных года в действительности означают субсидию такой ценности, которая в огромной мере повышает кредито-способность колониста и, таким образом, представляет собой крупное вспомоществование для обзаведения инвентарем и строениями. Все это — обстоятельства такого рода, которые отодвигают на задний план, как второстепенный, вопрос о финансировании колонизации в этой стране бедной капиталами. Фактически колонизация уже финансирована путем предоставления колонисту трех льготных лет, легкости добывания леса и т. д. и т. д. Если же в сейме ломают себе голову над вопросом финансирования колонистов и, в связи с этим, создания ипотечных банков, то это не столько отвечает действительной потребности сколько стремлению местных правящих кругов к начальственно-попечительной деятельности и погоне политических партий за популярностью. Так как земельного кадастра не существует и, с точки зрения юридической, во всех делах земельной собственности царит полнейшая неясность, то заграничный капитал не решится приобретать облигации ипотечного банка, обеспеченность которых в высшей степени сомнительна. В самой же Литве не имеется капиталов, которые искали бы помещения в закладных листах! Так как аграрная реформа и в хозяйственно-техническом и в аграрно-политическом отношении разбила всю земельную площадь страны на крестьянские хозяйства — причем средний размер их в большинстве случаев составляет 15 гектаров — то естественной формой организации кредита для такого рода хозяйств являются кредитные товарищества. Организация таких товариществ и должна бы быть важнейшей задачей всех подлинных патриотов и разумных «хозяйственников» страны. К сожалению, в этой области сделано до сих пор очень мало, а со стороны правительства товариществам до сей поры оказывалось мало содействия. Повидимому, все-же, мало-по-малу завоевывает себе право гражданства

мысль о том, что без энергичного вмешательства в эту область дело дальше итти не может.

Не может быть никокого сомнения, что аграрная реформа означает для Литовской республики чрезвычайное усиление литовского народа и укрепление крестьянства, каковое обстоятельство и с национальной и с социальной точки зрения не может быть достаточно высоко оценено. С народно-хозяйственной точки зрения, однако, аграрная реформа, упразднив все крупные хозяйства, нанесла тягчайший ущерб развитию сельского хозяйства страны в целом. Можно быть далеким от мысли, будто большинство ликвидируемых крупных имений были образцовыми хозяйствами и, тем не менее, нельзя не констатировать, что в безграмотной стране, с столь отсталой сельскохозяйственной техникой и во всех отношениях устарелыми и нецелесообразными методами ведения хозяйства, крупные имения все же представляли собою те экономические двигатели, которые вносили прогресс в сельское хозяйство страны: семенное хозяйство, разведение улучшенных пород скота, применение сельскохозяйственных машин и искусственного удобрения и т. д. — все это исходило от крупных имений.

Не следует забывать, что несмотря на лучшие, в среднем, почвенные условия, чем в восточной Пруссии, и несмотря на более густое сельское население, Литва получает с моргена земли едва лишь половину того, что в среднем производит восточная Пруссия. Если принять во внимание, что из всех провинций Пруссии, восточная Пруссия является наименее развитой, то станет ясно, как велика отсталость сельского хозяйства Литвы. Его поднятие является вопросом жизни для литовского государства; в успешном его разрешении заключается то содействие новоселам, в котором они нуждаются больше всего.

Если предстоят тяжелые времена вообще для сельского и народного хозяйства Литвы, а, следовательно, и для вновь наделенных крестьян, то это не является следствием аграрного закона и обусловленного им перехода помещичьих имений в собственность, но вызвано общим хозяйственным и политическим положением, в котором очутилось литовское государство после введения у себя золотой валюты, прямо - таки отрезавшей его от сбыта в соседние страны и, прежде всего, в Германию. К этому присоединяется таможенная политика, до крайности отягощающая сельское хозяйство вывозными и ввозными пошлинами, и, далее, налоговая политика, имеющая те же последствия. С другой стороны, не предпринимается никаких мер для развития и преуспеяния сельского хозяйства. Для этого отсутствуют совершенно и научные, и материальные силы, а привлечению иностранных сил противится растущий шовинизм. Кроме того, значение имеет еще то обстоятельство, что — дважды в течение короткого времени — сельское население потеряло свои сбережения, благодаря гибели русской и

германской валюты. Короче говоря, успехи колонизации Литвы будут зависеть не от аграрного законодательства, но от дальнейшего развития литовского государства вообще. Если не удастся оживить вывоза, то сельское хозяйство Литвы существовать не может и, следовательно, колеблются устои существования и литовского государства. В течение длительного времени невозможно содержать на доходы с пошлин и налогов обедневшую аграрную страну с балансом пассивным в такой мере, в какой, к сожалению, это имеет место в Литве со времени введения в ней золотой валюты. Существует лишь одно средство для спасения хозяйства Литвы и вместе с ним ее внутренней колонизации. Это средство состоит в оживлении экспорта продуктов сельского хозяйства и в содействии развитию последнего, равно как и в его интенсификации. В этом заключается для Литвы все. В этом же заключается и единственная помощь, какая нужна литовскому колонисту; со своим собственным клочком земли он сам управится; он обладает всеми хорошими качествами крестьянина; нужно лишь только их поддерживать и развивать.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]